

Федеральное агентство по образованию

**Волгоградский государственный
педагогический университет**

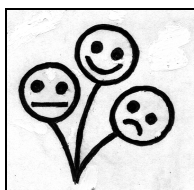
**Воронежский государственный
университет**

**Научно-исследовательская
лаборатория
«Аксиологическая лингвистика»**

**Межрегиональный центр
коммуникативных
исследований**

АНТОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ

Том 4

**Волгоград
«Парадигма»
2006**

ББК 81.0 + 81.432.1

А 21

Научные редакторы -

доктор филологических наук, профессор В.И. Карасик,
доктор филологических наук, профессор И.А. Стернин.

Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика,
И.А. Стернина. Том 4. Волгоград: Парадигма, 2006. –
358 с.

А 21

ISBN

Антология концептов представляет собой словарь нового типа – концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении. В основу книги положены диссертационные исследования, посвященные концептам – сложным ментальным образованиям, воплощенным в различных языковых единицах на материале русского, башкирского, калмыцкого, китайского, английского, немецкого, французского языков.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих проблемы когнитивной лингвистики, культурологии и межкультурной коммуникации.

ББК 81.0 + 81.432.1

© Редактирование. В.И. Карасик, И.А. Стернин, 2006.

© Коллектив авторов, 2006.

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

Концепты

Время	<i>З.М. Дударева (Уфа)</i>	6
Семья	<i>Н.Н. Рухленко (Белгород)</i>	39
Успех	<i>Н.Р. Эренбург (Воронеж)</i>	50
Деньги	<i>И.А. Майоренко (Краснодар)</i>	
Материальное богатство	<i>Т.Н. Новоселова (Владивосток)</i>	
Победа и Поражение	<i>Т.Г. Смотрова (Таганрог)</i>	
Застолье	<i>Ма Яньли (Волгоград)</i>	
Кочевье	<i>Ж.Н. Церенова (Элиста)</i>	
Родина	<i>Д.А. Кожанов (Барнаул)</i>	
Германия	<i>Р.Д. Керимов (Кемерово)</i>	
Германия	<i>О.А. Куданкина (Кемерово)</i>	
Социальный протест	<i>И.Л. Лебедева (Владивосток)</i>	
Порицание	<i>О.А. Евтушенко (Волгоград)</i>	
Обвинение	<i>Ю.Г. Соловьева (Иркутск)</i>	
Конфликт	<i>Е.Н. Ермолаева (Иркутск)</i>	
Спор	<i>Е.Н. Горбачева (Астрахань)</i>	
Брань	<i>С.С. Катюков (Воронеж)</i>	
Услуга	<i>М.В. Прищепенко (Волгоград)</i>	
Гарантия	<i>Н.С. Федотова (Астрахань)</i>	
Футбол	<i>М.В. Малинович,</i> <i>Н.И. Свистунова (Иркутск)</i>	
Вода	<i>Т.И. Бадмаева (Элиста)</i>	
Цветок	<i>А.И. Молоткова (Екатеринбург)</i>	

ВРЕМЯ

Исследование посвящено контрастивному исследованию концептуальной сферы «Время» в русской и башкирской языковых картинах мира.

Объект исследования — языковые средства русского и башкирского языков, репрезентирующие концептосферу «Время». Предмет исследования — национальная специфика русских и башкирских темпоральных концептов.

Цель исследования — представление в сопоставительном аспекте моделей времени, бытующих в русской и башкирской языковых картинах мира, а также контрастивное описание концептуальной сферы «Время» как глобальной ментальной единицы в ее национальном своеобразии.

Современные представления о времени характеризуются сложностью и многогранностью. При этом различные аспекты изучения времени как категории математики, физики, философии, астрономии, биологии, психологии, истории, социологии, религии, мифологии, культурологии, литературоведения, языкознания и других наук далеко не исчерпывают всех возможностей данной категории представлять качественно различные типы бытия.

В рамках нашего исследования рассматриваются три взаимосвязанных и взаимообусловленных аспекта изучения времени: когнитивный, лингвокультурологический и собственно лингвистический.

Когнитивная лингвистика оперирует термином *концепт*, использование которого связано с расширением предметного поля лингвистики за счет ее взаимодействия с философией (работы Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, Н.Р. Болдырева, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева, В.В. Колесова, Н.А. Красавского, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, М.В. Пименовой, З.Д. Поповой, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина и др.).

Учитывая вышеназванные три аспекта исследования категории времени, мы используем в качестве рабочего определения концепта, данное С.Г. Воркачевым: концепт — «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой».

Современный взгляд на соотношение когнитивной и языковой картин мира позволяет утверждать, что они связаны между собой «как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное овнешнение, как содержание сознания и средство доступа к этому содержанию» (Попова, Стернин 2002: 8).

Разнообразие языков, вербально овнешняющих картину мира, позволяет говорить о национальном разнообразии языковых картин мира. Проявление подобных признаков этничности в семантике языка позволяет говорить о наличии этнической картины мира, представляющей собой фрагмент концептуальной и языковой картины мира. Несовпадение культурных представлений у разных народов наблюдается даже при сопоставлении таких обыденных понятий, как деление суточного времени на день-ночь, утро-вечер, что, в частности, позволило А.Д. Шмелеву охарактеризовать время как «загадочный феномен, близко касающийся человека, интуитивно как будто бы ясный, но противоречивый и с трудом поддающийся экспликации» (Шмелев 2002: 37). «На первый взгляд, — пишет А.Д. Шмелев, — для каждого из русских слов, служащих для обозначения времени суток (*утро, день, вечер, ночь*) можно найти более или менее точный эквивалент в основных западных языках (например, для слова *утро* — англ. *morning*, фр. *matin*, нем. *Morgen* и т.д.)». Однако эта эквивалентность, как показывает дальнейшее сопоставление, лишь кажущаяся, поскольку «в основе членения суток на периоды для русского языка кладутся несколько иные принципы, нежели для западных языков. При этом указанные различия могут быть связаны с расхожим представлением, согласно которому русские обращаются со временем в целом более вольно, нежели жители Западной Европы» (там же: 56-57).

Так, сравнивая английские и русские обозначения, С.Г. Тер-Минасова указывает, что английское *morning* («утро») продолжается двенадцать часов, ровно половину суток — от полуночи до полудня. Поэтому загулявшие англичане приходят домой не в час или в два часа ночи, а в час или в два часа утра (*one/two o'clock in the morning*). Затем начинается день. Но совсем не *day*, как перевел бы русско-английский словарь слово *день*, а *afternoon* — послеполуденное время. Как это следует из внутренней формы слова, *afternoon* продолжается от полудня примерно часов до пяти-шести, когда начинается *evening* — как бы вечер, который уже в восемь часов сменяется короткой ночью — *night*. А в полночь — уже *morning*, «утро».

Слово *день* представляет еще большие трудности, поскольку ему соответствуют два английских слова *day* и *afternoon*. *Good day* — это вовсе не *добрый день*, как можно было бы предположить по аналогии с *good morning* — доброе утро или *good evening* — добрый вечер. *Добрый день* — это *good afternoon*, а *good day* употребляется только при прощании, причем звучит резко и раздраженно, даже грубо и может быть переведено как *разговор окончен, до свидания!* (Тер-Минасова 2000: 58).

Совсем иначе осуществляется деление суток в немецком языке. В нем выделяются *der Morgen* утро (2.00 — 9.00), *der Mittag* полдень, середина дня (12.00 — 14.00), *der Nachmittag* вторая половина дня (14.00 — 18.00), *der Abend* вечер (18.00 — 22.00), *die Mitternacht* полночь (24.00), *die Nacht* ночь (22.00 — 2.00). (Терехова 2000: 25).

Не совпадают в разных языках и деление календарного времени на сезоны. «У русскоязычного человека сомнений нет, — пишет С.Г. Тер-Минасова, — четыре времени года — зима, весна, осень, лето — представлены по три месяца в каждом» (Тер-Минасова 2000: 58). Календарный год начинается зимой.

В английском языке времена года озвучиваются в следующей последовательности: весна, лето, осень, зима. Моделью служит концепция жизненного цикла, происходящего не только в природе, но и в самом человеке (Ковальская, Ритчи 2001: 53).

Такого рода наблюдения могут быть рассмотрены с разных позиций. С одной стороны, они могут служить доказательством того, что особенности концептуализации некоторых временных периодов (деление годового цикла, суточное деление времени, отрезок, равный часу) в разных языках влияют на употребление соответствующих слов.

С другой стороны, их можно квалифицировать как данные, свидетельствующие о различиях в восприятии времени разными народами. В последнем случае, считает А.Д. Шмелев, и оказывается возможным говорить о том, что языковые данные могут служить ключом к пониманию каких-то культурно значимых аспектов восприятия мира (Шмелев 2002: 67).

Вопрос о соотношении объективного и лингвистического времени решался в истории языкознания неоднозначно.

Существовало мнение, что категория времени в языке отражает объективное время непосредственно (Поспелов 1952). Сторонники противоположной точки зрения считали, что грамматическая форма времени не является вещественным знаком объективного времени (Милейковская 1956).

В рамках когнитивного подхода вопрос о соотношении реального времени и времени лингвистического находит новое толкование.

Мы можем говорить о том, что *реальное время отражается в сознании человека в виде концептуального понятия времени, которое, в свою очередь, репрезентируется языковыми средствами, составляющими в совокупности функционально-семантическую категорию темпоральности.*

Под темпоральностью, вслед за А.В. Бондарко, понимается функционально-семантическая категория, опирающаяся на различные средства языкового выражения времени (морфологические, синтаксические, лексические), при этом критерием выделения категории служит общность семантической функции взаимодействующих элементов разных языковых уровней (Бондарко 1967).

Содержание концепта времени распределено в языках на множестве значений слов, фразеологизмов, предложениях и текстах. В центре нашего внимания находятся прежде всего слова, так как именно план содержания лексики служит материалом для отыскания и последующего обоснования специфических черт национального мировосприятия, национального образа мышления.

Кроме того, именно слово, по мнению А.А. Залевской, при его функционировании «выполняет роль, сравнимую с ролью лазерного луча при считывании голограммы: оно делает доступным для человека определенный условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира» (Залевская 1999: 40).

Говоря о разнообразии представления временных понятий средствами языка, мы используем понятие *модель времени*. Рассмотрение моделей времени, представленных в русской и башкирской языковых картинах мира, неразрывно связано с антропоцентрическим подходом к описанию языковых явлений.

С точки зрения когнитивного подхода к языковым фактам, язык устроен сугубо функционально, т.е. отражает нечто важное для пользующегося им человека. Из этой предпосылки с необходимостью вытекает «антропоцентричность», воспринимаемая уже не только как принцип описания, а как сущностное свойство самого языка-объекта (Фрумкина 1996).

В русской языковой картине мира, по наблюдениям лингвистов, достаточно четко выделяются две модели времени: линейно-историческая и традиционная, которую еще называют антро-

поцентрической и циклической. Эти культурные модели отражаются непосредственно в значениях слов, а также выявляются в процессе их функционирования.

В плане темпоральных установок современная русская культура поддерживает линейную (западную) концепцию времени. Это время понимается как пространственная категория: временной континуум членится на отрезки, располагаемые в виде определенной последовательности, ряда. Движение времени оформляется с помощью пространственных метафор: *время идет, бежит, летит, течет*. Линия времени тянется из прошлого (того, что позади) через настоящее (точка наблюдения) в будущее (вперед).

Однако традиционная крестьянская культура в известном смысле ориентирована на циклическое (восточное) переживание времени. Это связано с тем, что жизнь земледельца во многом зависит от ритмов природы, определяется ими («психология земледельца»).

Согласно линейной концепции времени — *«все течет, все изменяется»*, согласно циклической концепции времени — *«ничто не вечно под луной»*, *«все повторяется»*. И тот и другой образ времени присутствует в русской культуре (Копчева 2003: 305).

Дихотомия циклического и линейного восприятия времени находит свое отражение в языке, где наблюдается наличие в речевом обиходе носителей языка близких по смыслу слов, квазисинонимов, способных «рассредоточиться» по соответствующим моделям времени.

Говоря о допустимости множественности языковых моделей времени, Н.Д. Арутюнова, в частности, предполагает, что «языковые модели времени могут быть разделены на такие, в которых главной фигурой является человек, и такие, которые ориентированы на само время» (Арутюнова 1999: 689).

Именно это замечание Н.Д. Арутюновой положено нами в основу гипотезы о наличии двух моделей времени, имеющих место в башкирской языковой картине мира, которые, в зависимости от отношения человека к явлениям и событиям, входящим в сферу бытия этих моделей, могут быть названы *созерцательной* и *агентивной*.

Предложенные нами названия носят условный характер, учитывая, что «имя никогда не дает полное представление о сущности обозначаемой им вещи» (Звегинцев 2001: 140).

Совершенно определенно, что и в той и в другой модели речь идет о времени, концептуализируемом человеком, т.е. обе модели носят антропоцентрический характер. Различие же между ними видится нам в том, что в первой модели человек занимает, в основном, пассивную, созерцательную позицию (отсюда ее название), тогда как во второй модели он является главным действующим (лат. *agens*) лицом.

Обозначенные нами модели в башкирской языковой картине мира не отрицают возможности подхода к анализу семантики темпоральных единиц в плане выражения ими понятий циклического или линейного времени, о чем мы будем говорить при сопоставлении понятийно близких концептов, вербализованных русскими и башкирскими словами со значением времени.

Однако характер представленных в башкирском языке темпоральных существительных, в частности, словообразовательная вариативность в обозначении деления на отрезки годового и суточного времени позволяют нам взглянуть на темпоральное видение мира с другой позиции.

Заявленные нами созерцательная и агентивная модели времени в башкирской языковой картине мира во многом не коррелируют с линейной и антропоцентрической моделями времени, представленными в русской языковой картине мира, что порой делает необходимым некоторое углубление в сферу монолингвистического описания башкирской темпоральной системы.

Доминантами моделей времени в башкирском языке выступают лексемы *ғүмер* и *тормош*, имеющие значение «жизнь», что вполне согласуется с мнением Н.Д. Арутюновой, которая полагает вполне естественным сближение моделей времени и моделей жизни, так как «жизнь протекает во времени и подчинена его законам» (Арутюнова 1999: 689).

Проведенный анализ позволил нам сделать вывод о существовании в башкирском языке разных моделей жизни, отражающих концепт *жизнь* и коррелирующих с моделями времени, поскольку ключевые слова той и другой модели жизни одновременно выступают доминантами созерцательной и агентивной моделей времени.

Первая модель жизни, обозначаемая заимствованным из арабского языка словом *ғүмер*, связана, прежде всего, с указанием на длительность, продолжительность человеческого существования; другая – *тормош* — акцентирована на процессуальных аспектах бытия.

Жизнь — *ғүмер* носит дискретный характер, подразделяется на циклы, связанные с возрастными обозначениями человеческой жизни, имеет коннотативную сему длительности. Человек по отношению к *ғүмер* пассивен и настроен пессимистически, о чем свидетельствует понятие будущего калған *ғүмер* («оставшаяся жизнь»).

Жизнь — *ғүмер* измеряется в единицах времени, её можно считать. Она может иметь грамматический показатель множественности для обозначения категории неопределенности. Кроме того, *ғүмер* образует диминутивную форму, выражающую эмоциональное отношение человека к длительности его земного существования.

Жизнь — *тормош* обозначает условия протекания человеческой жизни. В зависимости от преобладания в ней позитивных или негативных моментов она характеризуется многочисленными эпитетами. Для женщины *тормош* начинается со времени вступления в брак, вся предшествующая жизнь считалась подготовкой к этому важному событию. В *жизни* — *тормош* человек активен, он меняет условия своего существования, строит свою жизнь, отсюда и его оптимизм в определении будущего — алдағы *тормош* («предстоящая жизнь»). Но и сама жизнь может оказывать на человека воздействие.

В грамматическом плане форма *тормош* может иметь показатель множественности для обозначения множественного числа, но не имеет диминутивной формы.

Как видно из проведенного анализа, оба обозначения концепта *жизнь*: *ғүмер* и *тормош* — имеют специфику как в плане содержания, так и в плане выражения. В интуиции носителей языка обе модели жизни и времени четко различаются, и выбор конкретного слова каждый раз обуславливается тем, с какой моделью соотносится предмет разговора или описания.

Переходя к контрастивному описанию ключевых слов рассматриваемой концептуальной сферы «Время», мы отмечаем, что объективность времени как физической сущности уступает место субъективности в процессе его языковой концептуализации.

Главным темпоральным словом в русском языке, объединяющим все остальные в единую область, является слово *время*.

В башкирском языке не существует однозначного соответствия русской лексеме *время*, хотя очевидно, что в большей мере концепт, вербализованный в русском языке словом *время*, соот-

носится с концептом, ключевым словом которого в башкирском языке выступает слово *вакыт*.

Мы абсолютно согласны с мнением В.А. Плунгяна, который заметил, что «лексема *время* явно не желает вписываться в принятые рамки лексикографических трактовок» и «скорее всего, есть что-то в ее природе, что этому очень активно сопротивляется» (Плунгян 1997: 160).

Взамен автор предлагает описывать время как слово-хамелеон, сущность которого определяется не тем, к какому классу оно может относиться, а тем, что оно может в каждом из своих употреблений *напоминать* носителю русского языка. При этом он выделяет пять наиболее употребительных «метафорических блоков», которые представляет следующим образом:

1. Время — путник: «то, что движется» (*время идет; время проходит; время подходило к шести...*).

2. Время — агрессор: «то, что разрушает» (*почерневший от времени забор; время не пощадило эти статуи...*).

3. Время — субстанция: «то, количество чего можно изменить» (*осталось мало времени...*).

4. Время — контейнер: «то, что заключает в себе некоторое событие — длительное (отрезок) или мгновенное (точка)» (*во время работы; в это время...*).

5. Время — имущество: «то, чем обладают» (*терять время; тратить время; у меня сейчас нет времени...*) (там же: 161).

Сопоставление метафор ключевых лексем приводит нас к выводу, что семантическая специфика башкирского слова, отражающая некоторые особенности национального менталитета, включает возможность проявления некоторых способов ее метафоризации. В башкирской языковой картине мира отсутствует восприятие времени как агрессора, что можно интерпретировать как следствие семантических различий между ключевыми словами концептуальной сферы «Время» и как языковое отражение различий в национальных картинах мира.

Более широкие возможности для сопоставления ключевых слов темпоральности в русском и башкирском языках предоставляет характеристика внешней структуры семантического поля времени.

Внешние связи понятия времени реализуются в переходах от других понятий к понятию времени, среди которых можно выделить следующие: *движение — время, человек — время, занятие — время*. Языковые данные позволяют говорить об их некотором сходстве в русском и башкирском языках.

Рассмотрим переход *движение — время*. Время становится очевидным в результате двух процессов, связанных с движением: повторяемости событий и длительности его протекания, с чем связаны два способа его измерения: на основе повторяемости движения определенного объекта (луны, солнца) (ср. лунный и солнечный календарь), колебательные движения, на котором основан принцип обычных часов, и измерение времени на основе длительности процесса, который проявляется, к примеру, в песочных часах.

Переход *движение — время* вполне закономерно выявляется этимологическим анализом. Русское слово *время* восходит к корню со значением «вращать», «круговращение».

В башкирском языке бытует темпоральное слово арабского происхождения *дэтер* в значениях «эпоха; период (геол.)», производное от глагола *даура*, означающего «вращаться».

Гораздо более многочисленные связи проявляются в переходах от понятия времени к иным понятиям: *время — становление, исчезновение, время — действие, длительность, время — обладание, время — пора, удобный момент, время — отрезок времени, время — эпоха, время — погода, время — человек, время — логические отношения, время — оценка, экспрессивность*.

Рассматривая, к примеру, переход *время — обладание*, В.Г. Гак отмечает, что «этот семантический сдвиг не фиксируется ни в одном из... русских толковых словарей, но он специально отмечен во французском «Большом Роббере» (Гак 1997: 126).

В русском языке наблюдается свободное употребление посесива: *проводить все свое время за..., терять свое время, быть хозяином своего времени*. В башкирском языке подобного перехода не наблюдается, что может являться свидетельством более философского отношения носителей башкирского языка к этой абстракции.

Кроме того, в русском языке понятие времени может наполняться понятием «имущество, владение», которое рассматривается как дериват предыдущего, ср., например, употребление слова *время* в поговорке *Время — деньги*. Подобный «крайний» случай перехода понятия времени в понятие обладания в башкирском языке также не выражен.

В переходах от понятия времени к иным понятиям в башкирском языке, помимо основного слова *вакыт*, участвуют лексемы *заман* (время — эпоха) и *көн* (время — погода).

Две лексемы: *вакыт* и *заман* — могут выступать и в качестве грамматических терминов. Грамматическая категория времени называется в башкирском языке *вакыт категорияһы*. Это же слово — *вакыт* — входит в состав терминов, определяющих один из разрядов наречий: *вакыт рәүеш* (наречие времени). Оно включено в состав термина, называющего один из видов второстепенных членов предложения: *вакыт хәле* (обстоятельство времени) и один из типов придаточных предложений: *вакыт һөйләм* (придаточное предложение времени).

Лексема *заман* определяет терминологию, связанную с глагольной категорией времени: *хәзерге заман* (настоящее время), *үткән заман* (прошедшее время) и *киләсәк заман* (будущее время).

Семантические различия между лексемами *вакыт* и *заман*, выражающиеся в обозначении различных сфер семантического поля времени и различия в грамматической отнесенности терминов, представленных обоими словами, позволяют нам говорить о включении слова *вакыт* в созерцательную, а слова *заман* — в агентивную модели времени башкирской языковой картины мира.

Дальнейшие различия в русской и башкирской языковых картинах мира, связанных с восприятием времени, обнаруживаются на уровне сопоставления отдельных концептов.

Концепты ГОД // ЙЫЛ являются ярким свидетельством отражения в сознании человека представления о цикличном характере времени, о завершенности цикла, о повторяемости цикла, которое было характерно не только для славянского этноса в настоящем и прошлом, для индоевропейских этносов, но и для всех народов мира.

Сравнительное исследование концептов, репрезентируемых лексемами *год* и *йыл*, показало, что, несмотря на схожую семантическую структуру ключевых лексем, эти концепты имеют и существенные различия. Слово, принадлежащее лексической системе башкирского языка, не имеет значения «возраст»; в отличие от давно оформившегося в качестве термина русского аналога продолжает употребляться в значении «срок», и, кроме того, функционирование слова *йыл* в некоторых пословицах и стандартных фразах позволяет говорить о замедленном (по сравнению с русским) «темпе жизни» башкирского народа, что, несомненно, оказывает влияние и на языковые процессы.

В качестве доказательства приведем стандартную фразу, встречающуюся в башкирских народных сказках: *йыл үсәһен ай үскен, ай үсәһен көн үскен* (букв. «за месяц он рос, как за год, а за

день -как за месяц»). В русском языке это значение передается выражением *расти не по дням, а по часам*, в котором мы отмечаем увеличение обозначаемого временного промежутка в башкирской фразе, связанное, по-видимому, с тем обстоятельством, что при присущем ему «темпе жизни» башкир не мог видеть явных изменений в такой короткий промежуток времени, как *час*.

Лингвокультурологические исследования позволяют вычлени в русской культуре народный календарь, который может быть охарактеризован как аграрный. Жизнь же башкир издавна была связана с полукочевым скотоводством, которое было сопряжено «с сезонными перемещениями населения вслед за табунами лошадей и отарами овец на пастбища» (Бикбулатов и др. 2002: 46), что и наложило свой отпечаток на лексику, связанную с обозначениями времен года.

В русском и башкирском языках присутствуют лексемы, обозначающие четыре времени года, при этом отличительной особенностью башкирского языка является наличие двух обозначений для каждого фенологического сезона. Весеннее время носит наименования *яз* и *язғылык* летнее – *йәй* и *йәйгелек* осенний период называется *көз* и *көзгөлөк*, зимний, соответственно, *кыш* и *кышкылык*. Различие в семантическом наполнении указанных лексем связано прежде всего с тем, что названия времен года относятся к терминам циклического времени, которое, согласно Б.А. Успенскому, «не мыслится отдельно от событий, которыми оно наполняется» (Успенский 1996: 34).

По нашим наблюдениям, первые из приведенных пар терминов (*яз – йәй – көз – кыш*) обозначают фенологический сезон в годовом кругообороте, тогда как производные от них наименования (*язғылык – йәйгелек – көзгөлөк – кышкылык*) связаны с событиями, происходящими в этот период, которые в той или иной степени связаны с деятельностью человека. Ср., например, выражения *кыш уртаһы* (середина зимы), *кыш үтте* (прошла зима) и *кышкылыкка азык эзерләү* (заготавливать продукты на зиму).

В этом случае обозначения фенологических сезонов: *яз – йәй – көз – кыш* - составят замкнутую группу в сфере созерцательной модели времени, производные же формы: *язғылык – йәйгелек – көзгөлөк – кышкылык* – войдут в агентивную модель, определяя присутствие и деятельность человека в обозначенный период.

Подтверждением этому служит также возможность употребления наименований времен года в глагольных словосочетаниях двоякого рода.

Первый тип словосочетаний позволяет говорить о соответствии их значений в русском и башкирском языках. Наименования времен года сочетаются с глаголами движения, а их значение позволяет судить о природных циклах как о чем-то внешнем по отношению к человеку.

Второй тип словосочетаний с глаголами *кереу*, *инеу* и *сығыу* (*кышка кереу*, *инеу* «вход в зиму»; *яҙға сығыу* «выход в весну») характерен лишь для башкирского языка и отражает антропоморфное восприятие времени, которое заключается в невычлененности человека из природы.

Таким образом, обозначение времен года и их промежутков связано в башкирском языке с условиями существования башкира-скотовода, башкира-кочевника, в то время как обозначения времен года в древнерусском языке выявляют аграрный характер народного календаря.

Представляя собой заверченный цикл, *год* тем не менее имеет начало — *йыл башы* (букв. «голова года») и конец — *йыл аҙағы*. В связи с этим стоит обратить внимание на дату встречи нового года в разных календарях. Если в русском календаре день встречи нового года менялся: 1 сентября, затем 1 января, то в современном Башкортостане существуют и празднуются две даты: 1 января и дата по мусульманскому лунному календарю, которая не имеет фиксированного характера по отношению к светской дате. Так, в 2002 году встреча нового года пришлось на 4 марта, в 2003 году этот праздник отмечали 21 февраля, а в 2005 году начало его было зафиксировано 10 февраля, и с этого времени начался отсчет 1426 года хиджры.

МЕСЯЦ // АЙ. Лексема *месяц* занимает в системе темпоральных обозначений особое место, так как именно месяц (луна) является первой мерой времени, и связана она с измерением времени по видимым изменениям фаз луны.

В лексической системе русского языка сосуществуют два обозначения для этого небесного тела, спутника Земли — *луна* и *месяц*. От последней лексемы на основании метонимического переноса и возникла рассматриваемая нами единица исчисления времени, при этом следует отметить, что толковые словари русского языка актуализируют именно это — исторически вторичное — значение, ср.: 1. Единица исчисления времени, равная одной двенадцатой части года. 2. Диск луны или его часть (Ожегов 1989: 281).

Словарь башкирского языка в толковании слова *ай* приводит 3 лексико-семантических варианта (ЛСВ). Первый ЛСВ актуализи-

рует обозначение ближайшего небесного тела, вращающегося вокруг Земли, второй ЛСВ свидетельствует о принятом обозначении этого небесного тела в виде серпа (оно используется в мусульманской символике), последний ЛСВ указывает на обозначении лексемой *ai* единицы измерения времени, равной V_{12} части года (т.1, с.32).

Таким образом, мы отмечаем несовпадение семантической структуры ключевых слов сопоставляемых концептов: 2 ЛСВ в русском языке и 3 — в башкирском, одно из которых является по отношению к системе русского языка лакунарным, так как представляет собой обозначение мусульманской символики.

Говоря о месяце как единице исчисления времени, невозможно обойти вниманием и сферу обозначения месяцев, их названий.

Появление в языке единиц, обозначающих календарное время (месяцы, дни недели), говорит о том, что оно стало играть в жизнедеятельности человека социальную роль. Будучи отнесенными к реальным отрезкам времени, календарные названия тем самым являются связующим звеном между реальными отрезками времени и абстрагированной искусственно созданной системой обозначений календаря, которая позволяет упорядочить во времени деятельность общества (Потаенко 1980: 37).

Л. Нидерле, говоря о древних славянах, подчеркивает, что они понимали, «что четыре времени года совпадают приблизительно с 12 месяцами, но не смогли уравнять несовпадение лунного года с солнечным» (Нидерле 2001: 454).

Башкиры издавна знали и использовали времяисчисление по лунному и солнечному календарю.

Ф.С. Завельский указывает, что «мусульманский календарь построен только на изменениях фаз луны и, таким образом, является чисто лунным. Этот календарь введен в VII веке н.э. в ряде мусульманских стран» (Завельский 1987: 11). В религиозной сфере используется он в настоящее время и на территории Республики Башкортостан.

Лунный календарь (*ай календары*) ведет отсчет от дня переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину. Лунный год (*һижрә йылы*) состоит из 354 суток; 12 месяцев состоят из 30 или 29 дней. Названия месяцев лунного года заимствованы из арабского языка: *мөхәррәм, сәфәр, рабиғыләүәл, рабиғылахыр, йомадиәләүәл, йомадиәлахыр, рәжәп, шәғбан, рамазан, шәүүәл, зөлқағызә, зөлхизә*, — которые сохраняются до настоящего времени в качестве элементов башкирской антропонимики.

НЕДЕЛЯ // АЗНА. Недели понимаются как социомифологические отрезки календаря, в котором соединяются космическое и историческое время (Арутюнова 1997: 11).

Введение в оборот слова *неделя* связано с христианским календарем. Первоначально оно имело значение «нерабочий день (день неделания), воскресенье» (сущ. *воскресенье* означало «первый день пасхи», а значение «часть месяца, состоящая из семи дней, начиная с понедельника, неделя» выражалось словом *седмица*). Однако уже в старославянских памятниках и в древнерусском языке (с XI в.) *недѣля* употребляется и в значении «воскресенье», и в значении «седмица»

Как заметил Д.Н. Шмелев, объединение в слове двух значений оказалось «противоречащим их терминологической сопоставленности, и одно из них перешло к другому слову (воскресенье), которое успешно выдержало груз многозначности, поскольку его разные значения не находились в близких парадигматических отношениях друг с другом» (Шмелев 1964: 154).

Наименования дней недели в русском языке определяются порядком их следования за воскресным днем: *понедельник* (после недели /воскресенья), *вторник*, *четверг*, *пятница*. *Среда* обозначает срединный день недели.

Сопоставление терминосистем обозначения недели и наименований дней недели демонстрирует прежде всего различие признаков, которые положены в основу номинации. Особенно это касается диалектных обозначений недели в башкирском языке. Наименование главного дня мусульманской недели — пятницы — легло в основу нескольких названий, что свидетельствует о его ведущем положении в данной системе. Общим для башкирского и русского языков является аксиологическая характеристика дней недели.

Однако и само понимание промежутка времени, обозначаемого словами *неделя* в русском и *азна* в башкирском языках, не является тождественным. По замечанию А.Д. Шмелева, в современном употреблении слово *неделя* преимущественно означает «рабочую неделю» — ср. *Приходите на неделе* (скорее всего не в субботу или в воскресенье) или даже *Мало вам недели, так вы еще и в выходные звоните*. Тем самым семантическое развитие слова *неделя* — от обозначения выходного в пределах семидневки к обозначению рабочих дней, т.е. всех дней семидневки за вычетом этого самого выходного, — оказалось чревато энантиосемией, которая, впрочем, «является обычным делом, когда речь идет о времени» (Шмелев 2002: 51).

В башкирском языке подобное употребление не отмечено.

Культурная обусловленность является причиной несовпадения в православном и мусульманском календарях точки начала недельного промежутка времени. Православный календарь имеет недели двух типов: начинающиеся с воскресенья и начинающиеся с понедельника. В мусульманском календаре неделя начинается с субботы и завершается пятницей. То есть мы можем говорить об этнокультурной специфике сценариев (скриптов), к которым относятся эти концепты.

СУТКИ // ТӘҮҮҖЕК. На первых стадиях развития культуры понятия, объединяющего день и ночь вместе, не существовало. Должно было пройти время, чтобы развитие конкретных временных представлений, связанных с видимыми изменениями в пределах дня и ночи, привело к возникновению общего понятия. День и ночь во многих культурах считались отдельно.

Например, в Ригведе — древнейшем памятнике индийской литературы, относящемся ко II тысячелетию до н.э., — есть указание, что год у индусов равнялся 720 дням и ночам (Моисеева 1991: 37).

В.В. Колесов отмечает, что день столь сильно отличается от ночи, что «связать их вместе, дать им общее название люди смогли не сразу. Поэтому слово сутки у нас появляется только лишь к концу XVI в.» (Колесов 1994: 44).

То же обстоятельство отмечается и по поводу тюркских языков в их сравнительной исторической грамматике: «Для названия суток нет общего понятия, что вполне закономерно: объединить день и ночь в один цикл является в какой-то мере астрономической абстракцией» (СИГТЯ 2001:77).

Анализируемые лексемы не совпадают по своей семантической структуре. В толковании русского слова отмечается только одно значение: «промежуток времени, равный 24 часам, продолжительность дня и ночи» (Ожегов: 637).

Башкирское слово *тәулек* употребляется в двух значениях: 1) единица времени, равная 24 часам; промежуток времени, включающий в себя день и ночь; 2) год (БТЬ, 2: 452).

Подобная диффузность значений слов башкирского языка с временной семантикой подтверждает мнение К.Г.Красухина о существовании у темпоральных слов нежесткой связи с календарными и астрономическими периодами времени (Красухин 1997: 73).

ДЕНЬ // КӨН. Говоря об отрезках суточного времени, Н.И. Толстой заметил, что деление суток на две части — день и ночь —

чисто природное явление, а сознание и язык только фиксируют и обозначают его, но дальнейшее, более дробное членение суток, как и года, уже зависимо от человеческого сознания и отражающего его языка. К тому же эти представления, как и язык, этнически (национально) окрашены, т.е. связаны с определенной этнической группой их носителей и так же, как язык, изменяемы, преобразуемы в ходе исторического развития (Толстой 1997: 17).

Называя существительные, обозначающие отрезки в пределах суточного времени, Ч. Филлмор пишет, что эти слова образуют группу, которую лучше изучать как единое целое, поскольку она является «лексическим представителем некоторой единой схематизации опыта или некоторого значения» и «для того чтобы понять смысл одного из членов группы, необходимо до некоторой степени понять, что значат они все» (Филлмор 1988: 54).

Из всего корпуса существительных с временным значением *день* занимает особое положение. Во-первых, это слово наряду с другими лексемами (минута, час, месяц, год и т.д.) обозначает линейное время, а, во-вторых, в составе бинарного противопоставления *день — ночь* представляет собой элемент циклической картины мира.

Характерной особенностью башкирского языка является употребление слова *көн* не только по отношению к человеку, но и применительно к бытовым предметам, которые окружают его в повседневной жизни. Так фразеосочетание *көн бөтөү* (букв. «окончание дней») может иметь значение окончания спокойной, свободной, счастливой жизни применительно к человеку; в другом контексте оно обозначает отсутствие необходимости (часто временной) в каких-либо вещах: башкирское *санаға көн бөттө* означает, что в связи с окончанием зимнего периода отпала необходимость пользоваться санями.

В башкирской языковой картине мира слово *көн* входит в рамки созерцательной модели времени, что сочетается с его характеристикой как времени внешнего пространства бытия, данного в непосредственном восприятии, неминуемого и общего для всех.

НОЧЬ // ТӨН. В репрезентации концептов *ночь* и *төн* в русском и башкирском языках можно отметить следующее сходство: в обоих языках наблюдается характерная для народной традиции особенность, связанная с пространственным восприятием времени, что выражается в возможности обозначать одну из сторон света — север.

Разница же между сопоставляемыми концептами заключается в том, что пространственное значение способно выражать ключе-

вое слово-репрезентант башкирского языка (*төн*) и дериват русского аналога (полночь).

Оба ключевых слова в русском и башкирском языках могут сочетаться с прилагательными, производными от названий времен года: *летняя ночь* — *йәйге төн*; *зимняя ночь* — *кышкы төн* с прилагательными, указывающими на долготу ночного отрезка времени: *долгая ночь* — *озон төн*; *короткая ночь* — *кыска төн*.

Однако в том случае, когда в русском языке определение к слову *ночь* носит метафорический характер, прямых соответствий между русскими и башкирскими словосочетаниями не наблюдается. Так, двум словосочетаниям, относящимся к сфере русского концепта, репрезентированного словом *ночь*: *глухая ночь*, *глубокая ночь*, — в башкирском языке соответствует сочетание слова *төн* с колоративным прилагательным *кара* «черный». Башкирское *кара төн* буквально переводится как «*черная ночь*».

Интересно, что в основе русского словосочетания *глухая ночь* лежит перенос, осуществляемый на основании слуха, тогда как в башкирском — *кара төн* — перенос наблюдается на основе зрительного восприятия.

УТРО // ИРТӨ, ВЕЧЕР/ КИС. Понятия утра и вечера являются поздними образованиями, промежуточными в структуре деления суточного времени, и поскольку их вычленение связано с осознанной деятельностью человека, в них, естественно, можно наблюдать проявление этнического своеобразия.

В башкирском языке нет выражения, соответствующего русскому *все (целое) утро*. Анализ подобных словосочетаний приводит нас к выводу, что в представлении носителей русского языка все четыре отрезка суточного времени являются самодостаточными, каждый из которых связан с определенным видом человеческой деятельности, с определенной степенью его активности, о чем свидетельствует наличие в русском языке фраз, обозначающих занятие чем-л. в течение длительного промежутка в рамках суточного деления времени: *заниматься чем-либо целое (все) утро, целый (весь) день, целый (весь) вечер, целую (всю) ночь*.

Башкирский язык в подобных случаях выражает обозначение деятельности, развертывая его на фоне суточного отрезка времени, ср.: *көн буйы, төн буйы укыу* (читать весь день, всю ночь; букв. «в длину дня», «в длину ночи»). Фраза с указанием на вечернее время менее употребительна: **кис буйы укыу*. И совершенно не актуализируется в этом плане обозначение утреннего

времени. Фраза *иртә буйы укыу в башкирском языке невозможна.

Кроме того, отметим, что в башкирском языке понятия «утро» и «рано» обозначаются одним словом – *иртә*, что ведет к отсутствию в языке словосочетания, соответствующему русскому *позднее утро*.

Указанные языковые явления подтверждают факт выделения в сознании человека прежде всего дневного и ночного периода в пределах суток. Вычленение утра и вечера произошло гораздо позже, причем утренний период как переход от сна к дневной деятельности занимает гораздо меньше времени, чем вечерний — период после окончания работы до отхода ко сну, что и объясняет определенные трудности языкового выражения утреннего времени как целостного периода в сознании носителей башкирского языка

Обращает на себя внимание следующая особенность в культурологической системе счисления суточного времени. В мусульманской системе, которая используется в настоящее время в религиозном календаре башкир, именно *кис* «вечер» начинает новые сутки, вместе с заходом солнца. Это означает, что если в пятницу 3 июня 2005 года (1426 года по лунному календарю) солнце заходит в 22 часа 45 минут, то с этого времени начинается суббота, 4 июня.

Кроме того, слова *төн* (ночь) и *кис* (вечер) в отдельных случаях в башкирском языке взаимозаменяемы, что можно объяснить первоначальным значением слова *төн*. Характеризуя состав лексики (как исконной, так и заимствованной), которая являлась общей для языка большинства художественных произведений периода Золотой Орды, а также для языка литературных памятников предыдущих и последующих веков, Р.Х. Халикова называет и слово *төн* указывая его значение как «вечер, вчера» (Ишбердин и др. 1989: 30).

ЧАС // СӘҒӘТ. Слово *časъ в славянских языках имело весьма широкое, но в основном временное значение, при этом слово могло иметь как общее значение времени, так и значение временного отрезка, мига.

И русский, и башкирский языки актуализируют терминологическое значение «единица времени, равная $\frac{1}{24}$ части суток (60 минутам)», например: *бер сәғәткә һуңлау* -опоздать на час.

Структурная конгруэнтность лексем *час* и *сәғәт* однако не говорит об их семантической эквивалентности, поскольку лексическая сочетаемость указанных единиц, осуществляющих базовую

вербализацию концептов, свидетельствует об отсутствии предполагаемого тождества.

Рассматривая час в аспекте качественной спецификации времени, Е.С. Яковлева отмечает, что в языковой ассоциации *час / минута* вторая форма (*минута*) ограничена рамками «частного существования» и уровнем повседневности, тогда как *час* способен подниматься до описания общезначимого и отмечать переломы в судьбе человека (общества), что позволяет противопоставить эти слова по линии «душевное» (*минута*) / «духовное» (*час*), ср.: *час покаяния*, но *минута раскаяния* (Яковлева 1997: 268-269). Духовное время направлено, поэтому *часом* не могут быть отмечены события, которые, по мнению автора, либо включают возможность будущей просветленности, либо прямо ведут к духовной гибели: *час смирения*, но не *упрямства*, не *своеволия*, не *гордыни*, не *тщеславия*, не *суесловия*; *час прощения*, но не *осуждения*; *час верности*, *мужества*, но не *час предательства*; может быть *час сомнения*, но не *час малодушия*; *час беспамятства*, но не *час отупения*, *одурения* (там же: 269).

Для концепта башкирского языка, репрезентированного словом *СЭРЭТ*, подобная лексическая сочетаемость ключевого слова не характерна. Такие концептуально значимые характеристики русского *часа*, как «духовность», «судьбозначимость», «неизбежность» отсутствуют в структуре башкирского концепта.

Основное различие концептов *час* и *СЭҒӘТ* связано с их периферией, где располагаются фразеологизированные словосочетания, пословицы и поговорки. В составе концепта, репрезентированного словом *час*, это такие формулы, как *час от часу*, *роковой час*, *звездный час*, *битый час*, *час пробил*, *час настал*; *делу время*, *потехе час*; *русский час долог*; *много часу у бога впереди* и др., которые показывают осмысление концепта в разное время, при разных обстоятельствах.

Периферия башкирского концепта *СЭҒӘТ* характеризуется почти полным её отсутствием. Башкирская паремиология не актуализирует в своем составе указанный концепт, что лишний раз подтверждает мысль о «равнодушии» башкир к обозначениям коротких промежутков времени.

Обозначение коротких временных промежутков. Отдельную группу в системе темпоральных лексем с указанием на неопределенность длительности составляют обозначения наиболее коротких временных отрезков, характерной особенностью которых является то, что показатели кратковременности в большой сте-

пени отражают специфику восприятия времени носителями русского языка.

Лингвистические данные говорят об универсальности предложенной оппозиции точных (объективных) и неточных (субъективных) единиц времени, но при этом определители краткости, быстроты в языках могут различаться.

В русском языке таким определителем является акт однократного мигания, и слова, называющие это действие (исконно отглагольные существительные) заняли место соответствующих единиц в системе обозначений времени.

Фразеологизму *в мгновение ока* почти дословно соответствует башкирское *куз асып йомғансы* и его вариант *куз асып йомған арала*. Однако следует заметить, что в обстоятельном значении в башкирском языке используется еще одна фразеологическая единица, которая в качестве «эталона» быстроты использует речевой акт: произнесение частицы *ә*, ср. башк. *ә тигәнсә* «очень быстро» (букв. «пока произносится ә»).

Мы отметили отсутствие в башкирском языке эквивалентов к лексемам *миг* и *мгновение*. Нет в башкирском языке и однозначного соответствия русскому понятию *момент*. Но подобные понятия не являются лакунарными, так как соответствующие значения выражаются темпоральными показателями *мәл* и *мизгел*, которые в башкирском языке могут обозначать временные интервалы различной протяженности.

Наши данные свидетельствуют о том, что башкирское *мәл* по характеру обозначения длительности соотносимо с русским словом *момент*, длительность которого носителями русского языка определяется весьма произвольно, она субъективна и всецело зависит от масштаба предмета описания.

Лексема *мизгел* в группе слов, обозначающих короткий промежуток времени, занимает особое положение.

Соотносимая с лексемами русского языка *миг*, *мгновение*, она является малоупотребительной, что говорит о нехарактерности единицы с подобным темпоральным значением для башкирской языковой картины мира.

Е.С. Яковлева отмечает, что «переход на язык *мгновений* всегда свидетельствует о повышении «эмоционального градуса» повествования» (Яковлева 1994: 120).

Исконно же образ жизни башкира-кочевника был спокойным и размеренным. Применяя к представителю башкирского народа понятие «традиционный человек» и размышляя о менталитете башкира, З.Н. Рахматуллина пишет: «Традиционный человек са-

модостаточен, духовно наполнен в отличие от индустриального человека, поэтому он не стремится самореализовываться и самоутверждаться в будничных заботах, мелочных делах повседневности» (Рахматуллина 2000:183).

Возможно, именно это обстоятельство — образ жизни, определяющий менталитет — и способствовало тому, что в башкирском языке нет самостоятельных лексем, актуализирующих обозначение короткого промежутка времени.

Подводя итог рассмотрению фрагмента русской и башкирской языковых картин мира, связанного с обозначением коротких промежутков времени, можно отметить эквивалентность концептов, репрезентируемых ключевыми словами *минута* и *минут*, *секунда* и *секунд*, что объясняется заимствованным характером их в башкирском из русского.

Отличительные моменты связаны, прежде всего, с характером внешнего определителя краткости и быстроты. В русском языке он выражен в семантике глагола *мигать*, в башкирском языке таких определителей насчитывается два: акт мигания и речевой акт.

В русском языке имеются лексические производные от отмеченного определителя краткости и быстроты: *миг*, *мгновение*. Башкирский язык представлен лишь фразеосочетаниями *күз асыл йомғансы* и *ә (һә) тигәнсә*. Отсутствие производных существительных компенсируется употреблением лексем *мәл* и *мизгел*, которые могут обозначать временные промежутки различной длительности.

Таким образом, в русской языковой картине мира функционируют циклическая и линейно-историческая модели времени, тогда как существованию в башкирской языковой картине мира представлены две другие модели времени: созерцательная и агентивная, в основе которых лежит отношение человека к осознаваемым временным представлениям.

Контрастность русских и башкирских метафорических образов говорит о различиях в осмыслении категории времени представителями русского и башкирского этносов. Время в русской ментальности — агрессор, но его можно заставить работать на себя. Оно движется с различной скоростью: идет, бежит, мчится, летит, — заставляя этим человека отстать от него (*отстать от времени*), но позволяет себя догнать (*наверстать упущенное время*). Башкирская ментальность представляет время движущимся равномерно и размеренно (*вакыт үтә*), оно не агрессивно,

но и не позволяет человеку властвовать над ним, его нельзя ни выиграть, ни сэкономить;

Несовпадение структурных и содержательных компонентов темпоральных концептов позволяет увидеть определенные точки соприкосновения в истории русского языка и современном состоянии башкирского. Данные исторической лексикологии русского языка показывают, что слова с темпоральным значением: *год*, *час* — исконно характеризовались диффузностью, что проявлялось в возможности обозначения ими как строго определенных отрезков времени, так и его общего понятия. В современном русском языке эти слова приобрели терминологический характер, в то время, как в башкирском языке и в настоящее время наблюдаются случаи нежесткой связи темпоральных слов с астрономическими периодами времени: слово *йыл* «год» употребляется и в значении «срок», лексема *тәүлек* «сутки» может обозначать промежуток времени длиной в год, обозначения суточных отрезков времени *кис* «вечер» и *төн* «ночь» способны выступать в качестве синонимов и т.д. Предполагается, что дальнейшая судьба этих слов будет связана с усилением их терминологической сопоставленности.

Временные обозначения в башкирском языке характеризуются большей антропоморфностью, что проявляется, в частности, в том, что темпоральные обозначения включают в свой состав наименования частей тела. Так, слов *баш* «голова» употребляется для обозначения начала в единицах измерения времени, ср.: *йыл башында*, *ай башында* (в начале года, в начале месяца; букв. «в голове года», «в голове месяца»). Слово *эс* «живот» используется для обозначения временного промежутка в пределах какой-либо временной единицы, ср.: *ике сәғәт эсендә* (за два часа; букв. «внутри двух часов») и т.д.

Возникающая у народа картина мира испытывает на себе, помимо других факторов, и воздействие национальной религии. Так, сопоставление концептов *месяц* и *ай* выявило неконгруэнтность их семантической структуры, связанную с наличием у башкирского слова специфически национального значения: месяц используется в мусульманской символике. Символика, в свою очередь, связана с той частью национальной языковой картины мира, которая содержит информацию об устойчивых ассоциациях, вызываемых в языковом сознании некоторыми объектами окружающей действительности.

Функционирование слов *йыл* «год», *көн* «день» в некоторых пословицах и стандартных фразах, отсутствие слов, служащих

для обозначения только коротких промежутков времени, позволяет говорить о замедленном (по сравнению с русским) «темпе жизни» башкирского народа, что, несомненно, оказывает влияние и на языковые процессы.

Использование различных систем времяисчисления приводит к выявлению отдельных контрастивных деталей в структуре сценарных концептов. Так, русский и башкирский год состоит из 12 месяцев, а начало его приходится на 1 января. Однако в религиозной сфере (и не только) на территории Республики Башкортостан времяисчисление ведется по лунному календарю, согласно которому начало нового года приходится на первый день месяца мухаррам. Учитывая, что лунный год короче солнечного, начало нового года по отношению к светскому календарю не имеет жестко фиксированной даты.

Отсутствует единая точка отсчета и в сценарии *неделя*. Светский календарь, используемый обоими этносами, начинает его с *понедельника*, в религиозной сфере мусульман неделя начинается с *субботы*.

Еще одна отличительная особенность, связанная с определением точки отсчета, обнаруживается при сопоставлении концептов *сутки* и *тәүлек*. Начало отсчета новых суток традиционно приходится на полночь, по религиозному же календарю башкиры отсчитывают их начало с момента захода солнца.

Литература

Дударева З.М. Контрастивное исследование концептуальной сферы «Время» в русской и башкирской языковых картинах мира. Екатеринбург-Стерлитамак, 2004. — 200 с.

Дударева З.М. Час как темпоральная единица в русском и башкирском языках // Вестник Башк. ун-та. — Уфа, 2005. — № 1.- С. 83-84.

Дударева З.М. Время в русской и башкирской языковых картинах мира // Вестник Оренбург. гос. ун-та. — Оренбург, 2005.-№4.-С. 70-75.

Дударева З.М. Время в концептуальной и языковой картинах мира // Вестник Урал. гос. тех. ун-та — УПИ. — Екатеринбург, 2005. — Серия «Филология». — № 60 (8). — С. 110-118.

Дударева З.М. Время в контексте языка и культуры // Ученые записки Казанской гос. академии ветеринарной медицины. — Казань, 2005.-Т. 180.-С. 180-185.

Дударева З.М. Темпоральная модель мира в башкирском языке // Актуальные проблемы изучения и преподавания истории и культуры Башкортостана: Сб. материалов респ. науч.-практ. конф. / Стерлитамак. гос. пед. ин-т. — Стерлитамак, 2000. — С. 339-345.

Дударева З.М. Описание темпоральной модели мира в башкирском языке (К постановке вопроса) // Актуальные проблемы тюркского языкознания: Сб. науч. тр. / Башк. гос. ун-т. — Уфа, 2002.-С. 81-88.

Дударева З.М. «Солнечное время в системе башкирской темпоральной лексики»// Коммуникативно-функциональное описание языка: Сб. научных статей / Башк. гос. ун-т. — Уфа, 2003. -Ч.1.-С. 65-69.

Дударева З.М. Утро и вечер в системе темпоральных обозначений башкирского языка// Коммуникативно-функциональное описание языка: Сб. научных статей / Башк. гос. ун-т. — Уфа, 2003. 4.1.-С. 69-73.

Дударева З.М. День в башкирской языковой картине мира // Ядкяр. — Уфа, 2003.-№4.-С 65-69.

Дударева З.М. Ночь в системе темпоральных обозначений башкирского языка // Язык и литература как способы проявления национального менталитета: Материалы первой межрегиональной научной конф. / Челябин. гос. ун-т. — Челябинск, 2003.-С. 134-137.

Дударева З.М. Модели времени в башкирской языковой картине мира // Актуальные проблемы башкирской, русской и тюркской филологии: Материалы научно-практической конференции / Башк. гос. ун-т. — Уфа, 2004. — С. 64-66.

Дударева З.М. Аи и месяц как единицы темпоральной системы // Коммуникативно-функциональное описание языка: Сб. научных статей / Башк. гос. ун-т. — Уфа, 2004. — Ч. 1. — С. 52-57.

Дударева З.М. Понятие «год» в функциональной сфере башкирского и русского языков // Коммуникативно-функциональное описание языка: Сб. научных статей / Башк. гос. ун-т. — Уфа, 2004.-4.1.-С. 57-65.

Дударева З.М. Особенности языковой репрезентации понятия времени в культуре разных народов // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сб. науч. тр. / МПГУ. — М., 2004. — Вып. XXVII. — С. 50-56.

Дударева З.М. Обозначение коротких промежутков времени в башкирской и русской языковых картинах мира // Коммуникативно-функциональное описание языка: Сб. научных статей / Башк. гос. ун-т. — Уфа, 2004. — Ч. 2. — С. 61-66.

Дударева З.М. Времена года в русской и башкирской моделях мира // Коммуникативно-функциональное описание языка: Сб. научных статей / Башк. гос. ун-т. — Уфа, 2004. — Ч. 2. — С. 67-72.

Дударева З.М. Обозначение промежутков времени в башкирской и русской языковых картинах мира // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / УрГПУ. — Екатеринбург, 2004. — Т. 13. — С. 132-137.

Этноязыковая специфика темпоральных представлений в башкирской языковой картине мира // Городские башкиры. Проблемы языка и культуры, здоровья и демографии. Уфа, 2004. — С. 232-235.

Дударева З.М. О национальном своеобразии темпоральной картины мира // Технологии совершенствования подготовки педагогических кадров: теория и практика: Межвузовский сб. науч. тр. — Казань, 2005. — Вып. 5.-С. 297-299.

Дударева З.М. Концепт «час» в русском и башкирском языках // Известия УрГПУ. Лингвистика, Вып.15. Екатеринбург, 2005.- С. 189-194.

Дударева З.М. Темпоральная картина мира в русском и башкирском языках // Актуальные проблемы изучения и преподавания башкирского языка и литературы: Материалы регион. науч.-практ. конф. / Стерлитамак. гос. пед. академия. — Стерлитамак, 2005. — С. 59-63.

Дударева З.М. Темпоральные модели в русской и башкирской языковых картинах мира // Этносоциальное образовательное пространство в современном мире: Материалы междунар. науч.-практ. конф. / Стерлитамак. гос. пед. академия. — Стерлитамак, 2005. — С.197-199.

Н.Н. Рухленко (Белгород)

СЕМЬЯ

Целью данной работы является описание вербализации концепта СЕМЬЯ.

Исследование проводится на материале семейных родословных. За пределами исследовательского внимания до сих пор остаются еще многие жанры и формы речи, отражающие, в частности, специфику внутрисемейного дискурса. Одним из таких жанров внутрисемейной речи можно считать СЕМЕЙНЫЕ РОДОСЛОВНЫЕ.

Под **семейными родословными** мы понимаем свободное повествование об истории рода, композиционно подчиненное структуре сохранившегося в памяти потомков генеалогического древа. Необходимость хотя бы краткого рассказа о каждом члене семьи диктует свои условия письменному тексту таких сочинений, тогда как в устном изложении авторы нередко ограничиваются отражением отдельных фрагментов истории рода.

В центре нашего исследования – модельное описание ключевого концепта СЕМЬЯ. Концепт СЕМЬЯ как ядро концептосферы семейных родословных относится к тем концептам, которые представляют собой ключевые понятия культуры, опорные точки национального менталитета. В языковых единицах, составляющих концепт СЕМЬЯ, аккумулированы важнейшие понятия материальной и духовной культуры, которые транслируются в языковом воплощении от поколения к поколению.

Изучение языка семейных родословных обусловлено, во-первых, историческими и политическими преобразованиями в России 90-х гг. XX в., во-вторых, лингвистическими причинами, прежде всего – необходимостью исследования «языкового пози-

тива», одним из жанровых проявлений которого, по мысли В.К. Харченко, и являются тексты сочинений на тему «История моей семьи». Термин «языковой позитив» может употребляться в двух значениях: в узком смысле как совокупность языковых средств, характеризующихся мелиоративной коннотацией; в широком смысле как совокупность жанров и форм речи, которые настраивают субъекта на наиболее достойное языковое поведение (Харченко 2003, с.18).

Письменные повествования, посвященные истории собственного рода, отличаются высокой креативностью, создаются всегда с чувством ответственности за каждое слово, с максимальным приложением творческих усилий со стороны их авторов. В качестве оригинального и неисследованного жанра эти тексты дают возможность рассмотреть на их основе и некоторые проблемы изучения концептосфер. Описание ключевого концепта СЕМЬЯ на материале семейных родословных может оказаться выигрышным удачным и в плане исследования языковой личности, поскольку именно семья формирует относительно устойчивую смысловую вертикаль личности в ее повседневном бытии. Помимо этого кризисная демографическая ситуация в стране также налагает определенную ответственность на исследователей языка по выявлению конституирующих признаков основополагающего концепта СЕМЬЯ в языковом сознании говорящих.

Сначала следует определить использование некоторых понятий. Рассматривая три основных подхода в изучении концепта: текстоцентрический, культурологический и собственно когнитивный, мы приходим к выводу, что, несмотря на различия данных подходов, общим является рассмотрение концепта как категории мышления и культуры одновременно. Концепт вслед за Е.С. Кубряковой понимается нами как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы, всей картины мира; квант структурированного знания». Исследуемые мыслительные структуры («концепт», «гештальт», «фрейм», «сценарий») позволяют представить форму прошлого опыта как основную форму существования знания, на основе которых ведется когнитивная обработка РОДОСЛОВНОГО ДИСКУРСА и конструируется его ментальное представление. *У прадедушки и прабабушки родилось трое детей: Анна, Антонина, Григорий. По наступлении родов женщина прощалась с домочадцами и оставалась только с бабкой-повитухой. Для облегчения страданий развязывали все узлы на одежде и расплетали косу, отпирали в доме все замки и ящики, зажигали венчальные*

свечи перед образами, а мужа заставляли бороться с песком. При рождении девочки воду после первого купания выливали в малинник (для красоты), после купания мальчика вода выливалась на перекресток дорог на счастье.

Такие структуры представления знаний, как фрейм, сценарий, гештальт в данной работе мы рассматриваем, вслед за Н.Н. Болдыревым, не как дифференциацию концептов по способности представлять различные типы информации, а как единую, высшую форму репрезентации знаний. Такой высшей формой репрезентации знаний считается концепт, включающий в себя фиксацию различного рода знания: типичное знание о ситуации (фрейм, сценарий) и систему образных представлений (гештальт-структура концепта). Термин «фрейм» мы используем в значении «структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации» (Минский 1979, с.7). Под гештальтом понимаются «импликатуры предикативно-атрибутивной сочетаемости абстрактного имени как скрытые проекции абстрактной сущности на конкретные явления, зримые физические формы метафизического, абстрактного» (Чернейко 1995, с. 81).

Опираясь на тексты семейных родословных, мы пришли к выводу, что концепт СЕМЬЯ как комплексная мыслительная единица в процессе мыслительной деятельности поворачивается к исследователю различными сторонами, актуализируя либо сценарный, либо фреймовый, либо схематический уровень, либо различные комбинации отмеченных концептуальных сущностей. Внутренняя организация концептов описывается характерной концептуальной схемой, которую определяют фоновые знания, социально-культурная среда и весь ценностный опыт, накопленный лингвокультурной общностью и передаваемый из поколения в поколение.

Через систему ценностей и оценок, комплекс используемых паремий, «наивную металингвистику» имен собственных устанавливается специфика национальной картины мира, отражаемая в жанре семейных родословных. Своеобразие же прохождения процессов хранения и воспроизведения информации о собственном семье детерминированы как процессами категоризации и кодирования информации, так и факторами социально-историческими, учитывающими особенности и состояние общества в разные периоды времени, и личностно-психологическими факторами, представленными индивидуально-личностными чертами субъекта. Именно в рамках такой двухкоординатной системы удастся приблизиться к реальному пониманию событий, про-

исходящих в истории конкретного рода, и строить адекватную, работающую модель концепта СЕМЬЯ.

Концепт СЕМЬЯ в жанре семейных родословных строится на основе двух фреймов — КРОВНОЕ РОДСТВО и РОДСТВО ПО СУПРУЖЕСТВУ, которые в свою очередь включают в себя следующие слоты: СЕМЬЯ КАК ЕДИНЫЙ ОРГАНИЗМ, РОДИТЕЛИ – ДЕТИ, МУЖ – ЖЕНА. Полевой подход применительно к текстам семейных родословных позволяет выявить и представить состав микрополей концепта СЕМЬЯ, а также разграничить центральные и периферийные единицы поля, установить типологию отношений между микрополями.

Концепт СЕМЬЯ внутри концептосферы семейных родословных пересекается с широким кругом других концептов, что не позволяет говорить о постоянных и жестких границах, присутствующих внутри данного концепта. На основании анализа 396 текстов семейных родословных мы пришли к выводу, что концепт СЕМЬЯ состоит из пяти четко выраженных и пересекающихся между собой микрополей: СЕМЬЯ (КАК ЕДИНЫЙ ОРГАНИЗМ); РОДИТЕЛИ; ДЕТИ; МУЖ; ЖЕНА. Семью в данном перечне мы берем как определенного «субъекта», логически соотносимого с остальными членами ряда (Родители, Дети ...), а такое понимание не тождественно «глобальному» пониманию всего концепта СЕМЬЯ. Концепт СЕМЬЯ включает в себя два ядерных нерядоположенных конститuenta: *субъектов – членов семьи и чувства, объединяющие их.*

Микрополе СЕМЬЯ КАК ЕДИНЫЙ ОРГАНИЗМ смоделировано в виде гештальт-структуры, которая позволяет определить периферийную зону концепта. Околоядерная зона концепта СЕМЬЯ представлена следующими лексемами: РОДОСЛОВНАЯ: *В моей родословной не было аристократов (Л.И.); РОД: Есть в нашем роду и своя история о необычном попе (Ф.В.); ПАРА: Андрей и Мила были очень хорошей парой (К.Л.); БЛИЗКИЕ: ...я прошу Бога дать мне и моим близким здоровья и счастья (Ф.В.); ФАМИЛИЯ: История моей фамилии уходит своими корнями глубоко в прошлое (К.Р.); СОЮЗ: После войны дедушка с бабушкой объединились в великий и крепкий союз (Ж.Н.); СЕМЕЙСТВО: Знакомство с лесником оставило после себя неизгладимый след в памяти всего семейства (К.Л.); РОДНЫЕ: Теперь пришло время рассказать о родных по отцовской линии (К.Л.); ПРЕДКИ: Каждый человек на земле должен знать своих предков (Н.Л.); КЛАН: Я считаю, что в наш клан входят все связанные родственными узлами люди (Р.Д.); СУДЬБА: Обстоятельства сложились так,*

что почти одновременно сестры нашли свою судьбу (А.Р.), а также БРАК; СЕМЕЙНОЕ ДРЕВО/РОДСТВЕННЫЕ КОРНИ; ДОМ; ПАРТИЯ. Каждая лексема при этом привносит свой особый оттенок, расширяя околядерную зону и обогащая тем самым все содержательное пространство концепта СЕМЬЯ.

Моделирование гештальт-структуры концепта СЕМЬЯ основано на рассмотрении ассоциативного потенциала слова-репрезентанта концепта на синтагматическом уровне текстовой организации. Процедура выявления гештальта на синтагматическом уровне связана с анализом нестандартной сочетаемости лексемы – репрезентанта концепта, позволяет установить прототипического субъекта (или объекта), замещенного авторами семейных родословных для создания метафорического образа. «Глагольные сочетания помогают выявить динамические (процессуальные) признаки в содержании концепта, в то время как сочетания с прилагательными могут активизировать подлежащие оценке смыслы» (Телия 1995, с. 33). И.М. Кобозева предлагает называть данный вид анализа не просто концептуальным, а концептуально-метафорическим, поскольку он нацелен прежде всего на анализ метафорических элементов контекста, в котором употреблено слово-репрезентант концепта (Кобозева 1999, с.157).

В текстах семейных родословных микрополе СЕМЬЯ КАК ЕДИНЫЙ ОРГАНИЗМ моделируется и интерпретируется через процессы персонификации и метафоризации. При рассмотрении персонификации мы делаем акцент на слове ОРГАНИЗМ. Семья в структуре жанра родословных способна функционировать в качестве своеобразного СУБЪЕКТА, имеющего свой **облик** и **возраст**: *...были красивой парой (К.Л.), семье Нескоромных исполнилось 50 лет (Н.Н.);* обладающего **органами чувств**: *...и как на взаимоотношения молодых смотрела семья Алексея...(И.И.);* способного **проявлять разнообразные чувства**: *И только сейчас... я понимаю, что такое любовь родной семьи (Г.И.);* имеющего **социальный статус**: *...жизненный уклад семей поморов..., ...из семьи, занимающейся не рыболовством, а деревообрабатывающим промыслом (Г.О.);* обладающего **материальным положением**: *В семье появился относительный достаток (С.Е.);* **частной собственностью**: *Приемная семья имела свой земельный надел, свой домашний скот, лошадей, мельницу (П.Л.);* способного **совершать физические действия**: *...мы всей семьей очень любим петь (Н.Н.), ...семья бабушки переехала (С.И.), летом семья отправлялась в отпуск (И.И.), молодая семья успевала ходить в лес, в долгие походы и кататься на лыжах (Д.М.);*

подвергаться **насильственным действиям**: ...семьи выселяли и отправляли в Сибирь (С.И.), хозяйство было разворовано (С.И.), семью прадедушки раскулачили и сослали в Томскую область (У.Е.); наделенного **определенной судьбой**: Вот такая трагическая судьба преследовала мою семью (Н.Н.).

Периферийную зону концепта СЕМЬЯ образуют метафорически употребляемые в структуре жанра лексемы: КНИГА: Я надеюсь, что мои дети внесут свои дополнения в летопись нашей семьи (К.М.); ПРОСТРАНСТВО: Почти каждый праздник мы отмечаем в узком семейном кругу (Х.Д.); ГОСУДАРСТВО: Мы все живем по законам семьи что называется с пеленок... (Т.В.); ТЕАТР: В семье каждый из нас исполняет несколько ролей... (Д.М.); МУЗЕЙ: В нашей семье хранятся некоторые дорогие нашему сердцу вещи... (А.Р.); ВРЕМЯ: Будущее нашей семьи во многом зависело от этого маленького человека в очках (П.Ю.); ДУША: Семья – душа любой страны, / В ней все достоинства видны... (Н.Н.); НАУКА/ИСКУССТВО: Семья развивает нас и учит великой мудрости жизни (Г.И.); ВЫСШАЯ СИЛА: Семья – самое святое, что у меня есть (З.Ж.); ГНЕЗДО: Здесь мои родители свили свое гнездо, в котором сейчас так тепло и уютно (Х.Д.); ЦЕННОСТЬ: Мы с мужем показали пример сыну, как нужно хранить семейные узы... (К.Л.); НОША: Бабушка тянула на себе всю семью (К.Н.); ОТПЕЧАТОК: Искренне хочется, чтобы в этой жизни остался хотя бы небольшой, но светлый след нашей семьи (С.Л.); ЗЕРКАЛО: Семья, как зеркало, отражает жизнь страны (Ч.С.); РЕКА: Так и текла жизнь рода: то пороги, то перекаты... (М.Р.); ЗДАНИЕ: Семья строится неустанным трудом любви (Г.И.); ОЧАГ: Как и в любой семье, где горит огонь любви... (К.Л.), а также НИТИ; ОМУТ; ЭКСПЕРИМЕНТ. Несмотря на традиционность целого ряда проекций (КНИГА, ЗЕРКАЛО, НОША и т.п.), они сохраняют свою экспрессию и эвристичность, необходимые для столь ценного художественного начала в трактовке повседневности.

Описание слота РОДИТЕЛИ – ДЕТИ способствовало выявлению целого ряда общих и различных концептуальных признаков, позволяющих определить функциональное различие, выполняемое лексемами *дети*, *родители*. Так, общими являются следующие концептуальные признаки: **‘самое необходимое в жизни человека’, ‘самый родной человек’, ‘самое дорогое, ради чего можно пожертвовать жизнью’**. В процессе анализа текстов семейных родословных были установлены дополнительные концептуальные признаки лексемы *дети*:

- *'слабый'*;
- *'искренний, непосредственный'*;
- *'несущий Божью благодать'*;
- *'имеющий индивидуальность'*;
- *'нуждающийся в матери'*. Данный концептуальный при-

знак характеризует не столько детей, сколько родителей, раскрывает материнские качества, определяет роль матери в жизни ребенка.

- *'с несформировавшимся характером'*;
- *'находящийся на попечении родителей, воспитываемый'*.

Данный концептуальный признак указывает на необходимость воспитания, его сложность, а также характеризует разные стороны воспитания, способы и результаты.

- *'похожий по внутренним и внешним качествам на родителей'*. Достаточно часто в текстах родословных встречается информация о том, что дети усваивают многие черты отца или матери, ближайших родственников, перенимают их образ жизни.

- *'приносящий радость и горе родителям'*. Тексты семейных родословных помогают определить значение детей в жизни матерей и отцов, выявить глубину родительских переживаний. Проявление родительской радости может быть вызвано разными причинами: рождением ребенка, его успехами, посильной помощью, которую способны оказать дети.

- *'любимый родителями, несмотря на недостатки'*;
- *'будущее родителей'*;
- *'продолжатель династии'*;
- *'продолжатель рода, будущий кормилец, хозяин дома'*.

Большое количество текстов посвящено роли сына и дочери в доме родителей. В данном случае родословные отражают, с одной стороны, такой концептуальный признак, как *'занимающий равное положение в семье'*, а с другой, *'любимчик семьи; тот, кто наиболее дорог родителям в силу каких-либо обстоятельств'*.

Все выделенные концептуальные признаки микрополя ДЕТИ подразделяются на три типа: а) *слабый; искренний, непосредственный* – признаки, касающиеся возрастных особенностей ребенка; б) *Божья благодать, индивидуальность* – признаки, подчеркивающие своеобразие личности ребенка; в) все остальные признаки объединены под знаком взаимозависимости детей и родителей, и в списке этих концептуальных признаков выделяется подгруппа признаков *дети как будущее (будущий кормилец, продолжатель династии, будущее родителей)*. На основании

обобщения выделенных концептуальных признаков можно установить такую прототипическую черту как **‘любимый и воспитываемый родителями’**. Анализ стереотипных ситуаций, проявляемых через глаголы, обладающие типовой сочетаемостью с лексемами *родители, дети*, позволил выявить следующие прототипические черты. Родители – *‘тот, кто родил’*, *‘те, кто растит’*, *‘те, кто воспитывает’*. Дети – *‘неопытный’*, *‘обладающий особыми душевными свойствами’*, *‘тот, кто ведет себя непоседливо, шумно ради забавы’*. Черты *‘тот, у кого расшатаны нравственные представления о браке и семье’*, *‘тот, кто совершает выбор мужа/жены для своих детей’* расцениваются как отклонение от прототипа. Таким образом, при описании микрополя РОДИТЕЛИ (в целях выявления прототипических черт) ведущей проекцией становилась «глагольная» проекция (родители *баюкают, растят, утешают, развлекают...*), тогда как при описании микрополя ДЕТИ в равной степени мы опирались и на именные, и на глагольные проекции: важно не только то, что *делают* дети, но и *какими* они растут, *на кого* похожи.

При анализе слота МУЖ – ЖЕНА рассматривается гендерная противопоставленность конститuentов микрополей МУЖ, ЖЕНА, в основе которых лежат коррелирующие понятия *мужчина* и *женщина*. Семантическое пространство микрополей МУЖ – ЖЕНА, сформированных традицией, групповым опытом нации и обладающих культурной спецификой, позволяет выявить широкий ряд образов-ассоциатов, отражающих и объединяющих не только идеи укрепления семьи (СОВЕТЧИЦА, ДРУГ, ЗАЩИТНИК), но также идеи, обнажающие подрыв ее основ (СКАНДАЛИСТКА, ДЕСПОТ, БАБНИК). Исследуемые образы-ассоциаты регулируют всю глубину и неоднозначность содержания концепта СЕМЬЯ, имеющего значимую социально обусловленную идеальную основу.

Следует отметить, что авторы родословных чаще создают женские образы, нежели мужские, что связано, по-видимому, с преобладающим «гендером» самих авторов родословных: 79,8% «женских» сочинений и 20,2% «мужских». Недостаточное описание мужчин в текстах семейных родословных связано также либо с болезнью и ранней смертью мужчин, либо с уходом супруга из семьи. Соположение амбивалентных образов-ассоциатов, выявленных в семантическом пространстве микрополей МУЖ, ЖЕНА, отражает неоднозначное понимание говорящими понятия семья.

ЖЕНЩИНА – ДРУГ, ХОЗЯЙКА, РУКОДЕЛЬНИЦА, СОВЕТЧИЦА, НЯНЬКА, ЗАГАДКА, БЛУДНИЦА, СКАНДАЛИСТКА, РАЗЛУЧНИЦА, СПЕЦИАЛИСТ.

МУЖЧИНА – ХОЗЯИН, УМЕЛЕЦ, ЗАЩИТНИК, ПРИМЕР, ОБРАЗЕЦ, СПЕЦИАЛИСТ, РЕБЕНОК, ПЬЯНИЦА, ДЕСПОТ, БАБНИК. **ЖЕНЩИНА** – РУКОДЕЛЬНИЦА.

МУЖЧИНА – УМЕЛЕЦ. *У искусного мастера (прадеда) было много заказчиков. Мама помнила огромный платяной шкаф с большим количеством резных украшений: деревянных цветов, трав, их диковинных переплетений, которые можно было разглядывать часами.*

ЖЕНЩИНА – СОВЕТЧИЦА. *Вспоминая мать, я не перестаю восхищаться. Она была обыкновенной крестьянкой, но знала то, что наука открывает только сейчас. Видимо, это и есть народная мудрость. Она всегда говорила: «Нужно научиться жить так, чтобы сегодняшний мир не отягощать лишними обидами».*

МУЖЧИНА – ДЕСПОТ. *Прадед стал заглядываться на молодую женщину, устраивал жене безобразные сцены, а потом и руку стал поднимать. Однажды схватил прабабушку за руку так, что она хрустнула, как сломанная ветка.*

В текстах семейных родословных представлено соотношение идеального образа семьи и обобщенного восприятия, реально существующего в жизни.

Нами был разработан и использован прием анализа взаимодействия и пересечения следующих микрополей: РОДИТЕЛИ, ДЕТИ; МУЖ, ЖЕНА. Анализ взаимодействия и пересечения микрополей РОДИТЕЛИ – ДЕТИ, МУЖ – ЖЕНА, составляющих слоты концепта СЕМЬЯ, и последующее графическое изображение базисных и частных базисных моделей обнаруживает ядерный конституент концепта СЕМЬЯ – *чувства, объединяющие субъектов – членов семьи*, – и позволяет выявить разнообразные типы пересечения исследуемых микрополей.

Итак, представленные базисные и частные базисные модели позволяют выявить такой обязательный признак концепта, как ЧУВСТВА членов семьи. Эмоции – одна из форм субъективного отношения человека к миру действительности, затрагивающая чувства, физиологию, поведение, формы познания и концептуализации. Качество испытываемой эмоции напрямую зависит от восприятия ситуации, эмоцию порождающей. Авторы семейных родословных сами неосознанно создают соответствующие когнитивные модели для объяснения различных сторон своей собственной эмоциональной стихии. В основе эмоциональных проявлений лежат определенные индивидуальные различия, лингвокультурные стереотипы и нормы поведения, ментальные предпо-

чтения этноса, естественно и даже иногда парадоксально изменяющиеся в процессе исторического развития.

В рамках текста авторы родословных чаще всего не называют, точно не определяют чувства, **указывая лишь на условия ситуации**, порождающей ту или иную эмоцию. На базе положительных или отрицательных эмоциональных переживаний (чувств) возникает *базисная модель*. Термин *базисная модель-1* мы используем для обозначения моделей, в которых доминируют положительные эмоциональные переживания (любовь, уважение, заботливость, благодарность и т.д.). Термин *базисная модель-2* – для моделей с доминированием отрицательных эмоциональных переживаний (обида, жестокость, безучастность, злоба, неприязнь, нетерпимость и т.д.). Базисная модель предполагает обязательное наличие обоих микрополей: РОДИТЕЛИ – ДЕТИ, МУЖ – ЖЕНА.

Типы отношений, сложившиеся между двумя микрополями, могут восприниматься также через *частную базисную модель*. *Частная базисная модель*, в нашей интерпретации, предполагает отсутствие или целого микрополя, или одной из зон микрополя, например отсутствие зоны МАТЬ или зоны ОТЕЦ. В результате отсутствия одной из указанных зон осуществляется либо проекция на образовавшуюся пустоту в микрополе, тогда появляются зоны (компенсирующие проекции) МАЧЕХА / ОТЧИМ, либо же данные зоны так и остаются пустыми. Проекция может осуществляться и на целое микрополе: ПРИЕМНЫЕ РОДИТЕЛИ / ПРИЕМНЫЕ ДЕТИ. Отсутствие микрополя детерминировано пересечением концепта СЕМЬЯ с рядом других концептов: ВОЙНА, БОЛЕЗНЬ, СЛУЧАЙ и др. Чувства, возникающие в зоне пересечения микрополей, могут быть как однонаправленными, исходящими от субъектов одного микрополя к субъектам другого, так и взаимонаправленными, однако на выявление этого факта влияют рамки текстов семейных родословных. В случае отсутствия одного из микрополей МУЖ/ЖЕНА возникает понятие НЕПОЛНАЯ СЕМЬЯ.

БАЗИСНАЯ МОДЕЛЬ — 1

Мой дядя просто сумасшедший отец. Его дочек нельзя не обожать, но и любить их больше, чем Андрей, нереально. Чем бы он ни был занят, стоит только одной из его блондинок сказать, что

БАЗИСНАЯ МОДЕЛЬ — 2

Дома отец был изгоем. От него отгораживались, его не понимали и не принимали таким, каким он был. От своих родителей он всегда приходил молчаливый и угрюмый, но никогда не жаловался. Он чувствовал какую-то не-

соскучилась, и через десять минут он будет рядом с ней. Правда, дочка в долгу тоже не остаются и своими достижениями и успехами заставляют родителей только радоваться (Д.С.).

ЧАСТНАЯ БАЗИСНАЯ МО-
ДЕЛЬ — 1

Своего отчима я сразу приняла и полюбила. Мы жили в любви и согласии. Я называла его папой, а он меня – доченькой. Этот человек всегда готов был прийти на помощь, он научил меня многим вещам: трудиться, охотиться, рыбачить, благодаря ему я так сильно люблю природу и волю (М.Н.).

любовь к себе и очень переживал. Только однажды он с горечью произнес: «Я там чужой. Вы знаете, я им не нужен. Они смотрят на меня равнодушными глазами. Я для них – пустое место. Жаль, что родню не выбирают» (Н.М.).

ЧАСТНАЯ БАЗИСНАЯ МО-
ДЕЛЬ — 2

Не прошло и года, как отец женился снова. Мачеха была очень злая, во всем придиралась к девочке, ругала без причины (С.А.).

Подводя итог всему сказанному, мы отмечаем, что объем содержания концепта СЕМЬЯ зависит от вынужденно ограниченной или расширенной трактовки концепта СЕМЬЯ самими авторами текстов семейных родословных. Чаще имеет место расширенная трактовка концепта СЕМЬЯ в максимально полном знании (сохранении памяти) о цепи поколений. Концепт СЕМЬЯ включает в себя ядерных нерядоположенных конституента: субъектов – членов семьи и чувства, объединяющие их. Околоядерная зона представлена лексемами ПАРА, БРАК, РОДОСЛОВНАЯ, РОД, БЛИЗКИЕ, ФАМИЛИЯ, СОЮЗ, СЕМЕЙСТВО, РОДНЫЕ, ПРЕДКИ, СЕМЕЙНОЕ ДРЕВО/РОДСТВЕННЫЕ КОРНИ, КЛАН, ПАРТИЯ, СУДЬБА, ДОМ. Периферийную зону образует метафоризация лексем КНИГА, ПРОСТРАНСТВО, ГОСУДАРСТВО, ТЕАТР, МУЗЕЙ, ВРЕМЯ, ДУША, ЦЕННОСТЬ, НАУКА, ИСКУССТВО, ВЫСШАЯ СИЛА, ГНЕЗДО, ОТПЕЧАТОК, ЗЕРКАЛО, НОША, РЕКА, ЗДАНИЕ, ОЧАГ, РЕЗУЛЬТАТ ЭКСПЕРИМЕНТА, НИТИ, ОМУТ.

Литература

Рухленко Н.Н. Отношение к труду в семейных родословных // Сборник студенческих научных работ. Вып. VI. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – С.117-119.

Рухленко Н.Н., Харченко В.К. Паремическая составляющая концепта труда в жанре семейных родословных // Филологические исследования / Международный сборник научных трудов. Вып.2. – Белгород – Запорожье: ЗЮИ МВС Украины, 2003. – С.305-311.

Рухленко Н.Н. Оценочная лексика в жанре семейных родословных // Единство системного и функционального анализа языковых единиц/ Материалы региональной научной конференции 8-9 октября 2003 г.: Вып. 7: В 2 ч. Ч.II. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – С.60-64.

Рухленко Н.Н. Образ дома в жанре семейных родословных // Развитие личности в дошкольном и школьном образовании: опыт, проблемы, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч.II. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – С.97-101.

Рухленко Н.Н. Национально-культурная специфика жанра семейных родословных в преподавании русского языка как иностранного // Международная коммуникация и языковая прагматика в теории и практике обучения русскому языку как иностранному: Материалы междунар. науч.-метод. конф., 1-4 октября 2003 г.: В 2-х ч. Ч.II. – Москва – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – С.67-71.

Рухленко Н.Н. Оппозиция «свой» — «чужой» при описании Великой Отечественной войны в жанре семейных родословных // Лингвистические и методические проблемы обучения родному языку. Материалы науч. конф. студентов и аспирантов с международным участием. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – С. 20-24.

Рухленко Н.Н. Песня в зеркале семейных родословных // Коммуникативное поведение. Вып.18. Песня как коммуникативный жанр. – Воронеж: Истоки, 2004. – С.69-77.

Рухленко Н.Н. Проявление русского национального характера в жанре семейных родословных // Філософія і література. Матеріали XI Харківських міжнародних Сквородинівських читань. – Харків: Прометей-Прес, 2004. – С.213-215.

Н.Р. Эренбург (Воронеж)

УСПЕХ

Одним из основных направлений современной когнитивной лингвистики является изучение национальных концептов, в том числе в диахроническом аспекте. В настоящее время в русистике уже существует целый ряд исследований, посвященных таким важнейшим концептам, как *истина, ложь, долг, творчество, судьба, добро, зло, красота, свобода, человек* (См. об этих и некоторых других концептах: Логический анализ языка. Культурные концепты. — М., 1991); *культура, вечность, мир, слово, пера, любовь, радость, воля, правда, знание, наука* (Степанов 1997);

безразличие, удивление, презрение (Воркачев 1997, 2001); *труд* (Токарев 2000, 2001); *игра* (Гажева 2000); *оскорбление* (Воркачев, Кусов 2000); *Бог* (Листрова-Правда 2001); *счастье* (Савенкова 2000); *быт* (Рудакова 2003); *дорога* (Ипполитов 2003); *русский язык* (Тавдгиридзе 2005); *мысль* (Бондарева 2005); *гроза* (Фисенко 2005) и многие другие. Круг концептов, попавших в поле зрения исследователей, постоянно расширяется.

Целью данной работы является описание содержания и структуры концепта *успех* в русском языковом сознании и определение особенностей репрезентации названного концепта в русском языке новейшего периода.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

- 1) определение понятийного аппарата, используемого в работе;
- 2) выявление и анализ языковых средств, объективирующих концепт *успех* в современном русском языке, в том числе:
  - определение структурно-семантической организации номинативного поля концепта *успех*;
  - анализ ассоциативного поля ключевой лексемы «успех»;
  - анализ языковых средств объективации концепта *успех* в паремиологическом и афористическом фонде современного русского языка;
- 3) определение ассоциативного поля и психологически реального значения ключевой лексемы «успех»;
- 4) исследование содержания и моделирование структуры концепта *успех* в современном русском когнитивном сознании;
- 5) определение динамических изменений в концепте *успех* и его репрезентации в русском языке на рубеже XX — XXI вв.

В настоящей работе было принято следующее определение концепта: это квант структурированного знания, результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества, несущий комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении; он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом (Ср.: Попова, Стернин 2006; Маслова 2005). Структурная организация концепта включает ядро (прототипическую единицу УПК), приядерную зону (репрезентируемую синонимами ключевой лексемы) и периферию (ассоциативно-образные репрезентации концепта) (См., напр.: Воркачев 2004; Карасик 2004; Никитин 2004; Попова, Стернин 2001, 2006; Маслова 2005 и др.).

Языковой знак объективирует концепт в языке. Слово представляет концепт не полностью. Оно своим значением передает некоторые основные концептуальные признаки, релевантные для сообщения. Средствами языковой репрезентации концепта являются лексемы и фразеосочетания из состава лексико-фразеологической системы языка, свободные сочетания, тексты и совокупности текстов.

Исследование концепта *успех* проходило по следующим основным этапам:

1) построение номинативного поля современного концепта *успех*;

2) анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта;

3) когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств — выделение когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт;

4) описание содержания и специфики концепта *успех* в когнитивном сознании современных носителей русского языка;

5) графическое и словесное моделирование концепта *успех* как ментальной единицы (лингвоконцептуальный анализ);

6) описание динамических языковых процессов, происходящих в номинативном поле концепта *успех* в новейший период развития системы русского языка (когнитивно-семасиологический анализ).

Синхронный анализ структурно-семантической организации номинативного поля «Успех» показал, что исследуемое поле является достаточно большим фрагментом лексико-фразеологической системы современного русского языка. Общий объем названного поля составляет 1868 единиц, в числе которых 1630 лексем и 238 ФЕ. Номинативное поле «Успех» имеет широко разветвленную структуру, в которой выделяется 4 парцеллы (тематические группы): «Положительный результат деятельности» (352 лексем + 68 ФЕ; 22,5% от общего количества единиц поля); «Субъект успеха» (765 лексем + 84 ФЕ; 45,3% от общего количества единиц поля); «Путь к успеху» (390 + 60 ФЕ; 24%); «Эмоциональная составляющая успеха» (123 + 26 ФЕ; 8%). Данные тематические группы имеют ядерную зону, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. В составе парцелл, в свою очередь, вычленяются микрополя и микрогруппы.

Парцелла «Положительный результат деятельности» представлена двумя секторами: «Благоприятный итог деятельности» и «Общественное признание».

Сектор «Благоприятный итог деятельности» репрезентируют следующие микрогруппы: «Положительный результат каких-либо усилий человека» (*достижение, успех, свершение, результат, вершина, добиться своего, конечная цель* и др.), «Благоприятное стечение обстоятельств» (*удача, везение, фортуна, фарт, избежание неудач* и др.), «Высший показатель в борьбе за что-либо» (*победа, рекорд, первенство, подняться на пьедестал* и др.), «Выдающаяся победа» (*фурор, триумф, торжество* и др.), «Достижение материального благополучия, достатка» (*благополучие, достаток, состояние, преуспеть, процветание* и др.), «Карьерный, социальный рост человека» (*продвижение, сделать карьеру, карьерный рост, высокий рейтинг, привилегия* и др.), «Реализация личного потенциала человека» (*самоактуализация, самоутверждение, найти себя* и др.), «Духовные завоевания человека» (*счастье, свобода, исполнение мечты, независимость* и др.); «Продукт успешной деятельности» (*шедевр, награда, выигрыш* и др.).

Сектор «Общественное признание» представлен микрогруппами

«Общественное признание, одобрение чего-либо, чьих-либо достижений» (*слава, признание, похвала, чествовать, быть в центре внимания* и др.) и

«Интерес, влечение со стороны лиц другого пола» (*интерес, произвести впечатление, популярность* и др.).

В парцелле «Положительный результат деятельности» выделяется микрополе «Характеристика результата деятельности», в котором обнаруживаются микрогруппы: «Социальная характеристика достигнутого результата» (*приоритетный, элитный, привилегированный, востребованный* и др.), «Степень качества достигнутого результата» (*превосходный, рекордный, непревзойденный* и др.), «Эмоционально-экспрессивная характеристика достигнутого результата» (*невиданный, грандиозный, ошеломительный* и др.).

В парцелле «Субъект успеха» на основании различных смысловых параметров выделяются микрогруппы: «Наименование лица, достигшего успеха» (*герой, знаменитость, успешный человек, звезда* и др.), «Человек, которому сопутствует удача» (*счастливчик, избранник судьбы* и др.), «Наименование группы лиц, достигших успеха» (*созвездие, богема, когорта, золотая молодежь* и др.), «Наименование лица, не достигшего успеха» (*неудачник, лишенец, слабое звено, пораженец* и др.). На основании смыслового параметра «Сфера высоких достижений челове-

ка (или группы лиц)» выделяются микрогруппы: «Субъект в сфере науки, учебной, интеллектуальной и творческой деятельности» (*отличник, корифей, светлая голова* и др.), «Субъект в сфере трудовой деятельности на производстве» (*умелец, ударник, мастер на все руки* и др.), «Субъект в сфере спорта и состязаний» (*рекордсмен, победитель, триумфатор* и др.), «Субъект в сфере коммуникации и взаимоотношений между представителями разных полов» (*кумир, идеал, любимчик* и др.). В данной классификационной группе репрезентантов парцеллы «Субъект успеха» наибольший процент составляют языковые единицы, обозначающие субъекта успеха в сфере науки, учебной, интеллектуальной деятельности (21% от общего количества), а также в сфере творчества (18% от общего количества).

С точки зрения социального и имущественного положения человека, достигшего успеха, выделяются следующие микрогруппы: «Человек (или группа), принадлежащий к верхушке общества» (*богема, избранное общество, VIP-персона* и др.), «Человек (или группа), занимающий главенствующее положение в какой-либо социальной группе» (*лидер, глава, властелин* и др.).

В данной парцелле выделяется микрополе «Качества субъекта, необходимые для достижения успеха», в которое входят микрогруппы: «Избранность субъекта успеха» (*выдающийся, незаурядный, пользующийся известностью* и др.), «Творческий потенциал личности» (*гениальный, талант, призвание, искра божья* и др.), «Интеллектуальные свойства человека» (*эрудиция, мудрость, широкий кругозор* и др.), «Личностные свойства человека» (*амбициозный, честолюбивый, самоуважение, уверенность в себе* и др.), «Личное обаяние» (*обаятельный, остроумный, симпатия, шарм* и др.), «Волевые качества личности» (*харизма, упорство, энергичность* и др.), «Деловые качества, профессионализм» (*компетентный, опыт, маститый* и др.), «Социально-психологическая характеристика субъекта» (*обеспеченный, привилегированный, богатый, преуспевающий* и др.), «Эмоциональное восприятие субъекта успеха» (*любимый, уважаемый, восхитительный* и др.), «Удачливость» (*счастливым, везение, беспроблемный* и др.).

Парцелла «Путь к успеху» представлена в номинативном поле «Успех» следующими микрогруппами: «Этапы продвижения к успеху» (*достичь, успеть, увенчаться, превзойти, развивать* и др.), «Деятельность, определяющая путь к успеху (трудовая, интеллектуальная, деятельность по самосовершенствованию человека, творческая деятельность)» (*ударный труд, постичь, само-*

совершенствование, изобрести и др.), «Эмоционально-волевые компоненты процесса продвижения к успеху» (*отважиться, при-тязание, вдохновение* и др.), «Борьба за успех, преодоление трудностей» (*бороться, завоевать, победить, преодолеть* и др.), «Мифическая составляющая продвижения к успеху» (*шанс, испытать судьбу, везение* и др.), «Личное обаяние человека» (*пользоваться успехом, уметь подать себя* и др.).

Парцелла «Эмоциональная составляющая успеха» репрезентирована микрогруппами: «Состояние человека, пришедшего к успеху» (*радость волнение, восторг, счастье* и др.), «Восприятие субъекта или результата успешной деятельности» (*превозносить, обожание, похвала, удовольствие* и др.), «Выражение отрицательных эмоций и чувств (теневая сторона успеха)» (*зависть, лицемерие, презрение* и др.).

С точки зрения полевой организации, номинативное поле «Успех» в русском языке имеет сложную организацию в силу высокой абстрактности языковых единиц, входящих в его состав, высокой абстрактности и «калейдоскопичности» концепта¹сиех.

Ядерные лексемы составляют 1% от общего количества единиц поля. Данные единицы наиболее ярко выражают признаки поля исследуемого концепта, являются стилистически нейтральными, не имеют эмоционально-экспрессивных и темпоральных ограничений, в минимальной степени зависят от контекста (*успех, успешный, удача, достижение, победа, слава, добиться* и пр.).

Периферийные единицы составляют 99% от общего количества единиц поля. Для единиц ближней периферии номинативного поля «Успех» характерна меньшая степень выражения основных признаков поля, стилистическая нейтральность, минимальная зависимость от контекста (*счастье, идеал, итог, результат, подняться, престиж, авангард* и пр.). Единицы ближней периферии составляют 18,3% от общего количества единиц поля.

Дальняя периферия включает как однозначные, так и многозначные языковые единицы (*высота, вершина, расцвет, торжество* и пр.), составляет 35,4% от общего количества единиц поля.

Единицы крайней периферии представляют собой ассоциаты основных репрезентантов поля (*радость, восторг, коммуникабельный, обеспеченный, деньги, богатство* и т.д.) и прочие языковые единицы, которые выступают синонимами лексем «успех», «успешный» лишь в широком смысле слова. В крайнюю периферию входят устаревшие слова, стилистически ограниченная лексика (разговорная, жаргонная, терминологическая лексика), а

также фразеологизмы, семантика которых связана с понятием «успех».

Для уточнения структуры номинативного поля концепта, а также для анализа его содержания, выделения образующих его семантических признаков были использованы экспериментальные методики.

В свободном ассоциативном эксперименте участвовало 638 информантов (в том числе 340 женщин и 298 мужчин). Получено 620 реакций, 18 испытуемых не дали слов-реакций на словостимул «успех».

Анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента позволил выделить 5 смысловых зон ассоциативного поля лексемы «успех»:

1. «Положительный результат деятельности» (56,2% от общего количества реакций — *достигнутая цель, исполнение мечты, престиж, победа*);

2. «Эмоциональная составляющая успеха» (21% — *приподнятое настроение, головокружительный, восторг* и пр.);

3. «Сфера осуществления успеха» (10% — *в любви, фирмы, во всем, в соревновании* и пр.);

4. «Путь к успеху» (6,3% — *трудолюбие, страсть к победе, стремление*);

5. «Персонификация успеха» (2% — *сослуживца, я, личность, лидер* и пр.). Полученные в ходе эксперимента семантические зоны ассоциативного

поля соответствуют основным парцеллам номинативного поля концепта *успех*: «Положительный результат деятельности», «Эмоциональная составляющая успеха», «Путь к успеху» и «Субъект успеха», но отличаются от них в процентном выражении.

Результаты ассоциативного эксперимента отражают современное восприятие явления успеха носителями русского языка. Наиболее яркими являются зоны «Положительный результат деятельности» и «Эмоциональная составляющая успеха». Явление успеха в сознании современных носителей русского языка связано с целой гаммой ярких эмоций и чувств, преимущественно позитивных (*всплеск эмоций, легкость, праздник, ура!* и пр.). Лексема «успех» часто вызывает эмоциональную реакцию. Эксперимент обнаружил довольно обширную семантическую зону ассоциативного поля «Сфера достижения успеха», которая не была выявлена на начальных этапах исследования.

Проведенные исследования позволяют заключить, что системные значения лексемы «успех», зафиксированные в современных словарях русского языка («положительный результат, удачное завершение чего-либо», «общественное признание, одобрение», «хорошие результаты в учебных занятиях, достижения в освоении, изучении чего-либо»; см., напр.: СОШ; БТС и др.), в какой-то степени отражены лишь в ассоциатах смысловой группы «Положительный результат деятельности». Значения лексем-репрезентантов смысловых зон «Карьерный, социальный рост человека» и «Достижение материального благополучия» являются новейшими компонентами семантической структуры слова «успех», отражают изменения менталитета носителей русского языка (ср.: реакции типа: *бизнес, деньги, карьера, прибыль, финансы, капитал* и пр.). Результаты проведенного эксперимента обнаружили явное превалирование в современном содержании слова «успех» семантических составляющих «Достижение материального благополучия» (8% от общего количества реакций) и «Карьерный, социальный рост» (3%) над семантическим компонентом «Духовные достижения человека» (6,7%).

Семантические составляющие «Путь к успеху», «Эмоциональная составляющая успеха», «Сфера осуществления успеха», «Персонификация успеха», выявленные на основе анализа ассоциативного поля лексемы «успех», выходят за рамки словарных дефиниций и являются объективантами ассоциативно-образного поля концепта *успех* в сознании носителей языка.

Рецептивный эксперимент (с использованием методики субъективных дефиниций) также показал, что психолингвистические значения лексем «успех» и «успешный» существенно отличаются от значений этих слов в современных словарях русского языка.

В эксперименте, целью которого было выявление психологически реального содержания слова «успех», участвовало 512 респондентов, в том числе 254 женщины и 258 мужчин (из них 15 отказались дать свои определения). Получено 534 субъективные дефиниции. На основании результатов их анализа было сформулировано психологически реальное значение лексемы «успех».

Успех (534 субъективных дефиниции, 15 отказов).

I. Положительный результат деятельности — 303 субъективных дефиниции (56,7% от общего количества):

- 1) достижение поставленной цели — 158 дефиниций;
- 2) результат усилий человека — 37;
- 3) социальный рост человека — 50;
- 4) достижение материального достатка — 38;

5) духовные завоевания человека — 20.

II. Удача, везение, благоприятное стечение обстоятельств — 77 (15%).

III. Общественное признание — 55 (10,5%):

1) одобрение чьих-либо достижений, достоинств — 43;

2) востребованность человека в обществе — 12.

IV. Самореализация человека, воплощение им своих возможностей — 46 (8,6%).

V. Приподнятое эмоциональное состояние — 33 (6%).

Психологически реальное значение ядерной для исследуемого номинативного поля лексемы «успех» представлено не тремя, как в толковых словарях, а пятью значениями. Не зафиксированы в современных словарях русского языка следующие компоненты психологически реального значения:

1. Самореализация человека, воплощение им своих возможностей (8,6% от общего количества реакций);

2. Приподнятое эмоциональное состояние человека, гармония души и достижений человека (6%),

а также следующие семы:

1. Результат усилий человека;

2. Социальный рост человека;

3. Достижение материального достатка;

4. Востребованность человека в обществе.

Как и в свободном ассоциативном эксперименте, наиболее ярким значением лексемы «успех» для сознания носителей языка является значение «Положительный результат деятельности» (56,7% от общего количества реакций).

В то же время в языковом сознании современных носителей русского языка отсутствуют три компонента словарных дефиниций лексемы «успех»: «хорошие результаты в учебных занятиях, достижения в освоении, изучении чего-нибудь»; «интерес, влечение со стороны лиц другого пола»; «благоприятный итог, победа в каком-либо сражении, поединке» (См., напр.: БТС, 2004, с. 1400). Данные компоненты семантической структуры слова, очевидно, не являются достаточно актуальными для современного русского языкового сознания. Следующий этап экспериментального исследования был обусловлен антропоцентрическим, субъектным характером концепта *успех*, а также высокой функциональной значимостью и частотностью употребления в речи в новейший период развития русского языка ряда новых фразеосочетаний: *успешный человек, успешная личность, люди успеха, человек успеха* и некоторых других.

Для выявления психологически реального значения фразеосочетания «успешный человек» 414 испытуемым (в том числе 243 женщинам и 171 мужчине) было предложено задание: «Напишите, пожалуйста, своими словами, как Вы понимаете, кто такой «успешный человек». Было получено 395 дефиниций (19 отказов, связанных с абстрактностью и новизной понятия «успешный человек»).

Как показали результаты исследования, психологически реальное значение фразеосочетания «успешный человек» в сознании современных носителей русского языка имеет широкую структуру, представленную семью значениями: 1) человек, достигший поставленной результатов в чем-либо (42% реакций); 2) определенными личностными качествами (волевые качества, трудолюбие, высокая самооценка, лидерские качества и др.) (18% реакций); 3) удачливый человек (16%); 4) человек, обладающий материальным достатком и сделавший завидную карьеру (9,4%); 5) человек самодостаточный, реализовавший свои возможности (6,3%); 6) человек, добившийся признания, востребованный в обществе (4,8%); 7) человек, обладающий завидным здоровьем (2,8%).

Как показывают материалы анализа современного речевого употребления фразеосочетания «успешный человек» и данные психолингвистического эксперимента, в новейший период развития русского языка обнаруживается расширение семантической структуры лексемы «успешный». Весьма актуальным для носителей современного русского языка становится значение «такой, которому сопутствует успех в чем-либо» (характеристика субъекта успеха), которое в толковых словарях русского языка или не указано (См., напр.: СОШ), или имеет стилистические ограничения: «устар.» или «разг.» (См., напр.: БАС, МАС, БТС).

Экспериментальные методики дополняют и уточняют результаты анализа словарных материалов, касающиеся репрезентантов концепта *успех* в современном русском языке.

Фразеологизмы, поговорки, афоризмы, разнообразные стереотипы и оценки составляют крайнюю периферию и интерпретационное поле концепта *успех*.

Было зафиксировано и проанализировано 72 афоризма современных русских авторов, посвященных явлению успеха, и 153 поговорки, которые имеют хождение в современном российском обществе и являются актуальными для носителей современного русского языка. Как показывает анализ, интерпретация понятия «успех» в сознании современных носителей русского языка наря-

ду с традиционными представлениями (успех зависит от удачи, воли Божьей, трудолюбия, способностей и пр.) предполагает новые суждения и стереотипные оценки: успех зависит от усилий самого человека (*Всяк своего счастья кузнец*); успех можно «просчитать», «запланировать» (*Успех нужно развивать, пока он еще не созрел* (Юрий Скрялев, автор 16-й полосы «ЛГ»); *Лови момент*); успех предполагает борьбу (*Удачливый человек — это тот, кто может сложить фундамент своего успеха из камней, которыми в него кидают* (NN)); успех имеет «теневую сторону» (*Некоторая скандальность — необходимый фактор успеха* (Виктория Токарева); успех выражается в карьерном росте (*На своих ошибках учатся, на чужих делают карьеру* (Александр Фюрстенберг) и пр.

Проведенный когнитивный анализ результатов семантического исследования единиц номинативного поля концепта *успех* показывает, что модель названного концепта выглядит следующим образом.

Концепт *успех* является двухвершинным (или двуоценочным), т.е. имеет два полюса — с положительной и отрицательной оценочностью. Полярный, оппозиционный характер названного концепта проявляется в возможности его репрезентации антонимичными языковыми средствами. Указанная особенность проявляется во всей его ядерно-периферийной организации (Ср., напр.: *достижение — провал, удача — неудача; звезда — пораженец, неудачник, лишенец; Добрый конец — делу венец и В руках было, да через пальцы сплыло; звезда первой величины и слабое звено, упасть в грязь лицом* и т.д.).

По степени конкретности/абстрактности содержания исследуемый концепт относится к абстрактным единицам мышления. Имея регулярную языковую выраженность в современном русском языке, концепт *успех* относится к вербализованным, устойчивым концептам. Способ языковой выраженности указывает на лексико-фразеологический характер изучаемого концепта.

С точки зрения репрезентации структур представления знаний, концепт *успех* относится к особому типу концептов — калейдоскопическим концептам (по А.П.Бабушкину). Специфика названного ментального образования заключается в «текучести», диффузности, нежесткой структурированности компонентов его поля. Концепт *успех* сопряжен с когнитивными метафорами (гештальтами), через призму которых постигается сущность явления успеха. Как показывают экспериментальные методики, лексема

«успех» в «калейдоскопе» образных ассоциаций объективируется в сознании современных носителей русского языка то в виде мыслительной картинки (реакции типа: *большой дом, хорошая машина, много денег, капитал, цветы, солнце* и пр.), то в виде фрейма (реакции типа: *семья, любовь, когда стоишь выше всех, всеобщее признание, хорошее социальное положение* и др.), то в виде сценария (реакции типа: *достижение поставленной цели; продвижение в делах, начинаниях; общение с хорошими друзьями; когда твои начинания принимают, сотрудничают с тобой* и т.д.).

По своей структурной организации концепт *успех* носит сложный многоуровневый характер, обладает нежесткой структурой в силу своей высокой абстрактности. Ядро концепта выражено неким когнитивным образованием, прототипической единицей УПК. Чувственный образ в структуре концепта неоднороден. Он может носить перцептивный (чувственный) характер (реакции типа: *легкость, головокружение, эйфория* и пр.) или образный, метафорический характер (реакции типа: *солнце, цветы, деньги, капитал* и т.д.).

Базовая часть концепта «Положительный результат деятельности» репрезентирована 2 секторами: «Благоприятный итог деятельности» и «Общественное признание». Большой яркостью обладает сектор «Благоприятный итог деятельности». Это обнаруживается в его широкой репрезентации в современной языковой системе и подтверждается данными экспериментальных методик. Названный сектор представлен большим количеством микрогрупп. Данный аспект концепта *успех* чрезвычайно актуален для прагматического, эгоцентрического сознания современных носителей русского языка. В современной русской когнитивной картине мира важно именно «получение положительного результата деятельности» (преимущественно о вещественного результата), «достижение поставленной цели», а не столько «завоевание славы, внимания, общественного признания» и т.д.

Периферия (ассоциативно-образное поле) концепта представлена секторами: «Субъект успеха», «Путь к успеху», «Качества субъекта, необходимые для достижения успеха», «Эмоциональная составляющая успеха». Когнитивные образования периферийной зоны концепта, а также его интерпретационный слой обладают наиболее слабой структурированностью, отсутствием четких границ и существенной подвижностью — взаимопроникновением с другими концептами русской концептосферы. Сектор «Субъект успеха» является наиболее «подвижной» зоной концеп-

та, в которой в новейший период развития русской языковой системы и русского когнитивного сознания происходят существенные трансформации.

Данные секторы формируются на основе следующих основных когнитивных признаков.

«Положительный результат деятельности».

Сектор «Благоприятный итог деятельности»: завершенность некоего этапа действий и усилий человека; достижение поставленной цели; актуализация лучших возможностей, потенциала человека; самореализация человека; вид деятельности, в которой субъект добивается высоких результатов; материальный или духовный характер полученного результата; завоевание социального статуса; благоприятное стечение обстоятельств.

Сектор «Общественное признание»: оценка субъекта успеха и его достижений социумом; восприятие субъекта представителями противоположного пола.

Сектор «Субъект успеха»: оценка лица или группы; сфера высоких достижений субъекта; избранность субъекта успеха; наличие определенного потенциала (степень мастерства, личностные качества, воля, обаяние, деловые качества); реализованность в обществе; общественный статус; материальная обеспеченность, достаток; востребованность субъекта и его способностей в обществе; удачливость; завидное здоровье.

Сектор «Путь к успеху»: трудовые усилия; интеллектуальные усилия; самосовершенствование субъекта; борьба за достижение успеха, преодоление трудностей; необходимость эмоционально-волевых усилий; мифическая составляющая продвижения к успеху; реализация креативного потенциала; использование личного обаяния; фазовый характер продвижения к успеху.

Сектор «Качества субъекта, необходимые для продвижения к успеху»: наличие творческого потенциала; личностные свойства субъекта (волевые и морально-нравственные качества); интеллектуальные свойства и способности; обаяние; профессионализм; высокая самооценка, наличие амбиций; лидерские качества; коммуникабельность.

Сектор «Эмоциональная составляющая успеха»: приподнятое эмоциональное состояние; положительный или отрицательный характер переживаемых эмоций и чувств; образность, метафоричность эмоциональных переживаний.

В целом, как свидетельствуют результаты исследования, представленного в настоящей работе, основными классификационными когнитивными признаками концепта *успех*, на основе кото-

рых так или иначе формируются практически все секторы названного концепта, являются следующие: достижение поставленной цели; борьба за достижение цели, преодоление трудностей; удача, благоприятное стечение обстоятельств; необходимость эмоционально-волевых усилий для достижения цели; реализация творческих возможностей человека; проявление определенных интеллектуальных свойств человека; трудовые усилия человека; использование личного обаяния; самореализация человека; востребованность человека в обществе; признание субъекта социумом; комплекс необходимых для достижения успеха личностных качеств и свойств субъекта; достижение высокого социального статуса; достижение материальной обеспеченности; духовный или материальный характер полученного результата в той или иной сфере человеческой деятельности.

Актуальными когнитивными признаками концепта *успех*, активно формирующимися в когнитивном сознании современных носителей русского языка и отражающими новые черты русского менталитета, являются следующие: достижение поставленной цели благодаря усилиям самого человека; материальный характер достигнутого результата; завоевание высокого социального статуса; самореализация человека; амбициозность как положительная личностная черта субъекта успеха.

Результаты проведенного исследования показывают, что концепт *успех* в современном сознании носителей русского языка имеет гендерную специфику. Гендерные особенности проявляются в специфике образов УПК, кодирующих концепт в мышлении представителей различных полов, в отражении в содержании концепта особенностей женской и мужской психологии, мышления и деятельности. Гендерные различия наблюдаются на уровне предпочтения тех или иных микрополей ядра концепта. Женщины в большей степени актуализируют аспект «Благоприятное стечение обстоятельств» (реакции типа: *удача, везение, фарт, фортуна* и пр.). Для мужчин характерны реакции, актуализирующие микрогруппы: «Достижение материального благополучия» и «Общественное признание» (реакции типа: *много денег, финансы, сделка, капитал, престиж, признание* и пр.). Отмеченное обстоятельство свидетельствует о значительно большем прагматизме, рационализме, большей конкретности мышления мужчин и их ориентации на достижение социального роста и материального благополучия. Женщины в проведенных исследованиях демонстрировали абстрактность и «фатализм» мышления.

Женщинам в большей степени, чем мужчинам, присуща актуализация смысловой зоны «Эмоциональная составляющая успеха», что является проявлением развитой эмоционально-чувственной сферы женской психологии. Для женщин характерны яркие, эмоционально-экспрессивные, метафорические и гораздо более разнообразные, по сравнению с мужчинами, образы успеха (реакции типа: *радость, солнце, всплеск эмоций, блеск, эйфория* и пр.).

По-разному мужчинами и женщинами воспринимается сфера осуществления успеха. Для женщин типичны реакции: *семья, любовь, жизнь, во всем*; для мужчин — *в делах, в работе, карьере, в соревновании, в учебе* и пр. Это объясняется преобладанием у мужчин профессиональной деятельности, влечения к коллективу, а у женщин — преобладанием влечения к семье, интимному миру.

В настоящей работе выполнен диахронический анализ репрезентации концепта *успех* в советский и новейший периоды развития русской языковой системы, выявлены типичные репрезентанты (языковые предпочтения) концепта *успех* названных периодов развития русского языка.

Когнитивно-семасиологическое исследование концепта позволило сделать следующие выводы об изменении его содержания и репрезентации в новейший период развития русской языковой системы. Глобальными изменениями в общественном сознании носителей русского языка обусловлены следующие лексико-семантические трансформации репрезентантов концепта *успех*: появление инноваций в номинативном поле концепта; перераспределение между активным и пассивным запасами языковых единиц номинативного поля концепта; изменения в семантике многих репрезентантов концепта.

Как показали исследования, в новейший период развития русского языка номинативное поле концепта *успех* активно пополняется следующими инновациями: новыми устойчивыми словосочетаниями с ключевыми лексемами названного поля (*успешный человек, формула успеха, секреты успеха, язык успеха, феномен успеха* и пр.); морфологическими неологизмами и заимствованиями (*VIP-персона, суперстар, самопрезентация* и др.); индивидуально-авторскими словообразовательными неологизмами с производящей основой «успех-» (*мегауспех*); новой стилистически ограниченной лексикой, в том числе терминами и жаргонизмами (*ситуация успеха, система успеха, технология успеха, супер* и пр.). Пополнение номинативного поля «Успех» происхо-

дит и за счет новых значений лексем, традиционно входящих в данное номинативное поле (ср., напр.: *амбиция* в значении «претензии, притязания на что-либо»).

Появление новых устойчивых словосочетаний (*успешный человек, успешная личность, люди успеха* и пр.) в большинстве случаев оказывается связанным с расширением семантической структуры прилагательного «успешный» за счет актуализации значения «такой, которому сопутствует успех» (о человеке). При всем многообразии современных лексем-репрезентантов парцеллы «Субъект успеха» (*победитель, корифей, когорта, кумир* и пр.) предпочтительными, функционально значимыми, имеющими высокую частотность употребления в речи оказываются следующие новые языковые единицы: *успешный человек, успешная личность, люди успеха, человек успеха, успешный* (субстантивированное прилагательное), которые как бы вытесняют все прочие обозначения субъекта успеха, становятся универсальными.

Ярким процессом развития номинативного поля исследуемого концепта в последние десятилетия стало перераспределение различных групп лексем-репрезентантов внутри названного поля.

В составе актуализированных объективантов концепта *успех* новейшего времени выделяется два разряда словесных единиц:

1) актуализированная «тематически ограниченная» лексика, включающая в себя: а) актуализированные лексем-репрезентанты, связанные с так надуваемым «буржуазным» пониманием успеха (*богема, олигарх, золотая молодежь, карьера, деньги* и пр.); б) актуализированные лексем-репрезентанты со значением личного успеха человека (слова с корнем «*само...*», *амбиция, честолюбие* и пр.);

2) актуализированная стилистически ограниченная лексика, в том числе: а) актуализированные лексем-репрезентанты, имеющие терминологическое значение (*адаптированный, эффективный, коммуникабельный, динамичный* и пр.); б) актуализированная жаргонная лексика (*фарт, верхушка, крутой* и пр.).

Как показали исследования, пассивизации подвергся большой пласт слов и фразеологических выражений, передающих специфические черты советской эпохи (так называемые «советизмы»): *ударник производства, передовик, герой, вождь, активист, актив* и пр., а также значительная группа лексем, обозначающих понятия, не актуальные для современного русского менталитета: *энтузиаст, самоотверженный, доблестный, героический* и др.

В плане семантических трансформаций языковых знаков номинативного поля концепта *успех* наблюдаются процессы де-

идеологизации лексем-репрезентантов концепта, изменения их социальной оценочности и переориентации номинаций, а также модификации на уровнях парадигматических, синтагматических и стилистических сем (микрокомпонентов значения). Процессы переориентации номинаций, изменения социальной оценочности слов обнаруживаются, прежде всего, у слов и фразеологических выражений, ассоциировавшихся ранее с реалиями буржуазного быта или дореволюционной жизни России (*светский лев, сливки общества, олигарх, золотая молодежь, богема* и т.д.), а также у слов и фразеологических выражений со значением «реализация личностного потенциала человека» (слова с корнем «само...», *амбиция, самолюбие, честолюбие* и пр.).

Парадигматические изменения выражаются, прежде всего, в перераспределении синонимических отношений и расширении тематических связей лексем-репрезентантов концепта. В советский период развития русской языковой системы в синонимических сближениях со словом «успех» выступали лексемы: *победа, рекорд, завоевание, первенство, достижение, свершение, триумф* (репрезентанты микрополя «Высший показатель в борьбе за что-либо»), т.к. в этот период одной из черт менталитета был дух соревновательности, основанный на конкуренции со всем иностранным, борьбе за коммунистическое будущее. В новейший период в связи с особенностями современного русского менталитета (прагматизмом, карьеризмом, преобладанием материальных потребностей над духовными и пр.) слово «успех» синонимически сближается со словами: *удача, достижение, продвижение, статус, престиж* и пр. В одном синонимическом ряду со словом «успех» и его производными оказываются, например, такие слова и фразеологические выражения, как *эффективность, адаптированность, самореализация, уверенность в себе, процветание* и пр.

Семантические изменения в синтагматическом микрокомпоненте лексем-репрезентантов концепта *успех* в новейший период развития русского языка ярко представлены в семах, отражающих новую лексическую и фразеологическую сочетаемость словесных знаков. Согласно данным словарей и специальным исследованиям, в советский период развития русского языка типичной для лексемы «успех» была сочетаемость следующего типа: *успехи культурного строительства, успехи завода, боя* и т.д.; *успех громадный, большой, заслуженный, неожиданный, повсеместный, производственные успехи, сомнительный успех* и т.д.; *делать успехи, добиться успеха, достигнуть успехов, желать*

успеха, завоевать успех и пр. (См., напр.: Г.Я.Солганик. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения (2002), а также Комплексный словарь русского языка под ред. А.Н.Тихонова (2001). В современный период развития русского языка наблюдается расширение сочетаемости названных лексем. Ср.: «Муравьи — это невероятно успешные животные» (ТВ, т/п «Истории с географией», 30.10.2004); «секрет успеха корсетов и корсажей» (журнал «Ателье», 09, 2004); «успешное государство» (ТВ, т/п «Новости», 18.10.06); «успешное тело», «успешная семья» (ТВ, т/ф «Женская интуиция»); «Как учить себя успеху», «На что направлен ваш успех» (Н.Козлов. Формула успеха, или Философия жизни эффективного человека. — М., 2004. — С.38) и др. В новейший период развития русского языка изменения в синтагматическом микрокомпоненте значения лексем-репрезентантов исследуемого концепта проявляются также в значительном расширении возможностей использования соответствующих лексем в составе изобразительно-выразительных тропов и фигур: метафор, олицетворений, сравнений, эпитетов. Ср.: «Медитация Ангела Успеха» (Н.Правдина. Я привлекаю успех. — М., 2005. — С.51); «Парус вашего успеха» (журнал «Pulse Воронеж», №9, 2005); «А успех просто в экстазе бросается к нашим ногам» (Н.Правдина. Я привлекаю успех. — М., 2005. — С.78) и пр.

На современном этапе развития русского языка происходит изменение стилистической окраски многих лексем-репрезентантов концепта *успех*, которые могут употребляться даже в сниженном, разговорном стиле (*успешная жена, успешное тело, успешная чертовка*).

В целом, как свидетельствуют проведенные исследования, в новейший период развития русской языковой системы концепт *успех* обладает весьма высокой частотностью его репрезентаций в речи, что является важным показателем актуальности названного концепта в когнитивном сознании современных носителей русского языка.

Исследуемый концепт характеризуется увеличением количества языковых единиц-объективантов концепта, расширением синонимического ряда, что является отражением роста популярности денотата концепта. Все отмеченные обстоятельства позволяют утверждать, что концепт *успех* в новейший период развития языкового сознания представляет собой один из актуальных, базовых, знаковых концептов современной русской концептосферы.

Как показывают материалы проведенного анализа, в номинативном поле исследуемого концепта пассивизируются языковые единицы, имеющие сему «деятельность человека во благо общества»; появляются, заимствуются и актуализируются языковые знаки со значениями «самореализация человека», «достижение материальной обеспеченности, высокого положения в обществе». Проведенные исследования позволяют уточнить содержание понятия «успех» (как части соответствующего концепта) в советский и новейший периоды развития общественного сознания. Успех в советском обществе воспринимался глобально, в масштабах страны, народа. Успешной личностью в советскую эпоху считался человек, обладающий, прежде всего, такими качествами, как самоотверженность, дисциплинированность, самоотдача, самопожертвование, трудолюбие и пр., и реализовавший все свои лучшие качества в служении интересам общества.

Успех в современных условиях предполагает, прежде всего, личные достижения человека, его самореализацию, самовоплощение. Успешным можно быть не только в общественной жизни, но и в личной, частной жизни, интимном мире. Понятие «успеха» воспринимается в новейший период развития русского общества в «эгоцентрическом» аспекте.

Указанные различия могут быть представлены в следующих таблицах.

Критерии успешности деятельности человека

Советская эпоха	Новейший период развития российского общества
1. Труд на благо общества, народа 2. Коллективизм 3. Патриотизм	1. Материальная обеспеченность 2. Самореализация человека 3. Признание в обществе личных достижений человека

Типичные сферы репрезентации концепта успех

<u>Советская эпоха</u>	<u>Новейший период</u>
1. Общественное производство 2. Спорт	1. Бизнес 2. Самореализация человека, его частная жизнь

3. Область научно-технического прогресса, научная, учебная деятельность	3. Творчество
4. Творчество	4. Спорт
	5. Научная, учебная деятельность

Как показали исследования, в новейший период развития русского языка концепт *успех* чаще всего репрезентируется в текстах, посвященных проблемам бизнеса и самореализации человека. Отмеченное обстоятельство также определяет инновации в содержании названного концепта, наблюдаемые в новейший период развития российского общества. В целом, можно говорить о том, что в концепте *успех* отражаются типичные черты русского менталитета соответствующих периодов развития российского общества.

Черты русского менталитета, отраженные в концепте *успех*

Советская эпоха	Новейший период
<ul style="list-style-type: none"> - Приоритет общественных интересов вопреки личным интересам человека - Самоотверженность - Патриотизм - Коллективизм - Дух соревновательности, основанный на конкуренции со всем иностранным - Рекордизм - Романтизм достижений 	<ul style="list-style-type: none"> - Прагматизм - Преобладание материальных потребностей над духовными - Демонстративная амбициозность - Деловитость, профессионализм, карьеризм - Эгоцентризм, индивидуализм - Разобщенность - Показной оптимизм, скрытость, маскировка переживаний

На наш взгляд, одним из основных направлений развития концепта *успех* в русском когнитивном сознании в конце XX — начале XXI вв. становится сближение названного концепта с одним из компонентов американского менталитета, с соответствующим концептом американского сознания — «американской мечтой» о славе и богатстве и возможности человека управлять своей судьбой. В то же время в современном русском сознании концепт *успех* отражает некий парадокс — активное стремление людей к успеху на фоне деструктивных тенденций в обществе и разрушения духовно-нравственных ценностей.

Подведем основные итоги.

1. На рубеже XX — XXI вв. концепт *успех* представляет собой один из актуальных, базовых, знаковых концептов современной русской концептосферы. Он воплощает в себе, наряду с традиционными, принципиально важные черты русского менталитета новейшего периода развития российского общества.

2. Особенностью концепта *успех* является его ярко выраженный динамический характер. Названный концепт отражает социальные, культурные, ментальные изменения, происходящие в обществе и в сознании носителей русского языка.

3. Концепт *успех* организован по ядерно-периферическому принципу. В структуре концепта выделяются пять основных секторов: «Положительный результат деятельности», «Субъект успеха», «Путь к успеху», «Качества субъекта, необходимые для достижения успеха», «Эмоциональная составляющая успеха», каждый из которых образуется на основе целого ряда различных когнитивных признаков. Актуальными когнитивными признаками концепта *успех*, активно формирующимися в сознании современных носителей русского языка и отражающими новые черты русского менталитета, являются следующие: достижение оставленной цели благодаря усилиям самого человека; материальный характер достигнутого результата; завоевание высокого социального статуса; самореализация человека; амбициозность как положительная личностная черта субъекта успеха.

4. Концепт *успех* относится к типу абстрактных, калейдоскопических концептов и является двухвершинным (или двуоценочным), т.к. имеет два полюса — с положительной и отрицательной оценочностью.

5. Концепт *успех* имеет тендерную специфику, которая проявляется в особенностях образов универсального предметного кода (УПК), кодирующих концепт в мышлении представителей различных полов, в отражении в содержании концепта особенностей женской и мужской психологии, мышления и деятельности.

6. Концепт *успех* объективирован в современном русском языке обширным номинативным полем, имеющим сложную организацию. В новейший период развития русского языка в номинативном поле названного концепта происходят активные лексико-семантические процессы: появление инноваций, перераспределение между активным и пассивным запасами языковых единиц поля, изменения в семантике репрезентантов концепта. Пассивизируются языковые единицы, имеющие сему «деятельность человека во благо общества»; появляются, заимствуются и актуа-

лизируются единицы со значениями «самореализация человека», «достижение материальной обеспеченности, высокого положения в обществе». На рубеже XX — XXI вв. концепт *успех* в русском языковом сознании приобретает «эгоцентрический» характер.

Литература

Эренбург, Н.Р. О некоторых изменениях концепта *успех* в языковом сознании носителей русского языка / Н.Р. Эренбург // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: Материалы V Всерос. науч.-метод. конф. / [под ред. проф. О.В.Загоровской]. — Воронеж: Научная книга, 2004. — С. 103 — 105.

Эренбург, Н.Р. Особенности языковой репрезентации концепта *успех* в русском языке новейшего периода / Н.Р.Эренбург // Известия Научно-координационного центра по профилю «филология» (ВГПУ — ВОИПКРО). — Вып. III. — Воронеж: ВЭПИ, 2005. — С. 212 — 215.

Эренбург, Н.Р. Паремии как средство объективации концепта *успех* в традиционном русском народном сознании / Н.Р. Эренбург // Известия Научно-координационного центра по профилю «филология» (ВГПУ — ВОИПКРО). — Вып. IV. — Воронеж: ВЭПИ, 2006. — С. 197 — 200.

Эренбург, Н.Р. Динамические изменения в ЛФП концепта *успех* в русском языке новейшего периода / Н.Р. Эренбург // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: материалы VI. Всерос. науч.-метод. конф. / [под ред. О.В.Загоровской]. — Ч.1. — Воронеж: Научная книга, 2006. — С. 74 — 79.

Эренбург, Н.Р. Психологически реальное значение лексемы «успех» в языковом сознании современных носителей русского языка / Н.Р. Эренбург // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: Материалы VI Всерос. науч.-метод. конф. / [под ред. О.В.Загоровской]. — Ч.2. — Воронеж: Научная книга, 2006. С.45-51.

Эренбург, Н.Р. Концепт *успех* и его репрезентация в русском языке новейшего периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Р. Эренбург. — Воронеж, 2006. — 23 с.

И.А. Майоренко (Краснодар)

ДЕНЬГИ

Данная работа посвящена концептуализации понятия «деньги» в лексической системе и фонде устойчивых единиц русского, английского и французского языков.

Одним из базовых понятий лингвокультурологии являются концепты культуры, высокий эвристический потенциал которых объясняет исследовательский интерес, проявляемый к ним. За последние несколько лет к проблеме концептов в монографических работах обращались Н.Э. Агаркова, Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, Л.Ю. Буянова, С.Г. Воркачёв, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.В. Красных, Н.Н. Панченко, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и другие. Анализуются культурные и эмоциональные концепты, в которых отражаются различные сферы человеческой деятельности и отношений, аспекты поведения человека, его духовные устремления. Появляются работы, в которых авторы (Е.В. Бабаева, Л.Е. Вильмс, А.А. Киприянова, С.В. Кулинская, С.Б. Куцый и др.), стремятся постичь содержание концептов на материале сопоставления различных языков.

Под концептом, вслед за С.Б. Куцый (2003), понимаем сложное, многомерное и многоаспектное образование, значимое для данной культуры, отражённое в коллективном сознании, закреплённое за определённой областью действительности и выраженное в тех или иных языковых формах. Концепт характеризуется следующими свойствами: ментальным характером, соотносённостью с когнитивными структурами; наличием имени; заместительной функцией; потенциальностью; воплощённостью в различных языковых единицах; манифестацией в форме понятия, символа, образа; культурно-исторической и философской детерминированностью; ценностным характером. С одной стороны, в структуру концепта входит всё, что создаёт понятие; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что и делает его фактором культуры – исходная форма, сжатая до основных признаков содержания, история, современные ассоциации, оценки. Мы включаем в концепт все признаки объекта, рассматривая концепт как знание, структурированное во фрейм.

Анализ лингвокультурного концепта может опираться на данные как синхронного, так и диахронного анализа. Обязательным условием является сопоставление полученных результатов с одним или несколькими языками. Концептуальный анализ понимается как выявление каналов доступа к гетерогенной идеальной области через языковые явления. Такими каналами могут быть лексемы, репрезентирующие ту или иную сторону действительности, внутренняя форма этих лексем, их деривационные, парадигматические и синтагматические связи, идиомы, паремии и афоризмы, а также выявленные в ходе их анализа когнитивные

структуры, метафоры, составляющие симболаторий культуры. Изучение экстралингвистических данных, изложенных в ряде трудов по этнопсихологии, социологии, экономике, этнографии, истории, философии и других, показало, что понятие «деньги», по мнению представителей разных сфер научного знания, тесно связано с особенностями развития нации, определяющими ядерные компоненты национального характера. Так, в русскоязычном видении мира понятие «деньги» в течение многих лет было на периферии восприятия, в то время как в западных культурах являлось существенным организующим элементом в отражении и оценке окружающей действительности, что предопределило, например, как считает В. Руднев, появление в русском сознании как минимум пяти «злокачественных» идей, составляющих «эксеркантилистский комплекс»: деньги как 1) объект частичного фетишистского влечения, 2) эксконсюмеристский объект, 3) форинизированный объект, 4) объект криминализирующего влечения, 5) инструмент деменциализации субъекта (В. Руднев, 2000). Разумеется, что представление о «злокачественности» этих идей разделяется далеко не всеми носителями русской культуры.

В результате наблюдения над представлениями о деньгах, изложенными в текстах экономистов, философов, историков, культурологов, выявлены следующие концептообразующие, сущностные признаки: деньги — это «низменный и презренный металл», «гадкие бумажки», «кровь общества», «положительный баланс жизни»; деньги — это «достаток, сила, власть, счастье, добро, правда», это «вечный двигатель» «вознаграждение за труд», «общепризнанная стоимость», «инструмент распределения благ», «средство обмена», деньги — «фетиш», «орудие Сатаны», деньги это «особый код культуры», «специализированный язык», «Бог товаров», «товар товаров», деньги — это «сгусток общественного богатства», «сгусток общественного труда», «деньги — это свидетельство на получение дани со всех трудящихся», это «универсальный вид вещи», деньги — «всеобщий эквивалент, выполняющий функции меры стоимости, средства обращения, средства платежа, средства накопления и сбережения» и т.д.

Понятие «деньги» не имеет единого индоевропейского обозначения, более того, его обозначения разнообразны даже в пределах одной и той же культуры — современной европейской. Например, фр. «argent» в первом значении означает 'серебро', англ. «money» в том же значении «деньги» восходит к латинскому «moneta», к которому, с другой стороны, возводится русская еди-

ница «монета».

В результате проведённого анализа было выявлено то, что в истории номинации денежных единиц в русском языке сохранились и не утратили своего значения и по сей день такие лексические репрезентанты концепта «деньги», как *копейка, рубль, тысяча*. Такие же лексемы, как *алтын, полтина, гривна, грош* и другие имеют статус устаревших, однако сохраняются в устойчивых единицах. В истории номинации денежных единиц в английском языке и его американском варианте сохранились и не утратили своего значения такие репрезентанты концепта «money», как *dollar, pound, pence*. Такие же единицы, как *shilling, groat* имеют статус устаревших, однако по-прежнему сохраняются во фразеологическом фонде англоговорящих народов. Во французском языке единицы *franc, sou, denier, livre, liard* перестали активно употребляться в связи с введением «евро», однако сохранились в устойчивых образованиях.

Таким образом, в языковых воплощениях понятия «деньги» наглядно проявляется близость между языком и культурой: возникновение новых репрезентантов концепта «деньги» и сосуществование их со старыми тесно связаны с народным языковым сознанием, с одной стороны, и с особенностями исторического пути нации – с другой.

Поле «деньги» в русском языковом сознании складывается из всех наименований денежных единиц, среди которых родовым является собственно наименование концепта «деньги», а видами — репрезентанты: *копейка, рубль, алтын, полтина (полтинник), гривна, грош, тысяча, миллион* и т.д. Различные репрезентанты концепта «деньги» передают в каждом из анализируемых языков особое, эмоционально насыщенное мироощущение говорящего. Сверхкраткость в семантике этих слов как бы сгущает и уплотняет само понятие «деньги», повышая ценность каждой его семы, а сам концепт «деньги» является как бы семантически нейтральным. Следует отметить, что разные типы репрезентантов неодинаково функционируют во фразеологии сопоставляемых языков, причём каждой разновидности присуща разная степень частотности употребления в ФЕ (см. таблицу 1).

Таблица 1

	Всего ФЕ, включающих понятия «деньги»	ФЕ с нейтральной лексемой деньги/mon	ФЕ с актуальными репрезентантами	ФЕ с устаревшими единицами
--	---------------------------------------	--------------------------------------	----------------------------------	----------------------------

		eu/argent		
Русский язык	355	247	53	55
Английский язык	450	393	17	40
Французский язык	480	402	0	73

Общим результатом семантического развития слов, репрезентирующих понятие «деньги» во всех трёх языках, явилось сосуществование наименований современных и устаревших денежных единиц, что, видимо, свидетельствует о большой субъективной ценности понятия «деньги» для каждого народа. Вместе с тем для русского языка очень активно употребление лексем «копейка», «рубль», в которых содержатся коннотативные семы. Видимо, это связано с тем, что нейтральное понятие «деньги» в русском языке лишено возможности выражать такие дополнительные оценочные значения. И, вероятно, с этим связано относительно небольшое употребление нейтрального слова «деньги» в идиомах. В английском языке относительно немного устаревших единиц по сравнению с русским и французским языками. По-видимому, это связано с относительной стабильностью денежной системы. Во французском же языке много устаревших единиц (даже значительно больше, чем в русском); возможно, это связано с многократными изменениями в денежной системе. В связи с переходом Франции на общеевропейскую денежную систему употребление наименований всех национальных денежных единиц может считаться неактуальным.

Таким образом, историческая специфика предопределила разную функциональную активность тех или иных групп лексических единиц в идиомах трёх языков.

Лексическое значение слова определяется как соотносённость с соответствующим понятием (оно составляет ядро лексического значения слова), так и с его местом в лексической системе языка (то есть различными связями данного слова с другими словами). Значение слова (сигнификативное значение, сигнификат) — высшая ступень отражения действительности в сознании человека, та же ступень, что и понятие, так как значение слова стремится к понятию как к своему пределу. Понятие «деньги» обладает системой лексических и иных репрезентаций, включает в себя понятийную, образную и знаковую составляющую, благодаря которой оно обретает статус объекта лингвистического анализа. Принято считать, что наиболее подходящим методом для изу-

чения лексики является полевой метод, то есть метод лексических или концептуальных полей. В основе организации семантического поля лексемы «деньги» лежат разнообразные типы отношений – родо-видовые, словообразовательные, синонимические (синтагматические и парадигматические), антонимические. Исследование синонимии как составляющей парадигматического измерения концепта представляется важным благодаря «закону притяжения синонимов» С. Ульмана (1970). Этот закон даёт своего рода индекс содержания культуры, причём этот индекс может быть и со знаком плюс, и со знаком минус. Сопоставление синонимических рядов, входящих в исследуемую концептуальную область, по нашему мнению, позволяет выявить степень ценности понятия «деньги» для 3-х культур (см. таблицу 2).

Таблица 2

	Количество значений	Количество фиксируемых словарём синонимов — репрезентантов лексемы «деньги» во всех значениях	Количество дериватов лексики «деньги»
Русский язык	3	14	23
Английский язык	3	17	21
Французский язык	4	7	13

Общим значением русской, английской и французской лексики «деньги» является то, что это металлические (монеты) или заменяющие их бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже. Обнаружено, что, несмотря на наличие общего в значениях лексики «деньги» в данных языках, существуют и семантические различия. В русском языке — это 'виды платежей, статьи дохода или расхода' (о различных сборах, обложениях, налогах). В английском языке — 'то, что вы зарабатываете, выполняя какую-либо работу, и можете использовать, чтобы купить вещи; деньги могут быть в форме банкнот или монет или чеков и могут храниться в банке'. Несколько иную семантическую структуру лексики «деньги» фиксируют французские толковые словари, где французское слово «деньги» представлено 2-мя омонимичными значениями: 1) 'белый металл серебро', а также 'серебряная посуда, блеск и сияние', а затем 2) 'монета, металлическая и бумажная, и всё, что представляет эту монету, — 'капитал, денежные средства, богатство, счастье'. Французская лексема «ar-

gent», по нашему мнению, является гораздо более специфически характеризующей по числу значений 1) белый металл, очень тягучий и податливый, символ (Ag); 2) архаизм «ртуть»; 3) деньги – цвет, белизна, сияние, блеск.

Деривационное измерение лексемы «деньги» показывает различия в структуре их словообразовательных гнёзд в русском, английском и французском языках. В русском языке лексема деньги входит в цепочки с тремя ступенями словообразования, тогда как английская и французская с двумя. Распространёнными способами словопроизводства во всех трёх языках можно считать аффиксацию, в особенности — суффиксацию, то есть создание новых слов с помощью суффиксов по определённым словообразовательным моделям, а также и словосложение, сущность которого заключается в создании нового слова из двух или более полнзначных основ или слов. Однако словообразовательные возможности английского и французского языков, в отличие от русского, делают более продуктивным способ словосложения. Словообразование приводит в английском и французском языках к созданию более разветвлённой понятийной системы номинаций с компонентом «деньги», тогда как морфологический способ суффиксации, особенно актуальный для русского языка, не даёт таких широких смысловых возможностей. Антонимическая противопоставленность во всех сравниваемых языках отсутствует, за исключением универсальной словообразовательной пары «деньги – безденежье» («money – moneyless», «argent – désargenté»).

В лингвистической литературе всё чётче обозначается интерес к метафоре как к средству создания языковой картины мира: метафора сегодня считается одним из самых популярных средств проникновения в национальную специфику языкового сознания. Для нашей работы особый интерес представляет исследование формального аспекта метафорических наименований денежных единиц, используемых при создании образных номинаций, что помогает выявить универсалии, особенности ассоциативных процессов в разных языках.

Понятие «деньги» имеет метафорические наименования только в неформальном русском вокабуляре (профессиональный, блатной жаргон, молодёжный сленг и др.) — *бабки, башли, башки, бобы, боблы, джоржики, лавэ* — *'бабки', фарш* (обычно деньги те, что в кармане, выражение *Фарш канает?* — означает: 'Есть ли у Вас деньги в данный момент?'), *фишки, филки, хруст, горбатый, деревянный, еловый, рваный, рубчонок, целкач, квинта, питекантроп, пятак, файфушник, полтан, полтинник, полташ-*

ка, полтонны, полштуки, пятихатка, рыжево — 'золото'; ко-сарь, лям, абас, чирик, четвертачок и др. Словари русского литературного языка не фиксируют данных единиц, вынося их за пределы литературного языка (Словарь современного русского литературного языка в 20 т. и др.). Следовательно, метафорические номинации русского языка по преимуществу сниженные, их место явно находится за пределами норм литературной разговорной речи; метафорическое представление понятия «деньги» носит ярко выраженный презрительно-насмешливый характер; вероятно, с этим связано и распространение для такого рода номинаций особого тюремного жаргона, имеющего свои специфические черты. Литературный же язык не продуцирует общеупотребительных метафорических обозначений как денег в целом, так и отдельных купюр в частности.

Метафора в вокабуляре лексико-семантического поля английского «money» достаточно активно представлена: *bean* (боб), *cabbage* (капуста), *clam* (моллюск), *dough* (тесто), *greenback*, *greenery* (зелёные), *shell* (раковина, скорлупа, шелуха), *shekel* (сребреник), *berry* (ягода), *bill* (счёт), *dib* (фишки, костяшки), *frogskin* (лягушечья шкура) — 'долларовая бумажка', *dust* (пыль), *gelt* (налог в пользу короны), *salt* (соль), *scratch* — (царапина) — 'фальшивый чек', *soap* (мыло) — 'деньги идущие на подкуп, «подмазка»', *rip* (семечко, зёрнышко) — 'центы, пенни', *bob*(боб) — 'пять пенсов' U.K., *nickel* U. S. (никель) — 'монета в 5 центов', *silver wing* U. S. (серебряное крыло) — 'монета в 50 центов', *deuce* U. S. (двойка, два очка) — 'два доллара'; *horse* U. K. (лошадь) — 'банкнота в 5 фунтов', *monkey* U. K. (обезьяна) — '500 фунтов', *paperhanger* (обойщик, декоратор) — 'человек, который продаёт фальшивые деньги или обесцененные чеки' и др. В английском языке по сравнению с русским более активны метафорические обозначения денег, в которых отсутствует отрицательно-презрительная коннотация. Символы, включённые в тропеическое основание идиом и редуцированные в сознании носителей языка до образного гештальта, дают доступ к миропониманию народа, выявлению культурного компонента: в английском языке в качестве основания метафоры используются отношения деньги — еда, деньги — цвет, деньги — форма, деньги — животные, деньги — человек и т.д. Кроме того, многочисленные метафорические номинации денег входят в фонд литературного языка, о чём свидетельствуют соответствующие словари (Longman Dictionary of Contemporary English, Longman Dictionary of English Language and Culture и др.).

В разговорном варианте французского языка для обозначения

денег мы выявили такие лексемы: *braise* (горящие угли, жар), *balle* (мяч, пуля), *blé* (пшеница, зерно), *fric* (от *fricot*) — 'рагу, кушанье, приготовленное на скорую руку', *galette* (лепёшка, галета, морской сухарь), *oseille* (щавель), *répètes* (кукла на детском языке) — разг. 'девушка, барышня', *atout* (козырь карточный), *badigeon* (клеевая краска, известковое молоко), *brique* (кирпич) — '10 тысяч новых франков', *boulangé* (пекарь, булочник) — 'деньги настоящие или фальшивые', *bonaparte* (Бонапарт) — 'билет в 500 франков с изображением лица', *bob* (боб) — 'шиллинг, доллар', *beurre* (сливочное масло); *bigaille* (мелкая сошка, крылатое насекомое) — 'мелкая монета'; *bulle* (жёлтенький) — 'золотой франк'; *broque* (кусок металла в форме броши) — 'лиард'; *peseta ou résette* (исп.) — 'су'; *medaille* (медаль) — '5 франков'; *michon* (круглая буханка хлеба) — 'деньги, банкнота'; *pastille* (таблетка) — 'монета в 10 су'; *grenier* (хлебный амбар) — 'сумма в 10000 франков'; *double* (двойной) — 'монета из двух су'; *gateau* (сладкий пирог), *trèfle* (табак), *vaisselle* (посуда) — 'мелкая монета', которые также фиксируются словарями разных типов (Le Micro-Robert, Dictionnaire du français familier et populaire и др.). Значительная часть лексем, обозначающих деньги, связана в сознании носителей французского языка с источником жизненной энергии, о чём свидетельствует группа «съедобные имена».

Анализ мотивационного компонента выявил основные виды переосмысления, как продуктивные, так и специфические виды реинтерпретации метафорического значения лексемы «деньги». Общим же результатом семантического развития слов, относящихся к системе денежных отношений, явилось то, что на уровне разных психических процессов, связанных с номинацией, категоризацией, запоминанием слов, обозначающих деньги в русском, английском и французском языках, образовались многочисленные лексемы, объединённые в группы «бумага», «металл», «лица», «цвет», «форма» и др.. Это, видимо, объясняется тем, что при зрительном восприятии денег сознание фиксирует прежде всего материал, из которого они сделаны, форму, цвет и портреты лиц, изображённых на банкнотах. Метафоры позволили стратифицировать ментальность, отражённую в языке сопоставляемых нами народов, по линии общекультурная / специфическая, а сосуществование в языке прямых, переносных и символических значений свидетельствует о большой субъективной ценности данного концепта для разных народов, а также о значительных возможностях метафорического представления фрагментов картины мира через понятие «деньги».

Таким образом, источником целого ряда неформальных лексем, номинирующих деньги в русском, английском (особенно в его американском варианте) и французском языках являются сленгизмы, которые в диахронии выявляют самые разнообразные вычурные переосмысления многоступенчатых метафорических преобразований в национальной картине мира данных народов.

В результате анализа исследуемых фразеологизмов нами установлено, что фразеологическое (идиоматическое) поле «деньги» в русском, английском и французском языках складывается из всех наименований денег, из которых родовым является собственно нейтральное понятие «деньги», а видовыми – его репрезентанты рубль, копейка, грош, доллар, цент, пенни (пенс), фунт, динарий, монета, франк, ливр, су и т. д. Сама структура фразеологического поля имеет национально-культурную окраску. Как показал исследованный материал, фразеологическое поле концепта «деньги» в языковой картине мира имеет 1) ядро; 2) ближайшую периферию; 3) дальнюю периферию.

Под **ядром** фразеологического поля (в дальнейшем ФП) денег в языковой картине мира русского, английского и французского народов понимается группа фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом – словом «деньги», причём в целостном значении фразеологизма присутствует сема «деньги», количественное и /или качественное определение этого понятия. **Ближнюю** периферию составляют фразеологические единицы без лексического компонента «деньги», но с целостным значением, имеющим сему «деньги». Обычно в этих единицах представлены конкретные названия монет и денежных купюр: копейка, рубль, грош, полтина (полтинник), миллион, тысяча, доллар, фунт, су, динарий, пенс и т.д. **Дальнюю** периферию составляют фразеологические единицы с компонентом, имеющим в семантической структуре сему «деньги», но без целостного денежного значения (денежный признак в семантике фразеологизма присутствует имплицитно).

Количественные данные о структуре фразеологического поля русского, английского и французского языков можно представить в таблице 3.

Таблица 3

	Ядро ФП	Ближняя периферия	Дальняя периферия
Русский язык	250	60	500
Английский язык	270	90	640

Французский язык	267	75	690
------------------	-----	----	-----

Ядро ФП концепта «деньги» в английском языке и ближняя периферия (за счёт наименования сленговых единиц) больше, чем в русском и во французском языках, что свидетельствует о достаточно высоком ментальном статусе этого понятия для английской культуры. Хотя наиболее разветвлённой во всех трёх языках является дальняя периферия, однако во французском языке ФЕ без целостности денежного значения больше, что видимо, отражает особенности ментальности данного народа. Таким образом, языковая модель мира складывается из комплексной презентации мира всеми уровнями языка, включая и фразеологический, связанный с наивной, обыденной картиной мира, свойственной сознанию рядового носителя языка. Во всех трёх языках представлены 4 группы ФЕ, которые актуализируют языковые смыслы. Признаковый языковой смысл, по нашему мнению, выражают такие разноструктурные идиомы с компонентом «деньги», как-то: (рус. язык) денег куры не клюют; (английский язык) hot money (горячие деньги); (фр. язык) monnaie de singe (монета обезьян – ‘липовые деньги’). Предметный характер значения фиксируется у идиом (рус. язык) карманные деньги; (англ. язык) pin money (деньги на булавки – ‘небольшой аванс’); (фр. язык) l’argent à la main (деньги в руке – ‘наличными’). К идиомам процессуального характера относятся следующие идиомы: (рус.) зашибать деньги; (англ.) marry money (жениться на деньгах); (фр.) carotter de l’argent (вымогать деньги). К идиомам со значением «признак признака (действия)» относятся: (рус.) на богатых деньгах; (англ.) well and warm (в богатстве, в достатке); (фр.) en sac (наличными).

Используя метаязыковые формулы А. Вежбицкой, выделим следующий набор концептуализаций понятия «**деньги**» на материале идиоматики **русского языка**: деньги являются символом и эталоном богатства, характеризуют человека, его статус, его действия, а также состояние человека, которое проявляется в наличии золота и других материальных ценностей; большое и очень большое количество денег может доставаться легко и жить в этом состоянии – приятно, беззаботно и счастливо; честно можно заработать доход, но не большие деньги; отсутствие денег – это бедность, нужда, жалкое существование, горе, несчастье.

Понятие «**money**» (деньги) в **английской** идиоматике обладает следующим набором концептуализаций: положение, состояние человека, которое проявляется в наличии богатства, а также золота, капитала, еды и других материальных благ, которые обу-

словливают его социальное положение, возможность делать бизнес, управлять экономикой; деньги можно приобрести различными путями: родиться в богатстве, жениться на деньгах, подтолкнуть удачу, выйти замуж по расчёту, приобрести с помощью разных махинаций, нечестным путём; жить в богатстве – легко, беззаботно, весело и приятно; отсутствие денег – бедность, крайняя нищета, банкротство, финансовые трудности.

Понятие «**argent**» (деньги) во французской идиоматике обладает следующим набором концептуализаций: состояние человека, которое проявляется в наличии богатства, а также золота и других материальных ценностей, изобилии; они могут доставаться легко и жить в этом состоянии – приятно, беззаботно и счастливо, однако не стоит забывать, что деньги также обман и надувательство.

В результате анализа языкового материала мы пришли к выводу, что общим для сопоставляемых культур является то, что исследуемый концепт в идиоматике полностью антропоцентричен, в отличие от лексикализованного; во всех трёх языках сравнительно небольшой набор актуальных значений компенсируется богатой образностью внутренней формы идиом; среди путей достижения больших доходов все три нации отмечают много неблагоприятных. Однако наблюдаются и различия. Так, например, для русского сознания деньги не являются базой для метафоризации человеческих качеств, в английском языке отмечены лишь единичные случаи метафоризации человеческих качеств через понятие «деньги»: *penny-father* – ‘скряга, скупердяй’; *penny-wise* (мудрый пенни) – ‘мелочный’, *penny-wit* (острословный пенни) – ‘остряк, самоучка’, *dollar-a-year-man* – ‘гос. служащий с символическим окладом, представитель крупной фирмы’ (всего 8 ФЕ), тогда как во французском языке мы выявили значительно больше фразеологических единиц с компонентом «деньги», характеризующих внешние и внутренние качества человека: *franc baladin* (франк-шутник) – ‘шут гороховый’, *franc benet* (глупый, простоватый франк) – ‘болван, олух’, *franc comme un merle* (франк как дрозд) – ‘душа нараспашку’, *franc de gueule* (франк из горла) – ‘бойкий на язык, речистый’, *franc luron* (бойкий франк) – ‘весёлый, беззаботный малый’, *franc comme l'osier* (франк как ива) – ‘прямодушный, искренний’ (всего 17 ФЕ). В целом отношение к деньгам в английской и русской ментальности, по данным идиоматики, более практичное, приземлённое, чем во французской. «Безденежье» в сопоставляемых нами языках характеризуется как безрадостное, горькое и унижительное состояние человека, в котором можно

оказаться как по своей, так и по чужой воле. Однако в английском языке есть одна очень важная концептуализация — «с безденежьем можно бороться», что скрыто во внутренней форме идиомы «*keep the wolf from the door*» — ‘бороться с угрожающей нищетой’, ‘перебиваться (в борьбе за существование)’.

Таким образом, фразеологический (идиоматический) фон, в отличие от лексического, передаёт непонятные семантические доли комплексно, обычно всеми своими компонентами в их нерасчленённости, отвечая главной природе фразеологизма – идиоматичности.

Паремиологическое представление концепта «деньги» составляет переходную зону от языкового к текстовому (интерпретационному) слою их бытования. Общеизвестно, что в паремиях наряду с общечеловеческим выражается и специфичное для данной лингвокультурной общности, то, что принято называть «душой народа», поэтому на следующем этапе нашего сопоставительного исследования мы обратились к паремиологическому аспекту представления понятия «деньги» в русском, английском и французском языках. При сравнении пословиц разных языков происходят сопоставления языковых изображений мира, проявления разных языковых ментальностей, причём, если сравнение идёт на синхронном срезе, генетические корни пословиц не имеют значения, поскольку допускается, что если заимствованная пословица принята народом и вошла в язык, значит, она соответствует ментальности народа и отражает её. Выделение особенностей концептуализации понятия «деньги» мы проводили индуктивным путём, группируя эмпирический пословичный материал по схожести выраженных в паремиях сентенций. В результате анализа 300 русских, 320 английских и 305 французских пословиц мы отметили паремиологические представления о деньгах, имеющие различные предметно-образные наполнения.

Концептуализации «денег» в русских паремиях следующие: 1) Человека ценят за деньги (*У Фомушки денежки – Фомушка Фома; у Фомушки ни денежки – Фомка Фома*); 2) За деньги можно всё купить (*И слова не скажи, только грош покажи т.е. поймут*); 3) Деньги приносят с собой заботы (*Больше денег – больше забот*); 4) Деньги идут к деньгам (*Денежки – что голуби: где обживутся, там и поведутся*); 5) Деньги мимолётны (*Деньги — что вода. Богатство – вода: пришла и ушла*); 6) Деньги порабощают человека (*Сила и слава богатству послушны. И барину деньга господин*); 7) На деньги не всё можно купить (*На деньги не купишь отца с матерью*); 8) Деньги любят счёт (*Деньги счётом*

крепки. Считанная сотня полна); 9) Соотношение понятий любовь и деньги (*Деньги дело наживное, одежда тоже, а любовь всего дороже*); 10) Есть много вещей дороже денег (*Здоровье – дороже денег*); 11) Безденежье порицается: нет денег — значит тебе ничего и не нужно (*У кого нет денег, тому и кошелёк не нужен*); 12) Человеку с деньгами прощаются любые грехи (*Святые денежки умолят*); 13) Способы получения денег не индивидуализированы (*На деньгах нет знака или тамги, ногавки, т.е. не узнаешь, когда или кем они нажиты*).

Деньги в английских паремиях концептуализируются так: 1) Деньги не самое главное богатство и достояние (*A friend in court is better than (or worth) a penny in purse* — друг во дворе лучше, чем пенни в кошельке); 2) Большие деньги – тяжкое бремя (*Riches and cares are inseparable* — богатство и заботы – неразделимы); 3) Деньги любят счёт (*Money likes to be counted* — деньги любят быть посчитанными); 4) Деньги имеют власть над человеком (*Money often unmakes the men who make it* — деньги часто не делают людьми тех, кто делает их); 5) Деньги – это бизнес, труд (*In for a penny, in for a pound* — сделано на пенни, можно сделать и на фунт); 6) Деньги и добродетель не уживаются вместе (*Muck and money go together* — мерзость и деньги всегда идут вместе); 7) Любовь и деньги совершенно противоположные вещи (*Money can't buy you love* — деньги не купят тебе любовь); 8) Деньги могут всё (*Money makes the mare to go* — деньги и кобылу заставляют идти); 9) Деньги – выгодный партнёр (*A day late and dollar short* — днём позже и доллар короче); 10) Деньги сродни мудрости и бережливости (*A fool and his money are soon parted* — дурак легко расстаётся с деньгами); 11) Хуже всего, когда нет денег (*A light purse is a heavy curse* — лёгкий кошелёк – тяжёлое проклятие).

Концептуализации денег во французских паремиях таковы: 1) Деньги льнут к деньгам (*L'argent attire l'argent* — деньги притягивают деньги); 2) Деньги не так уж всеильны (*Mieux vaut manquer d'argent que d'ami* — лучше потерять деньги, чем друга); 3) Есть много вещей лучше и дороже денег (*L'honneur vaut mieux que l'argent* — честь дороже, чем деньги); 4) Деньги приходят и уходят (*L'argent est bon pour rouler* — деньги хороши пока катятся); 5) Деньги поработают человека (*Clé d'or passé partout* — золото проходит везде. Ср. Дары и мудрых ослепляют); 6) Деньги приносят с собой заботы (*Sac plein dresse l'oreille* – полная сумка требует насторожиться); 7) Любовь и деньги (*Argent fait rage, amour, mariage* — Деньги вызывают ярость, любовь, женитьбу);

8) Деньги сродни мудрости и бережливости (*Denier sur denier la maison se batit* — динарий к динарию строится дом); 9) Отсутствие денег (особенно долги) – нужда, бедность, потеря дружбы (*Qui donne à crédit perd son bien et son amie* — кто даёт в долг – теряет свой покой и своего друга); 10) Способы получения денег не индивидуализированы (*L'argent n'a point de maitre*- у денег нет хозяина); 11) Деньги и добродетель не уживаются вместе (*Un ane chargé d'or ne laisse pas de braire* — осёл, нагруженный золотом продолжает реветь). Ср. Дурака озолоти, а он будет всё то ж нести; 12) Деньги — это работа и достаток (*Le travail est pour les hommes un trésor* — работа есть сокровище для людей); 13) Деньги даром не платят (*Point de pigeon pour une obole* — ни голубя за обол).

Паремии в нашей выборке интерпретируют отношение русско-го, английского и французского языкового сознания к деньгам приблизительно одинаково: 60 русских; 64 английских и 68 французских паремий характеризуют положительное отношение, содержат рекомендации достойного к ним отношения; 30 русских; 23 английских; 25 французских единицы оценивают деньги негативно (обман, заботы, потеря сна, жадность, глупость и т.д.). В предложенной ниже таблице 4 зафиксированы наиболее универсальные и специфичные ценности в трёх культурах (то, что нельзя купить за деньги).

Таблица 4

Универсальные ценности	Специфичные ценности		
	Русский	Английский	Французский
здоровье	отец с матерью	удача	хорошие времена
ум	душа	обещание	честь
почин	правда	слово мужчины	
любовь	добро		
уговор	Бог		
счастье	весёлый нрав		
доброе имя			
время			
почёт			
друзья			
довольство			

В русском пословичном поле «деньги» количество периферийных групп больше, чем в английском и французском. Так, выделяется группа с устойчивой ассоциативной связью «деньги –

город», а внутри неё – «деньги – Москва»: *Без денег в город, сам себе враг; В Москву бресть, последнюю деньгу несть*. В английском такого рода ассоциативная связь отсутствует, представлена лишь одна поговорка, повествующая о необходимости денег в пути: *With Latin, a horse and money you may travel the world*. Во французском языке паремии с такой семантикой вообще не было найдено.

Для русских пословиц характерна некоторая перенасыщенность наименованиями денежных знаков: *Алтынного за грош не выторгуешь; Алтыном полтина, а полтиною рублина*. При этом в русском языке процент пословиц с наименованиями национальных денежных знаков (алтын, гривна и т.д.) выше, чем в английском и французском: деньги/money/argent – русские примерно 40%, английские 65%, французские 45%; национальные денежные знаки – русские приблизительно 55%, английские 30%, французские 38%. Следовательно, для носителей английского и французского языков характерно говорить о деньгах вообще, для русских – о деньгах определённого достоинства, причём пословицы сохраняют традиционные наименования денежных единиц.

В русском языке нами были найдены поговорки с компонентом «деньги», создающие картину нереальности: *За копейку канарейку и чтобы пела басом* – ‘о невыполнимых требованиях’; *Сулить золотые горы* – ‘обещать нереальное, не исполняя обещаний’. Вероятно, этот факт свидетельствует о богатом воображении, некоторой мечтательности русских, причём большие деньги и необыкновенно дешёвые вещи равно признаются чудесами.

Сопоставительный анализ английских, русских и французских паремий поля «Деньги / Money / Argent» позволяет сделать следующие выводы.

1. Основные различия отмечаются в конфигурации поля. При тематическом совпадении крупных групп последние, как правило, характеризуются разным удельным весом.

2. Русскому пословичному полю более свойственна смысловая противопоставленность, чем английскому и французскому, кроме того, в русском языке больше отмечено маленьких периферийных групп, в них входит примерно 8% паремий, тогда как в английском языке их около 4%, во французском приблизительно такое же количество (3,7%).

3. В русском пословичном поле национально-культурный компонент выражен ярче, чем в английском и французском языках, за счёт большего количества наименований национальных денежных знаков (примерно 55%); большего количества наимено-

ваний национальных реалий (мороз, стужа, калачи, окольный, масленица, лён, лихо, хлеб); имён собственных (около 4%); «сельской» окрашенности ряда пословиц; связи проявления языковой ментальности с эмотивностью. В английском и французском языках национально – культурный компонент в основном выражен лишь конфигурацией поля паремий. Можно сказать, что русская национально-специфическая пословичная концептуализация денег прописана более детально, более конкретно, чем английская и французская.

Наряду с пословицами и поговорками афоризмы также являются культурно-маркированными текстами, и их функция не информативная, а кумулятивная. Афористика как литературный жанр более присущ высокой культуре. Наличие афоризмов в любом развитом языке можно считать лингвистической универсалией, а сам их набор и структуру паремиологического пространства – специфической для данного языка. По принципу содержания выделяются следующие виды афоризмов – **деонтические**, универсальные высказывания, т.е. содержащие определённые требования, и **алетические** универсальные высказывания, т.е. констатирующие некий факт или явление. Иногда этому факту даётся нравственная / положительная или мелиоративная / уничижительная оценка. При этом мы имели в виду, что любое афористическое высказывание — это всегда отражение не только и не столько общенародной картины мира, сколько картины мира авторов этих высказываний и отчасти составителей сборников. Вместе с тем эти языковые личности также являются представителями национально-культурного сообщества, поэтому в опосредованной форме апеллируют к общенациональной ментальности. Нередко утверждения авторов афоризмов выражены парадоксально, например, через отрицание *Уважай чужую невозможность заработать столько, сколько ты* (В. Вишневский); *Граждане воруют – страна богатеет* (М. Жванецкий); *Деньги не пахнут, потому что их отмывают* (Ю. Беляйчев); *За всё хорошее надо платить, за нехорошее – переплачивать* (А. Самойленко).

Пословица и поговорка задают некий стереотип, а афоризм его разрушает, неся откровенно ироничный характер: *С деньгами нужно расставаться легко, без стонов* (И. Ильф, Е. Петров); *Не в деньгах счастье, а в их количестве* (Фольклор); *Не имей сто рублей, а имей тысячу* (Фольклор); *Многие поступки кажутся гораздо нравственнее, если смотреть на них сквозь пальцы, которые держат деньги* (Д. Нагиев); *Деньги – зло, и*

тем большее, чем их меньше (А. Васильев); Время, которое мы имеем, — это деньги, которых мы не имеем (И. Ильф, Е. Петров).

В русских афоризмах отражены следующие основные аспекты отношения к деньгам:

1) Деньги и человек (*Около хорошего человека потрёшься, как медная копейка о серебро, и сам потом за двугривенный сойдёшь*) М. Горький; 2) С деньгами всегда не просто расставаться (*Многим деньги легко достаются, да немногие легко с ними расстаются*) М. Горький; 3) Деньги диктуют определённую мораль (*То не беда, если за рубль дают пол-рубля; а то будет беда, когда за рубль станут давать в морду*) М. Е. Салтыков-Щедрин; 4) Лишних денег не бывает (*Если у одного человека есть много лишнего, то у многих других недостаёт нужного*) Л.Н. Толстой; 5) Деньги и политика (*На выборах 1996 года победили не те, кто имел коробку с долларами, а те, кто унёс её в нужном направлении — к специалистам по связям с общественностью*) В. Артюнова; 6) Деньги и дружба (*За деньги нельзя купить друзей, но можно завязать немало интересных знакомств*) П. Капица; 7) Деньги и женщины (*Красивые, богатые и умные женщины предпочитают красивых, богатых и глупых мужчин*) А. Давидович; 8) Деньги — благо отрицательное (*Деньги — благо отрицательное: о них, как о здоровье, думаешь только тогда, когда их нет*) А.Н. Алухтин; 9) Где деньги, там воровство и обман (*Чтобы одеть по цвету или по размеру, надо сразу жить нечестно*) М. Жванецкий; 10) Из малого количества денег получается большое (*У меня ни копейки денег не бывает. Ну, бывает там миллион, два, три*) В. Брынцалов; 11) Деньги и труд (*Как не работай — всегда найдется козел, который работает меньше, а получает больше*) Фольклор; 12) Деньги и время (*Придет время и соберут разбросанные камни, но никогда не соберут разбросанных денег*) В.А. Жилияков; 13) Соотношение любовь и деньги (*Все нелюбимое — оплачено, а все любимое — за так*) В. Ветрова; 14) Деньги не индивидуализированы (*За все хорошее надо платить, за нехорошее — переплачивать*) А. Самойленко; 15) Отсутствие денег всегда плохо (*Нужда — состояние, когда целью жизни становится существование*) А. Круглов; 16) Деньги — сила (*Ничто так не усыпляет и не опьяняет, как деньги; Когда их много, то мир кажется лучше, чем он есть*) А.П. Чехов; 17) Деньги и счастье (*Все счастливые семьи кооператоров похожи друг на друга; каждая семья младшего научного сотрудника несчастлива по-своему*) А. Мелешин; Когда деньги

есть, как-то легче согласиться, что не в них счастье) Борис Крутиер; 18) Деньги и грязь (До чего же хороши эти грязные деньги) М. Арсанис.

Основные аспекты отношения к деньгам, отражённые в английских афоризмах, таковы: 1) Деньги и время (*Time is like money, the less we have of it to spare the further we make it go* Josh Billings. — Время, как деньги, чем меньше у нас их есть, тем надольше их хватаем); 2) Деньги и политика (*Voters are people who have the God — given right to decide who will waste their money for them. A little political humor.* — Избиратели — это люди, которые имеют Богом данное право решать кто будет тратить их деньги за них); 3) Деньги и человек (*A man is usually more careful of his money than he is of his principles. Money often cost too much.* Ralph Emerson. — Человек обычно более осторожен со своими деньгами, чем со своими принципами. Деньги стоят слишком дорого); 4) Деньги и друзья (*Friendship is like money, easier made than kept.* Samuel Butler. — Дружбу, как и деньги — легче приобрести, чем сохранить); 5) Деньги — сила (*Money is the most important thing in the world. It represents health, strength, honour, generosity, and beauty as conspicuously as the want of it represents illness, weakness, disgrace, meanness, and ugliness.* George Bernard Shaw. — Деньги — самая важная вещь в мире. Они олицетворяют здоровье, силу, почёт, щедрость великодушные и красоту так же заметно как они символизируют болезнь, слабость, бесчестье, скупость и уродство); 6) Деньги и мудрость (*A wise man should have money in his head, but not in his heart.* Jonathan Swift. — Мудрому человеку следует иметь деньги в своей голове, но не в своём сердце); 7) Деньги и любовь (*Money is the sinews of love, as of war.* F. Scott Fitzgerald. — Деньги это мышцы и любви, и войны); 8) Деньги и счастье (*A large income is the best recipe for happiness I ever heard of.* J. Austen — Огромный доход — самый лучший рецепт для счастья, о котором я когда-либо слышал); 9) Деньги и женщины (*Money and women. They're two of the strongest things in the world. The things you do for a woman you wouldn't do for anything else. Same with money.* Satchel Paige. — Деньги и женщины. Это две самые сильные вещи в мире. Поступки, которые ты совершаешь ради женщин, ты не совершаешь ни для кого больше. То же самое и с деньгами); 10) Деньги — удовольствие (*I'm tired of Love: I'm still more tired of Rhyme. But Money gives me pleasure all the time.* Hilaire Belloc. — Я устал от любви: Я ещё больше устал от поэзии. Но деньги постоянно доставляют мне удовольствие); 11) Деньги — грязь

(Money is like muck, not good except it be spread. Francis Bacon. — Деньги как навоз, если их не разбрасывать, то от них будет мало толку); 12) Деньги и работа (Whenever it is in any way possible, every boy and girl should choose as his life work some occupation which he should like to do anyhow, even if he did not need the money. William Lyon Phelps. — При любой возможности каждый молодой человек или девушка должны выбрать себе занятие на всю жизнь, которым они хотели бы заниматься, даже не нуждаясь в деньгах); 13) Деньги и ум (There was a time when a fool and his money were soon parted, but now it happens to everybody. A. Stevenson. — Было время, когда у дурака в горсти была дыра, но сейчас это случается с каждым).

Основные темы отношения к деньгам, отражённые во французских афоризмах, следующие: 1) Деньги и счастье (Si l'argent ne fait pas le bonheur... Rendez-le! Jules Renard. — Если не в деньгах счастье ..... Отдайте их!); 2) Талант и деньги (Le talent, c'est comme l'argent. Il n'est pas nécessaire d'en avoir pour en parler. Jules Renard. — Талант — как деньги. Нет необходимости о нём говорить, если он у тебя есть); 3) Деньги — живое существо (Argent fait perdre et prendre gens. J. Meulier. — Деньги заставляют терять и находить людей); 4) Деньги и знания (Pour gagner du bien, le savoir-faire vaut mieux que le savoir. P. Beaumarchais. — Чтобы заработать деньги сноровка лучше, чем знания); 5) Деньги и друзья (Ami au prêteur, ennemi au rendre. Antoine Loisel. — Друг тому, кто даёт взаймы, враг тому, кому надо возвращать деньги); 6) Из малого количества денег получается большое (Le premier écu est plus difficile à gagner que le second million. J.J. Rousseau. — Первое экю всегда труднее заработать, чем второй миллион); 7) Деньги — корень всех бед (Argent: cause de tout le mal. G. Flaubert. — Деньги: причина всех несчастий); 8) Деньги — сила (L'argent est le nerf de la guerre. J. Roux. — Деньги — нерв войны); 9) Деньги и работа (Les affaires, c'est l'argent des autres. Alexandre Dumas fils. — Коммерция — это деньги других); 10) Деньги и лесть (On place ses éloges comme on place de l'argent, pour qu'ils nous soient rendus avec les intérêts. Jules Renard. — Мы размещаем свои похвалы, как мы размещаем деньги, чтобы они возвратились с прибылью); 11) Деньги — грязь (L'argent, jusqu'à ce jour, était le fumier dans lequel poussait l'humanité de demain ; l'argent empoisonneur et destructeur, devenait le ferment de toute végétation sociale, le terreau nécessaire aux grands travaux qui facilitent l'existence. Émile Zola. — До сегодняшнего дня деньги были навозом, на котором взрос-

тало человечество; деньги — отравители и разрушители — стали закваской всей социальной растительности, необходимым для больших работ перегноем, который облегчает существование); 12) Отсутствие денег всегда плохо (*C'est déjà bien ennuyeux de n'a pas avoir d'argent; s'il fallait encore s'en priver. Paul Morand.* - И без того уже досадно не иметь денег, если надо еще и их лишиться; *Faute d'argent, c'est douleur non pareille. F. Rabelais.* (Отсутствие денег это боль, которой нет равных); 13) Деньги и человек (*Je sais enfin ce qui distingue l'homme de la bête: ce sont les ennuis d'argent ! Jules Renard.* — Наконец, я знаю в чем отличие человека от животного: в том, что он испытывает денежные затруднения); 14) Деньги и женщины (*Les femmes ne couchent pas avec des hommes, mais avec des abstractions : le pouvoir, la renommée, l'argent, la mode. Jean Dutourd.* — Женщины ложатся спать не с мужчинами, а с абстрактными понятиями: властью, славой, деньгами, модой); 15) Деньги и религия (*Quand il s'agit d'argent, tout le monde est de la même religion. F. Voltaire.* — Когда речь идёт о деньгах, все люди становятся одной веры).

Подведем основные итоги.

Концептуализация понятия «деньги» находит множественные выражения в языке посредством лексических и фразеологических единиц в виде представленных в них признаков отношения к деньгам. Концептуализация – 1) процесс появления у единиц различного уровня от слова до текста семантических приращений — объективных, развивающих значения слова, представленного в словаре, и субъективных, ассоциативно связанных с объективными приращениями в микро- и макротекстах, 2) само возникшее в результате действия этого процесса приращённое значение.

В бытовании концепта «деньги» в русском, английском и французском языках находят своё отражение универсальные и национально-специфические признаки. Универсальные признаки составляют ядерный слой концепта «деньги» и имеют преимущественно когнитивную природу, в то время как специфические признаки представляют собой в основном периферийные слои концепта и связаны как с культурными, так и с собственно языковыми особенностями.

Лексическое представление понятия «деньги» выявляет особенности его понятийной манифестации, покрывает ядерный слой концепта и имеет как антропоцентрические, так и неантропоцентрические характеристики. Различия в лексических сред-

ствах объективации концептуального пространства денег являются следствием проявления индивидуальных черт национально-го языка.

Идиоматическое представление концепта «деньги» демонстрирует, наряду с понятийной, образную, метафорическую и символическую манифестации и является антропоцентрической характеристикой. Идиомы с компонентом «деньги» характеризуются повышенной эмоциональностью и образностью, основанной на оценочном восприятии явлений и фактов окружающей действительности (положительном или отрицательном). Выделяются группы ФЕ с общими приращёнными значениями (деньги – обман, деньги – сила, власть, деньги – живое существо, деньги – заботы, деньги – труд) и группы ФЕ с национально-специфическими коннотациями, отражающими особенности менталитета и самобытность культуры русского, английского и французского народов: (в русском языке: деньги – грязь, презренный металл, гадкие бумажки; в английском: деньги – выгодный партнёр, награда; во французском: деньги — удача, счастье, роскошь, блеск, великолепие).

Паремиологическое представление концепта «деньги» составляет переходную зону от языкового к текстовому (индивидуальному) их бытованию. Паремии выявляют амбивалентное отношение носителя русского, английского и французского языков к деньгам, для паремиологического фонда характерны взаимоисключающие концептуализации понятия «деньги».

Афоризмы занимают промежуточное положение между пословицей и обычным авторским высказыванием. Культурно-языковые характеристики русских, английских и французских пословиц и афоризмов свидетельствуют об определённом различии между сравниваемыми культурами применительно к традиционным коллективным ценностным смыслам и о близости сравниваемых культур применительно к индивидуальной ценностной картине мира, отражённой в афоризмах.

Литература

Исаева Л.А., Майоренко И.А. Национально-культурные особенности концепта «деньги» (на материале русской, английской и французской фразеологии) // Современные проблемы коммуникации: Вестник Таганрог. ин-та управления и экономики. – Таганрог: Изд-во ТИУиЭ, 2005. №1. С.53-59.

Майоренко И.А. Об особенностях фразеологического поля концепта «деньги» (на материале фразеологии русского, английского и французского языков) // Проблема понимания языка в современной социокуль-

турной ситуации: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. – Краснодар: Изд-во КубГАУ, 2003. – С.163-166.

Майоренко И.А. О функционировании концепта «деньги» в русской, английской и французской фразеологии // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Материалы 2-й межвуз. докторантско-аспирантской конф. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2003. Ч. I. – С. 131-136.

Майоренко И.А. Функционирование терминологизированных единиц репрезентантов понятия «деньги» и проблемы обучения // Инновационные процессы в высшей школе: Материалы X Юбилейной Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Изд-во КубКТУ, 2004. – С.175-176.

Майоренко И.А. Лингвоконцептуальный анализ художественного текста при обучении иностранному языку (на материале концепта «деньги») // Текст в системе высшего профессионального образования: Материалы 1-й междунар. науч.-практ. конф. – Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2003. – С. 208-210.

Майоренко И.А. Изучение национальных особенностей языковой личности носителей русского и французского языков со студентами-экономистами (на материале концепта «деньги») // Совершенствование образовательных технологий: Научный журнал. Труды КубГТУ. – Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2005. – Том XXIII. Вып. 3. С. 327-334.

Майоренко И.А. Концепт «деньги» в языковой картине мира (на материале русской и английской фразеологии) // «Язык. Дискурс, Текст»: Междунар. науч. конф. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2004, часть I. С. 115-120.

Майоренко И.А. Концептуализация понятия «деньги» во фразеологии и паремиологии русского народа // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Материалы 3-й межвуз. конф. молодых учёных. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. С. 76-80.

Майоренко И.А. Концептуализация понятия «деньги» в лексической системе и фонде устойчивых единиц русского, английского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2005.

Т.Н. Новоселова (Владивосток)

МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО

Данная работа посвящена изучению языковой онтологизации концепта МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО (MATERIAL WEALTH) как фрагмента ценностной картины мира англо-американской культуры.

Феномен материального богатства в последние годы привлекал внимание исследователей в различных сферах наук: истории (Гуревич 1984), философии (Сигов 1999), литературы (Ястребов

1999), психологии и экономики (Карнышев, Бурменко 2002), лингвистики на материале древнеанглийского языка (Учайкина 2005). На материале немецкого языка исследовалась категория обладания (Виноградова, Малинович 2003). Будучи объектом междисциплинарных исследований, материальное богатство как важный культурный концепт недостаточно изучено в лингвистике, что и определяет актуальность нашего исследования.

Тема материального богатства привлекает к себе тем, что она в той или иной степени затрагивает все уровни человеческого бытия. О значимости материального богатства как ценности, детерминирующей поведение и жизнь общества, можно говорить в разных ракурсах, затрагивая этические, религиозно-нравственные проблемы, но доказать и подкрепить функционирование ценности MATERIAL WEALTH в культуре, а следовательно, фиксировать ее воздействие на сознание людей, можно только с помощью анализа языкового материала. Собственно лингвистическое описание ценностей осуществляется в виде культурных концептов, т.е. многомерных, культурно-значимых социопсихических образований в коллективном сознании, опредмеченных в той или иной языковой форме (Карасик 2002).

Целью исследования является выявление особенностей концептуализации и категоризации материального богатства в англо-американской культуре.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие *задачи*:

определить место концепта MATERIAL WEALTH в ценностной картине мира;

выявить основные признаки концепта MATERIAL WEALTH, закреплённые в обыденном сознании носителей английского языка;

дать характеристику концепта MATERIAL WEALTH с точки зрения его онтологического и ценностного аспектов;

выявить концептуальные метафоры, репрезентирующие во фразеологических средствах описания материального богатства;

определить закономерности осмысления и оязыковления концепта MATERIAL WEALTH обыденным сознанием носителей английского языка.

Методологической базой исследования выступают постулаты когнитивной семантики, в частности:

постулат о примате когнитивного, который гласит, что за значениями слов стоят тесно связанные с ними когнитивные сущности, для описания которых в зависимости от выбранного ракурса иссле-

дования используются специально разработанные понятия типа "фрейм", "гештальт", "схема", "понятие", "концепт" и т.д.;

выводы о том, что мыслительные категории практически неотделимы от языковых категорий (Баранов, Добровольский 1997 и др.), что реальные объяснения функционирования языка можно получить только при обращении к когнитивным структурам.

Теоретической основой для проведения данного исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики (RJackendof, G.Lakoff, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, А.В. Кравченко, С.Н. Плотникова, З.Д. Попова, В.Н. Телия и др.) и культуры (В. Гумбольдт, А.Я. Гуревич, ГТ.С. Гуревич, М.С. Каган, А.Ф. Лосев, Б. Малиновский, Г. Риккерт и др.).

Концепт MATERIAL WEALTH рассматривается в исследовании с позиций ценностной картины мира, под которой понимается та часть концептуального мира человека, которая отображает самосознание человека, исторически видоизменяющееся в процессах личностной или групповой рефлексии над ценностно значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека (Телия 1999). В ходе историко-культурного процесса ценностная картина мира непрерывно претерпевает изменения, в результате которых меняется как иерархия ценностей, так и их содержание, а следовательно, существенно меняются общественное бытие, сознание, потребности, поведение и ценностное отношение культурного субъекта.

Следует оговориться, что понятие «концепт» на настоящем этапе развития когнитивной лингвистики еще окончательно не определено и представлено в научной литературе множеством различных толкований. Мы придерживаемся определения концепта, предложенного В.И. Карасиком (2002: 153), согласно которому «концепт- это хранящаяся в индивидуальной либо коллективной памяти значимая информация, обладающая определенной ценностью, это переживаемая информация».

Устанавливая значимость концепта MATERIAL WEALTH в ценностной картине мира представителей англо-американской культуры, мы, в первую очередь, обратились к истокам становления данного концепта. Проанализировав этимоны концепта в мифолого-культурологическом ракурсе и сопоставив концептосферу БОГАТСТВА архаичного и современного осмысления концепта MATERIAL WEALTH, мы установили наличие общих корреляций в понимании материального богатства в древней и современной картинах мира (изобилие, имущество, собственность, доход, дом,

власть, сила, судьба и др.). Такая стабильность представлений о богатстве говорит о важности данного концепта для англо-американской культуры.

Все, связанное с материальным богатством, актуально для человека и осваивается человеческим сознанием через соотнесение с ценностной системой, детерминирующей положительное или отрицательное отношение, которое может меняться в зависимости от доминирующих социокультурных или нравственно-религиозных факторов.

Анализ в исторической плоскости с раннего средневековья и до современности показал, что концептуализация материального богатства с позиций его аксиологической значимости в англо-американской культуре менялась в зависимости от смены религиозного и общего социокультурного контекста и порой носила противоречивый характер, получая то низкую, то высокую оценку. Так, если христианство с его идеями о тленности земных благ, о вечной жизни на небе рассматривает обладание материальным богатством как неизбежное зло, которое отвлекает человека от мыслей о загробной жизни и от забот о спасении души; то протестантизм с его новой системой ценностей рассматривает материальное богатство как видимый знак божьего расположения и избранничества: благополучие финансовое и спасение нравственное мыслились как предполагающие друг друга. В современных условиях, в период либерального капитализма, материальное богатство возведено в ранг социальных ценностей и относится к числу базовых культурных ценностей американского и британского языкового сообщества (Keamy 1984, Althen 1988, Macionis 2002 и др.).

В работе мы придерживались разграничения терминов «концепт» и «понятие», понимая под последним мыслительную категорию, характеризующуюся определенным содержанием и объемом, и отражающую лишь определенную — рациональную — часть смыслового содержания концепта. В результате анализа словарных дефиниций было установлено, что не только суть содержательного наполнения понятия "wealth", но и его содержательный объем различаются. По словарям, в набор существенных признаков концепта MATERIAL WEALTH входят четыре концептуальных признака, отражающих экономическую и материальную стороны концепта: «much money», «abundance of valuable material possession», «luxuries», «anything which has a market value and is capable of being bought, sold, or stocked for future disposition, and is able to generate income which is the return on wealth». К числу ос-

новых маркеров концепта MATERIAL WEALTH относится количественная оценка "much", признаки «value» и «material».

Анализ текстов информантов, а также примеров из художественной литературы показал, что в концептосфере MATERIAL WEALTH, помимо установленных по словарям признаков, выделяется целый комплекс понятий, отражающих социальную, религиозно-нравственную, экономическую и другие стороны жизнедеятельности носителей современного английского языка. Присутствие признаков как конкретного (материального), так и абстрактного характера свидетельствует о сложной и диффузной структуре концептосферы MATERIAL WEALTH.

Данные тезаурусов, синонимических словарей, примеров из художественной литературы, а также текстов информантов позволили установить, что ассоциативный фон концепта MATERIAL WEALTH очень широк. Указание на количественную неопределенность концептов, ассоциирующихся с MATERIAL WEALTH, проявляется в использовании кванторных местоимений абсолютной семантики: all, every, some, anything, everything, something; широкозначных слов things, goods, possessions, items, property, objects; графически — при помощи многоточия, а также при помощи наречия et cetera, семантика которого не дает конкретного представления о количестве предметов, попадающих под определение "material wealth":

I want the best of anything and something of everything; I will be able to have everything I want; Material wealth is when you have everything you need; anything that has value to it; One must have some material possessions to live comfortably; Anything I have to pack when I move. Things; All of the items that I own; all we do want is to sort out a couple of houses; the unneeded, tangible objects I possess; I have no desire to be surrounded by items that I will never use; material wealth means material items that you have spent money for; material wealth for me is when I have the things I need (фрагменты из текстов информантов).

Концепт MATERIAL WEALTH интерпретируется посредством множества других ассоциирующихся с ним концептов: ASSETS, GOODS, CAPITAL, STOCK, ESTATE, LAND, BANK ACCOUNT, BELONGINGS, INVESTMENTS, HOUSES, SHARES, BUILDINGS, FURNISHINGS, JEWELRY, EXPENSIVE CLOTHING, SPORTS CARS, BIG TELEVISION, ANTIQUES, COLLECTIBLES, NATURAL RESOURCES, SILVER и др. Ассоциативные отношения устанавливаются по признакам «much» / «value» / «material».

Принятое в данной работе понимание культуры как системы ценностей (Г. Риккерт, Э. Кассирер, О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский,

П.С. Гуревич и др.) предполагает рассматривать изучаемый объект не изолированным, не выключенным из среды, в которой он существует, функционирует и развивается, оказывая определенное воздействие на людей, а именно в этом средовом — онтологическом аспекте, т.е. во взаимосвязанности ценности Material Wealth (культурного концепта MATERIAL WEALTH) как с другими компонентами культуры (идеалами, нормами, образцами деятельности и поведения, социальных целей и т.д.), так и с основными ее ценностями (культурными концептами) в их детерминированности данным системным целым. Установлено, что сущностной характеристикой концепта MATERIAL WEALTH является его потенциальная готовность вступать в отношения ассоциативного пересечения со всеми базовыми культурно-ценностными доминантами. Следует подчеркнуть тесную взаимосвязь и взаимообусловленность концепта MATERIAL WEALTH с такими культурными концептами как: HARD WORK, SUCCESS, INDIVIDUALISM, SELF-RELIANCE, COMPETITION, SELF-MADENESS, ACHIEVEMENT, ACTIVITY. Анализ языковых средств позволил установить, что указанные концепты можно объединить по наличию в них ассоциативной связи с концептом MATERIAL WEALTH.

Следующий пример включает целый ряд культурно значимых доминант, неизменно ассоциируемых в общественном сознании с богатством и материальным благополучием:

He was a success himself, and proud of it. He was self-made. No one had helped him. He owed no man. He was fulfilling his duty as a citizen and bringing up a large family. And there was Higginbotham's Cash Store, that monument of his own industry and ability. He loved Higginbotham's Cash Store as some men loved their wives (London, p. 901).

Объект оценки характеризуется в соответствии с принятой в данном обществе системой ценностей и представлен как реализовавшаяся и успешная личность. Успех (ценность Achievement and Success), с одной стороны, связывается с достижением целей и реализацией амбиций; с другой стороны, успех имплицитно богатство и часто измеряется им. Богатый человек, как правило, воспринимается как успешный.

С ценностью Achievement and Success коррелирует культурная доминанта Self-Made Man. Ценностная доминанта Self-Made соотносится со всеми базовыми ценностями, такими как: индивидуализм (ценность Individualism), основанный на доверии к себе (No one had helped him. He owed no man (ценность Self-Reliance)), собственные устремления и упорный труд (his own industry (ценность Hard Work)), а также умение реализовывать собственные ресурсы и до-

бываться успеха (He was a success himself). Описываемая ситуация соответствует конвенциональной картине мира и в краткой форме может быть представлена следующим образом: жизненный успех связывается с достижением личного благосостояния, вызывает уважение общественности и расценивается как долг каждого индивида.

Примером, в котором стремление к материальному благополучию постулируется как долг каждого, живущего в Америке, являются следующие высказывания: *"Be rich and be an American (Kinsolving, p. 24); "I left home to get rich. It's a better way to go through life, Mary, and the richer you are, the better it can be. I came to America to get rich. And I'll tell you something else: you have to be rich in America. If you don't get rich, America doesn't work" (Kinsolving, p. 88).*

Синтаксический рисунок императива "Be rich and be an American" ставит знак тождества между категориями «обладание» и «бытие», где «быть богатым» значит «быть американцем». Культурная тема (термин Ю.С. Степанова) "the richer you are, the better it can be", "you have to be rich in America" как элемент системы мировоззренческого порядка формирует обыденное сознание и соответствующую социальную модель поведения. Анализ языкового материала показывает, как объективируется специфическая организация знаний и мышления, детерминированная установками, идеалами и ценностями англоязычной культуры.

Для установления аксиологической значимости объектов, категоризуемых как материальное богатство, среди множества ценностей, т.е. богатства (по данным словарей AED, MITDME, Encarta, WNWCD и др.), в работе выделяется концепт CLOTHES. Выбор указанного концепта не случаен, так как едва ли найдется в языке другой концепт, вербализация которого так полно и последовательно отражает точку зрения наблюдателя (Апресян 1986; Кравченко 1992, Кравченко 1993; Падучева 1993, Матурана 1996, 2001; Верховурова 2004 и др.), фиксирующую оценку рассматриваемого фрагмента действительности.

Когнитивное основание значения (языкового) знака предполагает, что в его значение входит весь спектр знаний — экстралингвистических / лингвистических, приобретенных в результате взаимодействия человека с определенной культурной средой и потому обусловленных ею. Такой подход позволяет рассматривать значение знака как отношение между субъектом и культурой, определяемое конкретной культурой для субъекта. Так, в частности, было показано, что интерпретация, т.е. приписывание того или иного зна-

чения знакам одежды, детерминирована общим социокультурным контекстом.

Оценивая одежду, наблюдатель фиксирует ту или иную значимую для него информацию: одежда несет информацию о роде занятий человека, его социальном происхождении, особенностях личности, вкусах, настроении, а также сигнализирует окружающим о материальном благополучии ее владельца. Пословица гласит — *A cheap coat makes a cheap man*: именно те или иные характеристики одежды вызывают в сознании наблюдателя тот или иной образ. Образ богатого человека ассоциируется с определенными моделями, определенным качеством одежды, теми или иными марками, указывающими на принадлежность ее обладателя к классу богатых. Принадлежность к миру богатых, определяемая гардеробом, фиксируется дороговизной одежды, аксессуарами, различными роскошными украшениями. Цена одежды всегда связывается с материальными возможностями ее обладателя и является своеобразной визитной карточкой человека, фиксирующей, в большинстве случаев, его социально-экономическое положение. Связь одежды со статусом человека и его материальным уровнем обеспеченности иллюстрируется в следующем примере:

I'm sure Miss Henrietta wouldn't have talked thus to a stranger, But strangers, like dogs, are not to be found in Gramercy Park. My presence in the park indicated that I was decent and respectable, that I had a rewarding occupation or an independent income, that I was one of Us and not one of Them. My clothes had certainly been chosen to reinforce that image. My suit was a tropical worsted, a window-pane check in light and dark gray. My shirt was light blue with a medium-length button-down collar. My tie carried stripes of silver and sky blue on a navy field. The attache case at my feet was a slim model that had cost someone a pretty penny (Block, p. 293).

В этих дескрипциях опыт говорящего эксплицируется глагольно-именным сочетанием *I'm sure* (эпистемологическая оценка), которое представляет модальную рамку всего высказывания, выражая уверенность говорящего, его знание о том значительном влиянии на окружающих, которое может оказывать одежда. Внешний облик говорящего, формируемый одеждой, направлен на создание такого имиджа, с помощью которого человек демонстрирует свою принадлежность к определенному социальному слою. Кваликативная пропозиция *I was one of Us and not one of Them* содержит несколько прагматических аспектов: во-первых, субъект, осуществляя оценочную категоризацию, выделяет две категории людей, принадлежность к которым устанавливается на основании таких концептов, характеризующих предметы одежды, как КАЧЕСТВО, ЦЕНА, СТИЛЬ. Во-вторых, одежда используется как средство demonstra-

ции статуса, что, в свою очередь, имплицитно такой концепт, как ДЕМОНСТРАТИВНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ.

Руководствуясь опытом, говорящий конструирует свой имидж так, чтобы максимально воздействовать на окружающих: указывает тип ткани костюма (*tropical worsted*), расцветка галстука. Значительный штрих в создании имиджа — это кожаный плоский чемоданчик (*the attache case*), информирующий о материальных возможностях своего обладателя. Таким образом, весь внешний облик демонстрирует определенное качество и стиль, соответствующие определенному статусу говорящего.

Анализ примеров, содержащих описание одежды и предметов гардероба, обнаружил преобладание общих положительных оценок, что свидетельствует в пользу того, что языковая аксиология концепта MATERIAL WEALTH репрезентируется определенным набором языковых средств, потенциально приспособленных к выражению его ценности.

Вслед за многими исследователями (Lakoff, Johnson 1980; Телия 1996; Хахалова 1998; Арутюнова 1999; Ченки 2002) мы рассматриваем метафору как незаменимый механизм познания, основную концептуальную форму мышления. Выявление концептуальных метафор, вербализующих концепт MATERIAL WEALTH, осуществлялось на основе анализа фразеологических единиц, зафиксированных словарями.

Специфика концепта MATERIAL WEALTH, который, с одной стороны, структурируется как вещественная, предметная сущность, маркируемая количественными показателями, а с другой стороны, как сущность, содержание которой образует абстрактные категории, обусловила систематизацию концептуальных метафор по принципу "конкретное / абстрактное".

Данные анализа представлены в виде следующей таблицы:

Концептуальные метафоры MATERIAL WEALTH в английском языке

КОНКРЕТНОЕ	
1.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — ИЗОБИЛИЕ ЕДЫ
2.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — СЕРЕБРЯНАЯ ПОСУДА
3.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО- МНОГО ЗОЛОТА
4.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — МНОГО ДЕНЕГ
5.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО- ХОРОШИЕ ВЕЩИ

6.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — ХОРОШАЯ ОДНЖДА
7.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО-ЦВЕТЫ
АБСТРАКТНОЕ	
8.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — ХОРОШАЯ ЖИЗНЬ
9.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — РОСКОШЬ
10.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО- ПРОЦВЕТАНИЕ
11.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО-УДАЧА
12.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — СТАТУСНЫЙ СИМВОЛ
13.	МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — СТРАНА ИЗОБИЛИЯ

Концептуальная метафора МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — ИЗОБИЛИЕ ЕДЫ воплощается в ряде фразеологических единиц, в семантике которых выделяются такие образы, как толстый ломоть (chunk of change, piece of change); миска вишен (bow! of cherries); хлеб, намазанный маслом с двух сторон (have one's bread buttered on both sides); иметь хороший винный погреб (have a good cellar); пироги и пиво (cake and ale); страна изобилия (a land of milk and honey); котлы с мясом (the flesh-pots или fleshpots of Egypt); плодородная земля (the fat of the land). Концептуальная метафора (2) реализуется при помощи фразеологической единицы born with a silver spoon in one's mouth.

В группе фразеологических единиц, в которых реализуется концептуальная метафора МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — МНОГО ЗОЛОТА, богатство осмысливается при помощи таких образов, как горшок / горшки золота (pots of gold, crock of gold); горы золота (the mountains of gold); золотой дождь (golden rain, shower of golden rain, shower of gold); золотая жила (gold mine). Золото как источник обогащения фиксируется в эзоповском выражении the goose that laid the golden eggs.

Концептуальная метафора МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — МНОГО ДЕНЕГ объективируется в ряде фразеологических единиц, семантическое наполнение которых передает идею изобилия, большого количества денег. Во фразеологизмах, объективирующих концептуальную метафору МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — МНОГО ДЕНЕГ, богатство концептуализируется при помощи таких образов, как мешки денег (moneybags); серьезные деньги (serious coin); купаться в деньгах (float in money, roll in money); быть с деньгами (be in the money / in

funds / in cash / in the chips). Значения выделенных фразеологизмов имплицитно количественную оценку «много» и соотносятся с концептуальным признаком «much money».

Концептуальная метафора МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — ХОРОШИЕ ВЕЩИ реализуется при помощи таких фразеологизмов, как *this world's goods, one's worldly goods*. В группу фразеологических единиц, соответствующих концептуальной метафоре (6), входят следующие единицы: *all dressed up, deep pockets, well-lined pockets, well-heeled*. Концептуальная метафора (7) реализуется при помощи таких фразеологизмов, как *bed of roses, in / in the clover*.

Группа фразеологических единиц, объективирующих концептуальную метафору МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — ХОРОШАЯ ЖИЗНЬ, отражает осмысление материального богатства посредством таких образов, как высокий уровень / стиль жизни (*on a grand scale, in grand / high style, the high life*); жить на широкую ногу (*to live in a big / great / good way*); легкая жизнь (*in easy circumstances, on easy street*). Богатство также метафоризируется как место под солнцем (*place in the sun*). Концептуальная метафора МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — РОСКОШЬ реализуется в таких фразеологизмах, как: *to live in the luxury, in the lap of luxury*. Значения фразеологизмов этой группы соотносятся с соответствующим концептуальным признаком — «luxuries».

Концептуальная метафора МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — ПРОЦВЕТАНИЕ реализуется при помощи таких фразеологизмов, как: *blossom into / out, flourish like a green bay tree*. В группу фразеологических средств, объективирующих концептуальную метафору (11), вошли следующие единицы: *fortune's purse, in fortune's lap*.

Фразеологическая единица *status symbol* объективирует концептуальную метафору МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — СТАТУСНЫЙ СИМВОЛ. В группу фразеологических средств, объективирующих метафору МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — СТРАНА ИЗОБИЛИЯ, входят следующие единицы: *happy hunting ground, the land of Cockaigne, An El Dorado, the flesh-pots of Egypt, the land of milk and honey, Fat City*. Значение данных идиом отражает идею изобилия и праздности, раздолья, райской жизни.

Как показывает анализ, в выделенных концептуальных метафорах воплощаются две понятийные сферы MATERIAL WEALTH: сфера "вещественного" и сфера "абстрактного". Сфе-

ра "вещественного" соотносится со всеми существенными признаками концепта MATERIAL WEALTH, выделенными в ходе дефиниционного анализа понятия "wealth" («much», «value», «material»), В сфере "абстрактного" выделяются дополнительные смыслы концепта, уточняющие его ценностный аспект (хорошая жизнь, статус, процветание, роскошь).

Вслед за другими исследователями (напр., А.А. Залевская 2005) мы считаем, что наиболее оправданным и эффективным инструментом исследования в области концептов является не только и не столько концептуальный анализ на материале словарных статей или фразеологизмов, примеров из оригинальных источников, сколько применение экспериментальных методов. Стоит отметить, что экспериментальный подход в рамках данной работы явился важной составной частью исследования, поскольку данные, полученные в результате эксперимента, позволили не только зафиксировать фрагмент ценностной картины мира носителя культуры, выяснить мотивы его оценок, узнать значимость ценности Material Wealth для испытуемых, но и узнать, как происходит процесс популяризации исследуемой ценности.

В проведенном нами эксперименте участвовали как представители Великобритании, так и США. Поиск информантов осуществлялся на сайтах Интернета (напр., <http://www.penpalnet.com/>) и при помощи друзей, проживающих в Великобритании или США. Важно указать, что поскольку большинство откликнувшихся респондентов относятся к среднему классу, постольку в нашем исследовании преимущественно представлена позиция среднего социального слоя.

Рассматривая текст как источник культурологической информации, как феномен человеческой культуры с присущими ей ценностными доминантами, мы предложили информантам написать текст в форме свободного рассуждения, в ходе которого им предлагалось ответить на вопрос: "What is material wealth to you?". Мы рассчитывали, что даже при условии неполной искренности информантов, текст, представляющий собой некое завершённое сообщение, в котором все концептуальные признаки объекта обозначаются с большей или меньшей степенью отчетливости, позволит получить усредненное ценностное представление, составляющее когнитивное содержание культурного концепта MATERIAL WEALTH. Всего было получено 19 текстов, десять из которых написаны жителями Великобритании.

Изучение особенностей концептуализации материального богатства носителями английского языка показало, что рассматривае-

мый концепт в большинстве своих модусов имеет флуктуирующую оценку, где знак «-» или «+» зависит от ценностной ориентации говорящего. Восприятие материального богатства всегда чем-то осложнено: с позиций утилитарно-прагматических воззрений и общественно-прагматических воззрений материальное богатство одобряется и оценивается положительно, но материальное богатство, мотивируемое жадностью, осуждается и маркируется отрицательно на аксиологической шкале. Выявлено, что в отрицательном диапазоне оценки в концептосфере MATERIAL WEALTH актуализируются такие концепты как: GREEDINESS, MINDLESS OBTAINING и т.п.:

Material wealth is when you have everything you need, any more is just greedy. As long as I get to have the things I need to make life comfortable, I will consider myself materially sufficient; Material wealth can be simply acquired, or I sought with a vengeance to the point where its acquisition clouds the initial reasoning for its accumulation. When greed takes over, then the pleasure of ownership is replaced by the overbearing need to own. The concept for me is when I have around me the things that I need (часть высказываний из текстов информантов).

В положительном диапазоне оценки MATERIAL WEALTH отождествляется с концептами COMFORT, PLEASURE и маркируется при помощи количественных параметров, семантика которых содержит компонент определенного разумного количественного предела («rational», «reasonable», «enough», «sufficient», «comfortable»). Наличие полярных оценок обусловило амбивалентную сущность концепта.

Присутствие определенного количественного предела концепта MATERIAL WEALTH является характерной особенностью большинства текстов: основным мотивом оценивания в определении значения ценности Material Wealth является рациональный подход к обладанию материальными предметами. Говорящие акцентируют функциональную полезность материальных благ:

Material wealth is when you have things that are essential, functional and/ or desirable, but serve the purpose for which they are obtained. They are in use either daily or weekly and make life more possible, comfortable or enjoyable; I have no desire to be surrounded by items that I will never use or appreciate (цитаты из текстов информантов).

Значение ценности материального богатства для информанта, как правило, выражается эксплицитно. Спектр взглядов включает, в том числе, и прямо противоположные точки зрения. Однако доминирующей оценкой является оценка, приписывающая положительную значимость материальному богатству. Подкрепляя сказанное цифрами, отметим, что только 2 из 19 информантов определили свое отношение к материальному богатству, квалифицируя его как

«неважное» и как «то, что совсем не интересует», фиксируя тем самым нулевую значимость объекта оценки. Данных с отрицательной значимостью объекта у нас не имеется. Остальные оценивают материальное богатство как нечто необходимое, полезное, приносящее удовольствие, желаемое, обогащающее жизнь, заставляющее мечтать и др., т.е. как благо.

Таким образом, доминирующая положительная окраска концепта MATERIAL WEALTH позволяет утверждать, что концепт MATERIAL WEALTH репрезентируется как положительная ценность, что можно представить в виде следующей формулы:

концепт + положительная окраска = ценность.

Исследование процесса концептуализации материального богатства позволяет расставить приоритеты в ценностной картине мира говорящих. В целом, высоко оценивая значимость материальных благ, информанты противопоставляют ценность Material Wealth благам другого рода, как-то: Family, Good Relationship with People, God, Education, Health и др., квалифицируя их как более значимые или как «настоящее богатство».

В концептосфере MATERIAL WEALTH выявлены следующие ценностные оппозиции: MATERIAL WEALTH / FAMILY HAPPINESS, MATERIAL WEALTH / SPIRITUAL HAPPINESS, MATERIAL WEALTH / RELIGIOUS WEALTH, MATERIAL WEALTH / RELATIONSHIPS WITH PEOPLE.

Помимо указанных особенностей, доказано, что концепт MATERIAL WEALTH находится в причинно-следственных связях с рядом концептов и выступает как каузируемый концепт. К числу концептов-каузаторов относятся концепты GOOD FAMILY, SUCCESS, ACHIEVEMENT, COMPETITION. В следующем тексте факт принадлежности к хорошей семье предъявляет к информанту определенное требование — это требование быть успешным:

My biggest vice is clothes. I can never have enough, does that count? I like having a good car as well. I don't think that I have a lot of things really. I would like them though. It's like proof of how successful you are and I want to be successful so why shouldn't I let people know when it happens. I am from a good family and the pressure to succeed is like huge. I know that one day I will be well off and then I will be able to have everything I want (фрагмент текста 14).

Слово pressure имплицитно ценностью COMPETITION: необходимость быть не хуже других, а, по меньшей мере, соответствовать или быть лучше, побуждает людей к соперничеству, мотивирует их деятельность и поведение:

Much of materialism comes from peer pressure. It's not that we want better things than the people we know, we just want to keep up with them and this keeps increasing the target (фрагмент текста 13).

Способность ценностей задавать определенную направленность и мотивированность человеческой жизнедеятельности объективируется использованием идиомы *to keep up with*. Идиоматический слой языка, который, по определению, является национально специфичным, наиболее наглядно иллюстрирует образ жизни и, соответственно, систему ценностей той или иной общности. Рациональный аспект, относящийся к денотативному аспекту значения идиомы ориентирует человека в его практической деятельности, задает соответствующие векторы или определенные цели (*the target*), конкретность которых обозначена использованием определенного артикля.

Употребление идиомы помогает конкретизировать направление категоризации переживания значимости материальных благ и служит для реализации интенционального горизонта говорящего, реконструируя который представим пропозицию *we just want to keep up with them* в следующей форме: «Я как часть общества хочу соответствовать ему». Таким образом, использование фразеологизма позволяет установить, что феноменологическое переживание материального богатства находит отражение в сведении горизонтов интенциональности автора и его окружения.

Установлено, что к числу типичных ассоциаций относятся концепты: *MONEY, HOUSE, CARS: Material wealth in the American Culture usually involves home, car, and money. These are the three basic things* (эссе 4).

Выделенные концепты оцениваются как основные и необходимые. Исходя из данных текстов информантов, в поле концепта *MATERIAL WEALTH* выявлен отдельный концептуальный уровень *NECESSITY*. Прагматическая структура указанной области концепта складывается из оценок, даваемых носителями языка при помощи таких квалификаций, как: *essential, necessary, need, important* и др.

Анализ языковых данных позволяет утверждать, что культурный концепт *MATERIAL WEALTH* имеет определенную специфику представления, которая обусловлена ценностями данной культурной среды. В целом, концептуализация *MATERIAL WEALTH* характеризуется не только обусловленностью базовых ценностей данной культуры, но также и их включенностью в определение дайной мировоззренческой категории: материальное богатство рассматривается как доказательство успеха (*It's like proof of how successful you are* (эссе 14)), как упорная работа (*To me personal wealth is working hard to earn more money...* (эссе 12)), как соревновательность (*Much of materialism comes from peer pressure. It's not that we*

want better things than the people we know, we just want to keep up with them and this keeps increasing the target (эссе 13)), как показатель успешной деятельности человека (Property is a good example of how someone can use a large asset for the accumulation of more wealth эссе 2)).

Концептуализация MATERIAL WEALTH характеризуется представленностью опыта переживания MATERIAL WEALTH с позиций субъекта «Мы – социум» или с точки зрения переживания опыта «Другого»:

So, you see, I answered your question as I see material wealth to be in ones life, but not how I see it to be in my life; We all want things that are nice; Reasonably nobody has a use for more than one dwelling and yet so many people use the ownership of many as a sign of wealth and as the means for acquiring more; A person is constantly acquiring these things instead of forming solid relationships with people; The new generation sees wealth as a status symbol; The ironic problem with creating material wealth here in America is, we think the more items that we own has a direct effect on our happiness in life. (The more I own, the happier I am) In fact the opposite is true, happiness is based on friendships and overall well-being и т.д. (фрагменты из текстов информантов).

В концептосфере MATERIAL WEALTH выделяется область, структурированная как комплекс стереотипных значений. Установлено, что к стереотипным значениям, имплицитным материальное богатство, относятся такие смыслы как: MATERIAL WEALTH IS SUCCESS, MATERIAL WEALTH IS STATUS, MATERIAL WEALTH IS A SIGN.

Проведенный анализ показывает, что концепт MATERIAL WEALTH репрезентируется как при помощи неопределенных видо-временных глагольных структур (Indefinite Tenses), образуемых при помощи инфинитивных форм, основное значение которых сводится к фиксации информации как фактической, так и теми структурами языка, когнитивное значение которых состоит в указании на наблюдателя как субъекта восприятия тенденции, происходящей в данной культуре, то есть при помощи определенных видо-временных глагольных структур (Definite Tenses). Концепт MATERIAL WEALTH, таким образом, представляет синтез структурального и феноменологического знания. Когнитивные аспекты значения этих структур показывают, что существует прямая связь между языковыми выражениями и опытом, приобретенным в рамках культурной среды.

Материальное богатство выступает диахронической ценностной константой человеческого бытия. Значения, обнаруживаемые в древних индоевропейских обозначениях богатства, коррелируют с современными представлениями о материальном богатстве.

При этом содержательный объем и содержательная суть концепта MATERIAL WEALTH и понятия "wealth" различаются.

MATERIAL WEALTH представляет собой дихотомический концепт: интенциональность автора высказывания определяет знак «+» / «-» концепта MATERIAL WEALTH в контексте конкретной ситуации.

Сущностной характеристикой культурного концепта MATERIAL WEALTH является его способность вступать в отношения ассоциативного пересечения с базовыми культурными концептами, рассматриваемыми в аспекте ценностей и образующими ценностную картину мира англо-американской культуры.

Литература

Новоселова Т.Н. Истоки базовой метафоры MATERIAL WEALTH IS PLENTY OF FOOD // Современные лингвистические теории: Проблемы слова, предложения, текста: Вестник ИГЛУ. — Сер. Лингвистика. Иркутск, 2003. — № 4. — С. 83-90.

Новоселова Т.Н. Мифологическая символика концепта MATERIAL WEALTH // Современные лингвистические теории: Проблемы слова, предложения, текста: Вестник ИГЛУ. — Сер. Лингвистика. — Иркутск, 2004. - №5.-С.59-68.

Новоселова Т.Н. Ценностная компонента концепта MATERIAL WEALTH в культурной системе // Вопросы теории текста, лингвостилистики и интертекстуальности: Вестник ИГЛУ. — Сер. Лингвистика. — Иркутск, 2004. №2.-С. 130-138.

Новоселова Т.Н. Концепт MATERIAL WEALTH и его языковая онтологизация в англо-американской культуре: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 17 с.

Т.Г. Смотровая (Таганрог)

ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ

Данная работа посвящена изучению концептов *победа* и *поражение* в русской языковой картине мира.

История теории концептов уходит своими корнями в работы А.А. Потебни. Он разграничивал ближайшее и дальнейшее значения слова, определяя первое как «народное», общеизвестное для языкового сообщества, но ограниченное, «рассматриваемое до определенного предела». «Только одно ближайшее значение, — говорит А.А. Потебня, — составляет действительное со-

держание мысли во время произнесения слова» (Потебня, с.19). Дальнейшее значение безгранично, т.к. оно включает в себя более широкую семантику, поэтому «такая совокупность<...> может быть продумана лишь в течение ряда мгновений, посредством ряда умственных усилий и для выражения своего потребует много слов» (там же). Известна концепция С.Д. Кацнельсона, выделявшего формальные понятия в противовес содержательным. Первым он предлагал называть «тот минимум наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков, которые необходимы для выделения и распознавания предмета» (Кацнельсон, 1965, с.18). Далее он отмечает, что формальное понятие равно значению слова. Чтобы определить содержательное понятие «...одного слова недостаточно. Для этого нужен теперь ряд слов, предложение, вереница предложений, определенным образом организованный, тематически единый контекст» (там же, с.25). Таким образом, дальнейшее значение и содержательное понятие отражают современную сущность концепта.

Некоторые исследователи связывают зарождение данного понятия с логическим направлением языкознания. Так, О.А. Алимурадов обращает внимание на теорию типов А. Черча, в которой «...речь может идти о концептах сущностей, представляющих собой типы. Типы в логике А. Черча характеризуются наличием денотатов; последние, сопоставленные определенным типам, имеют *концепты*, которые представлены *содержанием соответствующих понятий*» (Алимурадов, с. 227). Он считает термин «концепт» и синонимичным фрегевскому термину «смысл» — способ представления денотата, и противостоящим ему в комплексном аспекте.

Когнитивисты определяют концепт как единицу «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Кубрякова, 1996, с.90).

С позиций психолингвистики концепт трактуется как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и зна-

чений как продуктов научного описания с позиций лингвистических теорий» (Залевская, 2001, с. 39).

Структура концептов образует картину мира (Е.С. Кубрякова, О.А. Алимуратов, В.А. Маслова и др.), в которой выделяются первичные (основные, базовые) и вторичные концепты. Отличие первых в том, что они являются своеобразным фундаментом для образования других концептов. Это такие концепты, как *время*, *пространство*, *родина*, *судьба*, *воля*, *доля*, *грех*, *закон*, *свобода*, *истина*, *ложь*, *добро*, *зло*, *любовь* и т.д. В.И. Карасик вводит такой термин, как ценностная картина мира, в которой отражаются приоритеты народа, значимость тех или иных явлений действительности в их культуре. Наиболее важные смыслы он называет «культурными доминантами», «совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» (Карасик, 2002, с.169). Значимость базовых концептов в социокультурной картине отмечают В.Н. Телия, Н.Б. Мечковская, Э.А. Орлов, В.В. Воробьев, В.П. Руднев, О.Г. Прохвачева, Н.А. Красавский, Л.Ю. Буянова, С.Е. Никитина и др. А.Я. Гуревич предлагает следующую классификацию концептов культуры:

- «космические», философские категории, «универсальные категории культуры» (время, пространство, причина, изменение, движение и т.д.),

- социальные категории, т.н. культурные категории (свобода, право, труд, справедливость, богатство, собственность и т.д.).

Данная классификация акцентирует внимание на актуальности категории: есть вечные, «космические» ценности, а есть важные для определенного времени, общества, слоя общества и т.д. В связи с этим нельзя не отметить возросшее в последнее время внимание к изучению языкового материала, обозначающего те или иные материальные и модные «фетиши» современного общества. Это работы Куцый В.В., посвященные изучению концептов "богатство" и "бедность" на материале русского и английского языков, Редкозубовой Е.А. о функционально-семантическом поле "деньги", сленге и социальном престиже, О.Г. Савельевой о концепте "еда", Н.Н. Панченко о концепте "обман", Л.Ю. Павлоградской о концепте "страх" и мн. др. Однако не ослабевают интерес и к вечным понятиям: так, например, концепты "правда (истина)" привлекали внимание Ю.С. Степанова, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, А.В. Пузырева, работы Е.Н. Корф о концепте "причина", И.С. Куликовой, Д.В. Салминой о концепте "человек", Л.Н. Чурилиной о концепте "любовь" и др. К чис-

лу последних по «нестрогой» классификации относятся и рассматриваемые нами концепты.

В нашей работе мы разграничиваем внутреннюю форму статической и динамической картин мира (КМ), т.к. концепт не является единицей только лишь языка. В статической картине мира мы рассматриваем внутреннюю форму наименований концептов, т.е. тех лексем, которые выражают идеи победы и поражения. Нами анализируются этимология, синонимические и антонимические отношения, словообразовательные ряды лексем.

Рассмотрение этимологии, синонимии и антонимии, деривационных отношений необходимо при анализе внутренней формы наименований концептов "победа" и "поражение" в статической картине мира. Изучение лексем с разных точек зрения позволило нам выявить фреймовую (когнитивную) структуру интересующих концептов.

Соответственно, обобщенные знания о концепте "победа" в статической картине мира можно представить следующим образом.

Фрейм "победа"

Имя слота	Содержание слота
1.Субъект обладания	1.А. Лицо; 1.Б. Не лицо (нравственные качества человека, черты характера);
2.Объект обладания	2.А. Власть; 2.Б. Преимущество в чем-либо; 2.В. Авторитет и уважение; 2.Г. Обладание чем-то ценным.
3. Отношение к норме	3.А. Больше нормы.
4. Оценка	4.А. Положительная.
5. Цена	5. А. Высокая; 5.Б. Очень высокая.
1. Языковая категоризация	6.А. Действие; 6.Б. Абстрактный предмет; 6.В. Конкретный предмет; 6.Г. Признак; 6.Д. Признак признака
7. Когнитивный слой	7.А. Бытовой. 7.Б. Возвышенный. 7.В. Военный. 7.Г. Любовный. 7.Д. Биологический. 7.Е. Спортивный.

Слоты содержания в единицах разных уровней могут реализовываться дифференцированно.

Фрейм "поражение"

Имя слота	Содержание слота
1.Субъект обладания	1.А. Лицо; 1.Б. Не лицо (очень редко);
2.Объект обладания	2.А. Потеря чего-то; 2.Б. Недостаток чего-либо; 2.В.Смерть; 2.Д. Позор и упреки.
3. Отношение к норме	3.А. Ниже нормы; 3.Б. Значительно ниже нормы.

4. Оценка	4.А. Отрицательная.
5. Цена	5.А. Низкая; 5.Б. Очень низкая.
2. Языковая категоризация	6.А. Абстрактный предмет; 6.Б. Динамический признак; 6.В. Носитель признака; 6.Г. Действие. 6.Д. Признак признака.
7. Когнитивный слой	7.А. Бытовой. 7.Б. Возвышенный. 7.В. Военный. 7.Г. Любовный. 7.Д. Биологический. 7.Е. Спортивный.

Таким образом, концепт как совокупность значений может быть представлен в виде фреймовых структур, включающих характерные для статической картины мира значения. Возможность подобного обобщения доказывает универсальность концептов.

Из проанализированных нами 206 идиом 70% выражают идею поражения, что является отличием от лексической системы русского языка, в которой лексемы, выражающие идеи победы и поражения представлены практически в равном количестве. Отличительной чертой ФО является эмоционально-экспрессивная, стилистическая окраска и наличие оценочного компонента. Немаловажно, на наш взгляд, и то, что проигрыш, лицо, терпящее поражение вызывает у носителей языка больше эмоций (сочувствие, неодобрение, жалость, негодование, насмешку и т.д.), чем победа.

Рассмотрим фразеологизмы со значением "победа". Устойчивые выражения одной тематической группы могут отличаться оттенками значения, стилистической окраской, структурой (разделение на номинативные и коммуникативные ФО), синтаксической функцией и дистрибуцией. Доминантами синонимического ряда среди ФО со значением "победа" являются фразеологизмы *брать верх, положить на обе лопатки, завоевать пальму первенства, заткнуть за пояс, стать на пьедестал* т.к. они наиболее простые по семному составу, имеют общее значение "побеждать кого-либо; превосходить в каком-нибудь деле" и стилистически нейтральны. Значения других ФО — синонимов обладают следующими оттенками: *выйти в свет / в люди* (достигнуть высокого положения), *шапками закидаем* (обещание легкой победы), *пиррова победа* (победа, доставшаяся ценой больших потерь), *согнуть в бараний рог / в дугу / в три погибели* (смирить, держать в повиновении) и т.д. Фразеологизмы *накрутить хвост, намылить голову (шею), снимать стружку, намять бока* совмещают два значения:

- 1) Сильно побить кого-либо.
- 2) Нанести поражение противнику.

Однако и во втором значении указанные ФО не могут быть доминантами синонимического ряда, т.к. они стилистически окрашены, разговорные. К этой группе относятся многочисленные фразеологизмы, приведенные в "Большом синонимическом словаре русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник" А.Ю. Кожевникова, причем их преобладающее значение — "убить": *вышибить душу (дух), навести концы, лишить жизни, пролить кровь* (высок.), *предать смерти* (высок.), *свернуть голову (шею)*; и его разновидности "убить огнестрельным оружием": *уложить наповал, уложить на месте*, "убить холодным оружием": *выпустить кишки (потроха), порубить (скосить) как капусту*. Привлекает позиция автора словаря: "...представлено более 13 000 синонимических рядов, включающих слова, фразеологизмы, устойчивые словосочетания, перифразы и образные обороты, тождественные или близкие по значению, т.е. языковые единицы, способные взаимозаменять друг друга в речи" (с. 4). Подобный подход соотносится с описанием концептов — совокупности значений о каком-либо предмете, выраженных единицами разных уровней языка.

В группе ФЕ со значением победы преобладают устойчивые сочетания процессуального характера (57%): *своротить горы, разделать под орех, стереть с лица земли, выйти в люди (в свет), пойти в гору, задать перцу, положить на обе лопатки, намылить шею, стать на пьедестал почета, взять свое, оставить поле боя за собой, вернуться со щитом, обратить в бегство, разбить наголову* и др. На втором месте — идиомы признакового характера, обозначающие человека, способного по каким-либо признакам одержать победу: *не промах, не чета, палец в рот не клади, семи пядей во лбу, голыми руками не возьмешь, далеко пойдет, играть первую скрипку, быть на высоте, глаз наметан, котелок варит, не ударит лицом в грязь, даст сто очков вперед* и т.д.; и совсем малочисленную подгруппу представляют ФЕ со значением предметности: *пальма первенства, апогей славы, дело в шляпе*. Анализ данных фразеологизмов позволяет нам выделить следующий набор концептуализаций.

1. Победа — это превосходство (ума, силы, красоты, других личностных качеств, денег и т.п.);

2. Победа — это движение вверх, рост карьеры, самосовершенствование (*пойти в гору, брать верх*);

3. Победа — это первое место (в спортивных состязаниях, пари: *завоевать пальму первенства, встать на пьедестал почета*);

4. Победа может доставаться легко (*семерых одним ударом, заткнуть за пояс, дело в шляпе, шапками закидаем, брать голыми руками (за горло), побить одной левой (одним мизинцем)* и др.). Отметим, что данная группа значительно преобладает над последующей;

5. Победа может доставаться трудно (*выносить на своих плечах, голыми руками не возьмешь*);

6. Победа может быть аморальной (*пиррова победа, победителя не судят*);

7. Победителя уважают (*глаз наметан, не ударит лицом в грязь, далеко пойдет, (перед ним) снять шляпу*);

8. Победителя могут недолюбливать, завидовать ему (*палец в рот не клади, знает себе цену и пр.*).

Отличительной чертой фразеологии является четкая соотнесенность победы с человеком, это антропоцентрическая характеристика. В лексике эта направленность так отчетливо не представлена. Многочисленная группа фразеологизмов с признаковым значением описывает человека в той или иной мере причастного к победе, способного одержать ее. В состав компонентов ФО этой группы входят слова, обозначающие либо самого человека, либо части тела (*рука, голова, лицо, рот, глаз, лоб* и др.): *семь пядей во лбу, глаз наметан, не ударит в грязь лицом* и т.п. Идиомы процессуального характера всегда предполагают наличие субъекта действия, а иногда и объекта, но никогда не выражены безличными глаголами: *дать прикурить* (кому), *заткнуть за пояс* (кто, кого). На важность антропонаправленной характеристики фразеологии указывает и тот факт, что значение абстрактного предмета представлено самой малочисленной группой идиом, хотя победа и предполагает обладателя: *пиррова победа* (чья), *апогей славы* (чей), *дело в шляпе* (чье), т.к. олицетворяет состояние, достижения человека.

Как удалось установить, идиом, репрезентирующих концепт "поражение", больше. Исследуемый концепт во фразеологии намного шире представлен не как абстрактный признак (поражение, неудача), а как конкретный предмет (человек, неспособный победить), причем уникальность подобных ФО состоит в том, что в своем значении они содержат причину этой несостоятельности. Это позволяет нам выделить следующие подгруппы:

- **человек не способен победить из-за характера**

(слабовольный, легкомысленный, неопытный и т.д.): *ветренная голова, ветряная мельница, гайка слаба, кишка тонка, лыком шит, маменькин сынок, тепличное растение, не нюхал пороху* и др. Особо можно выделить ФО о трусости: *быть не из храброго десятка, труса праздновать, тише воды, ниже травы* и т.д. Однако указанная оценка не исключает возможности победы в других аспектах (например, одержать умственную или физическую победу). В связи с этим важно отметить, что и в последующих группах имеет место подобное взаимоисключение.

-**человек не способен одержать победу из-за недостатка ума** (чаще всего такие ФО содержат в своем составе символические слова "голова", "лоб" и др.): *голова два уха, медный лоб, голова садовая, без царя в голове, олух царя небесного, задним умом крепок, пороха не выдумает* и мн. др.

-**человек терпит поражение, т.к. занимает низкое социальное положение** (в состав ФО входят такие символические слова как "низкий", "второй", "последний", "средний"): *мелкая сошка, последняя / десятая спица в колеснице, шишка на ровном месте, ноль без палочки, средней руки, середина на половину, так себе* и др. Многие подобные ФО имеют антонимичные с похожим строением:

*быть не из храброго десятка — быть из храброго десятка,
играть вторую скрипку — играть первую скрипку,
птица низкого полета — птица высокого полета,
лыком шит — не лыком шит* и т.д.

В классификации по отнесенности к тому или иному категориальному значению на первом месте — идиомы с признаковым характером (43 %): *лыком шит, олух царя небесного, так себе, последняя спица в колеснице, оторви да брось, разводит слюни, хоть веревки вей, труса праздновать, отставной козы барабанщик* и др.; широко представлены ФЕ процессуального характера: *давать промах, возвратиться к разбитому корыту, не видать, как своих ушей*; в два раза меньше представлена подгруппа с предметным значением: *дело труба, гиблое дело*. Отличие от классификации фразеологизмов концепта "победа" заключается в наличии устойчивых словосочетаний с категориальным значением признака второго порядка, (что зависит от возможной / невозможной дистрибуции: ср. проиграть / победить *как? в какой степени?*: *несолоно хлебавши, в пух и прах* и т.д.).

При рассмотрении этой группы фразеологизмов мы выделяем следующий набор концептуальных значений:

1. Поражение — это лишение чего-либо (статуса, профессии, денег и т.д.): *выброшенный на улицу (за ворота), остаться у разбитого корыта, выбитый из седла*;

2. Поражение — это показатель несостоятельности, нехватки чего-либо (сил, ума, красоты, смекалки, опыта): *не нюхал пороха, ни рыба, ни мясо, голова два уха, кишка тонка*;

3. Поражение — это движение вниз: *пойти на дно, быть под башмаком, лечь костью, валиться из рук*;

4. Поражение — это кривая линия (данный символ означает сломленного человека, его пошатнувшееся положение): *выйти боком, согнуться в дугу (в три погибели), свернуть шею*;

5. Поражение — это смерть: *погибоша аки обре, мокрое место осталось, класть голову (жизнь, живот)*;

6. Поражение — это позор, таким быть плохо, неприятно: *медный лоб, шишка на ровном месте, ни то ни се, задним умом крепок*.

Представленные концептуализации шире и многостороннее, чем указанные выше лексические значения (хотя некоторые из них совпадают: терпеть неудачу — несостоятельность, быть окончательно разгромленным — смерть). При сравнении концептуальных значений фразеологизмов, выражающих идеи победы и поражения, очевидно совпадение трех метафор – ресурс, отношение и пространство, реализация которых носит характер векторной антонимии:

Концепт	Победа	Поражение
Ресурс	+	-
Пространство	верх	низ
Отношение	положительное / отрицательное	отрицательное

Фразеологический материал позволяет увидеть среди совокупности значений концептов эмотивное, символическое (*поражение* — смерть, кривая линия и др.) пространственное (*победа* — движение вверх, *поражение* — вниз) значения.

Интересна реализация идей *победа* и *поражение* в паремиях.

Исследуя паремии, мы использовали словарь пословиц и поговорок В.П. Жукова, в котором языковые единицы расположены в алфавитном порядке, «Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения» В.П. Фелицыной, Ю.Е. Прохорова, «Толковый словарь великорусского языка» В.И. Даля. Методика анализа пословиц такова: 1) отбор паремий, содержащих в своем значении

сему "победы / поражения/борьбы"; 2) группировка данного материала по смыслу и структуре; 3) определение обобщающей идеи для каждой группы, совокупность которых и является набором концептуализаций.

Из указанных словарей нами было отобрано 78 единиц, из которых 51% составляют пословицы и поговорки, выражающие идею поражения, 37% — идею победы и 12% — идею пока не решенного, вариативного исхода борьбы. Таким образом, в группе слов со значением результата борьбы мы можем выделить четыре микрополя: победы, поражения, ничьей и неопределившегося результата. Последнее микрополе появляется в результате исследования паремий и динамической картины мира. Интересен тот факт, что данный подвид является многозначным: в пословицах реализуется первая концептуализация — борьба неопределена, т.к. еще не завершилась. Вторую концептуализацию нам дает контекст — результат борьбы неопределен в связи с неоднозначностью его трактовки: например, в стихотворении М. Цветаевой "Под лаской плюшевого пледа" лирическая героиня говорит о своей влюбленности и ответном чувстве: "Так и не знаю: победила ль, побеждена ль..."

При сопоставлении паремий в русском и английском языках очевидны различия как в наборе концептуализаций, так и в оценочно-экспрессивном аспекте. Стилистическое соотношение следующего синонимического ряда пословиц в английском и русском языках иногда не совпадает:

Английский язык

Стилистические пометы	Высок., книжн.	Нейтр.	Снижен., ирон.
Примеры	Even Homer sometimes nods – даже Гомеру случается задремать	A good marksman may miss – хороший стрелок может промахнуться	_____

К стилистически нейтральным пословицам также относятся синонимичные Accidents will happen in the best-regulated family (несчастья случаются даже в самых благополучных семьях; рус эквиваленты – *в семье не без урода, паршивая овца все стадо портит* – являются разговорными); Every man has his faults (у каждого свои недостатки), Every man has fool in his sleeve (у всякого в рукаве дурак сидит). В приведенных одноструктурных пословицах на первом месте в предложении стоит слово *Every*,

подчеркивая общечеловеческую склонность к ошибкам и проступкам (ср. *To err is human* – человеку свойственно ошибаться). Не представлены поговорки с ироничной, сниженной окраской, что указывает на лояльность и терпимость в сознании англичан к ошибкам мастера.

Рассмотрим то же соотношение в русском языке:

Стилистические пометы	Высок., книжн.	Нейтр.	Снижен., ирон.
Примеры		Конь о четырех ногах, да и тот спотыкается	И на старуху бывает проруха

Пословицы в стилистическом отношении нейтральные в русском языке тоже представлены наиболее многочисленной группой: *на грех мастера нет, на всякого мудреца довольно простоты* и т.д. Однако отсутствие поговорок с книжной, высокой окраской указывает на неодобрение в сознании русского народа промахи или неудачи опытного человека.

Таким образом, сопоставляя поговорки английского и русского языков, мы пришли к выводу, что оттенки лексического значения наименований концептов будут различными. Это отличие, на наш взгляд, содержится и в менталитете и мировосприятии носителей разных языков.

Исследование крылатых выражений показало превосходство языковых единиц, выражающих идею "победы", относящихся к высокому книжному стилю и имеющих пометы *торжеств., поэт.* Интересен тот факт, что среди фразеологизмов и поговорок преобладали единицы, содержащие в своем значении идею поражения. Это явление, на наш взгляд, объясняется тем, что крылатые выражения, пришедшие в статическую картину мира из динамической, иллюстрируют авторское отношение к рассматриваемым нами идеям. Идея победы, соответственно, занимает значительное место и потому "облекается" в более меткие и удачные формы языкового выражения. Фразеологизмы и поговорки отражают мудрость народа и являются констатацией повседневных фактов (поражение в быту, в играх, в труде, в спорте и т.д.). Именно поэтому, по нашему мнению, они представляют идею поражения шире, чем крылатые слова, отражают больше оттенков значений, содержат более выраженную оценку. Поговорки отражают наиболее существенные для народа ситуации, нормы поведения в них и характерное отношение к ним. Вот почему преобладающий ко-

гнитивный слой, реализующийся в пословицах и поговорках — бытовой.

В целом анализ наименований концептов *победа* и *поражение* в статической картине мира позволяет подробно описать совокупность значений, охарактеризовать предмет исследования, как со стороны семантики, так и со сторон языковой категоризации, когнитивного наслоения, экспрессивно-оценочного аспекта и общекультурных метафор.

Внутреннюю форму самих концептов мы раскрываем путем анализа мифологем, содержащих в своем значении идеи победы и поражения.

Идея победы:

1+2 (т.е. верховные боги и их антагонисты) — победа как обретение смысла жизни, преобладание высокого, доброго, хорошего над низменным, злым;

3 (т.е. боги войны)- победа — достижения в сражениях, войнах;

4 (герои)- победа в других областях жизнедеятельности (любви, играх, спорте, учебе и т.д.);

5 (пророки) — предвкушение, предвидение победы;

6 (боги победы)- собственно победа (как отвлеченное понятие).

Идея поражения:

2 (поражение зла, низкого и т.д.);

7 герои, одержавшие батальные поражения (поражение на военном поприще);

8 герои-неудачники (поражение, как на войне, так и в бытовой сфере: любви, играх, спорте, учебе и др.).

Таким образом, можно выделить следующие аспекты, в которых могут репрезентироваться наименования концептов победа и поражение: духовный, военный, бытовой, любовный, спортивный, игровой. Выделенные аспекты совпадают с когнитивными слоями наименований концептов в статической картине мира, что подтверждает правомерность определения внутренней формы в динамической картине мира посредством анализа мифологем. Уместность мифологического подхода к анализу внутренней формы доказана и последующими примерами реализации номинаций концептов в текстах художественных произведений в тех же сферах (духовной, бытовой, спортивной, профессиональной, любовной, военной и др.), которые были намечены после анализа мифологем.

Оттенки лексического значения, подробно рассмотренные в статической КМ, находят воплощение и здесь, однако наибольший интерес вызывают новые концептуализации, анализ которых

представлен более широко. Так, например, характеристики образа победителя и побежденного в статический и динамической КМ различны. "Портрет" победителя, созданный из контекстуальных значений выглядит так:

Субъект обладания	1. Лицо; 2. Не лицо. 3. Коллектив
Характеристика	1. Гордый, смелый, способный на риск, умный, волевой; 2. Равнодушный, безжалостный, амбициозный (внешний вид доказывает это); 3. Духовность, человечность, мудрость (внешний вид – не показатель);
Оценка	Положительная; Отрицательная.

Сопоставление образа пораженного в динамической картине мира с образом победителя отражено в следующей таблице

Субъект обладания	1. Лицо; 2. Не лицо. 3. Коллектив
Характеристика	1. Глупый, бесхарактерный, неопытный; 2. Пассивный, скучающий, без цели в жизни; 3. Мудрый, опытный, талантливый.
Оценка	1. Отрицательная 2. Сочувствующая

Только динамическая картина мира создает ситуацию различия победителя и побежденного: *Там побежденному стал победитель равен, там, бывшие людьми, безмолвно глядят – взгляд клена, взгляд звезды и придорожный камень. Потом и камня нет. Остался только взгляд* (Вознесенский А. Шведский кумир.); *Теперь, когда вспыхнул свет, все живое попряталось, затаилось, потому что никто не знал, кто победитель, а кто побежденный* (Биленкин Д. Космический бог). Отсутствие кардинального отличия между пораженным и победителем (при реализации бытового кода победы) встречаем и у И. Бродского: *На скатертях / лежат отбросы уличного света / и отголоски ликованья мирно / шевелят шторы. Проигравший грек / считает драхмы; победитель просит / яйцо вкрутую и щепотку соли* (А.Я. Сергееву). Описанное положение и поведение победителя и

побежденного не отличается ни в эмоциональном плане, ни в плане авторской оценки.

Часть третьей главы посвящена рассмотрению индивидуально-авторского употребления наименований интересующих нас концептов. Выбор авторов и произведений неслучаен. Так, творчество А.П. Чехова прекрасно иллюстрирует реализацию наименований концептов в различных когнитивных слоях и соответствующую им стилистическую и экспрессивную окрашенность. На примере романа В.В. Набокова «Защита Лужина», в котором одним из ведущих является мотив борьбы, можно вскрыть многообразие семантических наслоений, создаваемых контекстом, таких как *победа* – «ужас для противника», «шанс», «привычное дело» и т.д. Особенность использования номинации концептов в лирических произведениях показана на примере творчества И. Бродского. Дистрибуция интересующих нас лексем практически всегда образует метафору. Сема борьбы почти всегда отсутствует, поэтому ведущее значение для «победы» — «превосходство», которое смыкается со значениями «гармонии», «красоты» (*победа снега, телосложенья*); для «поражения» — «жертвенность»: *Мой слух твое проклятие не колет: / не жизнь передо мной – победа слов* (Разговор на крыльце); *Ветер гонит листву. Старых лампочек тусклый накал / в этих грустных краях, чей эпиграф – победа зеркал, / при содействии луж порождает эффект изобилья* (Конец прекрасной эпохи); *Гортань исходит грифелем и мелом, / и в ней – комок / не слов, не слез, / но странной мысли о победе снега — / отбросов света, падающих с неба, — / почти вопрос* (Разговор с небожителем) *Жизнь без нас, дорогая, мыслима – для чего и / существуют пейзажи, бар, холмы, кучевое / облако в чистом небе над полем того сраженья / где статуи стыннут, праздная победу телосложенья* (Сюзанне Мартин). Сами же идеи победы и поражения одушевляются, что указывает на их предопределенность и сосуществование в жизни человека. Подобные концептуализации характеризуют духовный когнитивный слой. В современных произведениях В. Пелевина нашли отражение языковые процессы и изменения конца XX – начала XXI века, такие как деполитизация и деидеологизация некоторых пластов лексики, лозунговость и фразеологизированность некогда свободных словосочетаний, использование метафоры как авторской оценки и т.д.: *Потом переделали кабинки – их стены обшили пластиком под орех; вместо строгих унитазов победившего социализма поставили какие-то розово-фиолетовые пиршественные чаши, а у входа установили турникет, как в метро –*

только вход стоил не пять, а десять копеек (Пелевин В. Рассказы). Набор стандартных сопутствующих слов и ассоциаций (абсолютная победа, взвилось красное знамя) и контекст создают сатирическую окраску; причем стандартизированность и общеизвестность этих фраз подчеркивается вводными конструкциями и обыгрывается:

- *Ну что, — сказал я, берясь за свой стакан, — как говорится, за победу мировой революции!*

Мой тост не вызвал энтузиазма.

- *За победу оно конечно, — сказал Барболин, — а марафет?* (Пелевин В. Чапаев и Пустота).

Значимыми для нас являются процессы утраты и затемнения лексического значения компонентов словосочетаний в связи с переосмыслением идеологии и переоценкой приоритетов.

В работе выделена динамика концептов в языке конца XX века, в связи с тем, что «победа — поражение» в этот период оказались существенной как социальной, так и индивидуально-личностной проблемами. Выделенные в данной главе положения, по нашему мнению, отражают современную совокупность знаний об идеях победы и поражения у носителей русского языка.

Проанализировав и сопоставив употребление наименований концептов «победа» и «поражение» в статической и динамической картинах мира, мы можем выделить следующие характерные для них процессы:

1. Ядро концептов остается неизменным, что говорит о стабильности основных системных отношений и связей в наименованиях концептов.

2. Наименования концептов «победа» и «поражение» входят в активный запас лексики русского языка, что подтверждается как словарями, так и текстами художественных произведений.

3. Лексемы, выражающие идею поражения, встречаются значительно реже, чем лексемы, выражающие идею победы; причем сема поражения часто представлена как *не победа* (отрицание победы).

4. Лексемы *победитель, победивший* в текстах чаще заменяются словами-синонимами: *преуспевший, состоявшийся, достигнувший, лидер, востребованный* и т.д. Это явление объясняется нами тем, что в синонимах отсутствует сема борьбы, что делает их более отвлеченными (ср. чаще используется *он преуспел в жизни, чем он победил в жизни* и пр.).

5. В связи с названием победителем олигархов, т.н. новых русских, карьеристов и т.д. появляется отрицательная оценка

этого слова и новая концептуализация «наглый, равнодушный, амбициозный победитель»

6. Сохранена отрицательная оценка и насмешка, ирония по отношению к лицу, потерпевшему поражение, что характерно для культуры и менталитета русского народа.

7. Сочетаемость лексемы «победа» с несоответствующими ему лексемами (в основном в рекламных роликах): *победа вкуса, победа над лишними калориями*.

8. Из явлений, выделенных О.П. Ермаковой, наиболее значимыми для нас оказались процессы деактуализации значений, отражающих советские реалии и деидеологизация лексики, иллюстрациями чему могут послужить произведения В. Пелевина.

Резюмируем.

Концепт – совокупность знаний человека о каком-либо предмете – формируется с учетом значений, закрепленных в системе языка, и новой, появляющейся в условиях контекста семантики.

Анализ наименований интересующих нас концептов в статической КМ дает следующий набор концептуализаций: *победа* 1) превосходство, 2) движение вверх, 3) первое место, 4) п. может доставаться легко, 5) п. может быть аморальной, 6) победителя уважают, 7) но и недолюбливают;

поражение 1) лишение чего-либо, 2) показатель несостоятельности, нехватки чего-либо, 3) движение вниз, 4) кривая линия, 5) смерть, 6) позор и т.д.

Исследования динамической картины мира расширяет набор концептуализаций: *победа* 1) самоуверенность, гордыня, 2) ужас для противника, 3) шанс проявить себя, 4) рутина, привычное дело 5) равна поражению и др.; *поражение* 1) не беда, 2) обыденность, 3) равно победе и т.п.

Анализ языкового материала показал динамику рассматриваемых концептов, изменение оттенков лексического значения с течением времени.

Литература

Смотрова Т.Г. Концепты победа и поражение в динамической картине мира (на примере романа В.В. Набокова «Защита Лужина» //Механизмы реализации образовательных потенциалов текста: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.К. Юров – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2004.

Смотрова Т.Г. Фразеологизмы со значением «поражение» и «лицо, терпящее поражение» // Сб. науч. тр. преподавателей и аспирантов. Вып. VI. Таганрог, 2003.

Смотрова Т.Г. Фразеологизмы со значением «победа» // Сб. науч. тр. преподавателей и аспирантов. Вып. VI. Таганрог, 2003.

Смотрова Т.Г. Прагматический аспект номинаций концептов «победа» и «поражение» в магическом фольклоре // Личность, речь и юридическая практика: Межвуз. сб. науч. тр. Вып.8. Ростов-на-Дону, ДЮИ. 2005.

Смотрова Т.Г. Реализация прецедентных текстов «победа» и «поражение» в прагматическом аспекте // Личность, речь и юридическая практика: Межвуз. сб. науч. тр. Вып.7. Ростов-на-Дону, ДЮИ. 2004.

Смотрова Т.Г. Расширение значений концептов в произведениях А.П. Чехова разной тематики // XXII Чеховские чтения (материалы лингвистической секции): Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л.Л. Дроботова. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2004.

Ма Яньли (КНР)

ЗАСТОЛЬЕ

Цель данной работы состоит в сравнительной характеристике застольного ритуала и концепта «застолье» в китайской и русской лингвокультурах. Для выполнения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) определить культурные функции ритуала коллективной трапезы;
- 2) описать исторические факторы, повлиявшие на формирование китайского и русского застольных ритуалов;
- 3) классифицировать основные ценности, воплощенные в застольном ритуале, и способы их языковой реализации в китайской и русской лингвокультурах;
- 4) охарактеризовать единицы, опредмечивающие концепт «застолье» в китайской и русской языковых системах (уровень системного потенциала концепта);
- 5) выявить свойства концепта «застолье» в сознании носителей китайского и русского языков (уровень субъектного потенциала концепта);
- 6) описать особенности функционирования концепта «застолье» в китайских и русских текстах (уровень текстовой реализации концепта).

Ритуал совместного употребления пищи представляет собой универсальный феномен, существующий во всех культурах: простых и сложных, древних и современных. К его основным функциям относятся:

1. Коммуникативная функция. За общим столом создается особая атмосфера и в это время совершается обмен определенной информацией между людьми (светская трапеза) или между людьми и богами (сакральная трапеза, восходящая к жертвоприношению).

2. Интегрирующая функция. Совместное принятие пищи укрепляет социальные связи, присутствие за общим столом автоматически включает человека в какой-либо круг или коллектив.

3. Дифференцирующая функция. Многие ритуальные элементы трапезы направлены на выражение определенных градационных отношений между участниками. Занимаемое участником пира место и потребляемая пища становятся средством социальной идентификации. Дифференцирующая направленность застольного ритуала может проявляться в следующих оппозициях: оппозиция «хозяин-гость», социально-статусная оппозиция, возрастная оппозиция, гендерная оппозиция.

4. Утопическая функция. Застолье предстает как некая идеальная модель будущего, сопряженного с весельем и пищевым изобилием. Застольные пьянство и обжорство, носящие карнавальный характер, являются особыми способами достижения состояния утопии. Даже люди, соблюдающие в обычной жизни относительную умеренность, на больших торжествах часто поглощают невероятное количество пищи и напитков.

5. Функция преемственности духовной культуры общества. Застолье обеспечивает передачу духовных ценностей из поколения в поколение с помощью определенных знаков и норм символического поведения. Эта функция проявляется прежде всего в следовании этикету, принятому в данной группе людей. Каждой исторической эпохе свойственны свои застольные традиции. Они учат человека вести себя правильно не только во время застолья, но и во внезастольное время, т.е. регулируют действия людей за пределами ритуала.

Застольный ритуал представляет собой культурно-историческое явление. Можно выделить следующие исторические факторы, повлиявшие на формирование и развитие русской и китайской застольных практик:

1. Языческое происхождение. Данный фактор более значим для китайской культуры. В китайском застольной практике определенные следы язычества сохраняются до сих пор (например, в некоторых регионах Китая первый бокал вина выливается на землю в качестве жертвоприношения);

2. Влияния религии или религиозной философии. Для русской культуры таким фактором стало православие. Христианская церковь оказывала целенаправленное влияние на ритуал застолья, стремясь искоренить в нем языческие корни. В результате произошло смешение языческих и христианских символов (например, наиболее почетным местом за столом стал считаться «красный угол», т.е. место под иконами). На формирование китайского застольного ритуала решающее влияние оказало конфуцианство, предложившее детальную регуляцию выбора пищи и поведения за столом. Идеи Конфуция и его ученика Мэн Цзы о нормах совместной трапезы стали основой китайского застольного этикета и получили развитие в дальнейшие исторические периоды. Если православие стремилось к борьбе с язычеством, то конфуцианство поддерживало многие языческие нормы, в том числе касающиеся застолья.

3. Межкультурные контакты. Данный фактор значительно более важен для русской культуры, соприкасавшейся в различные периоды своего существования с культурами многих народов. К межкультурным контактам, оказавшим влияние на культуру русского застолья относятся воздействие греческой и византийской культуры (X – XII вв.), татаро-монгольское завоевание (XIII – XV вв.), влияние западноевропейской культуры в ходе петровских реформ (XVIII в.) и влияние глобальной западной культуры (XX в.). Китайская культура подверглась гораздо меньшему инокультурному влиянию, поскольку Китай много веков был замкнутой страной. Лишь с середины XIX в. он постепенно открыл свои двери Западным странам. Следует отметить, что и в XX в. влияние западных застольных форм и этикета в Китае было не столь велико, как в России (это проявляется, например, в отсутствии заимствованных лексем среди китайских обозначений видов застолья).

В ритуале коллективной трапезы находят знаковое воплощение важнейшие позитивные ценности социума. Именно в ценностной ориентированности и семиотической насыщенности заключаются истинный смысл застолья и его коренное отличие от будничного приема пищи. Исследование показало, что набор ценностей, реализующихся в ходе русского и китайского застолья, практически идентичен. Ценностными доминантами застолья являются стремление к процветанию рода, к цельности и счастью семьи, к богатству и благополучию, к успешной карьере, к здоровью и долголетию, к вечной любви, к дружбе.

Лингвокультурная специфика проявляется в выборе средств апелляции к застольным ценностям. Ведущим средством реализации ценностных доминант русского застолья является жанр «тост». В китайской застольной коммуникации данный жанр также представлен, но между русскими и китайскими тостами существуют коренные отличия:

1. Русские тосты значительно более многочисленны, разнообразны и многословны. Выделяется множество тематических групп тостов (вступительные, пригласительные, благодарственные, ответные и т.п.). В китайской культуре существуют определенные шаблоны тостов, которые обычно отличаются краткостью (например, *万事如意 wàn shì rú yì*, *Да будет все по Вашему желанию* – универсальное пожелание в любой застольной ситуации).

2. Порядок произнесения русских тостов часто регламентирован. По обычаю первый тост русские предлагает за событие, послужившее поводом к застолью, второй – за родителей, третий – за любовь. Китайскому застолью такая регламентация не свойственна.

3. Русские тосты часто рифмуются (например, *Как хорошо в кругу с друзьями! / Хотя и знаем мы — вокруг / Не всякий тот, кто рядом с нами, / Увы, увы, бывает друг. / Но, не скрывая чувств горячих, / Бокал поднять хочу я сей / За наказанных, настоящих, / За самых преданных друзей*). В Китае тосты-стихотворения – редкость.

4. Русские тосты часто включают нарративный элемент, предшествующий провозглашению благопожелания (например, *Однажды жена говорит мужу утром: – Ах, дорогой, я видела во сне, что ты купил мне прелестную накидку.— Засни душечка, может ты дальше увидишь во сне, где мне взять денег, — ответил муж. Так выпьем же за то, чтобы все наши самые хорошие сны всегда сбывались!*). В китайских тостах подобный элемент отсутствует.

5. По сравнению с китайскими тостами, русские часто отличаются выраженной гендерной направленностью. Среди русских тостов выделяются тосты за мужчин и женщин, тост за женщин считается обязательным элементом застолья.

В китайской лингвокультуре более значимым средством реализации застольных ценностей является использование особой семиотической системы – системы пищевых знаков. Пищевым знаком – это знак, план выражения которого формируется блюдом или продуктом, а план содержания не связан с пищевой тематикой. В ходе застолья пищевой знак является одновременно и

объектом потребления (его едят), и носителем информации (он обозначает определенную ценность). Можно выделить четыре основных типа связи между продуктом (блюдом) и обозначаемой ценностью:

1. Омофоническая связь названия продукта и имени ценности. Например, рыба является обязательным блюдом на новогоднем столе северных китайцев не просто потому, что она вкусна. Китайское название рыбы 鱼 (yú, юй) созвучно с другим словом 余 (yú, юй), которым обозначается *достаток*. Блюдо из рыбы выступает как символ жизненного достатка в будущем году.

2. Метафорическая связь физических характеристик продукта или блюда и обозначаемой ценности. (Например, во время застолья по случаю дня рождения именинник должен есть 面条 (мянь тяо, лапшу), длинная форма которой символизирует долголетие.

3. Связь продукта с ценностью через прецедентный текст. Часто поводом к возникновению пищевых знаков становятся легенды или сказки. Самым типичным примером является 烧尾宴 (shāo wěi yàn, шао вэй янь) — рыбное застолье, возникшее во время династии Тан (618 — 907 гг. н.э.). Такое застолье в настоящее время устраивается в ресторане. Оно связано со следующей легендой: *Однажды весной плыл сазан против течения и приплыл к двери дракона. Рыба пыталась перепрыгнуть через эту дверь, но большие волны заставляли ее терпеть поражение снова и снова. Однако рыба не унывала. В конце концов сазан набрался сил и перепрыгнул через дверь Дракона. В это время небесный огонь — гром и молния — зажег хвост сазана, и тот превратился в настоящего дракона.* Данная легенда связывается со стремлением китайцев к карьере. Превращение сазана в дракона символизирует карьерный рост.

4. Связь блюд с ценностью через символику чисел. Во время китайского застолья важную роль играет также количество блюд, которое обязательно должно быть четным. Четное число для китайцев является символом счастья, благополучия.

Значимым элементом застольной системы ценностей является выражение оценочного отношения к сотрапезнику. В русской лингвокультуре оно носит в основном вербальный характер и также, как и ценностные доминанты застолья, реализуется в жанре тоста. В ходе китайского застолья более важную роль при выражении оценочного отношения к сотрапезнику играет система пространственных и кинетических знаков. Для носителей китайской лингвокультуры размещение за столом отличается высокой символическостью. Почетные места занимают старшие по социально-

му статусу и по возрасту люди. Важнейшим кинетическим знаком является 敬酒 (jìng jiǔ, цзин цзю, *преподнесение вина кому-либо с уважением*). Часто старшему по возрасту или статусу участнику застолья персонально преподносят вино все остальные сопразники. Данный ритуал может сопровождаться словесным выражением благодарности и благопожелания, однако вербальный ряд играет здесь вторичную роль и может сводиться лишь к устойчивой формуле 我敬您 (wǒ jìng nín, уо цзин нинь, *Я преподношу Вам вино*).

Результатом рефлексии носителей языка по поводу застольного ритуала становится лингвокультурный концепт «застолье». Концепт является одним из наиболее разнообразно трактуемых терминов современной лингвистики. Существует множество его определений. В данной работе концепт рассматривается с точки зрения аксиологической (ценностной) лингвистики, основы которой были заложены в работах В.И. Карасика. Лингвокультурный концепт, согласно В.И. Карасику, это многомерное смысловое образование, в котором выделяются понятийная, образная и ценностная составляющие при доминировании последней. В работе используются модели лингвокультурного концепта, предложенные Г.Г. Слышкиным. Это ассоциативная модель, включающая интразону (зону входящих ассоциаций) и экстразону (зону исходящих ассоциаций), и модель разноуровневого языкового воплощения, включающая уровень системного потенциала, уровень субъектного потенциала и уровень текстовой реализации.

Уровень системного потенциала исследуемого концепта в русском языке формируется синонимическим рядом, доминантой которого является лексема *застолье*. В этот ряд входят следующие единицы: *банкет, фуршет, пир, пирушка, пьянка, попойка, трапеза, братчина, поминки*. Для большинства этих лексем характерно отсутствие явной внутренней формы. Некоторые из них являются заимствованиями из других языков (например, *банкет, фуршет*). Таким образом, можно констатировать, что интразона русского концепта «застолье» довольно бедна.

Для носителей китайского языка внутренняя форма всех лексических обозначений застолья носит прозрачный характер. Основной обозначения застолья в китайской лингвокультуре стали односложные слова 席 (xí, си, трапеза) и 宴 (yàn, янь, банкет), используемые также в функции слогоморфем.

席 (xí, си) первоначально обозначало *циновку на земле*. Древние китайцы во время обеда или собрания клали на землю несколько циновок, одна из которых называлась 席 (xí, си). Первоначальной

формой 席 (xí, си) являлся рисунок 筵 (прямоугольная циновка с рисунками). С течением времени китайцы добавили в него ключ 厂 (упрощенная форма дома). После этого 席 (xí, си) стал указательным знаком и получил более конкретное значение: *циновка в доме*.

宴 (yàn, янь) в современном китайском языке обозначает *банкет, застолье*. Указательный иероглифический знак 宴 (yàn, янь) включает в себя три ключа: 宀 (крыша с точкой, крыша), 日 (солнце) и 女 (девица), они вместе указывают на то, что *девица не выходит за дверь и днем отдыхает*. Для древних китайцев это символизировало покой в доме, спокойную жизнь, прямое значение слогоморфемы было *спокойно на отдыхе, спокойно и довольство*. С помощью слогоморфемы 宴 (yàn, янь) формируется ряд лексем, служащих средствами апелляции к концепту «застолье». Среди них можно выделить следующие семантические типы:

1) повод к застолью + слогоморфема yàn, например, 喜宴 (xǐ yàn, си янь, *праздник + банкет*), 除夕宴 (chú xī yàn, цу си янь, *накануне Нового года + банкет*),

2) блюда и продукты + слогоморфема yàn, например, 鱼宴 (yú yàn, юй янь, *рыба + банкет*), 饺子宴 (jiǎo zi yàn, цзао цзы янь, *пельмени + банкет*),

3) статус участников застолья + слогоморфема yàn, например, 学子宴 (xué zǐ yàn, суй цзы янь, *соученики + банкет*),

4) ценностные ориентиры застолья + слогоморфема yàn: 团圆宴 (tuán yuán yàn, туань юань янь, *собираться вместе + банкет*), 五福临门宴 (wǔ fú lín mén yàn, у фу линь мэн янь, *приход пяти счастливых на дом + банкет*), 长生宴 (cháng shēng yàn, чан шен янь, *долголетие + банкет*),

5) место проведения застолья + слогоморфема yàn: 长街宴 (cháng jiē yàn, чан цзе янь, *длинная улица + банкет*), 洛阳宴 (luò yang yàn, ло ян янь, *город Лоян + банкет*)

6) названия исторических событий, мест, имена исторических персонажей + слогоморфема yàn: 乾隆宴 (qián lóng yù yàn, Цяньлун юй янь, *император Цяньлун + банкет*).

В языковом сознании китайцев существует также особый тип застолья: 鸿宴 (хун мэн янь, *застолье с какой-то опасностью или интригой*). Происхождение данной лексемы связано с борьбой за трон Китайской империи в эпоху династии Цинь (III в. до н.э.), когда один из претендентов пытался убить другого в ходе пиршества.

В русском и китайском языках существует ряд фразеологических и паремиологических единиц, значение которых связано с концептом «застолье». Фразеологическая и паремиологическая интразона русского и китайского концептов «застолье» включает следующие общие элементы:

1. Застольное изобилие: *как на маланьину свадьбу, лукуллов пир, пир горой*, 肉山酒海 (rou shan jiu hai, жо шань цзю хай, *мясная гора и винное море*), 大宴宾客 (da yan bin ke, да янь бинь кэ, *устроить роскошное застолье и угощать гостей*).

2. Застольная атмосфера: *Веселье Руси — пить, Радуйся, Кирюшка, будет у бабушки пирушка, смеётся застолье, наполненное смехом и песнями*, 宾主尽欢 (бинь чжу цзинь хуань, *как гости, так и хозяйка весело проводят время*).

3. Отношения между участниками застолья: *пить на брудершафт, 酒肉朋友* (цзю жоу пэнью, *друг по вину и мясу*), 感情深一口闷, 感情浅一舔 (Гань чин шень и коу мэнь, гань чин чянь тянь и тянь, *Если между нами хорошие отношения — пей до дна, если отношения так себе — чуть лизни*). Особенно сходно в рассматриваемых лингвокультурах выражение оппозиции «хозяин — гость», ср.: русское *Гость во власти хозяина* и его абсолютный китайский эквивалент 客随主便 (кэ суй чжу бянь).

4. Цель и результат трапезы: *пить магарыч; В воскресенье веселье, в понедельник похмелье*, 杯酒戈矛 (бэй цзю гэ мао, *возникшие во время застолья противоречия*), 杯酒释兵权 (бэй цзю ши бин чуань, *Одним бокалом вина снята военная власть*),

5. Время и длительность застолья: *Добрая свадьба неделю празднуется попойкою*, 酒过三巡 (цзю гуо сань сюнь, *через три круга вина*).

Уникальными для русской лингвокультуры являются единицы со значением недостатка пищи или питья, например, *Из больших гостей домой хлебать щей; Без соли, без хлеба худая беседа; Зазвал гостей глотать костей*.

В китайском языке присутствует ряд тематических групп фразеологизмов и паремий, лакунарных для русской лингвокультуры:

1. Обозначения застольного этикета и его нарушений: 东道之谊 (дон дао чжи и, *гостеприимство хозяина*), 以礼相待 (и ли сянь дай, *принимать гостя по правилам этикета*), 反客为主 (фань кэ вэй чжу, *Гость ведет себя как хозяин*); (ли цзю бу шэ, *На стол не ставится сладкое вино*).

2. Единицы, противопоставляющие участников застолья по месту в социальной иерархии или по гендерному признаку: 酒筵间分上下 (Цзю си янь цзянь фэнь шан ся, *Во время застолья*

надо соблюдать иерархические правила), 酒是老年人的肉是年轻人的 (Цзю ши лао жень дэ, жоу ши нянь чин жень дэ, Вино надо преподносить старым, а мясо — молодым), 席上若有一点红 斗苜之器吹千钟 座中若无红一点 江海之量不几盏 Если среди участников застолья есть хоть одна женщина, то можно выпить тысячу больших бокалов, а если нет никакой, то можно выпить лишь несколько бокалов, хотя человек бездонная бочка).

3. Единицы, ассоциирующие застолье с процессом стихосложения и с игрой: 诗朋酒侣 (ши пэн цзю люй, друг, с которым можно вместе выпивать и составлять стихотворения), 猜拳行令 (цай чуань син лин, застольные игры).

Универсальными для экстразон китайского и русского концептов «застолье» являются следующие ассоциации:

1. «Застолье → изобилие», например, *пир духа; пир ума; пир любви*, 响宴 (xiǎng yàn, сиан янь, пир звуков), 足球盛宴 (zúqiú shèngyuàn, цзучу шен янь; пир футбола).

2. «Застолье → веселье»: *Горе горевать не пир пировать; 盛宴难再 (shèng yàn nán zài, шен янь нань цзай, Торжественный пир трудно устроить еще раз).*

Для русской лингвокультуры также характерны ассоциации, лакунарные для китайской культуры:

1. «Застолье → похмелье → неприятности»: *в чужом пиру похмелье.*

2. «Несвоевременное застолье → неизбежная расплата»: *пир во время чумы, валтасаров пир.*

3. «Застолье → избранность участников»: *Не барину тот пир, куда бредет весь мир; Убогого не зовут на пир.*

4. «Приглашение на застолье → возможность обмана и гибели»: *Звал волк козу на пир, да коза нейдет; И не рада б курочка на пир, да за хохол тащат.*

В китайской лингвокультуре представлена уникальная ассоциация «конец застолья → расставание», например, 盛筵必散 (shèng yán bì sǎn Участники застолья всегда расходятся); 天下无不散的宴席 (tiānxià wú bú sǎn de yànxi, Застолье всегда заканчивается).

Уровень субъектного потенциала концепта «застолье» рассмотрен в работе экспериментальным путем. Для его раскрытия были проведены два эксперимента – дефинирование и свободное ассоциирование. В каждом эксперименте информантами выступили по 100 носителей русского и 100 носителей китайского языков. При выборе участников соблюдались гендерная и возрастная пропорции. Для дефинирования респондентам были предложены сло-

ва застолье и 酒席. В качестве стимулов для свободного ассоциирования выступили лексемы *застолье*, *банкет*, *пир* и 酒席, 宴会, 聚餐. Содержательный и статистический анализ полученных результатов позволил выявить следующие универсальные элементы ассоциативно-вербальной сети русской и китайской лингвокультур:

1. Форма трапезы. В данную группу вошли определения застолья через синонимичную лексику или ассоциирования внутри синонимического ряда. При дефинировании к этой группе обратились 13% русских респондентов и 11% китайцев, при свободном ассоциировании – 17,7% русских и 2,7% китайцев.

2. Повод к застолью. При дефинировании к этой группе обратились 49% русских респондентов и 4% китайцев, при свободном ассоциировании – 19% русских и 18% китайцев. Контраст между лингвокультурами наблюдается в степени абстрактности обозначаемого повода. Если русские называют в основном *праздник*, то для китайцев характерны конкретные названия торжественных событий. Самым высокочастотным поводом, предложенным китайскими респондентами, является бракосочетание.

3. Застольная атмосфера. Эта группа равно представлена в ответах обеих носителей обеих лингвокультур. При дефинировании к ней обратились по 3% китайцев и русских, при свободном ассоциировании – по 8,7%. Русские участники эксперимента ассоциируют застолье с весельем и радостью, китайские – с весельем, торжественностью и шумом.

4. Еда и напитки на столе и их количество. При дефинировании к этой группе обратились 39% русских респондентов и 20% китайцев, при свободном ассоциировании – 22% русских и 12,8% китайцев. В ходе ассоциативного эксперимента русские несколько чаще, чем китайцы, обращались к подгруппе «спиртные напитки», китайцы же чаще русских предлагали ассоциации, связанные с пищей.

5. Поведение участников во время застолья. При дефинировании к этой группе обратились 13% русских респондентов и 15,5% китайцев, при свободном ассоциировании – 24% русских и 24,4% китайцев. Здесь также наблюдается превалирование у русских респондентов подгруппы «пить», а у китайцев «кушать».

6. Состав участников застолья. В ходе дефинирования к этой группе обратились 40% русских респондентов и 51% китайцев, при свободном ассоциировании – 5,9% русских и 10,5% китайцев. Носители китайской лингвокультуры значительно чаще, чем русские, ассоциируют застолье с коллегами по работе.

В ответах носителей русского языка представлены единично или не представлены вообще следующие ассоциативные группы, характерные для носителей китайского языка:

1. Место проведения застолья. 4% китайских информантов ассоциировали застолье с рестораном.

2. Застольный наряд. К этой группе также относится 4% ответов носителей китайской культуры.

3. Оценочное отношение к застолью. 15,1% респондентов-китайцев дали ответы, содержащие оценку застолья. При этом лишь в 3,1% оценка носила положительный характер. Китайцы ассоциируют застолье с такими негативными явлениями, как расточительство, пустая трата времени, скука и однообразие.

Для исследования **уровня текстовой реализации** концепта «застолье» были составлены базы данных, содержащие тексты одиннадцати русских и четырех китайских газет. Общий объем базы составил около 30 миллионов китайских иероглифов и около 30 миллионов русских слов.

Анализ материалов свидетельствует, что в китайских текстах единицы, апеллирующие к концепту «застолье», используются значительно чаще. Частотность русских обозначений застолья в рассмотренных газетах составляет 835 раз, китайских – 3 367 раз.

Как для русских, так и для китайских СМИ концепт «застолье» тесно связан со следующими концептами:

1. «Торжество». Для носителей обеих исследуемых лингвокультур застолье является важнейшим элементом празднования. В текстах русских газет застолье связывается со светскими и религиозными праздниками: *Новый год* (21), *День женщины* (8), *Рождество* (6), *Масленица* (5), *День победы* (3), *Старый Новый год* (2). В китайских газетах апелляции к концепту «застолье» осуществляются в сочетании с названиями таких праздников, как *Праздник Весны* (231), *Праздник фонарей* (43), *День создания КНР* (23), *Рождество* (17), *Майские праздники* (12), *Лунный праздник* (11), *День армии* (3). Кроме того, в обеих рассмотренных группах текстов застолье часто упоминается при описании празднования свадьбы, дня рождения, спортивных побед и других индивидуальных достижений.

2. «Общение». Для носителей русской и китайской лингвокультур застолье является неременным атрибутом дипломатического общения и корпоративной культуры, что проявляется в многочисленных описаниях дипломатических и корпоративных банкетов.

3. «Болезнь». В сознании русских и китайцев концепт «застолье» связывается с чрезмерным употреблением еды или алкоголя и обусловленными этим заболеваниями. Приведем примеры:

А что необходимо предпринять, чтобы избежать нагрузки на печень и желчный пузырь от обильной жирной пищи и алкоголя, особенно если печень больна? Посоветуйте, пожалуйста, как избежать таких неприятных последствий застолья, как боли и тяжесть в правом подреберье, тошнота, горечь во рту? (Аргументы и факты, 22.01.2003).

专家认为,宴席上的“劝酒”场面不是“好事”,相反容易“闯祸”。曾有一个病例 某人被一个朋友带去参加一场婚宴,被同桌“激将”劝酒后,一口气喝下3瓶“二锅头”,最后因酒精中毒死在医院。(新闻晚报 2004年10月06日)。Перевод: Специалист считает, что нет ничего хорошего в том, чтобы уговаривать друг друга выпивать. Наоборот, это может вызвать плохие последствия. Так, одного участника свадебного банкета уговорили выпить три бутылки «Эргуту», и он умер от отравления алкоголем.

Как в русской, так и в китайской лингвокультурах концепт «застолье» связан с концептом «преступление». Однако типы преступлений, с которыми сопряжено застолье для рассматриваемых социумов, различны. Русское застолье ассоциируется с насильственными преступлениями (пьяная драка, избиение, убийство):

Пьяное застолье работников вневедомственной охраны УВД Северного округа во время ночного дежурства закончилось убийством двух человек (Московский комсомолец 04.04.2003).

Для носителей китайского языка застолье является атрибутом хищений государственной собственности и коррупции. В связи с концептом «застолье» часто употребляется лексема 公款吃喝 (гун куань чи хэ, *есть и выпивать на бюджетные деньги*).

На основании анализа всех уровней существования концепта можно констатировать, что китайский концепт «застолье» обладает более высокой актуальностью и имеет более сложную структуру и более обширную языковую реализацию, чем русский. На уровне системного потенциала это проявляется в большей длине китайского синонимического ряда, обозначающего застолье, в большем количестве фразеологизмов и паремий с компонентом «застолье», на уровне субъектного потенциала – в большем разнообразии ассоциаций, данных носителями китайского языка на стимулы, связанные с застольем, на уровне текстовой реализации – в большей частотности апелляций к концепту «застолье» в текстах китайских СМИ.

Подведем основные итоги.

1. Система ценностей, реализующаяся в ритуале застолья, имеет универсальный характер для китайской и русской лингво-

культур. Ее доминантами являются стремление к процветанию рода, к цельности и счастью семьи, к богатству и благополучию, к успешной карьере, к здоровью и долголетию, к вечной любви, к дружбе. Значимым элементом застольной системы ценностей в обеих лингвокультурах является также выражение оценочного отношения к сотрапезнику.

2. Специфика русской и китайской лингвокультур проявляется в выборе средств апелляции к застольным ценностям. В русской лингвокультуре как при апелляции к ценностным доминантам застолья, так и при выражении оценочного отношения к сотрапезнику преобладают вербальные средства, реализующиеся в рамках жанра «тост». В китайской лингвокультуре при апелляции к ценностным доминантам более важную роль играет система пищевых знаков, а при выражении оценочного отношения к сотрапезнику – система пространственных (размещение за столом) и кинетических (поднесение вина) знаков.

3. Результатом рефлексии носителей языка по поводу застольного ритуала становится лингвокультурный концепт «застолье». Китайский концепт «застолье» обладает более высокой актуальностью и имеет более сложную структуру и более обширную языковую реализацию, чем русский. На уровне системного потенциала это проявляется в большей длине китайского синонимического ряда, обозначающего застолье, в большем количестве фразеологизмов и паремий с компонентом «застолье», на уровне субъектного потенциала – в большем разнообразии ассоциаций, данных носителями китайского языка на стимулы, связанные с застольем, на уровне текстовой реализации – в большей частотности апелляций к концепту «застолье» в текстах китайских СМИ.

4. На уровне системного потенциала интразона русского концепта «застолье» довольно бедна, поскольку для многих русских лексем, апеллирующих к концепту «застолье», характерно отсутствие явной внутренней формы. Для носителей китайского языка внутренняя форма всех лексических обозначений застолья носит прозрачный характер. Лексическая интразона китайского концепта «застолье» включает следующие элементы: повод к застолью, блюда и продукты, социальный статус участников застолья, ценностные ориентиры застолья, место проведения застолья, названия исторических событий, мест, имена исторических персонажей, наличие застольной интриги или заговора. Фразеологическая и паремиологическая интразона русского и китайского концептов «застолье» включает ряд общих элементов: обозначения

застольного изобилия, застольной атмосферы, отношений между участниками, цели и результата трапезы, времени и длительности застолья. Уникальными для русской лингвокультуры являются единицы со значением недостатка пищи или питья, для китайской – обозначающие нарушения застольного этикета, противопоставляющие участников застолья по месту в социальной иерархии и по гендерному признаку, ассоциирующие застолье с процессом стихосложения и с игрой.

В экстразону китайского и русского концептов «застолье» входят ассоциации «застолье → изобилие» и «застолье → веселье». Для русской лингвокультуры также характерны ассоциации «застолье → похмелье → неприятности», «несвоевременное застолье → неизбежная расплата», «застолье → избранность участников», «приглашение на застолье → возможность обмана и гибели». В китайской лингвокультуре представлена уникальная ассоциация «конец застолья → расставание».

5. На уровне субъектного потенциала китайский и русский концепты «застолье» включают следующие ассоциативные группы: форма трапезы, повод к застолью, застольная атмосфера, еда и напитки на столе и их количество, поведение участников во время застолья, состав участников застолья. В сознании носителей русского языка слабо представлены или не представлены вообще следующие ассоциативные группы, характерные для носителей китайского языка: место проведения застолья, застольный наряд, оценочное (в основном отрицательное) отношение к застолью.

6. На уровне текстовой реализации в дискурсе СМИ концепт «застолье» обеих рассматриваемых лингвокультур ассоциируется со следующими концептами: «торжество», «общение», «болезнь». Как в русской, так и в китайской лингвокультурах концепт «застолье» связан с концептом «преступление», однако русское застолье ассоциируется с насильственными преступлениями (пьяная драка, избиение, убийство), китайское же – с хищениями государственной собственности и коррупцией.

Литература

Ма Яньли. Концепт «застолье» в русском и китайском языковом сознании / Ма Яньли // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы: тез. докл. междунар. науч. конф. – Волгоград: Колледж, 2004. – С. 77-78.

Ма Яньли. Функции застольного ритуала: лингвокультурологический

анализ / Ма Яньли // Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр. – Вып. 4. – Волгоград: Колледж, 2005. – С. 53-57.

Ма Яньли. Пищевые знаки в китайской застольной коммуникации / Ма Яньли // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2005. – С. 40-42.

Ма Яньли. Лингвокультурный концепт «застолье»: опыт сопоставительного анализа / Ма Яньли // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук: сб. науч. тр. – Вып. 1 (1). – Филология, лингвистика, лингводидактика. – Волгоград: Изд-во ВГСХА, 2005. – С. 88-94.

Ма Яньли. Застольный ритуал и концепт «застолье» в китайской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. – 22 с.

Ж.Н. Церенова (Элиста)

КОЧЕВЬЕ

Цель данной работы – охарактеризовать концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- 1) установить и объяснить понятийные признаки концепта «кочевье» в сравниваемых лингвокультурах,
- 2) описать образные признаки этого концепта,
- 3) выявить ценностные признаки концепта «кочевье» в каждой из рассматриваемых лингвокультур.

Кочевье – это особая социально-культурная система, особый культурный тип, связанный со специфическим образом жизни, мировоззрением, ценностями и т.п. До недавнего времени калмыки были кочевым народом Основным типом их хозяйственной деятельности — кочевое скотоводство. Кочевая жизнь калмыков основывается на способности людей перемещаться со своими стадами в процессе сезонной миграции. Перемещения происходили не случайным образом, а в пределах определенных пастбищ, к которым родовая община (улус) имела доступ. Кочевой образ жизни калмыков сыграет важнейшую роль в создании оригинальной культуры и формировании других социальных систем.

В историко-культурном процессе развития человечества, русский народ прошел уникальный путь. Передвижения всегда играли в его жизни заметную роль. Это движущийся этнос с самосознанием оседлого. Но движение здесь не похоже на перемещение классических кочевников: оно подспудно и постоянно. Сюда

входят распространения пашен (подсека), а вместе с тем появления выселков при освоении лесных районов; переселения семей и даже общин в далекие края, а также странничество (отходников, охотников, богомольцев, нищих и пр.), прокладывающие дороги последующим переселениям.

Американская история между революцией и гражданской войной была историей движения нации на Запад. Кочевье было важно и как форма поисков национальной и личной идентичности. Пионеры, трапперы, следопыты прокладывали путь, практически не оседая. Они же сформировали специфический американский мир, характеризующийся собственными чертами, такими как динамичность, целенаправленность.

Этимология слов, обозначающих концепт «кочевье» в русском, английском и калмыцком языках сводится к идеям движения, следования, поиска источника существования.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера сообщается, что корень *-коч-* глагола *кочевать* (др.-русс. *кочевати*) является старым заимствованием из тюркских языков: *köç* – уезжать, переселяться, уйгурское *kəçmək* – кочевать, туркменское *göç* – переезд, переселение, *gəçtek* – переселяться, кочевать и т.д. Сюда же относятся производные *кочевье*, *кочевой*, *кочевник*. Лексема *кочевать* в значении «вести неоседлый образ жизни, продвигаться всей семьей с жильем, имуществом с места на места» (о племенах, народностях); «вести бродячую жизнь, переезжая с места на место» (об отдельных людях), по свидетельству П.Я. Черных, начинает употребляться в XVI века. Исследователи считают, что заимствование русского *кочевать* произошло в степях Приднепровья, Причерноморья или Приуралья.

Английские лексемы *nomadism*, *nomadize*, *nomadic* являются заимствованием из французского, восходящим к латинскому *nomas* — *wandering the pasture*, которое в свою очередь восходит к греческому слову *nemein* – *to pasture* (WED, ODEEtym). Таким образом, идея кочевья в английской лингвокультуре первоначально связана с хозяйственной деятельностью. Идея перемещения, движения в английском языке выражена в значении слова *mobility*, которое определяется как “capacity to move or to be moved; capacity of change of place, movableness” (OED). Лексема восходит к латинскому *mobilis* — *movable*, *movere* – *to move*. Следует обратить внимание, однако, на то обстоятельство, что в английском языке нет исконной специальной лексической единицы для обозначения именно кочевья как особого типа перемещения. Это можно объяснить историко-географическими причинами –

территория Англии была, по-видимому, слишком мала для такого образа жизни.

Этимология калмыцкого слова нүүдл — кочевье, нүүх — кочевать, перемещаться в словарях отсутствует. Ссылаясь на данные этимологического словаря тюркских языков, мы можем предположить этимологию слова йовх с общим значением «ходить, двигаться». Предполагаем, что слово йовх восходит к древнетюркскому йөр / йёры, йүрү. Данная лексема в тюркской языковой семье имеет следующие значения: идти, ходить — во всех языках, ехать — тув., путешествовать — алт., странствовать — Zen., быть в движении, двигаться — тур., кар., чув., быть, находиться, пребывать, жить — чув. и т.д. Исследователи причисляют йөр к глаголам движения, указывающим способ действия, определяют его основное значение как «ходить, идти» и поясняют его следующее толкование «находиться в движении на какой-либо плоскости без учета направленности этого движения». Глагол йөр указывает на многократное движение, осуществляемое в разных направлениях. Отсюда становится понятие семантический переход: «двигаться в разных направлениях» (о кочевниках) — «пребывать, жить». Сохранившиеся значения вышерассмотренных лексем вошли в понятийное ядро концепта «кочевье».

Лексическое обозначение рассматриваемого концепта в сравниваемых языках осуществляется в двух направлениях:

1) действие и состояние подвижной группы населения, ее частая перемена места жительства;

2) местность, на которой, меняя стоянки, располагаются кочевники; стоянка, становище.

В современном толковом словаре русского языка концепт «кочевье» толкуется через отсылку к глаголу «кочевать», который определяется следующим образом:

Кочевать — 1. Переходить, переезжать с места на место со своим жильем и имуществом, вести кочевой образ жизни. *Кочующие племена*. 2. Передвигаться стадами или стаями с места на место. *Кочевать в поисках корма*. 3. *Разг.* Переезжать из одного места в другое, часто менять местожительство. *Кочевать по чужим людям* (не иметь своего дома). 4. Находить применение во многих местах или много раз. *Эта цитата кочует из статьи в статью*. 5. *Неодобр.* Перемещаться из одного места в другое, не находя должного применения. *Документы кочуют из папки в папку*. (БТС).

В словаре В.И.Даля данный глагол дефинируется так:

Кочевать – вести со всем семейством и хозяйством своим жизнь бродячую, неоседлую; переходить со стадами с места на место, ради подножного корма, переноса с собою и разборное жилье свое, кошемную кибитку, кожаный чум, цыганский шатер, или устраивая себе жилье из жердей коры, лапника и пр. (Даль).

Ключевое в этой дефиниции слово «бродячий» определяется так: не имеющий постоянного места жительства, передвигающийся с места на место в связи с характером или поисками работы; странствующий. *Бродячие актеры* (БТС).

Идея постоянного передвижения с места на место обозначается в русском языке глаголом «скитаться»: 1. Переходить, переезжать из одного места в другое, проводить жизнь в странствиях. *Много скитался на своем веку.* || Разг. Не иметь постоянного места жительства, работы или своего дома, семьи, 2. Разг. Длительное время ходить, бродить где-л. *Скитаться по незнакомым улицам.* (БТС).

Приведенные дефиниции свидетельствуют о том, что содержательный минимум концепта «кочевье» в его процессуальном варианте выражается в следующем наборе признаков: 1) «передвижение», 2) «постоянное», 3) «с имуществом и разборным жилищем», 4) «с целью обеспечения пропитания (прежде всего, пастбищ для скота)». Этот содержательный минимум конкретизируется указанием на типы разборного жилья (либо на возможность построения временного пристанища из подручного материала) и дополняется эмоционально-оценочным компонентом – отрицательной оценкой бездомности и подразумеваемой ненужности. Эта отрицательная оценка в русском языке недвусмысленно обозначена в производных значениях слова «кочевать» и его синонима «скитаться». В словаре В.И.Даля приводятся несколько иллюстраций к глаголу «кочевать», и субъектами в этих иллюстрациях выступают представители других народов: *Киргизы откочевали; Адайцы подкочевали; Чиклинцы укочевали за Сыр* (Даль). Можно увидеть, что кочевье рассматривается русскими, по данным словарных дефиниций, как образ жизни, свойственный другим народам, сопряженный с тяготами и лишениями. Это слово используется в прямом и переносном смысле. В прямом смысле оно оценочно нейтрально и относится к описанию образа жизни скотоводческих народов, передвигающихся со своими стадами. В переносном смысле оно содержит отрицательную оценку, характеризуя тех индивидуумов, которые могли бы или должны были бы вести оседлый образ жизни, но сознательно выбрали бездомное существование.

Эквивалентом русского существительного «кочевье» в калмыцком языке является слово нүүдл – кочевка, перекочевка, словосочетание «нег бүүрэс нег бүүрүр нүүдл кех – перекочевка с одного места на другое» (КРС).

Нүүдл «кочевка, перекочевка» в монгольском языке служило единицей мерой длины: «нег нүүдл – одна кочевка», приблизительно 10 км. Расстояния измерялись в следующих мерах: нурвн ертц назр – расстояние в три уртона (ертц – расстояние, равное перегону между уртонами (тридцать километров), нег өдрин назр – «расстояние дневного перехода»; нег хоңгин назр – «сутки пути», т.е. расстояние в одну кочевку. Существовала такая мера длины, как «харцаган» — «черно-белый», расстояние равное примерно двум километрам, дальше которого на рассвете и в сумерки не различает эти цвета. Чисто эпический характер носит мера «год пути» (нег жилин назр).

Значение слов «нутг — кочевье, место откочевки», «бүүрә назр», «бүүр», «бууц – нүүдлч эмтнә бууц — кочевье, стоянка, стойбище, остановка» конкретизируется в следующих определениях: зуна бүүр, шиир – зуна цагт нүүж буудг назр – летняя стоянка, летнее кочевье, зуслц – летнее местожительства, летнее стойбище, зуна зуслц шиирт нарх – переселиться на летнюю стоянку, летник; намрзц – намрин цагт нүүж буудг назр – место осенней стоянки, намрзлх – перекочевать на место осенней стоянки, жить на осенней стоянке; үвлзц – үвлин цагт нүүж буудг назр — зимнее кочевье, зимник, үвлзнд буух, үвлзүлх – расположиться на зимовку, хавржц – хаврар нүүж буудг назр — весеннее кочевье, стойбище, хавржцнх – находится кочевьем на весенних выпасах, проводить весну на весенних стойбищах.

Слово «кочевье» в английском языке имеет два эквивалента: nomadism и mobility. Приведем словарные дефиниции этих лексем:

Nomadism — the practice, fact, or state of living a wandering life (pastoral nomadism) (OED).

Mobility — 1) the ability to move or to be moved, capacity of change of place; movableness (OED); 2) the ability to travel to move from one place, social class or job to another: social / geographical / career mobility; upward / downward mobility – a situation in which someone moves up / down in social class (OED).

Таким образом, nomadism свидетельствует о привычках людей, ведущих подвижный образ, тогда как mobility подразумевает

способность быстро перемещаться с места на место, а также характеризует перемещение по социальной лестнице.

Во фразеологической семантике признак кочевья конкретизируется по тем же направлениям, что и в лексике. При анализе фразеологических единиц (327 фразеологизмов) трех сравниваемых языках универсальный набор требований ситуации кочевания (перемещения) рассматривается как схема действий, включающая в себя ряд актантов, заданных актом наименования (субъект, среда, способ, транспортное перемещение и т.д.). В сценарий мы включаем следующие этапы: 1) подготовка к отправлению (темпоральная организация, торжественные застолья, добрые пожелания), 2) отправление, отчет от начальной точки, 3) маршрут путника, следование за другим путником, 4) остановка, выбор новой траектории, 5) прибытие в конечный пункт, достижение места жительства.

Например, подготовка к отправлению: мөр болг! — пусть будет удача; хаалһтн цаһан болтха! — да будет путь ваш белым (т.е. счастливым); эмэлэн авл уга, жолаһан сулдхл уга йов — упорно и настойчиво идти по избранному пути, с честью и достоинством нести свое доброе имя (букв. не снимая седла, не ослабляя повод и идти); в добрый час!; с миром!; с Богом!; доброго пути!; ска-тертью дорога — пожелание удачи, благополучия уходящему, уезжающему; счастливо оставаться! Всего наилучшего! — пожелание уходящего или уезжающего тому, кто остается; booted and spurred — в полной боевой готовности; one for the road — последняя рюмка вина, выпитая перед уходом.

Специфика понимания концепта «кочевья» в русской, калмыцкой, английской фразеологии заключается в следующем:

1) в калмыцкой лингвокультуре кочевье представляется как важное действие, нацеленное на поиски пропитания, благополучия, удачи (һазаран һарх). Кочевник упорно и настойчиво следует по избранному пути.

2) Для русской лингвокультуры характерно указание на дальность расстояния, нелокализованного пространства (за морями, на край света), движение в неопределенном пространстве (на четыре стороны, куда глаза глядят), возвращение на исходную позицию (вернуться на круги своя, сидеть на земле).

3) В американской лингвокультуре кочевье сопрягается с риском, одновременно с достижением желаемых результатов, успеха (shoot the Niagara; first come, first served).

Калмыцкое слово «нүүдл, нүүх» отличается более узкой специализацией, чем русское слово «кочевье» и английское «nomadism», «mobility».

Лексема «кочевье» в русском языке характеризуется пространственным действием (выход за пределы постоянного местожительства), а в калмыцком и английском языках характеризуется способом жизнедеятельности (источник существования, продвижение по службе, развлечение).

С точки зрения оценки действия в русском и английском языках лексические единицы, обозначающие идею кочевья, в основном имеют положительную коннотацию. Сама идея кочевья не имеет исконного обозначения в английском языке и обозначается посредством указания на разновидности движения. Для калмыцкой лингвокультуры релевантным является осуждение и негативное отношение праздности.

В калмыцкой лингвокультуре ярко выражены интегральные признаки «направление перемещения», «характер перемещения (конфигурация движения)», свидетельствующие о национально-специфических особенностях кочевого быта калмыков.

Специфичным для русской, калмыцкой, английской лингвокультурах является семантический признак «температура перемещения». В английской лингвокультуре отмечаются лексемы, указывающие на стремительное продвижение, акцентируется внимание на расстояние, скорость и цели продвижения. Для русского и калмыцкого языков характерно медленное, постепенное движение, осуществляемое отдельными этапами. При сопоставлении исследуемых единиц обнаруживается различие в количественном составе. В калмыцком языке около 50 % отобранных лексических единиц связаны с описанием «перемещения с одного места на другое». Плотное оязыковление данного феномена в калмыцкой действительности свидетельствует о его актуальности для языкового сознания калмыков. Такое явление не типично для английского и русского языков.

Кочевой образ жизни калмыков обусловил создание легкого, свободно перевозимого жилья – кибитки. Передвижное решетчатое жилище (ишкэ гер) у калмыков-кочевников представляет собой сборно-разборную постройку, приспособленную к транспортировке на вьючных животных. В калмыцкой кибитке прохладно летом, тепло зимой. Ее остов составляют деревянные решетки (терм), которые определяют размеры и вместительность жилища. Дверь по традиции обращена на юг, юго-запад, откуда, по мнению кочевников, всегда веет теплом. Собранный остов кибитки

накрывают кусками войлока, специально вырезанными по форме кибитки и обшитыми шерстяным шнуром по краям. Сборно-разборное жилище калмыков *ишкэ гер* в традиционной культуре имело определенную цветовую символику. *Хар гер* – «черная кибитка, юрта» — жилище простолюдинов, *бор гер* – невзрачное, простое жилище бедняков (букв. «серое жилище») (Пюрбеев 1996: 113). *Цаһан гер* – «белая юрта, кибитка» — как правило, жилище представителей высших слоев общества.

Устанавливая на новом месте юрту и завершая ее куполообразным верхом, кочевник должен был позаботиться о дымовом отверстии (*оркэ*), прямо над которым находился очаг. По движению солнечного луча, падающего сквозь дымовое отверстие и перемещающегося по внутренним конструкциям юрты, кочевник определял время. *Оркэ* было разделено на восемь частей, символизирующих восемь сторон света: север, северо-запад, юг, юго-восток и т.д. Пространство юрты разделено на 12 частей, как циферблат, каждая из которых была названа именем животного, входящего в двенадцатилетний цикл восточного календаря. Например, когда солнце в зените, тень от его света падала на северную часть юрты, где хранились самые главные предметы культа (*бурханы*). Это был «час мыши» (*хулһна цаг*), время от десяти до двенадцати часов дня. Особое внимание калмыки уделяли внутреннему убранству кибитки. Кочевой образ жизни не располагал к накопительству и разнообразию вещей. Каждая семья имела минимум вещей, которые по своему материалу и форме занимали как можно меньше места.

Селения, возникавшие на границах юга России, сохраняют свое название станиц, как память о своем происхождении от дорожных станов. При нападении соседей или врагов улицы станиц заставляли повозками, либо всю станицу на ночь окружали бричками (Кубанская энциклопедия 1989: 12). Все это воспроизводит схему обычного дорожного стана: поставленные кругом повозки для круговой обороны в случае опасности.

У лесных дорог, охотничьих троп, на дальних промыслах и сенокосах ставили специальные избушки, где часто путник останавливался на ночь. На Русском Севере такая избушка называлась *едома* (так же, как густой лес), *зимовка*, *кушня* (служившая для отдыха пешком и конным), в Сибири – *зимовье*, *балаган*, *путика* и т.д. Лесные избушки обычно меньших размеров, с черной печью или даже с открытым очагом посередине; нередко углублены в землю, т.е. представляли собой полуземлянки.

Часто придорожные избушки выступали в роли ориентиров. Найти такую избушку можно было, идя вверх по течению реки. От избушки шла протоптанная и размеченная тропа, иногда подъездная дорога в населенный пункт.

Наряду с лесными избушками местом временного приюта бродягам служили пустые дома и заброшенные деревни. Нередко ночевали и в нежилых домах: банях или сараях. Человек, встреченный в заброшенной деревне или пустом доме, мог быть воспринят как нечеловеческое существо, нечистая сила. Чужак сохранял свое периферийное, бесстатусное положение. Отношение к нему старожилов оставалось в этом случае нейтральным, а чаще всего подозрительным и даже враждебным. Тем не менее, русский переселенец, имея крышу над головой, мог временно воспользоваться преимуществами оседлого существования.

Жилища американских поселенцев отличаются в первую очередь своим качеством. Символом новой жизни в Новом Свете становится бревенчатая хижина (log hut). Она же и есть воплощение идеала американского жилого дома, духовные потомки которого – бесчисленный ряд всевозможных жилищ, от бунгало до ранчо. Бревенчатая хижина утвердилась в Америке главным образом благодаря шведским переселенцам, которые в 1638 году высадились в устье р. Делавэр и основали поселок Кристинагам (Patton: 113). Затем этот удобный и компактный тип дома стал использоваться шотландскими, ирландскими и германскими и другими колонистами, которые перевезли его дальше на запад.

Нуждаясь в быстром и масштабном строительстве домов и почти не имея квалификационных плотников, поселенцы Новой Англии изобрели новую модель универсального жилища, которому суждено было задавать тон в грядущие десятилетия. «Надувной каркас» (The Balloon – Frame House), повсеместное явление XX века, остается уникальным изобретением американских первопроходцев.

Дом, сбитый гвоздями, нетрудно демонтировать; его легкие детали удобно паковались и перевозились, а собрать его заново мог любой человек, способный держать в руках молоток. Меняющие место жительства американцы нередко желали брать свои дома с собой и отправлять их вперед. К середине XIX века производство стандартных блочных домов, церквей и даже отелей, которые можно было заказать с доставкой на фермы и в города Запада, превратилось в процветающий бизнес.

Временным жилищем служила большая палатка (tent), разделенная рядами ящиков на мужскую и женскую половины, с соло-

мой на полу вместо постелей. Кочевая община способна превратить средство передвижения во временное жилище. Так, передвигаясь на фургонах или телегах, ночевали под ними. В современное время в качестве «придорожного дома» выступают автофургоны (motor home).

Все паремии, имеющие отношение к концепту «кочевье», могут быть рассмотрены в следующих аспектах:

1) оценочные характеристики кочевья в русском, калмыцком, американском языковом сознании;

2) нормы поведения людей в процессе кочевья.

Наиболее частотные паремиологические характеристики кочевья как процесса – интенсивность приложения усилий, динамизм. Однако в большинстве паремиологических единицах кочевье характеризуется не только как интенсивная деятельность, но и как необходимое условие существования человека (калм. без травы нет скота, без скота не пищи; рус. не накормит земля, накормит вода или рыба ищет, где глубоко, а человек – где лучше), а также как средство завоевания уважения в обществе, морального самодовольствования (Traveling is one way of lengthening life, at least in appearance).

Кочевничество калмыцкого народа объясняется в первую очередь поиском лучших пастбищ для своего скота. Скот – основа жизни, основное богатство для кочевника: Мал күн хойрин эмн холвата – Души человека и скота неотделимы; Сэн көдлмшнэс жирһл ясрдг, сэн идгэс мал тарһлдг – от хорошей работы жизнь улучшается, а от хорошего пастбища скот поправляется. Калмыки в отличие от монгольских народов выращивали четыре вида скота: лошадь (мөрн), верблюды (темэн), овца (хөөн), корова (үкр). К ним не относили коз. Они, наоборот считались признаком бедности: Бөөхтэ цагт — темэ өскдг, угарх цагт – яма өскдг – когда богатеют – разводят верблюдов, когда беднеют — разводят коз; мөңгн чилхлэ — шаалыг болдг, мал чилхлэ — ишк болдг – деньги кончаются – остается одна мелочь, скот кончается – остается лишь козленок.

Калмыки привязаны к кочевой жизни. Кочевье калмыков объясняется также внутренним «непокоем». Таким образом, кочевье надделено символическим смыслом. Кочевье не знает *дорог*, а знает *пути*. Кочевье – это путь к познанию себя, окружающей действительности, самосовершенствованию: Орн деер кевтсн өвгнэс ор эргсн көвүн – Чем старик, привыкший лежать на кровати, лучше юноша, странствующий по свету; Аавин биид кү тань, агтин биид һазр тань – при жизни отца познавай людей, с хоро-

шим конем познавай землю; хээсн күн олдг – человек, который ищет, находит; жаждающий – достигнет, ищущий – найдет; больше увидишь – умнее станешь; Дальний путь начинается с близкого; Больше увидишь – умнее станешь и т.д. Таким образом, кочевье в калмыцком языковом сознании ассоциируется с благосостоянием, обогащением, познанием окружающей действительности, расширением кругозора.

В русской традиции под оседлостью понимается стремление обрести чувство защищенности, зависимость от природной эволюции, гарантирующая общественную независимость. Смена деятельности, а также стремление к освобождению от природной зависимости предполагает определенного рода нарушения устойчивого быта, оторванность от привычного мира. В русской традиции противопоставление пути, дороги и дома находят свое выражение в представлениях об опасности. Дом – это прежде всего символ жизни, плодородия, покоя: Дома солома съедома; Свой дом – не чужой; из него не уйдешь; Свой уголок, хоть боком пролезть, а все лучше (Рыбников: 1859: 12). Под родной кровлей все лучше, свободнее: В гостях хорошо, а дома лучше; Всяк в своем доме волен; Свой уголок – свой простор; В доме все скоро, а вчуже житье хуже.

Пословицы следующего ряда отчетливо указывают на отношение людей к привычным, т.е. «своим» и непривычным, «чужим» местам обитания. Противопоставление «свое — чужое», по свидетельству Ю. С. Степанова, оказывается основным для мировой культуры, и русская не составляет исключения. Оно «является одним из главных компонентов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (Степанов 2005: 126). Чужая сторона вызывает у русского человека недоверие, сомнение, боязнь, неприязнь: На новое место попадешь, три года чертом прослывешь; Чужая-то сторонка не медом полита, а слезами улита; Родная сторона – мать, чужая мачеха; В чужом месте, что в лесу; Сторонка не дальняя, но печальная; Ехал наживать, а пришлось свое проживать; Незачем далеко, и здесь хорошо. Поэтому русский человек осуждает того, кто оставляет родное место и переходит на другое: С родной земли – умри, не сходи! Где родился, там и пригодился.

Основные характеристики кочевья, выраженные в русском паремиологическом фонде, могут быть сведены к следующим определениям: 1) кочевье – это взгляд на жизнь со стороны; 2) кочевье – это оторванность от привычного мира; 3) кочевье –

это опасность, смерть; 4) кочевье – попадание в другую жизнь; 5) кочевье – это поиск самовыражения, духовной свободы.

Перемещение для американцев было важно как форма поисков личной и национальной идентичности. Люди отправлялись в путь в поисках новых поселений; их влекло любопытство и жажда познания мира. Для американского народа движение есть своего рода возможность реализовать свои желания, амбиции, не знающие ни трудностей, ни преград. Так американцы выражали свою волю к завоеваниям: *Ambition has no rest; Ambition knows no obstacles; Ambition is not the voice of little people; They conquer who believe they can; Earnest effort leads to success; He conquers who endures.*

Американцы хорошо реагируют на призывы к немедленному действию. Ради достижения успеха и продвижения по социальной лестнице американцы охотно меняют свою жизнь, сферу деятельности. Зачастую новая работа предполагает переезд в другую часть страны. Новая деятельность ставит новые задачи, цели, дает новые знания и знакомства. Таким образом, американское кочевье – это вечные поиски лучших возможностей и огромное стремление к преуспеянию.

В русских и американских пословицах и поговорках на первый план выходит важность спутника. В калмыцких паремиях более четко определена идея коллективизма, выражена высокая степень зависимости человека от группы, коллектива. Это связано с тем, что трудности, связанные с повседневными обязанностями номада (например, выпас или перегон скота с одного пастбища на другое, установка или разбор кибитки) можно было вынести только общими усилиями.

Калмыцкий фольклор богат и разнообразен, не уступает фольклору многих других восточных народов. А. Бадмаев отмечает, что калмыцкий фольклор – явление очень сложное и своеобразное, вобравшее культуру многих народов Центральной и Юго-Восточной Азии (Бадмаев 1984: 11). Во время повседневного тяжелого труда номадной жизни нередко к фольклору обращались за утешением и вдохновением.

Смена кочевки у калмыков считалось важным событием. С нею были связаны обрядовые действия. В первую очередь, как мы уже говорили, калмыки-скотоводы проводили обряд очищения, которое обычно происходило в месяц змеи (*моһа сар*), т. е. в марте по калмыцкому календарю. Этот обряд носил название «*шүр төвх*», назначение которого сводилось к следующему: защитить людей, дом, домашний скот от стихийных бедствий, тяже-

лых болезней человека и домашнего скота. Обряд «шүр» (букв. цедилка) состоял из нескольких этапов: очищение огнем, сжигание старых вещей, окуривание домашних животных курительной травой (саңгин идән). Вот как это описывается в романе А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»:

Весеннее кочевье

Кончалась надоевшая зима. Надо выезжать на новое кочевье. Кибитка наша собрана, и весь немудрый скарб уложен в телегу, которую мы выпросили по случаю кочевья у богатых родичей. Мы трогаемся и, отъехав с полверсты, останавливаемся, потому что нужно устроить шюр. Впереди по краям дороги, в нескольких сажнях друг от друга, мать раскладывает два костра. Когда они разгораются, бросается в них по горсточке соли. Между кострами прогоняется весь скот. Некоторые коровы не хотят идти со всеми и норовят отойти в сторону. Их приходится загонять силой. Наконец прошли все. После стада между кострами медленно проходит наша кибитка, и мы гурьбой плетемся за ней. Огонь у калмыков – самое чистое, что есть на свете; огонь очищает нас. Отсюда родился обычай при всяком начинании, переселении устраивать шюр. За зиму завелось немало всякой нечисти; через огонь эта нечистая сила не пройдет, и таким образом можно освободиться от нее. «Сгинь, пропади, нечистая сила!» — говорят калмыки в таких случаях. Мы все прошли огонь. Теперь перед нами вольная степь, весь мир.

Таким образом, данный обряд носил неслучайный характер. Он предполагал расставание с прошлым, избавление от старых переживаний, бед и символизировал новый период жизни номада.

Ситуация ухода артикулировалась русской традицией как необычная, а точнее кризисная. Выход из общества, «отход» в русской традиционной культуре связан с возможностью изменения своей доли, созданием новой судьбы, возможно при выборе не связанной с земледелием ремесленной профессии (строительной, гончарной, приисковой и т.п.). Перемена доли-судьбы в последнем случае включала в себя элемент негатива. Она означала выход из первоначального состояния, социально-природной целостности, воспринималась как своего рода потеря себя, уход из прежней доли. Кризисная реакция отражена в разных по жанру фольклорных текстах. С мотивом поиска новой судьбы мы встречаемся в былинном сюжете «Витязь на распутье».

Кочевье в русском языковом сознании существует в двух ипостасях: в буквальном смысле это – жизнь странствующих пастухов, торговцев, актеров, проповедников, в переносном же смысле – это достижение желанной свободы, разрыв рутинных связей,

слияние с первозданной природой. Эти смыслы в оценочном плане могут пересекаться.

Сравним следующие примеры из произведений А.С.Пушкина:

*Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлеги
И мирный сон под небесами.*

(А.С.Пушкин, Цыгане).

*Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест,
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).*

(А.С.Пушкин, Евгений Онегин).

В первом примере кочевье ассоциируется с вольностью, главной ценностью поэта, умиротворенностью и близостью к природе (при этом объективно показана бедность цыган, их шатры изодраны). Обратим внимание на веселый цыганский быт, каким его представляют русские дворяне. Реальности кочевой жизни, забота о пропитании, труд и лишения, связанные с постоянными переездами, остаются вне поля зрения сторонних наблюдателей. Во втором примере А.С.Пушкин прямым текстом показывает свое отношение к перемене мест («весьма мучительное свойство»). Отрицательное отношение к перемене мест – естественная позиция оседлых народов, у которых странствие без возврата в свой дом ассоциируется с мучением.

Странствие без возвращения домой воспринимается как блуждание:

*И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.*

(Н.Гумилев, Стокгольм).

Странничество, вечное кочевье в русской поэтической традиции воспринимается как знак избранных:

*Бездомный долгий путь назначен мне судьбой...
Пускай другим он чужд... я не зову с собой –
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий.
Любимое со мной. Минувшего не жаль.*

(М.Волошин, «Как некий юноша...»).

Таким образом, в русском языковом сознании концепт «кочевье» имеет амбивалентную оценку. На бытовом, обыденном уровне он осознается как характеристика чужого образа жизни и

вызывает отторжение, этот концепт тесно связан с ключевым для русского сознания концептом «дом» (бездомность воспринимается как наказание, ср. Верещагин, Костомаров, 2005, с.898-946), вместе с тем для людей оседлых кочевая жизнь выглядит как утраченная первозданная свобода. На бытийном уровне «кочевье» воспринимается как беспечная вольность, слияние с природой, умиротворенность и удел избранных – мечтателей и поэтов. Вместе с тем идея вечного странствия ассоциируется с мучительным блужданием и отверженностью, такой ассоциативный ряд заложен в религиозных сюжетах и мифах, определяющих культурные доминанты русской ментальности.

Формирование американского фольклора отличалось поэтапностью и многоплановостью; «открытие» отдельных ее составляющих происходило постепенно; вместе с тем, очевидно, что важный рубеж в этом смысле происходит на первую половину XIX века. Именно тогда возникли первые попытки записи и осмысления аборигенного фольклора, роль фронта, как среды формирования национального творчества, проявился национально-исторический феномен реализма, стал обретать лицо американский юмор.

Кочевье, переселение являлось одним из главных факторов американского опыта, оно стало также важнейшим формообразующим элементом всей национальной литературы. Мотив странствования, дороги в той или иной форме присутствует почти у всех американских прозаиков и поэтов.

Доминанта американского кочевья – целеустремленность. Американское кочевье – попытка реализации на практике идей и идеалов, выявление их жизнеспособности или несостоятельности. Американца не пугают крутые перемены жизни, бесконечная борьба с местным населением, тяжелые природные условия, дикие земли. Героя ожидают не только увлекательные приключения, но и тяжелый и неблагодарный труд, разочарования и неудачи. Американское кочевье, как отмечают писатели той эпохи – путь познания мира, возмужания характера, расставания с романтическими иллюзиями.

«What are the productions of the earth? You mean in Nevada, of course. On our ranches here, anything can be raised that can be produced on the fertile of Missouri. But ranches are very scattering – as scattering, perhaps, as lawyers in heaven. Nevada, for the most part, is a barren waste of sand, embellished with melancholy sage-brush, and fenced in with snow-clad mountains. But these ghastly features were the salvation of the land, for no rightly constituted American would have ever come here if the place had been easy to access, and none of our pioneers would have staid after they got here if

they had not felt satisfied that they could not find a smaller chance for making a living anywhere else. Such is man, William, as he crops out in America. —

Что родит земля? Вы имеете в виду землю Невады, конечно. На наших фермах можно выращивать все, что произрастает на плодородных полях Миссури. Но фермы здесь редкость, такая же редкость, как адвокаты в раю. В основном Невада — голая песчаная пустыня, украшенная тоскливыми кустами полыни и огороженная, словно забором, снежными вершинами. Но именно эти отталкивающие черты и стали спасением для здешней земли, ибо ни один нормальный американец не приехал бы сюда, будь этот край легко доступен, и ни один из пионеров не обосновался бы здесь, не зная он наверняка, что нигде не придется ему так туго, как в этих местах. Таков уже он, житель Америки, Уильям» (Mark Twain 1968: 29 — 32).

Для проверки полученных результатов относительно ценностной характеристики рассматриваемого концепта в современном языковом сознании носителей калмыцкой, русской и американской лингвокультур мы провели социолингвистический эксперимент — опрос информантов. Им было предложено написать короткие сочинения на тему: «Когда я думаю о кочевой жизни, я представляю себе...».

Приведем примеры полученных сочинений. Представители калмыцкой лингвокультуры высказываются о кочевье следующим образом (перевод с калмыцкого наш. — Ж.Ц.):

1. *«Тег. Сужах нарна сүүр. Ишкә гермүд. Кеер тбвшүн идилжәх малмуд: үкрмүд, хбд, мбрд, темәд. Дүнг дүлә. һалын ббр адһм уга күүнджәх залус. Мангһдур күцәх кергән зуралжана. Күүкд улс герин кбдлмшән кежәнә, күүкдән хәләжәнә, асхн хотан белджәнә. Хажуднь бичкдүд баглһж сууһад шаһа наачана, зәрмнь мбнган бүсәр нег-негән кбблдәд цоклджана. Асхн хотын хббн цуһар жангһрчиг сонгсад, терүнә дуулврт келгджәх баатрмүдас збрмг йовдлмудас үлгүр авч, теднәр бахтна. Сббни брәл давсн хббн цуһар тбвшүн нббртән орна. Эндән цуг тагчерна. Теднә зүүднднь күсл болесн Бумбин орна кишгтә жирһл орна».*

«Степь. Закат солнца. Калмыцкие кибитки. В степи пасется скот: коровы, овцы, верблюды, лошади. У речки мирно беседуют мужчины. Они делятся друг с другом своими планами. Женщины занимаются домашними делами. Недалеко от кибитки веселится молодежь; молодые люди играют в народные игры: альчики, серебряный пояс. После ужина все с большим удовольствием (восторгом) слушают песни джангарчи о подвигах славных и храбрых богатырей. В полночь наступает тишина. В своих снах люди видят счастливую жизнь в сказочной стране Бумба».

Приведем типичные сочинения на заданную тему, написанные носителями русской лингвокультуры.

«Когда я думаю о кочевой жизни, я представляю себе цыганский табор. Стоят повозки, бегают чумазые босоногие веселые детишки. В разных местах на открытом воздухе готовится пища, люди громко разговаривают, смеются. В условиях постоянных переездов нельзя скопить добра, поэтому все богатство цыган – это массивные золотые перстни на руках женщин, бусы, серьги. Вся жизнь на виду. Женщины кормят грудных младенцев, старики отчитывают кого-то. На людях яркие одежды».

«Я думаю, что сегодня о кочевой жизни можно говорить только в переносном смысле. Если речь идет о кочевье как образе жизни кочевых племен, то перед глазами возникают сцены из исторических фильмов или описания кочевников в художественной литературе. Я представляю себе пустыню, шатры, верблюдов и коз, арабских всадников с белыми платками на головах. Это жизнь, полная опасностей. В любую минуту может произойти набег враждебного племени. Военные столкновения кочевников были очень жестокими, поскольку они в плен, как мне известно, не брали».

Американское понимание кочевья представлено такими рассуждениями, как следующее:

"The "pioneering spirit", along with "path finding" and "trail blazing" are part of American mythology. Generally, mobility may be associated with both failure (downward / forced mobility) and success (upward / voluntary mobility). People may move to have better jobs or education for their kids or for health reasons. Well-to-do retired people move to the Sun Belt states (Arizona, Nevada, California). This is to do with achieving a higher standard of living. However, people may be forced to move because they cannot keep up their former standard of living due to retirement / illness/ they are dissatisfied with the environment (natural or social) / their livelihood has been taken from them by some "act of God" (e.g. the draught in Oklahoma which turned the state into a dust bowl)".

Дух первооткрывателей, людей, отыскивающих тропу и прокладывающих новый путь, — это часть американской мифологии. В общем, мобильность можно ассоциировать как с жизненной неудачей (нисходящая или вынужденная мобильность), так и с успехом (восходящая или добровольная мобильность). Люди переезжают на новые места, чтобы получить лучшую работу, или обеспечить лучшее образование своим детям, или по состоянию здоровья. Обеспеченные пенсионеры переезжают в «Штаты Солнечного пояса» (Аризона, Невада, Калифорния). Это связано с высоким уровнем жизни. Вместе с тем люди могут переезжать на новое место, если они не могут поддерживать свой прежний уровень жизни в связи с выходом на пенсию, или по болезни, или если им не нравится их окружение, или в силу природных катаклизмов, таких, например, как засуха в Оклахоме.

В целом мы видим, что в современном языковом сознании калмыцких информантов кочевье ассоциируется с близостью с природой, с естественной жизнью и ее радостями (в сознании

современных калмыков кочевье – это символизация прошлого). Для русских информантов постоянные переезды с места на место связаны с бесприютностью, скитанием, чужим (цыганским или экзотическим восточным) образом жизни. Американцы, говоря о таких переездах, противопоставляют роскошную жизнь постоянно путешествующих богатых людей и вынужденное кочевье бедняков, которые пытаются найти способ выжить. Вместе с тем для жителей Америки постоянные переезды стали символом освоения нового мира.

Подведем основные итоги.

1. Лингвокультурный концепт «кочевье» представляет собой сложное ментальное образование, содержательный минимум которого сводится к понятийным признакам «передвижение», «постоянное», «с имуществом», «с целью обеспечения пастбищ для скота»; образная сторона этого концепта включает медленно передвигающуюся по степи большую группу людей на лошадях, повозках с большими стадами крупного и мелкого рогатого скота, временами останавливающимися на некоторый срок и живущими в юртах; ценностная сторона этого концепта сводится к признанию постоянного перемещения как способа сохранения жизни, к необходимости знать повадки домашних животных и осознанию цикличности бытия.

2. В калмыцкой лингвокультуре кочевье представляет собой развернутую концептосферу с детальным обозначением в лексике, фразеологии и паремиологии скота, временных жилищ, ритуалов отправления в путь и остановки, это образ жизни народа, сохранившего и развившего древние умения скотоводства.

3. В русской лингвокультуре кочевье является знаком иной культуры и ассоциируется со свободой, исходным природным образом жизни, отсутствием привычного имущества и сопровождается амбивалентной оценкой, на бытовом уровне кочевье воспринимается как патриархальный уклад и неспособность жить на одном месте, на поэтическом уровне – как вольная жизнь.

4. В американской лингвокультуре традиционное кочевье скотоводов осмысливается как знак иной культуры, ассоциируется с освоением «дикого Запада», и при этом возникает новое осознание номадизма как образа жизни, суть которого состоит в высокой мобильности и постоянном перемещении в стране и мире для поиска оптимальных условий существования.

Литература

Церенова, Ж.Н. Концепт "кочевье" в калмыцкой лингвокультуре / Ж. Н. Церенова // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. тр. — Саратов: Научная книга, 2005. Вып. 11. С. 110-113.

Церенова, Ж. Н. Кочевье как социально-психологический и исторический феномен калмыцкой и американской лингвокультур / Ж. Н. Церенова // Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций. Науч. конф. "Язык, культура, этнос в глобализованном мире: на стыке цивилизаций и времен". Материалы междунар. конгресса. В 2-х ч. — Элиста: Изд-во КалмГУ, 2005. Ч. II. С. 48-151.

Церенова, Ж. Н. Лингвокультурный типаж "калмыцкий кочевник" / Ж.Н. Церенова // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2005. С. 212-223.

Церенова, Ж. Н. Лексическое выражение концепта "кочевье" в русском и английском языках / Ж.Н.Церенова // Мир и язык: сб. науч. ст. — Кемерово: Графика, 2005. — С.181-186.

Церенова, Ж. Н. Ценностная характеристика концепта "кочевье" / Ж.Н.Церенова // Грамматика. Семантика. Концептология: сб. науч. ст. — Кемерово: Графика, 2005. — С.151-157.

Церенова, Ж.Н. Концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. — 22 с.

Д.А. Кожанов (Барнаул)

РОДИНА

Данная работа посвящена комплексному описанию концепта "Homeland" в американской концептуальной картине мира, предполагающему реконструирование структуры и содержательного наполнения данного концепта, рассмотрение причин и способов его трансформации.

Целью данного исследования является комплексное изучение концепта "Homeland", его структуры и содержательного наполнения, возможных способов его трансформации на основании анализа семантики языковых репрезентантов данного концепта,

Поставленная цель конкретизируется в следующих задачах:

- проанализировать существующие теории, раскрывающие сущность процессов концептуализации и категоризации, как основных механизмов человеческого сознания;

- выявить и проанализировать совокупность лексико-фразеологических средств, объективирующих концепт "Homeland" в языке;

- восстановить первоначальное состояние концепта "Homeland" в американской языковой картине мира, обратившись к текстам различного содержания и направленности, принадлежащим эпохе становления американской нации;
- проследить дальнейшую эволюцию концепта "Homeland", обратившись к разновременным корпусам текстов.

Концепт "Homeland", принадлежащий американской концептуальной картине мира, представляет собой национальный вариант универсального концепта "Свое пространство", этнические варианты которого мы можем обнаружить практически во всех национальных картинах мира (как, например, "Отечество" в русской картине мира или "Vaterland" в немецкой).

Заметим, что универсальный концепт "Свое пространство" является, в достаточной степени, научной абстракцией, т.к. на основании анализа языковых данных, реконструированию подлежат только структура и содержание его вариантов в национальных концептуальных картинах мира. В то же время, сопоставительные исследования на основе полученных результатов, позволяют говорить о существовании универсальных (ядерных) концептуальных признаков, характерных для всей совокупности национальных коррелятов концепта "Свое пространство" важнейшим из которых является противопоставление "Свои — чужие".

Так, исследователи сходятся в том, что данный концепт представляет собой результат концептуализации индивидом "своего" пространства, места, где живут люди "нашего племени", "нашего рода", "свои", места, где господствует порядок и согласие между людьми, и которое отделяется от того, что вне его, от других мест, где живут "чужие", неизвестные, где наши законы не признаются и где, возможно, законов нет вообще (Степанов 1997).

Мы можем обнаружить данное противопоставление еще в древнейшей мифологической картине мира, где "родовое пространство", на территории которого человек находился под защитой духов предков, противопоставлялось "внешнему, хаотическому, зловередному пространству", на которое не распространялась защита предков и где человек попадал в поле действия зловередных сил (Постовалова 1988: 62), т.е. изначально "свое" пространство это то место, где обитают наши родные, к которому мы испытываем устойчивое положительное эмоциональное отношение, но, в дальнейшем его географические пределы расширяются, в результате метафорического переосмысления отношений родства — наша привязанность к некоторому месту "втягивает" его в

сферу "своего", в которой оказывается сначала родной (свой) город, затем край и, наконец, страна (Сандомирская 1999).

Индивид связан со "своим" пространством сложной системой отношений, что и позволило некоторым исследователям сравнить данный концепт с "чехлом", который может быть "растянут" на различных "каркасах" (Сандомирская 1999). В то время, существует и другая точка зрения, сторонники которой склоняются к точке зрения, что существует два одноименных концепта "Родина" (малая и большая), представляющих собой результат концептуализации совершенно разных сущностей (Телия 2001: 410). Так, концепт "Малая Родина" ассоциируется с тем местом, где обитает группа лиц, объединенных кровно-родственными, семейными или неформально-корпоративными отношениями, близость между которыми подтверждается повседневными физическими контактами, фактом совместного проживания, кровным родством, общими интересами. Концепт "Большая Родина", в свою очередь, представляет собой психический образ некоего исторически сложившегося целостного географического и политического пространства, геополитического единства, граждане которого объединены как общим языком, так и геополитическими интересами страны, коллективной идеологией, т.е. связями второго порядка, представляющими собой переосмысление отношений родственной близости, результат их идентификации с коллективной идеологией.

Как следствие, концепт "Свое пространство" представляет собой психическую единицу с чрезвычайно сложной структурой, отражающую структуру того общества, которому принадлежит индивид и определяющую *конструирование* в сознании индивида "своего" пространства, его самоидентификацию в каждой конкретной ситуации, когда границы "своего" пространства заново актуализируются в сознании индивида в зависимости от исполняемой им социальной роли: действует ли он как член семьи, житель города или штата, гражданин своей страны и т.д.

Все вышесказанное указывает на то, что концепт "Свое пространство" в любой национальной картине мира не только является одним из ее ключевых концептов, определяющих отношение индивида к окружающему миру, но и характеризуется уникальной, этноспецифической структурой, которая и обуславливает высокую вероятность межкультурного непонимания в ситуациях, когда в процессе коммуникации актуализируются его этнические корреляты. Решению данной проблемы может способствовать тщательный анализ структуры и содержательного наполнения вари-

антов концепта "Свое пространство" в различных национальных картинах мира, который позволит выявить универсальные и специфические характеристики поведения носителей различных культур, определить и точно обозначить те культурные ценности, которые лежат в основе их коммуникативной деятельности и, как результат, прогнозировать заранее и избегать тех ситуаций, в которых велика вероятность межкультурного непонимания.

Наше обращение к американской картине мира не является случайным: именно здесь исследователь получает возможность реконструировать не только структуру и содержание данной структуры сознания, но и процессы ее формирования в национальном сознании, которые нашли свое отражение, как в семантике языковых единиц различных уровней, так и в текстах, принадлежащих различным этапам истории американского общества.

Анализ языкового материала толковых словарей, словарей тезаурусов и словарей синонимов позволил выявить 157 лексических единиц, языковых репрезентантов концепта "Homeland", образующих одноименное ЛСП, центром которого является лексема *homeland*. Рассматриваемое поле хорошо структурировано: в нем достаточно четко выделяется ядро (которое составляют лексемы, соответствующие содержательной области лексемы *homeland*, характеризующиеся высокой частотностью и в минимальной степени зависящие от контекста (*motherland, fatherland, mother country*)), ближняя и дальняя периферия.

Анализ семантики лексем, входящих в лексико-семантическое поле "Homeland" с использованием метода компонентного анализа, позволил установить у них наличие следующих общих признаков, которые представляются нам релевантными для проведения нашего исследования:

- "родина" — место рождения индивида
- "прародина-1" — место рождения родителей (предков) индивида
- "прародина-2" — место происхождения народа
- "место жительства" — место, где индивид проживает в течение долгого времени, которое считает своим домом
- место, к которому у индивида сформировалось устойчивое положительное отношение ("эмоциональная привязанность")
- место, противопоставленное любому другому месту ("свой-чужой")

Помимо указанных единиц, концепт "Homeland" представлен в языке большим количеством (более 30) фразеологических сочетаний, которые характеризуются как наличием в их структуре репрезентантов концепта "Homeland", выявленных на предыдущем этапе исследования, так и присутствием соответствующих сем в совокупном значении. Обращение к семантике данных единиц позволяет реконструировать имманентные, устойчивые черты видения мира: те стандарты и стереотипы, нормы и идеалы, которые являются частью культурно-исторического наследия.

Анализ семантики данных единиц показал, что большинство из них либо построены на основе контраста, противопоставления некоторого места любому другому месту (*East or West home is best, There is no place like home*), либо актуализируют некоторое место, где субъект или даже объект приобретают некоторые уникальные способности или качества, которыми они не обладают в любом другом месте (*Every dog is a lion at home, Dry bread at home is better than roast meat abroad*) и к которому у субъекта сформировалось устойчивое положительное эмоциональное отношение (*Every bird likes its own nest*).

Данные суждения представляют собой типовые аксиомы поведения, установки культуры, которые задают нормы поведения человека, носителя данной культуры. Родина это те место, куда человек стремится вернуться после долгого отсутствия (*The longest way round is the shortest way home*) и, вернувшись, он осознает в полной мере всю ценность, всю значимость для него родных мест (*The wider we roam, the welcomer home*). Покинув родные места, человек лишается защиты, подвергается самым разным опасностям (*Far from home, near thy harm*) и может, в итоге, окончательно утратить связь со своей Родиной, с коллективом "своих", перестать быть "своим" для них (*Who loves to roam may lose his home*). В то же время, человек вполне способен привязаться к иному, изначально "чужому" месту, способен испытывать к нему устойчивое положительное эмоциональное отношение, обретая, тем самым, новую Родину (*Where is well with me, there is my country*).

Таким образом, многие слои концепта "Homeland" могут быть восстановлены в результате анализа семантики языковых единиц (лексем, свободных словосочетаний и фразеологизмов), вербализующих данный концепт в языке, что позволяет составить определенное представление об основных концептуальных признаках, определяющих содержание концепта "Homeland".

Однако, поставив перед собой задачу максимально полной реконструкции концепта "Homeland", мы, разумеется, не могли ограничиться лишь анализом семантики отдельных слов и словосочетаний, т.к. целью нашего исследования является не только выявления национальных стереотипов, символов, архетипов, формирующих этноспецифическую картину мира, но и описание бытовой или наивной картины мира. Что, в свою очередь, обусловило наше обращение к материалу иного характера — к текстам различного содержания и направленности.

Анализ текстовых реализаций концепта "Homeland" позволяет восстановить данный концепт в его первоначальном, первоначальном виде, в котором он существовал в эпоху становления американской нации, а затем проследить весь процесс его эволюции до его современного состояния, обратившись к разновременным корпусам текстов, в которых находят свое отражение картины мира прежних эпох, реконструировав, таким образом, последовательно все "слои" концепта "Homeland", являющиеся "осадком" культурной жизни ушедших эпох (Степанов 1997: 46).

Процесс становления данной структуры в американской картине мира связан с ослаблением уз, связывающих колонистов с европейскими странами, которым они принадлежали по рождению, выражающемся как в освобождении от каких-либо обязательств перед этими странами, так и в отказе того пути, которым следуют европейские государства, в неприятии общественного устройства при котором вся власть, сконцентрирована в руках небольшой группы людей (в примерах жирным шрифтом выделены репрезентанты концепта "Homeland", выявленные на предыдущем этапе, а подчеркиванием выделены ключевые слова, обеспечивающие цельность и связность текста, формирующие его концептуальное пространство):

***Our society** is not composed, as in Europe, of great lords who possess every thing, and of herd of people who have nothing. Here are no aristocratic families, no courts, no kings, no great manufacturers employing thousands, no great refinements of luxury. The rich and the poor are not so far removed from each other as they are in Europe (Michael de Crevecoeur 1988: 1).*

Появление на мировой арене Соединенных Штатов Америки это не просто возникновение нового геополитического образования. На фундаменте принципа всеобщего равенства возникает новая нация, представляющая собой коллектив, скрепленный не столько общей территорией или родственными связями, сколько идеологически.

Все это, в свою очередь, что не умаляет ту роль, которую играют в процессе обретения новой родины отношения первого порядка, связывающие индивида с местом, которое стало его новым домом. Это те материальные блага и привилегии, которые индивид может получить только в Новом Свете и которые также обеспечивают прочность уз, связывающих индивида с его новым домом:

*Many who followed the Puritan leaders into the wilderness did so, in part at least, to better their economic condition in a land where men were few and natural resources abundant. No doubt the Puritan farmer or fisherman, as he listened to the earnest pleas of his minister, was convinced that he could remain in England only at the peril of his soul, but in conversation with his neighbors he must have given consideration, also, to the opportunities held out for a large income and the acquisition of property. To him a hundred acres of arable and fifty acres of pasture in **New England**, for whose ownership he had good reason to hope, must have seemed like a dream of riches (Wertebaker 1947: 36).*

Таким образом, процесс обретения новой родины представляет собой процесс формирования отношений самых различных видов, связывающих индивида с тем местом, которое становится его новым домом, в ходе которого индивид проходит последовательно все "круги социальной принадлежности", становясь сначала членом семьи, затем членом общины, коллектива, проживающего в определенном месте, провинции и, наконец, гражданином нового государства, обретая новую Родину, как "малую", так и "большую".

*... instead of being employed by a haughty person, he finds himself with his equal, well fed at the table of his employer, ... if he behaves with propriety, and is faithful, he is caressed and becomes a member of the family ... he purchases some land and he is now a Pennsylvanian. He is **naturalized**, his name is enrolled with those of the other **citizens** of the province. Instead of being a vagrant, he has a place of **residence**, he is called the **inhabitant** of such a **country**, of such a district (Michael de Crevecoeur 1988: 9-10).*

При этом узлы, связывавшие колонистов со странами Старого Света, разрываются и заменяются отношениями, как первого, так и второго порядка, связывающими индивида с его новой Родиной, а покинутая им Родина постепенно перестает осознаваться как "свое" пространство и вытесняется в сферу "чужого", пространства. Отражением этого процесса в коллективном сознании является формирование новой ментальной сущности, новой структуры сознания на основе переосмысления отношений, связывающих индивида с его персональным, "своим" пространством, когда преобразуется, казалось бы, универсальное противопоставление "свои-чужие". В этот период оно определяется не столько местом

рождения и принадлежностью к определенной расе, культуре или вероисповеданию, сколько готовностью индивида разделить те идеалы, те принципы, которые были взяты за основу при формировании нового государства.

Заметим, что на начальном этапе истории американского общества, не представляется возможным говорить об общенациональном концепте "Homeland", т.к. в США, со времен самых первых колоний, сосуществовали, в рамках одного государства две исторически сложившиеся культурные группировки, члены которых принадлежали в Европе различным социальным группам, а в Новом Свете оказались в диаметрально противоположных условиях. Эти факторы и обусловили в конечном итоге существенные различия в концептуальных картинах мира данных групп, выражающиеся, в том числе, в специфике концептуализации "своего" пространства, в содержании и структуре концепта "Homeland", которые существенно различались в картинах мира северян и южан.

Так, в картине мира южан представление о "своем" пространстве не отличалось, по своей сути, от понимания "своего" пространства первыми колонистами, в сознании которых оно ассоциировалось лишь с территорией, на которой проживало сообщество (община), членами которого они являлись, а позднее, с территорией штата, где располагалось их поселение, т.е. с "малой" Родиной, тогда как связи с "большой" Родиной были еще достаточно слабыми. Эти связи так и остаются непрочными в картине мира обитателей Юга, чьи плантации представляли собой вполне автономные экономические единицы, напоминающие феодальные поместья средневековой Европы, границы которых и определяли пределы "своего" пространства для их обитателей:

The Virginia gentry on their plantations aped as best they could the lords of the manors in England. They made their plantations self-sufficient economic unit, with their own stores and artisans (Lingeman 1988: 93).

В то же время, в картине мира северян "свое" пространство ассоциировалось с "большой" Родиной, которая предстает неким объединением, конгломератом "малых" Родин всех индивидов, входящих в данное сообщество, скрепленных узами, настолько прочными, что "малая" Родина просто не мыслится вне "большой" Родины и воспринимается лишь на фоне "большой" Родины:

We cannot remove our two sections from each other, nor build an impassible wall between them. A husband and wife may be divorced, and go out of the presence and beyond the reach of each other; but the different parts of our country cannot do this (Lincoln 1995: 343).

Таким образом, Гражданская война является, в том числе, и войной за понимание того, чем является Родина, за то какая именно ментальная структура станет частью национальной концептосферы. Победа Севера во многом определила содержание и структуру концепта "Homeland" в национальной концептосфере и обусловила закрепление в национальном сознании образа "плавильного тигля", в котором "растворялись" расовые и национальные группировки.

Этот образ существовал в течение многих десятилетий, определяя внутреннюю и внешнюю политику США до середины XX в., когда качественные изменения в американской культуре вылились в заметную смену акцентов в национальном сознании, пошатнувших господствовавшую концепцию "плавильного тигля", ознаменовав, тем самым, начало новой эпохи в жизни американского общества — эпохи этнического многообразия или мультикультурализма.

Начало данной эпохи приходится, по мнению многих исследователей, на шестидесятые годы XX в. когда федеральное правительство впервые сталкивается с массовым и организованным противодействием политике "насильственной американизации", с нежеланием некоторых этнических групп "растворяться" в "плавильном тигле", ассимилируясь и приспособляясь к чуждому образу жизни. Этот процесс культурной ассимиляции ассоциировался в их сознании не с возникновением новой нации, новой расы, представляющей собой "сплав" всех народов мира, а с отказом от традиционных культурных ценностей и заимствованием иных, принадлежащих ценностной картине мира американцев европейского, в первую очередь, англо-саксонского происхождения:

Our cultural assimilation has taken place not in a "melting pot", but rather in a "transmuting pot" in which all ingredients have been transformed and assimilated to an idealized Anglo-Saxon model (Herberg 1983: 34).

Речь идет о принципиально иной концептуализации "своего" пространства в картинах мира национальных меньшинств США: формирующиеся отношения, как первого, так и второго порядка, связывающие их с "новой" Родиной, не являются достаточно прочными для того, чтобы подменить собой их связи с прародиной, которые и остаются доминирующими в системе отношений, связывающих индивида со "своим" пространством.

Подобная структура концепта "Homeland", когда "Прародина" является активным слотом, обусловила тенденцию подчеркивать свою национальную принадлежность в названиях (этнонимах):

"Afro-Americans", "Native Americans" и многих других, отражающих стремление этнических меньшинств Америки идентифицировать себя с чем-то, лежащим за пределами "своего" пространства для американцев европейского происхождения.

Данные этнонимы представляют собой языковые репрезентации концепта "Homeland" в том его виде, в котором он существует в картинах мира национальных меньшинств Америки и который, благодаря их регулярному воспроизведению в речи, входит и в ментальный мир этнического большинства, причем данный слот концепта остается незаполненным. Это пустота остро ощущается американцами европейского происхождения, о чем свидетельствует тот факт, что проблема "американцев-через-дефис" служит предметом их постоянной рефлексии, а сам процесс "обретения" этническими меньшинствами своей прародины рассматривается представителями этнического большинства не как созидательный, а как разрушительный; как вызов всем тем идеалам, которые были положены в основу при формировании нового общества, нации наций:

Were I to believe what I read in the papers, I would find it easy to think that I no longer can identify myself simply as an American. The noun apparently means nothing unless it is dressed up with at least one modifying adjective. I acquire a presence only as an old American, a female American, a white American, a rich American, a black American, a gay American, a poor American, a native American, a dead American (Lapham 1992: 43).

Этот вызов был еще тем более опасен, что в этот период образ "чужого" пространства также утрачивает свою четкость с распадом Советского Союза, того "отрицательного полюса", который и способствовал, во многом, конструированию "своего" пространства, как противостоящего ему "положительного полюса":

The image of the Soviet Union as monolithic evil held in place the image of the United States as monolithic virtue. Break the circuit of energy transferred between negative and positive poles, and the two empires dissolve into the waving of sectional and nationalists flags. Lacking the reassurance of a foreign demon, we search our own neighborhoods for fiends of convincing malevolence and size (Lapham 1992: 44).

Таким образом, на рубеже третьего тысячелетия многие слои концепта "Homeland" перестают восприниматься большинством носителей американской культуры как релевантные, превращаются в "осадок" прежних эпох. Языковые единицы, актуализирующие ядро концепта "Homeland" (в первую очередь, лексема *homeland*), практически исчезают из политического дискурса XX века, что является несомненным свидетельством снижения зна-

чимости данного концепта в американской национальной концептосфере.

Такое положение дел сохранялось на протяжении нескольких десятилетий и, казалось, будет оставаться неизменным и далее, однако события начала XXI века, в корне изменившие представления многих американцев о действительности, повлекли за собой и изменения как в содержательной стороне концепта "Homeland", так и в его структуре и взаимоотношениях с другими концептами. Атаки террористов в сентябре 2001 привели к пониманию того, что войну, возможно, придется вести на своей территории, придется защищать свою страну, свой дом. В результате, лексема *homeland* возвращается в политический дискурс спустя менее чем десять дней после трагедии 11 сентября:

*We will take defensive measures against terrorism to protect Americans. Today, dozens of federal departments and agencies, as well as state and local governments, have responsibilities affecting **homeland security**. These efforts must be coordinated at the highest level. So tonight I announce the creation of a Cabinet-level position reporting directly to me — the Office of **Homeland Security** (Bush 2001: www.whitehouse.gov)*

Анализ более чем 1500 контекстов употребления лексемы *homeland* после сентябрьских событий 2001 года показал, что в подавляющем большинстве случаев в ее ближайшем окружении находятся такие лексемы, как: *defense, protection, security* и некоторые другие, составляющие в своей совокупности тематическую группу "Защита/Оборона", все члены которой характеризуются наличием в составе их значений соответствующей семы (примеры 22, 23), что свидетельствуют о том, что граница, разделяющая "свое" и "чужое" пространство, вновь, как и во времена Холодной Войны, становится предельно четкой.

Таким образом, начало XXI века характеризуется существенными изменениями в американской национальной картине мира, затронувшими такие ее базовые концепты, как концепт "Homeland", что свидетельствует о том, что перемены, происходящие в общественной жизни, затронули самые основы американского общества. Не будет преувеличением утверждать, что Соединенные Штаты вступили в начале XXI века в новую эпоху, которая характеризуется принципиально иными механизмами конструирования "своего" и "чужого" пространства, что, в свою очередь, оказывает огромное влияние на поведение, в первую очередь, коммуникативное, носителей американской лингвокультуры. Все это свидетельствует в пользу необходимости изучения концепта "Homeland" в развитии, что позволяет смоделировать

возможные способы трансформации концепта "Homeland" и на основе полученных данных прогнозировать основные тенденции эволюции данного концепта, с той целью, чтобы предсказать заранее и избежать возможных ситуаций межкультурного непонимания в ближайшем будущем.

Резюмируем.

1. Концепт "Homeland" объективируется в языке значительным корпусом лексических и фразеологических единиц, в семантике которых находят свое отражение релевантные для американского лингвокультурного сообщества характеристики данного концепта.

2. Концепт "Homeland", являющийся результатом концептуализации "своего" пространства в американской лингвокультуре представляет собой сложное ментальное образование, включающее в себя понятийный, образный и ценностный компоненты и имеющее обширную периферию, где этот концепт пересекается и взаимодействует с такими ключевыми концептами американской культуры как "Democracy", "Religion", "Freedom" и др.

3. Многообразие связей индивида со "своим" пространством обуславливает сложную структуру концепта "Homeland", включающего в себя такие концепты, как "Место рождения", "Место проживания", "Место рождения/проживания предков", "Государство", "Нация" и др., которые образуют в своей совокупности подвижную структуру сознания, реагирующую на основные изменения в жизни лингвокультурного сообщества: релевантность того или иного концептуального признака может существенно варьироваться в разные периоды истории американского общества.

4. Все множество возможных способов трансформации концепта "Homeland", заключающихся в изменении связей и отношений между его составляющими находит свое отражение в корпусах одновременных текстов американских авторов, анализ которых позволяет проследить эволюцию данной структуры сознания от периода ее становления в американской национальной картине мира до ее современного состояния, что, в свою очередь, предоставляет возможность спрогнозировать изменения в структуре и содержательном наполнении концепта "Homeland" в ближайшем будущем.

Литература

Кожанов Д.А. К вопросу о структурировании ключевых концептов культуры (на примере концепта «Homeland») // Коммуникативно-

прагматические аспекты исследования языковых единиц: Сб. статей к юбилею профессора Блоха М.Я. Ч.2. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – С. 164-171.

Кожанов Д.А. К вопросу о формировании концепта «Homeland» в американской картине мира (опыт концептуального анализа художественного текста) // Антропологическая лингвистика: Вестник ИГЛУ. Серия Антропологическая лингвистика / Отв. ред. Ю.М. Малинович. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2004. – №7. – С. 50-59.

Кожанов Д.А. Концептуализация процесса обретения новой родины в американской картине мира // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Т.А. Фесенко. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. – Вып. 3. – С. 264-270.

Кожанов Д.А. Причины и способы трансформации концепта «Homeland» в американской национальной картине мира // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая личность в межкультурной коммуникации: Материалы V Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Е.В. Танков. – Абакан: Изд-во ХакасГУ, 2005. – С. 202-208.

Кожанов Д.А. Фразеологический компонент содержания концепта «Homeland» // Актуальные проблемы гуманитарного знания: материалы региональной науч.-практ. конф. молодых ученых. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – С. 117-122.

Кожанов Д.А. Концепт HOMELAND в американской картине мира и способы его языковой репрезентации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. – 16 с.

Р.Д. Керимов (Кемерово)

ГЕРМАНИЯ

Современные лингвистические исследования проявляют повышенный интерес к реконструкции различных социальных концептов посредством анализа определённых способов репрезентации концептов в языке. Одним из возможных путей анализа способов вербализации немецкого социального концепта '*Германия*' в политическом дискурсе (далее – ПД) является описание признаковой структуры данного концепта.

Признаковая структура концепта соотносится с определёнными концептуальными метафорами, которые представляют знания о Германии в лексемах других различных концептуальных сфер, объективируя при этом наиболее значимые и актуальные, с точки зрения немецких политиков, свойства и качества данного концепта.

Артефактный признак рассматриваемого концепта '*Германия*'

находит своё выражение в виде концептуальных метафор, которые составляют его структуру и объективируют конечные концептуальную сферу 'Германия' в лексемах исходной концептуальной сферы «Артефакт».

Обобщенная концептуальная сфера «Артефакт» является, в свою очередь, неоднородным и сложным по структуре концептом. Она состоит из трёх концептуальных сфер, объединяющих разные виды артефактов.

Первая группа – технические артефакты, составляющие концептуальную сферу «Техника», номинируют механизмы и виды транспорта, которые представляют соответственно концептуальные субсферы «Механизмы» и «Транспорт». Эти лексемы объединены в одну группу по принципу номинации различных механизмов, которые использует человек для совершения какой-либо полезной работы и для передвижения в пространстве.

Вторая группа – архитектурные артефакты из концептуальной сферы «Архитектура», которые объединяют номинации дома и других сооружений и объектов коммунального хозяйства, репрезентирующих соответственно концептуальные субсферы «Дом» и «Коммунальное хозяйство».

Третья группа представлена бытовыми артефактами из сферы «Быт», к которым относятся гастрономические (субсфера «Кухня») и текстильные (субсфера «Одежда») артефакты. Эти единицы номинируют объекты лично-бытовой сферы человека: продукты питания и одежду.

Таким образом, обобщённая исходная концептуальная сфера «Артефакт» имеет иерархическое, трёхуровневое устройство. Она состоит из трёх сфер, которые представлены соответственно тремя метафорическими моделями (далее – ММ): «Германия – это техника», «Германия – это архитектура» и «Германия – это быт». При этом структуру каждой из трёх артефактных моделей упорядочивают по две метафорические субмодели.

Так, ММ «Германия – это техника» включает в свой состав субмодели «Германия – это механизм» и «Германия – это транспорт». ММ «Германия – это архитектура» состоит из субмоделей «Германия – это дом» и «Германия – это коммуникации», а ММ «Германия – это быт» структурируется субмоделями «Германия – это еда» и «Германия – это одежда».

Метафорическая субмодель «Германия – это механизм» эксплицируется в современном немецком ПД метафорами механизма. В современных Западных демократиях, в том числе и в современной ФРГ, метафоры механизма активно задействуются в

политической риторике, создавая образ человека творящего и действующего.

Метафоры механизма формируют также представление о государстве (или его отдельных частях, например, об институтах власти, партиях, регионах) как о функционирующем механизме, а также описывают процессы управления, регулирования, ремонта государственного механизма различными способами.

Экономическая система современной ФРГ также может представляться в виде функционирующего механизма, например: (1) *Das der Markt als Mechanismus des Wirtschaftslebens allen anderen Prinzipien überlegen ist, wird nirgendwo und von niemandem mehr ernsthaft bestritten* [Rau 2000: 31]. 'То, что рынок как механизм экономической жизни превосходит все другие принципы, это нигде и никем больше серьезно не будет оспариваться'.

Основной отличительной особенностью любого механизма является то, что он состоит из отдельных частей – «деталей», слаженная работа которых и обеспечивает функционирование всего механизма. В политической системе такими «детальями» – чаще всего это «колёсики» – представляются органы государственной власти и работающие в них чиновники и общественные институты, в обществе – политические партии, группы, классы, а также непосредственно сами люди: (2) *Unsere Gesellschaft wäre ärmer ohne den selbstlosen und unermüdlichen Einsatz jener vielen Bürgerinnen und Bürger, die bereit sind, die vielen kleinen Räder im großen Getriebe des Hilfsgeschehens in Schwung zu bringen und in Schwung zu bleiben* [Rau 2001b: 319]. 'Наше общество было бы беднее без самоотверженного и неустанного участия тех многих граждан, которые готовы раскачивать и поддерживать в движении много маленьких колёсиков в большом механизме'.

На работу механизма воздействуют внешние, физические силы, которые метафорически представляют влияние людей, групп, классов, партий на работу государственного «механизма»:

(3) *Wir leben gottlob in einer pluralistischen Gesellschaft, und dort gibt es zwangsläufig zentrifugale Kräfte. Darüber wird aber häufig vergessen, daß ein Volk, auch ein Staat, integrative, zentripetale Kräfte braucht* [Herzog 1997: 7]. 'Мы живем, слава Богу, в плюралистическом обществе, и там неизбежно есть центробежные силы. Однако часто забывают о том, что народ, а также государство, нуждается в интегративных, центростремительных силах'.

Государственным механизмом всегда кто-то (политик, партия, канцлер и т.д.) управляет, применяя для этого различные методы, как «закручивание болтов (гаек)», «повороты рычагов» и пр., например:

(4) Nun zum Ansinnen der CDU/CSU-Fraktion, das eingeführte Vizepräsidenten- bzw. Vizepräsidentinnenmandat wieder abzuschaffen. Hier, glaube ich, hat Kollege Repnik, in der Tat einen Amtsantritt mit doppelter Schraube vollführt [Claus 1998: 4]. 'Теперь, что касается требований фракции ХДС/ХСС снова упразднить введённую должность вице-президента (Бундестага). Здесь, как я думаю, коллега Репник на самом деле осуществил вступление в должность с усилением двойного поворота болта'.

Работающий механизм может подвергаться воздействию агрессивных сред, давать сбои, выходить из строя или ломаться:

(5) Ich bin der festen Überzeugung, dass es Ihnen nicht gelingen wird, unsere Wirtschaft in einen abwartenden Zustand quasi hineinzureden und ihr weiszumachen, dass sie später etwas davon haben wird. Wir werden weiterregieren [Eichel 2003]. 'Я твёрдо убеждён в том, что Вам не удастся якобы вмешаться в ожидающее состояние нашей экономики и убедить её в том, что Вы позднее будете что-то от этого иметь. Мы будем дальше управлять'.

Давший сбой механизм представляется возможным наладить. При этом отлаживание механизма заключается в «реверсировании» и «регулировке веса»:

(6) In einigen Bereichen müssen daher wohl die Gewichte neu austariert werden [Rau 2001a: 312]. 'В некоторых областях по этой причине должен быть заново отрегулирован вес'.

Однако, как отмечает федеральный президент ФРГ (1999-2004 гг.) Йоханнес Рау, не всякий механизм можно отладить или отремонтировать:

(7) Unsere deutsche Geschichte kann man weder einrüsten noch reparieren [Rau 2001a: 178]. 'Нашу немецкую историю нельзя ни подпереть левами, ни отремонтировать'.

Налаживание механизма осуществляется в специально предусмотренных для этого местах – «мастерских» и «ремонтных (мастерских)»:

(8) Berlin ist Werkstatt der Integration eines um den Osten erweiterten Europas, ist Zentrum kultureller und wirtschaftlicher Vielfalt in Deutschland und für Europa [Bernrath 1999]. 'Берлин – это мастерская интеграции Европы, расширившейся за счёт Востока, это – центр культурного и экономического разнообразия в Германии и для Европы'.

Метафорическая субмодель «Германия – это транспорт» относится к числу моделей, которая наглядно демонстрирует протекание политических процессов и событий и их воздействие на образы политического языка. Метафорические единицы данной субмодели представляют образные номинации государства через наименования транспортных средств и создают образное представление о путях развития государства (политики) посредством наименований различных видов движения.

В политической картине мира транспортная метафора вербализуется двумя видами транспортных средств: водным и железнодорожным. Водный транспорт объективируется метафорой корабля, железнодорожный – метафорой поезда.

Метафора корабля является традиционной в европейской политической риторике. По мнению некоторых учёных, эта метафора возникла ещё в Древней Греции. Впервые она была употреблена ещё в античной литературе в стихах раннедревнегреческого лирика Алкаиоса, откуда она распространилась дальше в литературе и вошла в политический язык древнегреческих риториков.

В ПД под «кораблём» подразумевается немецкое государство в целом:

(9) Was ist das für ein Staatsschiff, in dem alle wirklichen Schwerpunkte im Westen liegen? [Thierse 1999]. 'Что это за государственный корабль, в котором все действительные приоритеты находятся на Западе?'

В некоторых случаях происходит конкретизация типа корабля в зависимости от его функции. Так, ведущий за собой другие суда, главный корабль – это «флагманский корабль»:

(10) Der Deutsche Umweltpreis ist ja das Flaggschiff der vielen Aktivitäten der Stiftung [Rau 2002a: 216]. 'Германская премия в области охраны окружающей среды является на самом деле флагманским кораблём разных инициатив фонда'.

В современном немецком ПД традиционной является также и метафора поезда, хотя она и не имеет таких глубоких корней, как метафора корабля, поскольку поезд как вид транспорта появился лишь в XIX в. Метафора поезда получила широкое распространение в ПД в XX в. В политических речах она представлена номинациями «поезд», «вагон», «локомотив», «состав».

Помимо номинаций непосредственно транспортных средств встречаются также и лексемы, обозначающие запасные или составные части транспорта. Из частей транспортных средств наиболее употребительными являются запчасти легкового автомобиля, как, например – «задние фары»:

(11) Populistische Lehrerschelte wie die Ihres Kanzlerkandidaten Schröder in Niedersachsen kann nicht darüber hinwegtäuschen, daß Niedersachsen in der Lehrerversorgung zum Schlußlicht geworden ist [Repnik 1998: 3]. 'Популистские поучения Вашего кандидата в федеральные канцлеры Шрёдера в Нижней Саксонии не может скрыть того факта, что Нижняя Саксония в вопросе учительского обслуживания стала задним подфарником автомобиля'.

В примере (11) обозначения «заднего (находящегося на багажнике) подфарника» используются в непрототипической (не основной) функции. Если основная функция задних фар – пода-

вать сигналы о пути движения автомобиля, то в сфере политики актуализируется их локализация в системе всего автомобиля, а именно – нахождение «позади» (автомобиля). Через такое положение «сзади» метафорически презентуется отставание от других стран в различных вопросах – социальном обеспечении, образовании, экономике в целом и т.д.

Из частей водного транспорта в политическом дискурсе эксплицитирован «якорь» как нечто «устойчивое, создающее стабильность и уверенность»:

(12) Jetzt aber entdecken Sie die gleichen Instrumente als Rettungsanker für die Bundestagswahl [Schreiner 1998: 8]. 'Но сейчас Вы открываете новые инструменты в качестве спасательного якоря для выборов в Бундестаг'.

Важной составной частью наземного транспорта являются тормоза, которые в сфере политики оцениваются негативно, так как они замедляют темпы развития, движения:

(13) Wir werden dafür sorgen, daß Deutschland in der EU nicht länger als Bremsen bei der Sozialpolitik auftritt [Schröder 1999: 47]. 'Мы позаботимся о том, чтобы Германия в ЕС больше не выступала тормозом в социальной политике'.

(14) Der Sozialstaat ist kein Bremsklotz für die wirtschaftliche Dynamik [Rau 2002b: 362]. 'Социальное государство – это не тормозная колодка для динамики экономического развития'.

Таким образом, на примере лексемы «тормоза» наглядно демонстрируется случай смены функциональной ориентации при метафорическом переносе наименования, так как если в автомобильном транспорте тормоза очень важны и выполняют защитную функцию, то в политическом развитии они наоборот мешают, так как тормозят тогда, когда движение должно быть быстрым.

Самой главной и важной частью любого механизма и транспортного средства является «мотор». «Мотор» – это главная движущая сила любого поступательного развития, эта сила приводит в движение различные процессы:

(15) Berlin wird Motor des demokratischen, sozialen, wirtschaftlichen und ökologischen Aufbaus Mittel- und Osteuropas [Pflüger 1999]. 'Берлин станет мотором демократического, социального, экономического и экологического строительства Центральной и Восточной Европы'.

(16) Die deutsch-französische Freundschaft und Zusammenarbeit ist der Motor für die weitere Entwicklung in ganz Europa [Bulmahn 2003]. 'Дружба и сотрудничество между Германией и Францией являются мотором для дальнейшего развития во всей Европе'.

Весьма интересной представляется также типовая ситуация физических характеристик транспортных средств. Наиболее важ-

ной характеристикой у любого движущегося объекта является «аэродинамическая обтекаемость», то есть способность с наименьшими потерями в скорости преодолевать трение внешней среды (воздуха).

Высокая степень «обтекаемости» – это несомненное достоинство любого автомобиля, однако в сфере политики это качество расценивается негативно, так как оно ассоциируется с переменной политических взглядов в зависимости от внешних обстоятельств с целью угодить власти имущим и получить от этого выгоду:

(17) Uniformität ist noch nie das Wesenmerkmal unseres Landes gewesen, so gern das manche Stromlinienförmige unter uns gehabt hätten [Herzog 1997: 12]. 'Единообразие ещё никогда не было основным признаком нашей страны, как бы некоторые обтекаемые среди нас не стремились бы к этому'.

Важной характеристикой является управляемость, то есть способность контролировать ситуацию в любых условиях, например:

(18) Das geht eben nur durch die Erweiterung einerseits, und, um dieses erweiterte Europa politisch führbar zu halten, durch mehr – und nicht weniger – Integration andererseits [Schröder 2003b]. 'Это осуществится как раз только через расширение с одной стороны, и, чтобы держать эту расширяющуюся Европу управляемой, через большую – и никак не меньшую – интеграцию с другой стороны'.

В политическом языке чётко и подробно представлена также типология перемещения и движения в пространстве политических сил, правительства и всего государства в целом. При этом метафоры движения наглядно представляют протекание различных социальных процессов в обществе.

Определённый тип движения характеризует, с точки зрения оратора, правильность или неправильность курса проведения политики правительством.

В ПД представляется возможным выделить следующую типологию видов движения: движение в целом, поиск и введение курса движения, движение по плану и правильным курсом, движение назад и возвращение в исходную точку, движение неверным курсом и остановка в пути, движение навстречу друг другу, маневрирование и корректировка курса, помехи движению.

Движение в целом характеризует развитие политических процессов как таковых. Движение может быть предельным (иметь конец) или длящимся:

(19) Wir denken heute an einen großen Deutschen (Konrad Adenauer), der sein Vaterland auf Europa vorbereitet und nach Europa geführt hat [Rau

2001b: 22]. 'Сегодня мы думаем о великом немце Конраде Аденауэре, который своё отечество подготовил к Европе и привёл в Европу'.

Поиск курса движения обозначает выбор направления развития страны:

(20) Mit der Nachhaltigkeitsstrategie macht die Bundesregierung deutlich, in welche Richtung sich unser Land entwickeln soll [Clement 2002a: 9]. 'С настойчивой стратегией федеральное правительство разъясняет, в каком направлении должна развиваться наша страна'.

Движение по плану и правильным курсом характеризует правильное, равномерное развитие немецкого государства и общества:

(21) Wenn Sie von etwas Ferne auf das Geschehen in der Bundesrepublik blicken, dann sehen Sie, daß wir schwierige Aufgaben zu bewältigen haben, daß das Staatsschiff aber auf gutem Kurs ist [Solms 1998: 8]. 'Если Вы посмотрите на происходящее в Федеративной Республике немного издали, то тогда Вы увидите, что мы должны решить сложные задачи, но государственный корабль находится на хорошем курсе'.

(22) In der Wirtschafts- und Finanzpolitik müssen wir jetzt klaren Kurs halten und die Politik für mehr Beschäftigung am Standort Deutschland entschlossen fortsetzen [Waigel 1998: 3]. 'В экономической и финансовой политике мы должны сейчас придерживаться ясного курса и решительно продолжать политику для увеличения количества рабочих мест в Германии'.

Остановки в пути и движение неверным курсом оцениваются негативно как ошибки правительства или государства в осуществлении политики:

(23) Schröder ist für den Schmuskurs mit den Unternehmen zuständig, die zuvor von Lafontaine geschöpft worden sind [Waigel 1998: 4]. 'Шрёдер ответственен за вздорный курс вместе с предприятиями, которые перед этим были вычерпаны Лафонтемом'.

Движение навстречу друг другу подразумевает сближение объектов, то есть улучшение политических отношений, например, между странами:

(24) Die europäische Idee hat auch Deutsche und Polen langsam, nach und nach, einander näher gebracht [Thierse 2003]. 'Европейская идея немцев и поляков также приблизила медленно, постепенно друг к другу'.

В пути возможно при необходимости предпринять корректировку курса и маневрирование:

(25) Mit Einlegen des Rückwärtsganges und mit Anziehen der Bremsen werden Sie, meine Damen und Herren von der Opposition, die Volkswirtschaft nicht voranbringen [Babel 1998: 6]. 'Подавая задний ход и ударяя по тормозам, Вы, мои дамы и господа из оппозиции, не продвинете вперед народное хозяйство'.

Внешние обстоятельства, как, например, «турбулентность», и посторонние предметы могут создавать помехи движению:

(26) Nicht nur an den Börsen haben die Turbulenzen einer von Asien und Rußland ausgehenden Währungs- und Finanzkrise auch unsere ökonomische und soziale Lebenswirklichkeit berührt [Thierse 1998: 3]. 'Не только биржи, но также и нашу экономическую и социальную жизненную действительность касались турбулентности валютного и финансового кризиса, исходящего от Азии и России'.

В организации движения принимают участие различные технические средства, такие как «маяк», «компас», а также «расписание движения», которые помогают выбрать верный путь движения:

(27) Dresden ist – vor allem anderen – ein Fanal gegen den Krieg [Herzog 1997: 17]. 'Дрезден – это – прежде всего – сигнальный огонь (маяк) против войны'.

Из наименований транспортных путей преобладают «улица» и «дорога»:

(28) Nur wer Geld hat, kann auch unsere teuren Produkte kaufen, so einfach ist das. Dann darf Handel aber keine Einbahnstrasse sein [Rau 2000: 228-229]. 'Только тот, кто имеет деньги, может купить нашу дорожную продукцию, так это всё просто. Но тогда торговля не должна быть улицей с односторонним движением'.

Для водного транспорта благоприятным путём является «фарватер»:

(29) Alles in allem vermittelt das Konjunkturmuster sicherlich noch kein einheitliches Bild. Aber wir werden nach und nach wieder in günstigeres Fahrwasser kommen [Müller 2003b]. 'В общем и целом конъюнктурный образец наверное ещё не передаёт целостной картины. Но мы постепенно снова выплывем на благоприятный фарватер'.

В качестве «железнодорожных стоянок» или «станций» представляются этапы развития государства, общества:

(30) Bonn hat sich über das Provisorium entwickelt. Es ist keine Durchgangsstation, wo auf Koffern regiert wurde [Blüm 1999]. 'Бонн уже перерос временный статус. Это не промежуточная станция, где управляли на чемоданах'.

Метафорическая субмодель «Германия – это дом» объективируется метафорами дома. Метафора дома занимает очень важное место в немецком ПД. Это связано с тем, что дом является важнейшим концептом в системе человеческого опыта. Метафорическое представление общественных реалий в виде дома является традиционным для немецкого ПД образом, который связан с описанием немецкого государства и системы общественного устройства ФРГ.

Метафора дома получила широкое развитие и различные интерпретации за счёт детального описания в ПД различных аспектов этого «государства-дома». Исходный концепт «Дом» подробно и детально структурирован, отражая различные стороны политических процессов и политического устройства ФРГ.

Дом в целом очень часто выступает в качестве целостной государственной системы. При этом немецкое государство характеризуется как большой жилой дом, в котором проживают различные народы, например:

(31) Die politische Bildung an unseren Schulen vermittelt jungen Menschen die Kenntnis von den Bausteinen unserer Gesellschaft und unseres Staatgebäudes [Rau 2001a: 96]. 'Политическое образование в наших школах передаёт молодым людям знания о составных кирпичиках нашего общества и нашего государственного здания'.

Различные аспекты и функции такой системы представляются как в обобщённом виде дома, так и в различных конкретных типах домов: жиллом (активизация функции – дом, предназначенный для жилья), устойчивом (конкретизация характеристики дома), стеклянном (конкретизация материала, из которого дом построен), а также в виде других жилых сооружений (башни, крепости) или даже совокупности строений (деревни, города).

Важными изначальными составляющими здания являются «фундамент», «опоры», «балки», «стены», «крыша», «двери» и «окна», а также различные «пристройки» и даже «желобок для стока дождевой воды». В политическом языке каждая определённая часть дома имеет свою функцию.

Так, «фундамент» – необходимая основа, на которой строится или покоится какая-либо конструкция, система:

(32) Die deutsch-russischen Beziehungen ruhen auf einem festen Fundament [Kohl 1997: 19]. 'Германо-российские отношения покоятся на прочном фундаменте'.

(33) Sicherheit ist das Fundament, auf dem eine solidarische, eine gerechte Gesellschaft aufgebaut ist [Schröder 2003b]. 'Безопасность – (это) фундамент, на котором построено солидарное, справедливое общество'.

Для усиления устойчивости конструкции здания его фундамент может быть усилен, упрочен:

(34) Die Unternehmen können durch freiwilliges bürgerschaftliches Engagement ein gutes Stück dazu beitragen, das freiheitliche und soziale Fundament unserer Gesellschaft zu stärken [Rau 2002a: 360]. 'Предприятия могут посредством своего добровольного гражданского участия внести весомый вклад в усиление свободомыслящего и социального фундамента нашего общества'.

«Опоры» нужны для поддержания крыши и несущих конструкций:

(35) Diese private Vorsorge als zweite Säule unter das Dach der Altersversorgung zu stellen, das haben viele große Länder in Europa noch vor sich [Schröder 2003a: 12]. 'Это частную предусмотрительность поставить в качестве второй опоры под крышу обеспечения старости, это многие большие страны в Европе ещё (только) намереваются сделать'.

«Стены» и «крыша» отделяют пространство дома от внешнего мира и защищают дом от неблагоприятной погоды и нежелательного вторжения, а иногда, правда, могут и наоборот помешать нужным и полезным контактам:

(36) Von Ihnen aber hängt es ab, ob dieser Artikel nun nach der militärischen auch die politische und kulturelle Mauer abträgt und damit beiträgt, die Mauer in den Köpfen zu beseitigen [Ullmann 1999]. 'От Вас зависит, снесёт ли сейчас этот параграф после военной также и политическую и культурную стену и посредством этого поспособствует тому, чтобы устранить стену в головах'.

(37) Der Bundesverband steht für alle Stiftungen als ein wichtiges, ein unverzichtbares Dach zur Verfügung [Rau 2002b: 374]. 'Федеральный союз находится в распоряжении всех фондов в качестве важнейшей, неотделимой крыши'.

Важной частью дома является «дверь», которая с одной стороны защищает здание от нежелательных гостей, а с другой стороны пропускает нужных, желанных гостей:

(38) An die Tür der Europäischen Union und damit auch an die Tür Deutschlands klopft jetzt die Osterweiterung [Rau 2002b: 562]. 'В дверь Европейского Союза, а значит при этом и в дверь Германии стучит сейчас расширение на Восток'.

Пример (38) примечателен тем, что в нём практически идентифицируется «дом-Германию» с «домом ЕС», при этом также оба «дома» имеют один «вход».

«Окно» обеспечивает внешнюю связь и визуальную доступность прилегающей к дому территории. В немецкой политической речи оно также иногда получает значение связи с внешним миром и переход в него, то есть функцию двери:

(39) Ich bin überzeugt, daß wir in Berlin nicht in die alten Fehler der deutschen Politik zurückfallen werden. Wir müssen und werden die Fenster und Türen des deutschen Hauses weit öffnen, nach Westen und Osten gleichermaßen [Schneider 1999]. 'Я убеждён в том, что мы в Берлине не допустим старых ошибок немецкой политики. Мы должны широко открыть и открыть окна и двери немецкого дома, в равной степени на Запад и Восток'.

(40) West-Berlin war für uns die ganze Zeit das Fenster nach draußen in der Mauer [Lucyga 1999]. 'Западный Берлин был для нас всё время окном во внешний мир в (Берлинской) стене'.

В общую конструкцию дома могут входить также и весьма специфичные элементы, как, например, «желобок для стока дождевой воды». В политическом языке «водосток» выполняет функцию отвода негативных идей и разногласий из общества, партии, фракции, например:

(41) Dieser religiöse Sozialismus ist in der Sozialdemokratie aber ein ganz dünnes Rinnsal gewesen [Rau 2000: 296]. 'Этот религиозный социализм в социальной демократии – совсем тоненький водосток'.

Внутренне устройство здания представляет собой выделение внутренних помещений и комнат, которые иногда метонимически замещают всё здание:

(42) Neue Wettbewerber sollen nicht mehr jahrelang ins Wartezimmer geschickt werden können [Müller 2003a]. 'Новые претенденты не должны больше направляться на долгие годы в комнату ожидания'.

Такая часть помещения как «угол» употребляется для обозначения определённой политической позиции. Так, за «правым углом» закрепилась номинация принадлежности к крайне радикальным экстремистским течениям:

(43) Man muss dafür sorgen, dass junge Menschen nicht abdriften in die rechte Ecke [Rau 2001b: 487]. 'Нужно заботиться о том, чтобы молодые люди не прокладывали свой путь в правый (экстремистский) угол'.

Важное место в современном немецком ПД отводится метафорам, которые актуализируют различные процессы архитектурного созидания и разрушения. Это связано с тем, что в современных немецких политических текстах метафора дома концептуализируется не только посредством лексем, обозначающих статичные, локализованные в конкретном месте объекты как дом/здание и его составные части, но и через номинации динамических процессов «строительства», «ремонта», «перестройки», «разрушения» дома и лиц, которые эти действия осуществляют – «строителей», и необходимых для этих действий атрибутов – «план строительства», «строительные материалы» и т.д. «Строительство дома» представляется немецкими политиками как процесс усиления интеграции внутри страны, а также укрепление экономических, политических, культурных связей между федеральными землями ФРГ.

Возведение дома требует также наличие плана строительства и участия людей, которые его создают и воплощают – «архитекторов» и «строителей»:

(44) Ziel sollte eine neue internationale Architektur auf politischer und auf wirtschaftlicher Ebene sein, die künftige Finanzkrisen verhindert [Rau 2000: 229]. 'Целью должна стать новая международная архитектура на полити-

ческом и экономическом уровне, которая предотвратит будущие финансовые кризисы».

Следует также отметить, что немецкие политики, говоря о «строительстве» или «ремонте» «дома» Германии, с одной стороны пытаются создать у граждан положительное отношение к тем политическим процессам, которые под этими строительными терминами подразумеваются. С другой стороны они хотят также непосредственно подключить своих граждан к осуществлению этих планов, так как, выстраивая общегерманский дом, по словам политиков, они будут способствовать укреплению своего собственного.

Сами политики в процессах постороения «общеевропейского дома» представляются как «строители» и как «архитекторы»:

(45) Mit der Einheit sind in der öffentlichen Erinnerung einige Namen verbunden. Selbst von bekanntesten Bauleuten der Einheit kann ich hier nur wenige nennen [Rau 2001a: 55]. 'С объединением (ФРГ и ГДР) в общественной памяти связаны многие имена. Даже из известнейших строителей объединения я могу здесь назвать только некоторые'.

В немецком политическом языке присутствуют также такие понятия как «перестройка» и «ремонт». Понятие «перестройка», которое в своё время было весьма популярно в СССР, в настоящее время весьма актуально и для единой Германии. При этом немцы под «перестройкой» понимают улучшение различных сфер жизни немецкого общества и структуры власти в стране:

(46) Ich habe aber auch darauf hingewiesen, dass wir Gleiches geleistet haben und leisten werden bei dem, was man gesellschaftlichen Überbau nennt [Schröder 2003b]. 'Но я также указывал на то, что мы способствовали тому же самому и будет этому способствовать в условиях того, что называют общественной перестройкой'.

Неправильная эксплуатация дома или изъяны, допущенные при его строительстве, могут привести к разрушению конструкции и образованию руин («финансовых», «экономических», «культурных» и т.д.):

(47) Hier geht es um Menschen, die im Einzelfall erhebliche finanzielle Schäden erleiden, bis hin zum totalen finanziellen Ruin... [Pofalla 1998: 13]. 'Здесь идёт речь о людях, которые в единичном случае потерпели значительные финансовые убытки, вплоть до тотальных финансовых руин...'.

В некоторых случаях метафорического представления концептов 'Германия' метафорами дома вербализуются лексемы, указывающие на людей, проживающих в «доме-Германии». В этом случае выражается восприятие стран в качестве жильцов и соседей в экономических отношениях.

Германия может иметь добрососедские в экономическом смысле отношения с теми странами, с которыми в строго научной, географической картине мира подобное соседство невозможно, как, например, с Мексикой:

(48) Deutschland und Mexiko sind – so könnte man das sagen – „Nachbarn der Globalisierung“, obwohl es keine gemeinsame Grenze gibt. Aber Nachbarschaft meint hier Völker mit gleichen Erfahrungen [Schröder 2003c]. ‘Германия и Мексика – если можно так сказать – «соседи по глобализации», хотя они и не имеют общей границы. Но соседство подразумевает здесь народы с общим опытом’.

В общем и целом следует отметить, что метафоры дома обладают очень сильным образным потенциалом, так как концепт «дом» включён в систему ценностей практически любого человека.

Субмодель «Германия – это коммуникации» объективирует знания о концепте *‘Германия’* в терминах объектов коммунального хозяйства.

Объекты коммуникаций эксплицируются чаще всего номинациями «мост», «дорога» и наименованиями их составных частей («предмостовое укрепление», «придорожный камень» и пр.).

Важным объектом коммунального хозяйства является дорога. В политическом языке метафора дороги указывает на осуществление каких-либо процессов, на развитие государства, общества. Различные типы дорог указывают на разные типы развития и их восприятие политическими деятелями. Так, например, главную линию развития общества и экономики обозначает «главная (букв.: королевская) дорога»:

(49) Ein so konstruiertes Kombieinkommen ist für uns kein Königsweg zur Bekämpfung der Arbeitslosigkeit [Andres 1998: 7]. ‘Подобным образом построенный комбинированный доход не является для нас королевской дорогой для борьбы с безработицей’.

Опасные, непопулярные или нежелательные решения преподносятся как «опасная дорога на распутье (перекрёстке)»:

(50) Aber auch für die Befürworter eines internationalen Einsatzes der Bundeswehr war bisher immer eines klar: Es muß völkerrechtlich legitimiert sein. Wenn Herr Gerhardt sagt, die völkerrechtliche Frage interessiere ihn nicht so sehr, dann kann ich nur erwidern: Das ist ein kreuzgefährlicher Weg [Gysi 1998: 19]. ‘Но и для сторонников международного применения бундесвера было прежде ясно одно: оно должно быть легитимировано международным правом. Если господин Герхардт говорит, что международно-правовой вопрос его не интересует, то тогда я могу возразить: Это – опасная дорога на распутье’.

Сопутствующие друг другу идеи выступают попутчиками:

(51) Liebe zum Vaterland und Liebe zur Freiheit, Patriotismus und europäische Gesinnung dürfen in Deutschland nie wieder getrennte Wege gehen [Kohl 1997: 10]. 'Любовь к отечеству и любовь к свободе, патриотизм и европейский образ мыслей не должны больше никогда в Германии идти разными дорогами'.

Отсутствие политических решений или выбор между несколькими вариантами подразумевается нахождением «на перекрёстке, перепутье»:

(52) Wir stehen an einer Wegscheide. Wir brauchen ein überzeugendes europäisches Zukunftsprojekt mit dem Mut, neue Wege zu gehen [Rau 2001a: 333]. 'Мы стоим на перепутье. Мы нуждаемся в убедительном проекте европейского будущего с мужеством, идти по новым дорогам'.

Завершившийся политический процесс предстаёт в качестве «пройденного пути». «Мост» – также важный элемент в системе коммуникаций – выполняет связующую функцию, сближая культуры, народы, страны:

(53) So war es auch möglich, geistige Brücken über den Eisernen Vorhang zu schlagen und kulturelle Bindungen und Verbindungen zu den Menschen zu pflegen [Kohl 1997: 13]. 'Также стало возможным возведение духовных мостов над железным занавесом и сохранение культурных связей с людьми'.

Плохое финансовое состояние вербализуется метафорой «яма»:

(54) Jetzt, wo Sie merken, daß Sie in der Grube stecken, erfinden Sie natürlich, Kollege Repnik, die Formel und rufen hier im Hause aus: Kommt alle mit hinein in die Grube [Claus 1998: 4]. 'Сейчас, когда Вы замечаете, что угодили в яму, Вы, господин Репник, открыли формулу и кричите здесь в Рейхстаге: «Идите все сюда ко мне в яму»'.

В современном немецком ПД довольно распространённой стала метафора «строительство моста», которая означает «налаживание контактов, связей»:

(55) Meine Damen und Herren, Ziel einer aktiven Arbeitsmarktpolitik muß es sein, den Menschen eine Brücke in den ersten Arbeitsmarkt zu bauen [Schröder 1999: 18]. 'Мои дамы и господа, целью активной политики в сфере рынка труда должно стать строительство для людей моста на серьёзный рынок труда'.

Строительство и ремонт объектов коммуникаций осуществляют строители. Строителями объектов коммуникаций (чаще всего – мостов) выступают те политики, которые налаживают экономические связи, устанавливают важные политические контакты с зарубежными народами, странами, организациями:

(56) Erich Brost, dieser engagierte Kämpfer gegen den Nationalsozialismus und später einer der Brückenbauer und der Versöhnung zwischen unseren Völkern, hat die Wende zum Besseren im polnisch-deutschen Verhältnis

auf vielen Wegen gefördert [Rau 2000: 203]. 'Эрих Брост, этот ярый борец с национал-социализмом и позднее один из мостостроителей и примирения между нашими народами, способствовал многими путями повороту к лучшему в польско-германских отношениях'.

Метафорическая субмодель «Германия – это еда» объективируется в немецком политическом языке метафорами кухни, которые репрезентируют знания о сфере политики в терминах исходной концептуальной сферы «Кухня».

В политическом языке современной Германии к исходной концептуальной сфере «Кухня» относятся наименования продуктов питания, гастрономических блюд и их ингредиентов, напитков, процессов приготовления и употребления пищи, а также используемой при этом кухонной утвари.

Политика ФРГ часто описывается номинациями продуктов питания, блюд, например:

(57) Es gibt immer wieder Situationen, in denen Parteiverdrossenheit Futter bekommt [Rau 2002b: 611]. 'Всегда имеются ситуации, в которых дурное настроение (в) партии получает корм'.

Продукты питания, как правило, в текстах политических выступлений называются обобщённо, без указания конкретных видов:

(58) Kultur und Kunst sind ein Grundnahrungsmittel für eine lebendige Gesellschaft [Clement 2002b: 25]. 'Культура и искусство – основные продукты питания для живого общества'.

Из названий конкретных блюд доминируют «торты» и «напитки»:

(59) Die Mütter und die Väter des Grundgesetzes wollten Abgrenzungen zwischen den Bundes- und Landeszuständigkeiten, die klar waren als bei einer Schichttorte. Heute dagegen gleicht die föderale Ordnung oft eher einem Marmorkuchen, denn immer mehr staatliches Handeln wird vom Bund und von den Ländern gemeinsam finanziert und verantwortet [Rau 2001a: 312]. 'Матери и отцы Основного закона хотели разграничения между федеральной и земельной ответственностью, которые были бы ясны как в случае слоёного торта. Сегодня же напротив федеральный порядок часто больше похож на однородный смешанный (букв.: мраморный) торт, так как всё больше за государственную деятельность совместно отвечают и совместно финансируют её федеральный центр и федеральный земли'.

Помимо наименований конкретных блюд в политических текстах эксплицируются также номинации различных ингредиентов, например, «соуса»:

(60) Stichwortgeber für die Bundesregierung war der BDI-Präsident, Herr Henkel, der im Jahre 1996 von einer Konsenssoße gesprochen hat. Demnach ist also jedes Bemühen, die Arbeitslosigkeit im Konsens der Tarifparteien und

des Bundes und der Länder zurückzuführen, als Konsenssoße diskreditiert [Schreiner 1998: 8]. 'Основным советчиком у федерального правительства был президент Федерального объединения германской промышленности господин Хенкель, который в 1996 году говорил о соусе согласия. В соответствии с этим все усилия решить проблему безработицы совместно партиями, федерацией и землями дискредитируется как соус согласия'.

Блюда немецкой «политической кухни» обладают также определёнными перцептивными качествами, имеющими большое значение в кулинарии, такими как, например, вкус пищи («неаппетитный», «солёный» и пр.).

Немецкие «политические блюда», как правило, невкусны и выглядят неаппетитно:

(61) Der Untersuchungsausschuß hat allerdings zweifellos bestätigt, daß die Einladung der unappetitlichen Figur Roeder zu einem Vortrag im Stab der Führungsakademie durch Zufall passierte [Schmidt 1998: 12]. 'Следственная комиссия, в конечном счете, точно установила, что приглашение неаппетитной фигуры Роедера для доклада в штаб Командной Академии произошло случайно'.

Процесс приготовления пищи, проецируемый на сферу политики, означает различные политические действия и идеи, чаще всего в негативном смысле:

(62) Dort, wo das Desaster in der Wirtschaftspolitik der SPD auch noch durch grüne Technologiefeindlichkeit garniert wird, geht kaum etwas voran [Friedhoff 1998: 4]. 'Там, где катастрофу в экономической политике СДПГ также ещё гарнирует зелёная враждебность к технологиям, вряд ли что-то продвинется вперёд'.

При приготовлении пищи большое значение придаётся не только качеству используемых ингредиентов, но и мастерству и умению повара и кулинарному рецепту, по которому готовится то или иное блюдо. Концептуальная метафора «рецепт» в современной немецкой политической речи стала уже традиционной. Она обозначает принятие каких-либо важных решений в соответствии с чётко продуманным планом, способы вывода, например, экономики Германии из трудного, с точки зрения немцев, положения:

(63) Eine solche Strategie hat übrigens zu den 500000 Arbeitslosen mehr bei gleicher oder sogar besserer konjunktureller Situation vor vier Jahren geführt. Die Rezepte sind doch alle erprobt. Es spricht wenig dafür, mit den Rezepten von vorgestern und mit dem Personal von gestern die Probleme von heute oder gar morgen lösen zu wollen [Schröder 2003b]. 'Впрочем, подобная стратегия привела четыре года назад к числу безработных на 500000 человек больше чем при такой же или даже лучшей конъюнктурной ситуации. Все рецепты всё-таки уже испробованы. Мало что говорит в пользу

того, что рецептами позавчерашнего дня и персоналом вчерашнего дня будут решены проблемы сегодняшнего или даже завтрашнего дня'.

Из наименований конкретных блюд, которые упоминаются в процессах приготовления пищи, доминирует «суп»:

(64) Auch an diesem Punkt werden Sie zeigen können, ob Sie bereit sind, Verantwortung für das ganze zu übernehmen, oder ob Sie weiterhin allein aus parteipolitischer Orientierung egoistisch Ihr eigenes Süppchen kochen wollen [Schröder 2003a: 16]. 'Также и в этом деле Вы сможете показать, готовы ли Вы взять (на себя) ответственность за всё, или Вы и дальше хотите эгоистически варить Ваш собственной супчик одни в соответствии с Вашей партийно-политической ориентацией'.

Номинации конкретных видов трапезы служат для негативной оценки действий политических оппонентов и ассоциируются с воровством, растратой государственных денежных средств, превышением служебных полномочий:

(65) Ich denke, wir müssen genauer lokalisieren, wer den großen Schluck aus der Flasche genommen hat [Luft 1998a: 9]. 'Я думаю, мы должны точнее локализовать тех, кто сделал большой глоток из бокала'.

Метафорическая субмодель «Германия – это одежда» в политическом языке представлена метафорами одежды, которые концептуализируют знания о социальной реальности современной Германии номинациями текстильных аксессуаров и предметов гардероба.

Наименования текстильных аксессуаров и их частей используются чаще всего немецкими политиками для негативной оценки личности своих оппонентов и результатов их деятельности. Из предметов одежды на своих противников немецкие политические деятели «примеривают» в большинстве случаев «новую щегольскую одежду» и «старые шляпы», а также другие предметы гардероба:

(66) Wer ist Stollmann? Das ist der alte Patriach im neuen Yuppie-Gewand [Blüm 1998: 7]. 'Кто такой господин Штольманн? Это старый патриарх в новой щегольской одежде'.

Такое понятие как «мода» применительно к сфере политики ФРГ означает популярность каких-либо политических идей, а «фасон» – принятие каких-либо решений по отработанной, уже проявившей себя схеме:

(67) Eine dritte Selbsttäuschung – und zwar in Ost und West! – laute, es genüge, Verwaltung und Gesellschaft in Ostdeutschland nach westlicher Fassung zu gestalten, und im Handumdrehen hätten sich alle Probleme und alle Verteilungskonflikte gelöst [Rau 2001a: 57]. 'Третий самообман – а именно и на Востоке и на Западе! – звучит так: достаточно власти и обществу в Восточной Германии придать вид по западному фасону, и в мгновение ока разрешатся все проблемы и все конфликты, связанные с расколом'.

(68) Die industrielle Produktion ist nicht altmodisch oder veraltet [Rau 2001b: 49]. 'Промышленная продукция не является старомодной или устаревшей'.

Некоторые политические действия в ФРГ соотносятся с процессами пошива, ношения и изнашивания одежды, например:

(69) Steuerschlupflöcher werden wir stopfen, ungerechtfertigte Vergünstigungen werden wir abbauen [Schröder 1999: 10]. 'Налоговые дыры-лазейки мы заштопаем, необоснованные льготы мы отменим'.

(70) Ich will Gesprächsfäden neu knüpfen, wo sie abgerissen sind, zwischen Ost und West, zwischen Jung und Alt [Rau 2000: 42]. 'Я хочу заново завязывать нити разговоров там, где они порваны, между Востоком и Западом, между молодым поколением и старым поколением'.

«Ношение одежды» служит чаще всего представлению политических оппонентов в негативном свете:

(71) Sie haben vielmehr die Staatsfinanzen tief zerrüttet und das soziale Netz in größte Unordnung gebracht. Sie sollten jetzt wirklich Ihren Hut nehmen. Genehmigen Sie sich eine Auszeit! Der Wechsel ist da! [Schreiner 1998: 8]. 'Вы в большой мере сильно расшатали государственную финансовую систему и привели социальную сеть в беспорядок. Сейчас Вы действительно должны взять Вашу шляпу! Отдохните некоторое время! Перемены уже наступили!'

Помимо определённых семантических особенностей употребления каждая метафорическая субмодель и модель, описывающая артефактный признак концепта 'Германия' в современном немецком ПД, обладает также определенной частотностью, выражающей показатель общего количества метафорических единиц в составе той или иной модели. Самой частотной моделью является ММ «Германия – это техника» (768 метафор из общего комплекса 1640 рассматриваемых, или 46,9%). На втором месте находится ММ «Германия – это архитектура» (686 или 41,8%), на третьем – «Германия – это быт» (186 или 11,3%).

На уровне субмоделей частотность распределяется следующим образом (в порядке численного убывания): «Германия – это дом» (536 или 32,6%), «Германия – это транспорт» (498 или 30,4%), «Германия – это механизм» (270 или 16,5%), «Германия – это коммуникации» (150 или 9,2%), «Германия – это еда» (138 или 8,4%) и, наконец, «Германия – это одежда» (48 или 2,9%).

Таким образом, описание артефактного признака концепта 'Германия' в немецком ПД осуществляется на трех уровнях тремя метафорическими моделями и шестью субмоделями, наиболее частотными из которых являются модели «Германия – это техни-

ка» и «Германия – это архитектура» и субмодели «Германия – это дом» и «Германия – это транспорт».

Литература

Керимов Р.Д. К вопросу об использовании образной метафоры в немецкой парламентской речи // Филологический сборник. – Кемерово: Графика, 2002. – Вып. 2. – С. 76-83.

Керимов Р.Д. Метафорическое выражение «Europa ist Haus» в немецкой политической речи // Человек и его язык: Сб. науч. тр. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 131-134.

Керимов Р.Д. Аспекты когнитивного исследования образных метафор в современной немецкой политической речи // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург: УрГПУ, 2003. – Т. 11. – С. 61-68.

Керимов Р.Д. О внутренней пространственной организации ЕС в языковой картине мира немецких политиков // Пространство и время в восприятии человека: Материалы Междунар. науч. конф.: В 2 ч. – СПб.: Нестор, 2003. – Ч. 1. – С. 272-277.

Керимов Р.Д. К когнитивным основаниям изучения политических метафор в публицистике // *Linguistica juvenis*: Сб. науч. тр. молодых учёных. – Екатеринбург: УрГПУ, 2003. – Вып. 3. – С. 72-78.

Керимов Р.Д. Метафорическое моделирование социальной действительности современного немецкого общества в политической речи // Бытие и язык: Материалы Междунар. науч. конф. – Новосибирск: Новосиб. классич. ин-т, 2004. – С. 283-289.

Керимов Р.Д. О когнитивном подходе в исследовании метафор в немецком политическом дискурсе // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности: Материалы Междунар. науч. конф. «Язык. Система. Личность». – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – С. 19-27.

Керимов Р.Д. Метафорические характеристики концептов «Европа» и «ЕС» в немецкой публицистике // Концепт, образ, понятие, символ: Коллект. моногр. – Кемерово: Графика, 2004. – С. 222-237.

Керимов Р.Д. Гастрономическая метафора в сфере немецкой политики // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2005. – Вып. 15. – С. 71-79.

Kerimov R. Sportmetaphorik auf dem Gebiet der Politik: Kognitive Untersuchung eines metaphorischen Herkunftsbereiches der deutschen Politikerrede // Ethnohermeneutik und Anthropologie. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – S. 225-242.

Керимов Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 2005. – 18 с.

ГЕРМАНИЯ

Исследования концептов привлекают к себе внимание многих лингвистов. Особое место занимают концепты определенных стран и народов, их населяющих. В рамках Кемеровской лингвистической школы проанализированы следующие концепты: РОССИЯ, АМЕРИКА, ГЕРМАНИЯ, ЕВРОПА: см. работы О.А. Гришиной (2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005), Р.Д. Керимова (2003, 2004, 2005), О.А. Куданкиной (2001, 2002, 2003, 2004, 2005), О.Г. Орловой (2002, 2003, 2004, 2005). У всех народов мир имеет два полюса: «свой мир» (мир родной, знакомый, близкий данному народу) и «чужой мир» (мир других народов, мир, чужой и часто непонятный данному народу). Отношения «свой – чужой», «родной – неродной» находят свое отражение в языке. Различие между «своими» и «чужими», свойственное человеку с глубокой древности, проявляется прежде всего в отталкивании «чужого» как неприемлемого.

Другая культура всегда воспринимается через призму своих национальных ценностей и особенностей характера, следовательно, восприятие Германии и жителей этой страны носителями русского языка дает богатый материал для изучения особенностей русского национального характера.

Отношения «свой – чужой» разделяют не только народы, но и каждый народ в отдельности, категория «свой – чужой» помогает, наконец, самоидентификации отдельной личности. Универсальными являются противопоставление «я – не я» (самоидентификация личности), шире – «мы – не мы» (самоидентификация групп внутри народа). У носителей русского языка распространено противопоставление, выражаемое посредством местоимения «наш», с одной стороны, и различных слов со значением «не наш», с другой. Отграничение «своего» от «чужого», «другого» создает своеобразие и необходимую ограниченность каждой культуры. «Своя» культура обретает специфику только на фоне некоего «заднего/ бокового/ фонового» плана «чужой» культуры, в борьбе и общении с ней. Взаимопроникновения и взаимовлияния особенно наглядны в особенностях поведения, ценностных ориентациях, в языке. По словам М.В. Воронцовой, «воспринимая чужую культуру в сравнении со своей собственной, мы, конечно, даем определенную интерпретацию этой чужой культуре, «измеряем» чужое через призму нам уже хорошо известного и пережитого,

того, что существует в нас порой на неосознанном уровне, т.е. через призму своей собственной культуры» (Воронцова 1998: 74).

Сравнительно недавно историческое прошлое в отношениях между немцами и русскими было отмечено двумя мировыми войнами. Долгие годы Германия ассоциировалась в сознании россиян с врагом, была олицетворением чужого. «Свои всегда противопоставлены чужому, эта противоположность в человеческом коллективе является одной из древнейших... Свой – это тот, кто близок тебе, является как бы вторым «я», всегда одно конкретное лицо. Чужой противопоставлен личности и лицу» (Колесов 1999: 64).

Целью работы является обобщающее описание языковых способов и средств актуализации концепта ГЕРМАНИЯ, а также выявление структуры исследуемого концепта. Под актуализацией понимается, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, языковое выражение концепта (другими словами – языковая объективация, языковая репрезентация, языковая вербализация, языковое овнешнение) (Попова, Стернин: 2003: 14). Делается попытка определить специфику ментального объекта, стоящего за именем ГЕРМАНИЯ и его синонимами.

Материалом исследования послужили конструкции (около 3000 единиц) с включенным компонентом, объективирующим концепт ГЕРМАНИЯ, отобранные методом сплошной выборки из центральных многотиражных газет: «Известия», «Труд», «Комсомольская правда», «Иностранец» общим объемом около 10000 страниц. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1998 по 2005 годы. В материал исследования были включены данные толковых, энциклопедических, ассоциативных словарей. Обращение к газетным публикациям в качестве источника материала для исследования обусловлено частотностью текстов, содержащих информацию о Германии. Как отмечает Г.Я. Солганик, «язык средств массовой информации создает ту или иную картину мира, и в этом смысле когнитивный аспект становится одним из главных. Важно выяснить, в чем специфика этой картины мира по сравнению с наивной картиной, с научной, с художественной, религиозной и т.д.» (Солганик 2000: 33). В.И. Коньков указывает на такую особенность газетного текста, как «диалогичность», «многосубъективность», которые предполагают отражение в конкретной газетной публикации не только особенности адресанта, но и адресантов других произведений газетного текста и средств массовой коммуникации в целом (Коньков 1995).

Основной целью СМИ, в том числе периодической печати, является передача информации. Основу информации в СМИ составляют сообщения о фактах и комментарии или оценки. В идеале СМИ должны сообщать обо всех возможных фрагментах действительности. На деле объем информации всегда ограничен.

О.Г. Орлова говорит о том, что «самая первая особенность печатных СМИ, бросающаяся в глаза – это их публичность, общедоступность и общезначимость, отсюда вытекает требование стандартизованности языка» (Орлова 2005: 31). СМИ призваны отражать реальные события, происходящие в окружающем нас мире. Они «моментально фиксируют стремительно меняющуюся картину окружающего мира подобно гигантскому зеркалу, которое отражает все вокруг» (Добросклонская 2000: 17). Но одно и то же событие может быть по-разному освещено, и «при оценке картин мира важно помнить, что картина не есть зеркальное отображение мира и не открытое «окно» в мир, а именно картина, то есть интерпретация, акт миропонимания, и что она зависит от призмы, через которую совершается мировидение» (Серебренников 1988: 55).

Вслед за М.В. Пименовой, под *концептом* понимается «совокупность признаков, представляющих в языковых знаках фрагмент мира или часть такого фрагмента» (Пименова 2003: 161). Концепт «растворен» в содержании языковых единиц: лексем, фразеологизмов, в паремиологическом фонде, в системе устойчивых сравнений, в которых запечатлены образы – эталоны, характерные для определенного языка» (там же: 160). Концепт – это «означенный в языке национальный образ, символ, идея. Концепт имеет сложную структуру представления, реализуемую различными языковыми средствами» (Пименова 2003: 47). *Структура концепта* – «это совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира» (Пименова 2005: 17). *Признак концепта* – «это общее основание, по которому сравниваются некоторые несхожие явления» (Пименова 2005: 16).

По определению В.З. Демьянкова, *фрейм* – «это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия» (Демьянков 1996: 188). *Субфреймами* считаются «иерархически упорядоченные элементы, образующие системы фреймов» (Кулаков 1979: 7). Каждый фрейм составляют типовые *слоты*, «то есть элементы ситуации, которые

включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации» (Чудинов 2003: 45).

По мнению А.П. Бабушкина, основным фактором, отличающим сценарии от фреймов, является фактор временного измерения. «Сценарий состоит из нескольких актов или эпизодов, каждый из которых дробится на более удобные единицы, а их значения, в свою очередь, зависят от культурных и социальных факторов» (Бабушкин 1998: 14). Сценарий в данном исследовании концепта ГЕРМАНИЯ анализируется параллельно с выделением когнитивных фреймов и субфреймов.

В «Популярном энциклопедическом словаре» дается следующее определение Германии: «государство в Центральной Европе, омывается Северным и Балтийским морями. Пл. 357 т. км². Население 81,9 млн. человек, в т.ч. 94% – немцы. Офиц. язык – немецкий. Среди верующих – протестанты и католики. Глава государства – президент; глава правительства – федеральный канцлер. Законодательный орган – бундестаг, орган представительства земель – бундесрат. Столица – Берлин, местопребывание президента, местопребывание правительства и бундестага – Бонн. Германия – федерация в составе 16 земель» (Популярный энциклопедический словарь 1999: 307-308).

Концепт репрезентирован в русском языке лексемами (*Германия, Германщина*), аббревиатурами (*ФРГ, ГДР*), словосочетаниями (*немецкая земля*).

Признаки концепта ГЕРМАНИЯ объединяются в следующие фреймы: ГЕРМАНИЯ – ТЕРРИТОРИЯ, ЖИТЕЛИ ГЕРМАНИИ, ГЕРМАНИЯ – ГОСУДАРСТВО. Признаки, формирующие данные фреймы, содержат информацию об объективных сторонах немецкой действительности. Это первичные признаки, выражающие прямое значение. Наиболее представлен в количественном отношении фрейм ГЕРМАНИЯ – ГОСУДАРСТВО (47%). Государство – «это 1) политическая форма организации общества во главе с правительством и его органами, осуществляющая управление обществом, охрану его экономической и социальной структуры; 2) страна с определенной формой политической организации» (Большой толковый словарь 2001: 223).

Часто при выражении этого фрейма описываются события, признаки которых актуализированы следующими слотами: **ми-грация** (15%): «С 1 января 2003 года Германия не сможет принимать больше эмигрантов, чем она принимает сейчас» (Иностр., 24.12.02, с.3); **образование** (12%): «В Германии запутанная система подсчета оценок» (Иностр., 22.11.04, с.8); **внутренняя политика** (8%): «В

Германии на местных выборах в Саксонии-Анхальт избиратели поддержали Э. Штойбера» (Тр., 23.04.02, с.4); **культура** (7%): «В рамках года культуры Германии в России при поддержке Генерального консульства Германии в Новосибирске состоится концерт Камерного оркестра филармонии» (Изв., 13.01.04, с.10); **здравоохранение** (7%): «В Германии зафиксировано 4 случая опаснейшей болезни легких» (Тр., 05.05.03, с.4). События, представленные в этих слотах, относятся к научной, политической, культурной жизни общества.

Наибольшее количество примеров связано с темой миграции. Это объясняется тем, что в настоящее время большое количество людей уезжает на постоянное место жительства в Германию.

Менее актуальными (менее представленными) для носителей русского языка выступают такие факты из жизни Германии, признаки которых отмечены в слотах **изобретения** (6%): «В Кельне открылось автоматизированное кафе – первое в Германии» (Иностр., 20.02.01, с.9); **внешняя политика** (6%): «Долгожданное соглашение между правительством Германии и Всемирным еврейским конгрессом, в соответствии с которым пережившие Холокост евреи, проживающие в Восточной Европе, будут получать от Германии пожизненные ежемесячные пенсии, наконец, подписано» (Иностр., 21.01.98, с.20); **преступность** (6%): «Взяточники всех мастей, как и прочие уголовники, равны в Германии перед законом» (01.12.04, с.4); **скандалы** (2%): «Коррупционный скандал в министерстве транспорта Германии стал как бы снежным комом...» (Тр., 01.12.04, с.4); **характеристика страны** (2%): «Фюрер великой Германии» (Тр., 14.08.98, с.19). Частотность этих явлений объясняется различными причинами. Вероятно, актуальность таких явлений, как скандалы, преступность, связана со стереотипом восприятия немцев носителями русского языка, а именно с таким качеством, как сдержанность, т.е. в данных слотах объединены примеры с оценкой, характеризующейся как «отклонение от нормы». С другой стороны, это связано с малой вовлеченностью наших граждан в подобные процессы.

Таблица 1

Фрейм ГЕРМАНИЯ-ГОСУДАРСТВО

Наименование слота	Количество употреблений, %
Внутренняя политика	8
Внешняя политика	6
Культура	7
Скандалы	2
Преступность	6
Война	7
Здравоохранение	7

Изобретения	6
Работа	8
Миграция	15
Образование	12
Экономика	7
Характеристика страны	2
Германия в прошлом/ настоящем	4
Политическое устройство Германии	3
Всего:	100

Фрейм ГЕРМАНИЯ-ТЕРРИТОРИЯ объективируется не только на уровне семантики, но и грамматическими средствами. Основным предлогом, при помощи которого передаются локативные признаки концепта ГЕРМАНИЯ, является предлог *в*. Менее частотным выступает предлог *из*. Таким образом, фрейм ГЕРМАНИЯ-ТЕРРИТОРИЯ включает в свой состав два субфрейма: ГЕРМАНИЯ — ИСХОДНЫЙ ПУНКТ и ГЕРМАНИЯ — КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ.

Субфрейм ГЕРМАНИЯ – КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ актуализируется в российской прессе следующими предикатами: «прибыть», «ехать», «отправляться», «быть угнанным», «переселиться», «допустить проникновение». Например: «*Сдать тест на знание немецкого языка как иностранного можно в России – ехать для этого в Германию не нужно*» (Иностр., 26.03.02, с.33). Субфрейм ГЕРМАНИЯ – ИСХОДНЫЙ ПУНКТ репрезентирован в российской публицистике меньшим количеством, чем субфрейм ГЕРМАНИЯ – КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ. Этот субфрейм находит выражение в конструкции *из + Германии* и актуализируется следующими предикатами: «вернуться», «уезжать». Например: «... *число иностранных граждан, уехавших из Германии, превысило число иммигрантов, въехавших туда*» (Иностр., 05.08.98, с.11); «*Снова из Германии в Россию*» (Тр., 28.04.00, с.4);

При исследовании анализируются предложно-падежные конструкции как средства объективации концепта ГЕРМАНИЯ. Доминирующими при репрезентации концепта являются именительный, родительный и предложный падежи соответствующего имени.

Репрезентанты концепта ГЕРМАНИЯ часто употребляются в именительном падеже в форме единственного числа: «*Германия хочет стать надежным партнером России на ее пути экономических и демографических реформ*» (Изв., 17.01.05, с.4); «*Герма-*

ния призывает партнеров к жестокости» (Иностр., 23.09.98, с.12).

«В системной теории падежей родительный падеж противопоставлен остальным косвенным падежам как приименный, или притемный, т.е. как средство актуализации номинативного смысла имени, называющего ядро темы – подлежащее» (Мельников, Дремов 1997: 217). Данные категориальные характеристики родительного падежа объясняют тот факт, что на страницах газет активно используется родительный субъекта. Это, в свою очередь, подтверждает, что главной и исходной семантической функцией родительного падежа в русском языке следует считать субъектную, а не объектную: Например: «Борьба с нелегальной иммиграцией стала главной темой состоявшейся на прошлой неделе в пригороде Бонна конференции..., которая проходила под председательством Германии» (Иностр., 23.09.98, с.12); «...новая позиция Берлина принципиально отличается от прежней, когда военное присутствие Германии в Ираке исключалось без всяких условий» (Тр., 13.08.03, с.4); «Власти Германии сообщили о возможных нападениях на самолеты» (Изв., 14.06.02, с.8).

Объектная функция родительного падежа реализуется посредством предложных конструкций: «Россия не может быть для Германии таким партнером, для которого в порядке исключения допустимы другие ценности» (КП, 31.03.04, с.6); «Гуд бай, Ленин!» поборется за «Оскар» для Германии» (Изв., 23.09.03, с.10).

Предложный падеж – падеж, которым характеризуется местоположение или пространственная ориентация действия или состояния, называемого глаголом: «В Германии продолжается нефтяной кризис» (Тр., 26.06.04, с.4); «Сердце Б. Ельцина проверяют в Германии» (Изв., 14.09.02, с.3); «Взятки в Германии нынче тянут на миллионы» (Тр., 22.06.02, с.4).

Таблица 2

Падежная система как грамматическое средство выражения концепта ГЕРМАНИЯ

Падеж	Количество употреблений, %
Именительный	27
Родительный	22
Дательный	8
Винительный	13
Творительный	4
Предложный	26
Всего:	100

В структуру концепта ГЕРМАНИЯ входят признаки, оценка и предвзятое мнение, сформированное среди носителей русского языка. Оценочные характеристики дополняют признаки исследу-

емого концепта. Нейтральное отношение превалирует (58%). Хотя некоторые события из жизни Германии, актуальные для носителей русского языка, подвергаются той или иной оценке, что находит свое выражение в российской публицистике. Положительно (29%) носителями русского языка оцениваются явления и события из области образования, здравоохранения и культуры Германии. Например: «Отдых для семьи идеален именно в Германии» (Иностр., 30.0101, с.25); «Высшее образование в Германии бесплатное, здесь много знаменитых университетов, прославившихся еще во времена средневековья» (Иностр., 21.08.00, с.17); «Невероятная популярность Германии среди пациентов разных стран объясняется главным образом высоким качеством немецкой медицины и знаменитыми немецкими курортами» (Иностр., 26.02.02, с.7).

Негативно оцениваются миграционные процессы: «Для германских политиков весь нынешний год прошел в разногласиях и публичных баталиях вокруг иммиграционного закона» (Иностр., 10.12.02, с.16).

В газетных статьях встречаются примеры со сравнительной оценкой. Соотнесение тех или иных реалий немецкой и российской действительности представлено различными языковыми средствами (морфологическими, синтаксическими). К морфологическим средствам относятся, например, предлоги: «Немецкие общаги значительно отличаются от наших» (Иностр., 2000, №4, с.21). С помощью союза: «Германия, конечно, хорошая страна, но рынки там еще похуже наших» (Иностр., 04.06.02, с.43).

Наряду со служебными частями речи сопоставление может выражаться с помощью глаголов: «Нельзя, разумеется, серьезно сравнивать среднее предпринимательство в Германии с его вековыми традициями и всем укладом и мелкий российский бизнес, покачивающийся на никак не крепнущих ногах» (Тр., 04.12.02, с.4).

Таблица 3

Аксиологические признаки концепта ГЕРМАНИЯ

Вид оценки	Количество употреблений, %
Отрицательная	13
Положительная	29
Нейтральная	58
Всего:	100

Несмотря на то, что события, которые разделяли нас в прошлом веке, – это войны, у россиян, в целом, нет негативного отношения к немцам.

Стереотипы, встреченные в исследовательском материале, формируют предвзятое мнение о Германии и ее жителях. Наиболее яркими стереотипными признаками, характеризующими жителей Германии, являются следующие: 'не ходит в гости и не при-

глашает к себе', 'индивидуалист', 'собственник', 'практичный', 'прагматичный', 'экономный', 'соблюдает режим работы и отдыха', 'консервативный', 'суетливый', 'законопослушный', 'славится тщательностью', 'бережливый', 'расчетливый', 'лекарств употребляет больше, чем пива'.

Помимо прямого выражения признаков концепта ГЕРМАНИЯ, в исследовании рассматриваются метафорические и метонимические модели анализируемого концепта. Исходя из фактического материала, сформировались две модели «ГЕРМАНИЯ – ЧЕЛОВЕК» и «ГЕРМАНИЯ – АРТЕФАКТ». Таким образом, один из способов репрезентации концепта ГЕРМАНИЯ в русском языке – выражение посредством метафоры и метонимии.

Теория метафорического моделирования действительности, с позиций которой анализируются современные публицистические тексты, является относительно новым научным направлением. В когнитивной лингвистике метафора исследуется как «когнитивный инструмент концептуализации» (Мягкова 1998: 123), как «концептуальный феномен» (Петров 1990: 145), как «когнитивная структура, основывающаяся на отношениях проецирования из источника домена в целевой домен» (Лакофф, Джонсон; цит. по: Заботкина 2002: 160).

Метафора, играя роль призмы, является эффективным средством вторичной номинации, обеспечивая при этом рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, которое является значением языковой единицы или, иначе говоря, это «способ создания новых концептов с использованием знаков, уже имеющих в данной семиотической системе» (Телия 1998: 48).

В газетных статьях читатели имеют дело с одной и той же реальностью (события в Германии), действующими в ней субъектами (политики, чиновники, народ), но каждый раз эта действительность преломляется, рисуется по-разному. Германия может представляться театральным актером, а буквально через несколько абзацев читатели встречают Германию – экономиста.

Анализ концептуальной метафоры и метонимии выявляет существующие в национальном сознании представления о Германии и ее жителях. Метафора выявляет как универсальные, сложившиеся в силу единства человеческого феномена и частичного совпадения объективной действительности, характерные для всех языков в особенности, так и сугубо национальные черты, поскольку «каждый народ понимает и интерпретирует мир, придает ему специфическую окраску, обусловленную национальной

значимостью реалий и избирательным отношением к ним» (Ханевская 2001: 35).

Особенностью представления Германии в газетных публикациях является ее персонификация. В психологии подобное явление обозначается как антропоморфизм, то есть «приписывание специфических свойств человека тому, что им не является» (Психологический словарь 1999: 23).

По замечанию О.Н. Лагуты, «на основе метонимических связей происходит уподобление общества человеку, что отражает древнее социальное устройство, в котором отдельные члены общества выделялись только по определенным ролям, а человек был, прежде всего, «частью» рода, племени» (Лагута 2003: 118). И далее продолжает: «Этот антропоморфный облик любой общественной группы сохраняется до сих пор» (там же). Так, ГЕРМАНИЯ уподобляется человеку, на что указывают различные антропоморфные признаки, встреченные в исследовательском материале.

В модели «ГЕРМАНИЯ – ЧЕЛОВЕК» актуализируются следующие характеристики концепта:

– речевые признаки (*«Германия призывает партнеров к жестокости»*) (Иностр., 23.09.98, с.12);

– признаки волеизъявления (*«Германия решила воспользоваться шансом открыть новую страницу сотрудничества с Россией»*) (Тр., 15.06.00, с.24);

– признаки движения (*«Немецкие земли шли к своему положению особым самостоятельных образований эволюционным путем»*) (Тр., 02.06.04, с.4);

– бытийные признаки (*«Германия переживает небывалый расцвет (или даже разгул) советской художественной самодеятельности во всех мыслимых жанрах, включая и сочинительство»*) (Иностр., 26.02.02, с.40);

– эмоциональные признаки (*«Вся Германия охвачена настоящей паникой в связи с возможным распространением болезни, известной как «коровье бешенство»*) (Иностр., 23.01.01, с.5);

– ментальные признаки (*«Германия осознала, насколько важен постоянный приток в страну новых переселенцев»*) (Иностр., 06.03.01, с.13);

– социальные признаки (*«Германия стала организатором такого крупного международного события впервые в полутаростолетней истории всемирных выставок»*) (Тр., 31.05.00, с.4);

– военные признаки (*«Германия всегда оставалась союзником США по блоку НАТО»*) (Изв., 11.04.03, с.4).

– интерперсональные признаки (*«Германия хочет сблизиться с Россией и наладить с ней добрые отношения»* (Изв., 01.03.00, с.4). Носителями русского языка отношения между странами воспринимаются как отношения между людьми. У Германии есть друзья, соперники, с которыми она мирится, ссорится, сотрудничает.

Присущее человеку антропоморфное виденье мира объясняет факт концептуального представления о Германии, как о живом существе, обладающем свойствами и характеристиками, чувствами и мышлением человека.

Особенно актуальными и наиболее частотными выступают следующие модели: ГЕРМАНИЯ – ПОЛИТИК (*«Германия намерена стимулировать сотрудничество правоохранительных органов Украины и других восточноевропейских стран с Европейской уголовной полицией»* (Иностр., 28.07.99, с.4) и ГЕРМАНИЯ – АКТЕР (*«А в новом мироустройстве Германия должна играть одну из ведущих ролей, сделав выводы из трагических ошибок прошлого»* (Изв., 06.11.01, с.7); *«Герхарде Шредера не устраивает «вспомогательная роль» Германии в мировых делах»* (Изв., 06.11.01, с.7). Признаки, характеризующие Германию как актера, достаточно часто встречаются в публицистике. Мир представлен как некий театр, а страны в нем – актеры. Е.И. Шейгал указывает на то, что театральная метафора встречается в политическом дискурсе различных стран (Шейгал 2000). Данная метафорическая модель в своей основе опирается на такие базовые семантические компоненты, как «артистичность, искусственность, зрелищность, публичность» (Санцевич 2003: 109).

Таблица 4

Модель ГЕРМАНИЯ – ЧЕЛОВЕК

Признак	Количество, %
Социальные признаки	47,4
Эмоциональные признаки	9,4
Признаки волеизъявления	8,4
Речевые признаки	7,6
Ментальные признаки	8,6
Военные признаки	5,9
Признаки движения	3,3
Бытийные признаки	3,4
Интерперсональные признаки	6

Метафорическая модель «ГЕРМАНИЯ – АРТЕФАКТ» представлена всего двумя признаками: ГЕРМАНИЯ – МЕХАНИЗМ и ГЕРМАНИЯ – СТРОЕНИЕ. Модель не является актуальной для носителей русского языка (по причине малой количественной

представленности). Это объясняется, по-видимому, тем, что носители русского языка не воспринимают Германию как артефакт.

Таблица 5

Структура концепта ГЕРМАНИЯ

Название фрейма/ модели	Количество, %
ГЕРМАНИЯ – ТЕРРИТОРИЯ	20
ГЕРМАНИЯ – ГОСУДАРСТВО	46,9
ЖИТЕЛИ ГЕРМАНИИ	10
ГЕРМАНИЯ – ЧЕЛОВЕК	23
ГЕРМАНИЯ – АРТЕФАКТ	0,1

Исследовательский материал полностью отображает фрагмент языковой картины мира, именуемый Германией. Концепт ГЕРМАНИЯ в русской языковой картине мира имеет сегментную структуру, которая формируется из фреймов/ моделей и составляющих их субфреймов и слотов. Концепт ГЕРМАНИЯ состоит из 5 сегментов: «ГЕРМАНИЯ – ГОСУДАРСТВО», «ЖИТЕЛИ ГЕРМАНИИ», «ГЕРМАНИЯ – ТЕРРИТОРИЯ», «ГЕРМАНИЯ – ЧЕЛОВЕК», «ГЕРМАНИЯ – АРТЕФАКТ».

При моделировании структуры концепта ГЕРМАНИЯ выяснилось, что более широко представлены «прямые» признаки концепта, то есть те признаки, которые формируют фреймы и слоты как структуры знаний об объективных сторонах немецкой действительности. Наиболее показательным является фрейм «ГЕРМАНИЯ – ГОСУДАРСТВО» (46,9% от общего количества фактического материала).

В работе использовался метод статистического анализа признаков концепта ГЕРМАНИЯ. Это помогло выявить, что наиболее актуальными являются фреймы «ГЕРМАНИЯ – ГОСУДАРСТВО» (46,9%), «ГЕРМАНИЯ – ЧЕЛОВЕК» (23%), наименее актуальным (и репрезентированным) – «ГЕРМАНИЯ – АРТЕФАКТ» (0,1%).

Литература

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 1998. – 37 с.

Воронцова М.В. Немцы... Они другие...// Вестник МГУ. – Сер. 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – №4. – С. 67-76.

Демьянков В.З. Стереотип // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 177-179.

- Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа-текстов. – М.: МАКС Пресс, 2000. – 288 с.
- Заботкина В.И. О соотношении когнитивных и семиотических аспектов лингвистических исследований // Языкознание: Взгляд в будущее. – Калининград, 2002. – С. 155-163.
- Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
- Коньков В.И. Речевая структура газетного текста. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 160 с.
- Кулаков Ф.М. Приложение к русскому изданию // Минский М. Фреймы для представления знаний/ Пер. с англ. – М.: «Энергия», 1979. – С. 122-144.
- Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. – Новосибирск: НГУ, 2003. – Ч. I. – 114 с. – Ч. II. – 208 с.
- Мягкова Е.Ю. Проблемы исследования метафоры // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998. – С. 123-127.
- Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – №3. – С. 135-147.
- Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т.1. – С. 15-19.
- Пименова М.В. О некоторых способах концептуализации внутреннего мира человека (на примере когнитивной модели «сердце – контейнер») // Язык. Миф. Этнокультура: Сб. науч. тр./ Отв. ред. Л.А. Шарикова. – Кемерово: ИПК Графика, 2003. – С. 160-164.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: «Истоки», 2002. – 192 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2003. – 60 с.
- Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции). Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 245 с.
- Солганик Г.Я. О новых аспектах изучения языка СМИ // Вестник МГУ. – Серия 10. Журналистика. – 2000. – №3. – С. 31-38.
- Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. – М.: МААЛ, 2000. – С. 9-23.
- Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.
- Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста (концепт, категория, прототип) // НТИ. – Сер. 2. – 1992. – №3. – С. 1-8.
- Ханевская А.Г. Русская ментальность в зеркале метафорического слова И.В. Бунина // Язык. Культура. Человек. Этнос / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. – Вып. 3. – С. 34-38.

Чудинов А.П. Финансовая метафора в современной политической речи // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. – Т. 7. – С. 15-23.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000.

Словари:

1. Большой толковый словарь русского языка/ Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001.

2. Популярный энциклопедический словарь. – М., 1999.

И.Л. Лебедева (Владивосток)

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ

Предметом данного исследования выступают языковые репрезентации, объективирующие концепт *СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США*. Протест как онтологическое явление уходит корнями в далекое прошлое и ведет свою историю почти с начала сотворения мира, когда один из ангелов восстал против Бога и его законов. С тех пор люди не упускают возможности, вербально или невербально, продемонстрировать с помощью протеста свою неудовлетворенность окружающим миром и выступить против разных явлений реальной действительности, которые идут вразрез с их этическими, политическими или какими-либо другими принципами. Таким образом, важность исследования лексических единиц, репрезентирующих концепт *СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США*, определяется их ценностно-культурной значимостью и непосредственной обусловленностью смыслового содержания этих единиц социальной обстановкой в мире. Исследуемый концепт рассматривается нами как один из ключевых концептов, отражающих социальную и духовную жизнь американского общества и участвующих в категоризации мира. Объектом исследования является общественно-политический протестный дискурс, представленный в текстах средств массовой информации. Общественно-политический протестный дискурс, являясь подвидом политического, затрагивает такие формы социального протеста, как демонстрации, забастовки, марши, митинги, пикеты и другие; в нем актуализируются не только политические настроения, но и общественное сознание людей.

Под концептом мы понимаем *ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом языкового выражения – совокупность лексических, паремических, фразеологических единиц, номинирующих и описывающих данный объект* (Панченко 1995, с.5). Соответственно, концепт представляет собой когнитивную единицу, которая, являясь частью картины мира, охватывает широкий круг разнообразных знаний о реальной действительности. Эта информация определенным образом структурируется и систематизируется в человеческом сознании, поэтому концепт характеризуется наличием структуры и содержания, которое складывается из определенных признаков.

Исследование структуры концепта *СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США* происходило с применением методов фреймового и концептуального анализ, где первый направлен на выявление и описание фрейма и сценария изучаемого концепта, а второй ориентирован на исследование самого концепта, его гештальтов и ценностных характеристик.

Фреймовый анализ позволил структурировать концепт *СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США*, показать его основные элементы и существующие между ними связи в статике, а также продемонстрировать, какой фрагмент языковой и внеязыковой действительности в данном концепте объективируется. Дело в том, что фрейм, как карта мира, дает нам наглядное представление о понятиях, явлениях, составляющих изучаемую сферу, он организует понимание и категоризирует опыт, представленный данным концептом. Кроме того, фреймы являются наиболее приемлемыми структурами представления знаний при исследовании дискурса как текста в социальном контексте, таким образом, представления о социальных явлениях организуются в определенные схемы.

Фрейм концепта *СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США* выявляется на основе выделения содержательного минимума данного концепта через анализ словарных дефиниций лексической единицы **protest**, которая не только выступает в роли одного из элементов имени исследуемого концепта, но в ней также концентрируется его ключевое содержание. Крупные толковые словари предлагают следующее определение лексического значения слова **protest**:

n. expression or declaration of objection, disapproval or dissent, often in position to smth. a person is powerless to prevent or avoid; — *v.* 5. to give manifest expression to objection or disapproval; remon-

strate. 6. to make solemn or earnest declaration. 7. to make a protest or remonstrance against, to object to. 8. to say in protest or remonstrance (RHUD);

n. an act of protesting. 1. a solemn declaration; an affirmation, an assavation; an avowal. 4a. a formal statement or declaration of disapproval of or dissent from, or of consent under certain conditions only to, some action or proceeding; a remonstrance. **d.** the expressing of dissent from, or rejection of the prevailing social, political or cultural mores. **5.** attrib. & comb. **a.** demonstrating or representing a protest against a specific action or proceeding as protest banner, button, camp, group, meeting, movement, rally, resolution, strike; designating a literary or artistic medium which seeks to register or portray dissatisfaction with a given event, style, etc. protest art, literature, music, poetry, song, also protest singer, — singing, protest mechanism; also protest-oriented. **b.** special combs: protest march, also protest marcher; protest vote — a vote placed with a minor fraction and considered to represent a protest against policies of a greater; protest voting; — *v.* to declare formally in public testify, protest. 1a. trans. to declare or state formally or solemnly; to affirm, asseverate, or assert informal or solemn terms. **b.** intr. to make protestation or solemn affirmation. 3. to assert publicly; to proclaim, publish; to declare, to show forth. **5.** to make a request in legal form; to demand as a right; to stipulate. 6. to call to a witness, to appeal to. **7a.** intr. to give formal expression to objection, dissent, or disapproval; to make a formal (oft. written) declaration against some proposal, decision, procedure or action; to remonstrate. **b.** trans. to protest against (an action or event); to make the subject of a protest (COED).

Как видно из словарных дефиниций, понятие социального протеста отличается от обычного протеста, означающего просто несогласие с чем-либо, так как подразумевает такие проявления, как публичное выступление, выражение недовольства против чего-либо, антагонизм, неприятие существующих норм и порядков в обществе. Согласно приведенным дефинициям, эта неудовлетворенность может выражаться вербально (часто в письменной форме) и невербально (демонстрации, забастовки, марши). Содержательный минимум концепта **СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США** выражается следующим образом: люди или группы людей – (Субъекты протеста) – вследствие недовольства по поводу какого-то явления политической, социальной или культурной жизни либо деятельности другой группы людей – (Объект протеста) – собираются в определенном месте – (Место протеста) – в определенное время – (Время протеста), – чтобы с помощью специ-

альных средств – (Инструменты протеста) – предпринять какие-то действия, с тем чтобы противодействовать тому, что их не устраивает – (Акции протеста).

Анализ словарных дефиниций и выделенный содержательный минимум дают основания для экспликации фрейма концепта **СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США**, к облигаторным элементам которого относятся пять вершинных узлов: *Субъекты протеста* – лица, совершающие действия во время протеста; *Инструменты протеста* – предметы, которые являются средствами для совершения действий во время акций протеста; *Акции протеста* – формы выступлений и действий, совершаемые протестующими, а также их составляющие; *Объект протеста* – то, против чего направлены действия протестующих во время акций, и *Результат протеста* – итог, который достигается в процессе совершения протестного действия. Необлигаторными компонентами являются два слота: *Место протеста* – специфические локальные характеристики протестного действия; *Время протеста* – специфические темпоральные характеристики протестного действия.

Каждая составляющая фрейма объективирует соответствующий концепт и раскладывается на ряд слотов, которые при дальнейшей детализации оказываются подслотами разных уровней. Например, фреймовая вершина *Субъекты протеста* состоит из двух слотов *Индивидуальные субъекты* и *Группы/Организации*, где слот *Субъекты* реализуется восемнадцатью подслотами первого уровня *Субъекты определенной численности*, *Субъекты определенного возраста*, *Субъекты определенного настроения* и т.д. Подслот первого уровня *Субъекты определенного настроения*, соответственно, отражен тремя подслотами второго уровня: *Субъекты по степени агрессивности*, *Субъекты по степени эмоциональности* и *Субъекты другого настроения*; при этом подслот *Субъекты по степени агрессивности* проявляется в двух подслотах третьего уровня: *Мирные субъекты* и *Агрессивные субъекты*. Следовательно, вершинные узлы – это инвариантные компоненты фрейма, образующие его ядро, а слоты нижних уровней представляют ту информацию, которая может понадобиться для уточнения конкретной ситуации. При этом один и тот же слот нижнего уровня может принадлежать нескольким узлам.

Вершинный узел *Субъекты протеста* делится на два неравномерных с точки зрения лексического наполнения слота: *Индивидуальные субъекты* и *Группы / организации*. В языке данный узел представлен обозначениями лиц, участвующих в протестных

акциях. В свою очередь, в зависимости от того, какой признак является доминирующим, слот, вербализующийся в наименованиях субъектов, можно разделить на 18 подслотов первого уровня, каждый из которых представлен определенным количеством подслотов второго уровня, названия которых указаны в скобках:

1. *Общие репрезентации субъектов*: but as the **marchers** and their giant satirical puppets dispersed and **protesters** gathered for the second big demonstration of the day, some 200 police in riot gear swooped to disperse a sit-in by 15 people linking hands across a key intersection [cnn.com Aug.17, 2000];
2. *Численность субъектов (Численные номинации, Словесные номинации)*: In San Francisco as many as **10,000 people** marched..., while **several thousand more** rallied in Los Angeles... [cnn.com Jan.20, 2001];
3. *Возраст субъектов (Дети, Подростки, Молодые люди, Взрослые люди, Пожилые люди)*: There are **old women** here, there are **children**..., because we care about our country, we care about our kids [cnn.com Jan.19, 2003];
4. *Пол субъектов (Женщины, Мужчины)*: Three of the **women** and one of the **men** were among first 11 protesters to be arrested last week... [cnn.com Sep.2, 2004];
5. *Семейное положение субъектов*: 9/11 **families** make their voices heard [cnn.com May6, 2004]. On the front lines of this grass-roots movement** are suburban **moms** fighting to get healthier fare in cafeterias and lawmakers around the country who are trying to pass laws to limit the junk food sold in schools [Newsweek Aug. 5, 2002:48];
6. *Сексуальная ориентация субъектов (Традиционная ориентация, Нетрадиционная ориентация)*: One veteran **gay** activist could sense the change in the attitudes of justices [Newsweek Jul.28, 2003:41]. If **transgenders** were hoping for an outpouring support from the city at large, it has yet to materialize [Newsweek Sept.8, 2003:53];
7. *Расовая принадлежность субъектов*: **Latinos** Take to Streets In Boycott [cnn.com Dec.12, 2003]. "I think we were so overjoyed at the fact that people had come out — **black, white, red** and **brown** — from all around the country to support the civil rights struggle ..."[cnn.com Mar.23, 2003];
8. *Вероисповедание субъектов*: Thousands of **American Muslims** attended a march and rally in front of the White House

---

* **9/11** подразумевает 11 сентября 2001 года, когда в Нью-Йорке были совершены два теракта, повлекшие уничтожение двух небоскрёбов, известных как «Башни-Близнецы», и гибель многих тысяч людей разных национальностей.

** **Grassroots movement** – движение, возникшее в гуще народа, стихийное движение масс (Томахин 1999, с.205).

on Saturday [cnn.com Oct.29, 2000]; **9. Внешний вид субъектов:** Animal-rights supporter and model Kahshanna Evans, **barely clothed** and **painted like a tiger**, crouched inside a cage in the freezing rain Friday to protest animal cruelty in circuses [cnn.com Mar.30, 2001]; **10. Физические способности субъектов:** **Disabled demonstrators**, led by Becky Ogle in orange, crawled up the steps of the Supreme Court on Tuesday to raise attention to Tennessee v. Lane [newsweek.com Jan.14, 2004]; **11. Социальный статус субъектов (Простые люди, Известные люди):** Eleven active **firefighters**, including two representatives of the union that organized the rally, were among 12 people arrested [cnn.com Nov.3, 2001]. Among those arrested were one of the protest's organizers, **the Rev. Herbert Daughtry; Cohen, co-founder of Ben and Jerry's ice cream...** [cnn.com Dec.10, 2002]; **12. Регион проживания субъектов: San Francisco hotel workers** launch strike [cnn.com Sep.30, 2004]; **13. Настрой субъектов (Степень агрессивности субъектов: Мирные/Агрессивные; Степень Эмоциональности субъектов: Тихие/Шумные):** Most of the arrests occurred Tuesday, when some protests **turned violent** with what police describe as "anarchists" **throwing bottles, damaging cars and blocking traffic** in the city's business district [cnn.com Aug. 3, 2000]; **14. Убеждения субъектов:** With diplomatic efforts to resolve the crisis over Iraq ..., hundreds of **antiwar activists** Monday demonstrated in Washington, New York and San Francisco [cnn.com Mar.18, 2003]; **15. Политическая ориентация субъектов:** "I'm here today saying 'no' to the Bush agenda," said Kristen Greene, a teacher from Harlem and self-described **socialist** [cnn.com Aug. 30, 2004]; **16. Функция субъектов в акциях протеста: Singers, dancers, banner-wavers and puppeteers** participated in Tuesday's event [cnn.com Jul.26, 2000]; **17. Длительность участия субъектов в протестах:** She is the **battle-tested veteran** of political protests, **logging 16 solid years** of shouting and marching in some of the nation's largest demonstrations [cnn.com Jul.31, 2000]; **18. Принадлежность субъектов к группам и организациям:** They included **representatives of activist groups** involved in the environment, Native-American rights, immigrant and minority rights, youth organizations, the elderly and the homeless [cnn.com Jul.26 2000].

Центральной единицей данного вершинного узла является лексема **protester** (другой графический вариант — **protestor**), которая встречается не только в текстах, но и отображается в заголовках статей: **Protesters make last stand while Gore gives acceptance speech** [cnn.com Oct.25, 2000]. **Dozens of anti-war pro-**

testers arrested outside Capitol [cnn.com Mar.18, 2003]. **Protesters rally against Iraq war, occupation** [cnn.com Mar.20, 2004]. Встречаемость лексемы **protester** объясняется тем, она имеет достаточно широкую семантику: не несет указаний на пол или расовую принадлежность выступающих, не передает какой-либо другой специфической информации. Это подтверждается лексикографическими данными, а именно отсутствием самостоятельной словарной дефиниции: единица **protester** приводится в словарной статье лексемы **protest** и не имеет не только собственной словарной статьи, но и отдельного толкования в таких словарях, как CIDE, COED, COD, RHUD.

Таким образом, данная лексическая единица, с одной стороны, называет участника именно протестного движения, в отличие от слова **participant** (*participant — a person who takes part in or becomes involved in a particular activity* [CIDE]), обладающего слишком широкой семантикой и указывающего на участника любого мероприятия; с другой стороны, единица **protester** называет участника любого протестного действия, в отличие от слов **demonstrator** (*demonstrator — a person who takes part in a political demonstration* [COD]), **striker** (*a striker is someone who is involved in a strike* [CIDE]), которые имеют более узкое значение и называют субъектов в зависимости от того, в каком виде акций протеста они принимают участие.

Слот *Группы и Организации* реализуется двумя подслотами первого уровня: *Группы субъектов* и *Организации субъектов*, называющие организованные сообщества людей, которые принимают участие в акциях протеста: *But abortion-rights groups say the law has overly broad language that could criminalize several safe and common procedures, and fear it represents the first step in a larger campaign to eventually bar all abortions* [cnn.com Nov.6, 2003]. *"You can't just be set aside and told you have First Amendment rights," said Nancy Murray, director of the ACLU's* Bill of Rights Education Project in Massachusetts* [cnn.com Jul.29, 2004]. Кроме того, вершинный узел *Индивидуальные субъекты* пересекается со слотами *Наблюдатели* и *Полиция*, которые частично принадлежат фрейму концепта **СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США**: *Isak Bressler, a Seattle law student and legal observer with the National Lawyers Guild, didn't take part in the protest* [Newsweek Jul.28, 2003:32]. **Black-helmeted police in full riot gear fired pepper**

---

* ACLU — American Civil Liberties Union.

spray, bean-bag rounds and rubber bullets at hundreds of protesters who filled the streets of Portland on Thursday outside the hotel ... [cnn.com Aug.23, 2002].

Учитывая плотность номинативного заполнения слотов и подслотов вершинного узла *Субъекты протеста*, можно сделать вывод о том, что пол, семейное положение, сексуальная ориентация, раса, вероисповедание, физические способности, политическая ориентация, регулярность участия в акциях протеста являются релевантными характеристиками для описания протестующих, тогда как рост, вес или цвет глаз не считаются обязательными признаками для протестного дискурса. Типичный участник протеста принадлежит к определенной возрастной группе, относится к некоей социальной прослойке, придерживается каких-то убеждений, имеет агрессивный или мирный настрой, выступает в роли организатора, лидера, или активиста, а также может являться членом одной или нескольких протестных организаций или групп.

Вершинный узел *Инструменты протеста* рассматривается нами не только как самостоятельная составляющая фрейма *СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США*, но и как некое промежуточное звено между узлами *Субъекты протеста* и *Акции протеста*, в связи с тем, что он как бы одновременно на них накладывается. Данный узел, как и все остальные вершины, является обязательным компонентом исследуемого фрейма и состоит из пяти слотов, вербализованных наименованиями предметов, приспособлений и приемов, которые протестующие используют во время акций протеста: 1. *Материальные носители: banner, flag, flier/flyer*, graffiti, missive, leaflet, letter (open, public), literature, newsletter, paper, petition, photo (photograph), picture, placard, poster, sign, signboard, sticker (bumper sticker), zine***: *About 30 protesters tied two American flags to a chain-link fence and set them alight* [cnn.com Aug.13, 2000]; 2. *Электронные носители и средства связи: cell phone, e-mail, fax, Internet, media (radio, TV), messages, phone call, telephone, Web site: Whatever their motivations, extremists are using not just rifles but WANTED posters and info-clearinghouse Web sites like the Nuremberg Files, where Slepian's name was crossed off a national list identifying abor-*

---

* **flyer** — американский вариант английского [CIDE].

** **zine** — /zi:n/ noun [C] informal — a small magazine that is produced cheaply by one person or a small group of people and is about a subject they are interested in [CIDE].

tionists [Newsweek Nov.9, 1998]; **3. Предметы** (*Предметы одежды, Объекты*): 750 people, dressed **in white**, marched silently through downtown Columbia as part of the National Association for the Advancement of Colored People's protest [cnn.com Jul.1, 2000]. **Using plastic buckets as drums**, the marchers carried banners with slogans...[cnn.com Jun.9, 2004]; **4. Аудиальные инструменты: chants, cheers, foul language, music, jeers, poems, refrains, shouts, songs, threats, voices, yells:** Wayne Turner, a Texas delegate, described running into some "rag tags" using "**foul language**" about Republicans. "But for the most part, they're welcoming," he said of the city's reception for its GOP visitors [cnn.com Sept.3, 2004]; **5. Другие инструменты протеста: country map, mule, narcotics (marijuana), statistics:** Armed with **statistics** and well aware that California is an electoral mecca, activists intend to make the leases an environmental litmus test for presidential candidates in 2000 [U.S. News & World Report Jun.21, 1999]. Примечательно, что слоты *Материальные носители, Электронные носители и средства связи*, а также подслот второго уровня *Предметы одежды* имеют общий подслот *Лозунги*. Для протестных лозунгов характерны тематическая фокусировка ("**End Globalization Now**", "**Keep Abortion Legal**"), эмоциональность ("**Another dead baby!**", "**Stop the murder!**"), краткость ("**Bush — Racism**", "**No WEF**"), преобладание простых нераспространенных утвердительных или восклицательных предложений ("**Bigots go home**", "**Whose streets? Our streets!**"), наличие рифмы и ритма ("**Hey, hey, ho, ho, that son of a Bush has got to go**", "**Selected not elected**"), использование игры слов ("**Bush: Empty Warhead**"^{***}, "**There's a Terrorist Behind Every Bush**"^{****}), а также частое употребление заглавных букв на месте строчных ("**EXECUTE MURDERERS, ABORTIONISTS, ACCESSORIES**", "**GET OIL OUT!**").

Вершинный узел *Акции протеста* передается двумя неравномерными с точки зрения количественного и качественного наполнения слотами: *Формы акций протеста* и *Действия*. Слот *Формы акций протеста* представлен девятью подслотами первого уровня: **1. Вид акций протеста: boycott, demonstration, gatherings, march, rally, strike, work stoppages, work slowdown, death threats, die-in, readings, literary protest, prayerful protest, protest parade, protest concert, sit-in, classes walk-outs, symbol-**

*** **Warhead** – боеголовка и человек, который нацелен на войну [Lingvo 7.0].

**** **Bush** – одновременно обозначает куст и фамилию ныне действующего американского президента Дж. Буша.

ic unemployment line: The monthly **bike ride** drew thousands more than usual due to the number of people who wanted **to protest** against the convention [cnn.com Aug.28, 2004]; **2. Степень организованности акций (Запланированные/Спонтанные акции, Санкционированные/Несанкционированные):** Other **planned events** include a symbolic unemployment line organizers hope will stretch from Wall Street to Madison Square Garden, vigils and performances [cnn.com Aug.27, 2004]; **3. Количественный состав акций (Масштабные/Небольшие акции):** Several **small protests** were conducted earlier in the day, with the **largest rally** held in the downtown garment district to... call for better wages and health benefits for garment workers [cnn.com Aug.18, 2000]; **4. Временная продолжительность и частотность акций:** Latino activists say a **daylong boycott** is planned for Friday because of the repeal of Senate Bill 60 — the illegal immigrant drivers' license law [cnn.com Dec.11, 2003]; **5. Название и тема акций:** About 150 people were arrested during an **anti-Columbus Day rally** in Denver in 2000 [cnn.com Oct.9, 2004]; **6. Место проведения акций (Всемирные, Общественные, Региональные):** But before Crater joins the University of California-Berkeley's **local demonstrations** and before she calls several regional radio shows, Crater will attend an 11 a.m. class for her minor [cnn.com Mar.5, 2003]; **7. Степень агрессивности акций (Агрессивные/Мирные):** As President Bush travels to a series of campaign stops in California on Friday, he leaves behind the aftermath of protest that **turned violent** in Portland, Ore. [cnn.com Aug.28, 2002]; **8. Степень эмоциональности акций (Шумные/Тихие):** The gathering began with a **noisy** and colorful **march** [cnn.com Dec.11, 2000]; **9. Состав участников акций:** **Musicians** divide over protesting the war [cnn.com Mar.6, 2003].

Вершинный узел *Объект протеста*, как мы уже отмечали выше, репрезентируется единицами, называющими то, на что или против чего направлены действия выступающих во время акций протеста, и состоит из четырех слотов: *Политика государства (Выборы и демократия, Война в Ираке, Глобализация и империализм, Новые законы и постановления), Права человека (Гражданские права, Гендерные права), Окружающая среда (Экология, Права животных) и Другие объекты*. Данный узел уже частично проявлялся в подслотах *Субъекты определенных убеждений* (вершинный узел *Субъекты протеста*) и *Название или тема акций протеста* (вершинный узел *Акции протеста*). Слот *Политика государства* является самым представительным в количественном отношении в составе узла *Объект протеста* – про-

тесты такой направленности описываются в 92 текстах из 150, таким образом, активнее всего американцы выступают в поддержку или против некоторых аспектов внутренней (репрезентация подслога *Выборы и демократия*) и внешней (вербализация подслога *Война в Ираке*) политики своей страны: *With George W. Bush's inauguration only days away, Washington is bracing for demonstrations by thousands critical of the new president* [cnn.com Jan.16, 2001]. *Police arrested 215 people in midtown Manhattan on Thursday as demonstrators staged "die-ins" in protest of the war in Iraq* [cnn.com Mar.27, 2003]. Примечательно, что нарушения гражданских прав (данной теме посвящено 20 текстов) волнует американскую нацию намного сильнее, чем нарушение гендерных прав (13 текстов). Под гражданскими правами (вербализация подслога *Гражданские права*) понимаются право на образование, право на расовое равноправие, свобода вероисповедания, право протеста, право ношения оружия — данные права и свободы относятся к гражданским в силу того, что все они зафиксированы в конституции США; тогда как под гендерными правами (вербализация подслога *Гендерные права*) подразумеваются репродуктивные права женщин (право на совершение аборта) и права сексуальных меньшинств (право на однополые браки и право усыновления или удочерения ребенка однополыми парами).

Актуализация вершинного узла *Результат протеста* (слоты *Результативные протесты* и *Нерезультативные протесты*) свидетельствует о том, что акции протеста в подавляющем большинстве не приносят никаких результатов и не способны в значительной мере повлиять на действия правительства; данный факт осознают все участники социальных протестов: *We were out there to show solidarity to the plaintiffs in the Tennessee case and to send a message—although it's rather futile to try to send a message—to the Supreme Court, the state of Tennessee and the general public at large* [newsweek.com Jan.14, 2004]. Тем не менее, выступающие своим примером показывают, что они занимают активную жизненную позицию, что им небезразлично, что будет с человечеством, с обществом, с культурой, с их семьей, участие в акциях протеста помогает им сохранить самоуважение. Таким образом, если выступления американских граждан обратили на себя внимание, заставили кого-то задуматься или начать действовать, то значит первоначальная цель достигнута: *All of the groups are planning peaceful protests... On Saturday, no one I talked to wanted to be arrested. No one I talked to is planning any kind of*

direct action -- they're not trying to stop Bush from being inaugurated, they're not going to sit down in front of his limousine. They just want to make a point. They want him to see them [cnn.com Jan.16, 2001]. *"I am exercising my God-given right to stand up and say 'we're not having it," the speaker said. "I won't let friends, cousins, and brothers and sisters get slaughtered in the Middle East without saying something"* [cnn.com Mar.5, 2003].

Слот *Место протеста* кодируется лексическими единицами, передающими локальные характеристики протестного действия. Надо отметить, что данная информация уже отчасти присутствует в других частях фрейма концепта *СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США*: в подслоде первого уровня *Субъекты из определенного региона* вершинного узла *Акции протеста*, а также в подслоде первого уровня *Место проведения акций протеста* вершинного узла *Акции протеста*. Лексические единицы, номинирующие слот *Место протеста*, можно разделить на две группы. В одну группу входят общие репрезентации, называющие место протеста: **area (designated area, fenced-in area, official protest area, pen area, protest area); streets; site (designated site, fenced-in protest site, open demonstration site, protest site, rally site, site for free speech); zone (fenced-off protest zone, 'Free Speech Zone', protected free speech zone, protest zone); park; arena; location; place; point, "official" gathering spot**: *Monday evening's clashes occurred a few hours after thousands of people marched to the convention's designated, fenced-in protest site* [cnn.com Aug.15, 2000]. *The raucous four-piece group...is set to play in a fenced-off protest zone outside the Staples Center* [cnn.com Aug.14, 2000]. Другую группу составляют конкретные наименования мест, где проходят демонстрации – названия улиц, площадей, городов и штатов в США: *Huge crowds of anti-war demonstrators jammed into midtown New York on Saturday as protesters in dozens of U.S. cities joined large crowds worldwide in voicing opposition to war with Iraq* [cnn.com Feb.16, 2003]. *Protestors, some in their underwear, gather outside a Gap store as they take part in one of various demonstrations in Washington* [cnn.com Sept.28, 2002]. Судя по анализируемому материалу, протестные действия (демонстрации, забастовки, марши, ралли) обычно связаны с кусками открытых пространств – улицами и площадями в центрах крупных городов, при этом для определенных мест, например, для парка Лафайет в Нью-Йорке, из соображений безопасности городскими властями лимитируется допустимое количество демонстрантов, превышение которого ведет к арестам: ... *but U.S.*

Park Police began making arrests after protesters exceeded the 25-demonstrator limit for Lafayette Park, across Pennsylvania Avenue from the White House [cnn.com Jan.19, 2003].

Слот *Время протеста*, так же как и слот *Место протеста*, является необлигаторным факультативным компонентом фрейма **СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США**. Темпоральные характеристики, передаваемые данным слотом, частично отражаются в подслоте первого уровня *Временная продолжительность и частотность акций протеста*, который принадлежит вершинному узлу *Акции протеста*. Анализ материала, представляющего слот *Время протеста*, показывает, что демонстрации проводятся круглый год. Самая низкая протестная активность приходится на конец и начало любого года. Это связано с тем, что период декабрь-январь – время Рождественской лихорадки и празднования Нового года, когда американцы заняты подготовкой к праздникам и покупкой подарков. Во все остальное время года акции протеста случаются достаточно регулярно, большинство выступлений проходит в дневное время (репрезентация подслота *Временная продолжительность и частотность акций протеста*).

За счет построения и исследования фрейма концепта **СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США** была описана вертикальное строение данного концепта, который представляет собой сложную иерархическую многоуровневую структуру, включающую как обязательные компоненты, характеризующиеся неизменностью содержания, так и необязательные компоненты, не требующие непременно актуализации. Наиболее сложную параметризацию имеют вершинные узлы *Субъекты протеста* и *Акции протеста*, что свидетельствует о значимости этих явлений в общественно-политическом протестном дискурсе и об их ключевой роли в данном концепте.

Воссоздание сценария прохождения протестного действия позволило исследовать динамическую структуру концепта **СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США** и показать развертывание данного концепта в горизонтальной плоскости. Этот процесс совершается не мгновенно, а формируется из ряда последовательных этапов, иначе говоря, сцен, каждая из которых вербализована соответствующим образом.

В основе сценария концепта **СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США** лежит типизированная ситуация, имеющая место при наличии некоторых условий, состоящая из четырех сцен и ведущая к определенным результатам.

Условия: В обществе происходит какое-то событие: выходит постановление правительства, появляется новое направление в политике государства, проходит заседание какой-либо международной организации и т.д. и т.п. (репрезентация вершинного узла *Объект протеста*), которое вызывает недовольство американских граждан и действует как катализатор движения протеста: *A group of poets who have emerged as opponents to **military action against Iraq** are scheduled to have a reading Monday night in New York* [cnn.com Feb.17, 2003].

Сцена 1. Организация протеста: инициаторы протеста выбирают форму акции, ее время и место, подают заявление в соответствующие местные органы управления на разрешение проведения акции: *We filled out the necessary paperwork, and **procured a permit so we can protest*** [cnn.com Jul.26, 2000].

Сцена 2. Начало протеста: протестующие собираются в месте X и маршируют до улицы, площади или парка (репрезентация слота *Место протеста*), в котором будет проходить протест, при этом участники скандируют лозунги (репрезентация подслота *Лозунги*) с требованиями, соответствующими объекту протеста, размахивают плакатами и/или флагами или другими предметами (репрезентация вершинного узла *Инструменты протеста*): *Saturday afternoon, the **crowd began marching toward the Washington Navy Yard**, a military installation in Southeast Washington* [cnn.com Jan.18, 2003].

Сцена 3. Проведение протеста: на месте протеста ораторами произносятся речи, призывающие к какому-либо действию; проводятся концерты; участники поют песни, продолжают скандировать; организаторы и участники общаются с представителями средств массовой информации (репрезентация подслота *Субъекты определенной функции*); за всем происходящим наблюдают прохожие (репрезентация слота *Наблюдатели*): *The **demonstrations turned into a political rally, with songs and cheers and different slogans of support being chanted*** [cnn.com Dec.11, 2000].

Сцена 4. Завершение протеста: акции заканчиваются либо мирно, либо с проявлением агрессии. При мирном исходе протестующие просто расходятся по домам или отправляются в штаб, чтобы обсудить успех/неуспех акции, а также разработать план дальнейших действий. При агрессивном исходе акции протеста выходят из-под контроля, выступающие наносят материальный ущерб обществу, а также вступают в конфликт с полицией, в результате чего полиция применяет насильственные методы воздействия, вплоть до массовых арестов участников: ***Protesters***

ended their march in a city park set aside for demonstrations and there were no arrests [cnn.com Jul.31, 2000].

Результат (репрезентация вершинного узла *Результат протеста*): в основном акции протеста в США не ведут к мгновенным результатам, а рассчитаны на долгосрочную перспективу, как, например, акции, организованные противниками аборт, которые привели к тому, что многие врачи отказались от практики выполнения данных операций. Следствием таких выступлений стало обсуждение вопроса об ограничении применения аборт на государственном уровне, в результате чего в ноябре 2003 года президент США Дж. Буш подписал закон о запрете проведения данной процедуры на поздних сроках беременности: **President Bush signed legislation Wednesday banning a certain type of abortion, handing the disputed procedure's opponents a long-sought victory even as a federal judge at least partially blocked the new law from taking effect** [cnn.com Nov.6, 2003].

Фреймовый анализ концепта **СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США** позволяет сделать вывод, что типичными особенностями акций протеста являются их:

- симметричная двунаправленность, которая заключается в том, что каждая проблема, каждое выступление, течение имеет как своих сторонников, так и противников и выражаемая в употреблении таких единиц, как **protesters/counterprotesters, supporters/opponents, anti-abortion demonstrators/abortion-rights proponents**,

- социальная и культурная неоднородность состава участников, при этом основные лидеры – группы и организации, активисты – женщины, а участники – студенты. Так, в общих наименованиях **woman (woman marcher, spokeswoman, all female student body)** преобладает над **man** (соотношение 17:10),

- многообразие форм и видов протеста, конкретность целей, благодаря которой представители различных возрастных, гендерных, религиозных, социальных групп и слоев американского населения принимают участие в протестных выступлениях.

Социальный протест в США – это, с одной стороны, протест-действие, протест как характер американского общественного поведения (именно поэтому результат протеста не важен, главное – действовать), с другой – протест-настроение, протест как специфическое состояние американского общественного сознания. При всем усилении импульсивного начала в общественном поведении американцев, многие выступления (например, те, которые направлены против военных действий, против подавления

демократических прав, против разрушения окружающей среды) остаются постоянно действующим фактором общественно-политической жизни американского общества.

Концептуальный анализ языковых репрезентаций концепта **СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США** дал возможность вычленить основные признаки и гештальты, эксплицирующие глубинные смыслы изучаемого концепта. Исследование лексического материала показало, что самой частотной оказалась параллель, проводимая между протестами и войнами. Система вербальной репрезентации подслота *Агрессивные акции протеста* указывает на сходство движения протеста с битвой, военными действиями: *The heavy police presence around the convention kept things under control but gave the event **the aura of a siege**... And you know, we are supposed **to have a white flag**,*" Crespo said. [cnn.com Aug.18, 2000]. *Vandalism. A major-league propaganda campaign. **Threats of full-fledged war to roust the enemy*** [U.S. News & World Report Mar.1, 1999]. *The Ruckus Society sponsored **a boot camp*** called **Globalize This!** at a farm to train activists* [U.S. News & World Report Dec.13, 1999].

Анализ широких контекстов показывает, что протестующие сравниваются с бойцами, воинами (**combatants**), с армией (**rag-tag army**), которая нападает, атакует, осаждает, защищается (**to attack, siege**); инструменты протеста представляются как оружие (**to be armed with signs, improvised weapons**); а объект протеста именуется врагом (**the enemy**). Таким образом, посредством концептуального анализа вычленяется гештальт **ПРОТЕСТ-ВОЙНА**.

Дальнейший анализ исследуемого материала позволил выделить еще целый ряд признаков концепта **СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США**, которые указывают на то, что явление социального протеста как сущность, стоящая за одноименным концептом, двояко концептуализируется в умах представителей американского общества. С одной стороны, протест воспринимается американцами как нечто агрессивное, воинственное, разрушительное, опасное для жизни (гештальты **ПРОТЕСТ-ВОЙНА, ПРОТЕСТ-ДРАКА, ПРОТЕСТ-КАТАСТРОФА, ПРОТЕСТ-РИСК**), как нечто обладающее внутренней силой, притягивающее, неконтролируемое, развивающееся и живущее по своим законам (гештальты **ПРОТЕСТ-СТИХИЯ, ПРОТЕСТ-ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ПРОТЕСТ-МАГНИТ, ПРОТЕСТ-ТЕРРИТОРИЯ**). С другой сторо-

---

* (US) A **boot camp** is a place for training soldiers [CIDE].

ны, протест представляется как нечто азартное, познаваемое, упорядоченное, имеющее творческое начало (гештальты **ПРОТЕСТ-ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ**, **ПРОТЕСТ-НЕЧТО ПЛАНИРОВАННОЕ**, **ПРОТЕСТ-ИГРА**, **ПРОТЕСТ-СПОРТ**, **ПРОТЕСТ-ТВОРЧЕСТВО**, **ПРОТЕСТ-ТЕАТР**, **ПРОТЕСТ-УРОК**). Независимо от того, считается ли социальный протест отрицательным или положительным явлением, он является неотъемлемой частью жизни американского общества (гештальт **ПРОТЕСТ-ТРАДИЦИЯ**).

В общественно-политическом протестном дискурсе находит отражение определенный набор основных культурных ценностей американского общества, являющихся составной частью содержания концепта **СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США**:

- *стремление к действию, к самосовершенствованию и активности*, проявляющиеся в интенсивности и частотности акций протеста;

- *ориентированность на будущее и стремление к счастью*, побуждающее американцев к участию в протестных выступлениях в борьбе за лучшее будущее;

- *индивидуализм*, отраженный в употреблении единицы **individual**, а также более конкретных антропонимических наименований;

- *способность критиковать руководство*, что отражается, например, в демонстрациях, направленных против правительства и его действий;

- *борьба с сексизмом и стремление к политической корректности*, выражаемые употреблением в дискурсе определенных этически «выдержанных» лексических единиц (**graying participants**, **older folks** вместо old people для номинации пожилых участников протеста, единицы **transgender** вместо transsexual для обозначения транссексуала, и **gay** вместо homosexual для обозначения любого представителя сексуальных меньшинств).

Концепт **СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США**, являющийся элементом когнитивного уровня американской языковой личности, выражается определенными языковыми средствами, имеет образные и поведенческие признаки, характеризуется национальной спецификой, в частности отражает культурные ценности американского социума, что обуславливает многомерность и сложность его структуры и ключевую роль в американской языковой картине мира.

Литература

Lebedeva I. Concept's Analysis // Quality in Language Teaching: 2002 FEELTA International Conference Program Book. – Благовещенск: Изд-во АМГУ, 2002. – P. 25.

Lebedeva I. Introduction to the Concept "Protest" and to Cognitive Linguistics // Quality in Language Teaching: 2002 FEELTA International Conference Handbook. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – P.116 -120.

Lebedeva I. What do they protest against in the U.S.A.? (On the basis of the Frame "Protest") // Sharing Challenges, Sharing Solutions. Teaching Languages in Diverse Contexts: The Fifth Pan-Asian Conference at FEELTA 2004. Conference Program Book. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – P. 123 -124.

Лебедева И.Л. Формы и виды акций протеста и их отражение в концепте "Protest" // Культурно-языковые контакты: сб. науч. тр. – Вып. № 7. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – С. 77-86.

Lebedeva I. What do they protest against in the U.S.A.? (On the basis of the Frame "Protest") // Sharing Challenges, Sharing Solutions. Teaching Languages in Diverse Contexts: The Fifth Pan-Asian Conference at FEELTA 2004. Conference Handbook. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – P. 67-71.

Лебедева И.Л. Фреймовый анализ концепта *Движение Протеста в США* // Россия — Восток — Запад: проблемы межкультурной коммуникации. Программа и тезисы 2-й регион. науч.-практ. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – С. 34-35.

Лебедева И.Л. Концепт *СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ* в языковой картине мира США (на материале периодики и Интернет-ресурсов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2005. – 21 с.

О.А.Евтушенко (Волгоград)

ПОРИЦАНИЕ

Цель данного исследования – охарактеризовать институциональный концепт «порицание» в русской и английской лингвокультурах.

Поставленная цель достигается с помощью решения следующих **задач**:

1) определить конститутивные признаки институционального концепта «порицание»,

2) описать концепт «порицание» в английском и русском языковом сознании и вербальном воплощении,

3) систематизировать языковые средства выражения концепта «порицание» в английском и русском коммуникативном поведении.

«Порицание» представляет собой институциональный лингвокультурный концепт. Анализ словарных дефиниций показал, что основным компонентом данного концепта является «выражение отрицательной оценки поведения кого-либо».

Порицание — 1) выражение неодобрения – неудовлетворенность чьими-либо действиями, поступками (Ожегов); 2) мера взыскания за какой-либо проступок, выговор (выговор – официальная отрицательная оценка проступка, отношения к работе как вид дисциплинарного взыскания) (Ушаков).

Reprimand: Telling someone officially that something they have done is very wrong (LDCS); Expression of strong official disapproval of (LDELIC); Serious official warning about unacceptable behavior (ASD).

Исходя из анализа энциклопедических и толковых словарей, мы выделили признаки порицания: а) общение статусно неравных коммуникантов, б) неправильный поступок подчинённого, в) выражение критической оценки этого поступка со стороны вышестоящего коммуниканта, г) ожидание признания своей вины со стороны подчинённого.

Ситуация порицания выглядит следующим образом: субъект порицания – тот, кто порицает объект порицания (тот, кого порицают) за что-то плохое, совершенное объектом порицания. Следовательно, порицание невозможно без оценивания субъектом порицания поступка объекта порицания. Объектом оценки выступает действие человека, а под субъектом оценки подразумевается представитель социума: лицо, часть социума в целом, ведь социум порождает системы социальных ценностей, определяет категории добра и зла, хорошего и плохого. Поведение каждого участника социального образования находится под контролем общества, а порицание возвращает к нарушенным правилам и нормам, которые предназначены для успешного функционирования общества.

Важно отметить, что субъект и объект оценки находятся в статусных отношениях, что является главной отличительной характеристикой данного концепта. В ситуации порицания субъект оценки при вынесении оценки подчёркивает свой статус, так как ценности имеют общественную значимость и, давая оценку, ин-

дивид тем самым присваивает себе право представлять общество.

В ходе исследования было установлено, что для раскрытия глубинных характеристик концепта представляется необходимым анализ его глагольной составляющей — *порицать и reprimand*. Данные глаголы относятся к группе глаголов речевого воздействия, типовой семантикой которых является произносить что-либо каким-либо образом, воздействуя на собеседника, побуждая его к чему-либо, к совершению какого-либо действия (ТСРГ, 1999: 374).

Когда мы думаем о ситуации порицания, то, прежде всего, мы представляем некий неправильный поступок, который повлечёт за собой порицание. Согласно проведённому исследованию к таким проступкам относятся нарушение трудовой дисциплины (опоздание, прогул, преждевременный уход с работы, распитие спиртных напитков) невыполнение или недобросовестное выполнение заданий, безответственность, лень.

Меня лишили 100 процентов премиальных, поводом было наложение на меня выговора за опоздание на рабочее место на шесть минут (КЗУР).

Выговор за опоздание повлечёт за собой денежный штраф, что свидетельствует о том, что чаще всего выговор сопровождается наказаниями, штрафами, денежными взысканиями.

The military court reprimanded the captain for his failure to perform his duty.

В данном примере причиной порицания является невыполнение офицером своих служебных обязанностей.

Образная составляющая концепта «порицание» была выделена посредством сочетаемостного анализа. Порицание – это речевое действие, которое происходит при наличии **субъекта оценки, объекта оценки, места оценки, основания для оценки, характера оценки**; оно сопровождается **эмоциями**, как субъекта, так и объекта оценки. Порицание характеризуется прилагательными, обозначающими **степень резкости и обоснованности** этого действия: строгое (*strong*), заслуженное (*deserved*), сильное (*strong*), суровое (*severe*), язвительное (*stinging*), мягкое (*soft*), справедливое (*fair*), несправедливое (*unfair*), неуместное (*unsuitable*), жёсткое (*stiff*), снисходительное (*indulgent*), странное (*dreadful*), слабое (*weak*), обоснованное (*reasonable*), оскорбительное (*offensive*), тактичное (*tactful*), целенаправленное, резкое, серьёзное, неэффективное (*inefficient*), своевременное (*timely*), необходимое (*necessary*), деликатное (*delicate*), яростное (*fierce*),

безрезультатное (*vain*), поверхностное (*cursory*). Порицание всегда исходит от **субъекта порицания**: директора (*director*), заместителя (*assistant*), руководства (*boss*), преподавателя (*teacher*), родителя (*parent*), начальника.

На порицание всегда существует **ответная реакция**: выслушать, признать правильной, принять к сведению, пропустить мимо ушей, игнорировать, заработать, заслужить, повлечь, *listen to, admit it right, take into account, let it pass, ignore, receive, deserve, adopt, get, take*. Порицание **оказывает** некое **воздействие** на человека. Оно может обидеть, оказаться бесполезным, правильным, достичь своей цели, дать какие-либо результаты, основываться на чём-либо, *can be useless, right, reach a goal, give, bring results, be based on sth., offend*.

Объектом порицания может выступать **любой человек**, совершивший нечто «плохое»: порицать можно студента (*student*), ученика (*pupil*), ребёнка (*child*), подчинённого (*employee*).

Для дальнейшего изучения образно-перцептивной составляющей концепта «порицание» мы провели эксперимент, обратившись к информантам с просьбой написать короткие сочинения на тему «Когда я думаю о ситуации порицания, я представляю себе...». Приведем типичные сочинения на русском и английском языках (было опрошено по 100 информантов).

1) *Мне представляется мой начальник, сидящий в своем офисе, за столом. Он смотрит строго прямо мне в глаза, хмурит брови, морщит лоб. Его голос очень громкий, переходящий в крик. Начальник очень эмоционален, жестикулирует руками на протяжении всего разговора. Я при этом сижу, опустив голову вниз, потю и ничего не могу сказать в ответ.*

2) *Teacher standing over me, shaking her finger and one hand on hip. I'm sitting in desk.*

Образно-перцептивные характеристики концепта «порицание» представляют собой ситуацию официального общения, в ходе которого человек с более высоким статусом прямо или косвенно (обычно нахмутив лицо, грозя пальцем, повышая голос, жестикулируя руками) выражает человеку с более низким статусом отрицательную оценку поступка, при этом объект порицания (опустив глаза, стоя, смущённо, краснея, молча) осознаёт серьёзность и отрицательные последствия проступков со своей стороны

Следует отметить, что в целом картина порицания совпадает в русской и английской лингвокультурах. Отличие состоит в том, что в английской лингвокультуре порицание, как правило, выно-

сится без свидетелей, либо в присутствии третьего лица для соблюдения правил.

Ценности, высшие ориентиры, определяющие поведение людей, составляют наиболее важную часть языковой картины мира. В аксиологии существует много классификаций ценностей, среди которых выделяются ценности абсолютные или вечные, общественные, личностные, ценности биологического выживания и т. д. Человек не только познаёт мир, но и оценивает его с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей.

Разделяя мнение А.К. Байбурина о том, что норма существует только на фоне её нарушений и полное её торжество принципиально невозможно, т.к. это лишает смысла понятие нормы, мы считаем порицание – результат нарушения нормы. Невыполнением социальных норм человек противопоставляет себя обществу. Нарушение, которое не сопровождается отрицательной оценкой со стороны социума, указывает на высокий статус лица.

Концепт «порицание» возникает как результат оценочной деятельности, когда объекты и события окружающего мира по-разному воздействуют на человека, вызывая у него субъективную оценку.

В основе порицания лежат важнейшие аксиологические категории — оценка, ценность и норма. Исследование ценностей и норм социума возможно на основе анализа языковых структур, содержащих оценку. Ценность реализуется, проявляется в оценке и норме, т.е. ценность проявляется посредством оценочных суждений и норм, выявление языковой оценки позволяет судить о ценностях и нормах социума, верно интерпретировать действия его представителей. Порицание выполняет в обществе целый ряд функций, важнейшими из которых являются стимулирующая, регулирующая и ориентационная.

Анализ паремнологического фонда русского языка показал, что в русской культуре отношение к порицанию имеет двоякий характер. Два полярных подхода к порицанию можно проиллюстрировать двумя высказываниями: 1) *Поневоле худое всяким порицается*; 2) *Не суди, да не судим будешь*. Эти высказывания демонстрируют то, что, с одной стороны, порицание неизбежно в случае совершения проступка, оно может научить человека, помочь исправиться и в дальнейшем избегать подобных проступков. С другой стороны, порицая другого, человек должен предвидеть отрицательные последствия проступков со своей стороны, а также понимать, что порицание может быть необоснованным в силу субъективности человеческой оценки. В английской паре-

миологии подчеркивается, что человек, совершивший нечто предосудительное, заслуживает порицания, получая ценный опыт, извлекая урок, поскольку это в дальнейшем поможет избежать повторения проступков (*Once bitten, twice shy – Однажды укушенный, вдвое пуглив*).

В основе концепта «порицание» всегда находится отрицательный поступок, оценка которого происходит на основе общепринятых аксиом поведения и нормативных комплексов. В результате семантических трансформаций конкретных норм поведения, содержащихся в универсальных высказываниях, возможно выделение таких аксиом поведения, которые мы можем отнести к рассматриваемому концепту, предложенных В.И. Карасиком (2002), с изменениями, продиктованными материалом исследования:

1. Аксиома взаимодействия – нельзя вредить своим, следует помогать друг другу, нельзя оставлять друга в беде (*A friend in need is a friend in deed; Друзья познаются в беде*).

2. Аксиома жизнеобеспечения – следует трудиться (*If you dance you must pay the fiddler; Любишь кататься, люби и саночки возить*), следует делать свое дело хорошо, следует соблюдать чистоту, не следует считать что-либо сделанным, пока не доведешь его до конца (*Never do things by halves; Начатое дело доводи до конца*).

3. Аксиома общения – следует быть честным (*Honesty is the best policy; Честность – лучшая политика*), следует думать о чувствах и интересах других людей, не следует много говорить (*A closed mouth catches no flies*).

4. Аксиома ответственности – следует отвечать за свои поступки, следует признавать свои ошибки, следует стремиться к исправлению ошибок, не следует исправлять дурной поступок другим дурным поступком (*He that falls into the dirt, the longer he stays there the fouler he is*);

5. Аксиома управления – следует быть справедливым, нельзя руководить без должных прав, не следует ослаблять контроль над подчиненными и не следует возлагать ответственности на многих людей (*Too many cooks spoiled the broth; У семи нянек дитя без глазу*).

6. Аксиомы реализма – следует исходить из своих возможностей и надеяться на собственные силы (*A man can do no more than he can; Выше головы не прыгнешь*).

7. Аксиома безопасности – следует быть осторожным («*Almost*»t never killed a fly; Будь осторожен в высказываниях),

следует советоваться с людьми, следует быть бережливым(*A penny saved is a penny gained*).

Таким образом, любое нарушение данной аксиомы, нормы вызывает негативную реакцию у окружающих людей, что является причиной конфликтов. Негативная реакция может выражаться по-разному: высказывание недовольства, в виде констатации нарушения нормы, формы неодобрения и также порицания.

Вслед за И.В. Палашевской мы приходим к выводу о том, что результат сопоставления паремиологических единиц английского и русского языков показывает, что между ними сходство наблюдается в фундаментальных ценностях как морального, так и утилитарного порядка. Различия касаются плана выражения и степени их актуальности для данных культур.

Порицание – речевое действие, которое необходимо выполнять, учитывая этику порицания. Важнейшим элементом культуры поведения является культура речи. А.Н. Васильева (1999) перечисляет разновидности нарушения этики речевого поведения: грубость, равнодушие, начальственно-холодное административное обращение, начальственно-развязное отношение. Критика должна быть объективной, соответствовать принципам морали, следует избегать грубых форм, насмешек. Справедливое наказание предполагает обязательное уважение к человеческому достоинству, после наказания бестактно напоминать человеку о его вине.

Порицая своего работника, английские психологи (Redford, Stevens, 2003) советуют следовать следующим правилам:

1. Следует объяснить причину отрицательной оценки объекту порицания, если ему она является неизвестной (*In most cases you should first talk with the employee, use specific language so there is no room for misunderstanding*).

2. Следует выразить порицание лаконично, серьезно, не следует критиковать личных качеств объекта порицания (*Be brief and to the point. Do not make generalizations about the employee, his or her character, and avoid insulting language*).

3. Следует соблюдать принципы вежливости, тактичности, точности при вынесении отрицательной оценки (*Although the behavior is disturbing, remain calm and courteous but be direct and concise*).

4. Следует выносить оценку относительно совершенного проступка, избегая обобщений. (*Focus one incident or practice in question, offer constructive criticism, but do not make generalizations*).

Заметим, что такое отношение к вынесению порицания мы встретили только в английской лингвокультуре. Это свидетель-

ствует о том, что порицание представляет собой планируемое, а не спонтанное речевое действие.

Концепт «порицание» реализуется в дискурсе как институциональное речевое действие «порицание», которое, являясь оценочным речевым действием, характеризуется следующей структурой: субъект оценки (порицающий), объект оценки (порицаемый, точнее его действие) и содержание оценки (“bad”, “wrong”, «плохо», «недопустимо»). Основанием оценки в порицании служит некоторый стандарт, образец, идеал, принятый в данном обществе, который, как предполагается, известен членами данного общества. Порицание – оценочное речевое действие, в котором говорящий выражает своё отрицательно-оценочное отношение к поступку партнёра по коммуникации, при этом, занимая более высокое статусное положение.

Описание речевого акта «порицание» осуществляется в данной работе как развитие параметрической модели речевых жанров по Т.В. Шмелевой, которая выделяет семь основных параметров модели речевого жанра: коммуникативную цель, концепцию автора, концепцию адресата, событийное содержание, фактор коммуникативного прошлого, фактор коммуникативного будущего, параметр языкового воплощения (Шмелева, 1995).

1. Коммуникативная цель РА «порицание» – побудить адресата признать свою вину, неправильность поступка или побудить исправиться и не допускать в дальнейшем подобного. Порицание – комплексный речевой акт, в нём иллокутивный компонент сливается с эмоциональным, образуя единое целое. Этот параметр объединяет речевой акт «порицание» с другими речевыми актами, которые направлены на мир информации (сообщение) и мир личностных ощущений, самочувствий коммуникантов (протест, одобрение, упрёк) и называются информативными и оценочными соответственно.

2. Концепция автора предполагает такие свойства автора по отношению к адресату, как свой / чужой, старший / равный, авторитетный / неавторитетный, имеющий / не имеющий полномочия, более / менее осведомленный, заинтересованный / незаинтересованный и др. Порицание включает образ человека, который имеет полномочия, авторитет для того, чтобы оценивать человека за его поступок. Причиной порицания могут стать любые отклонения от нормы в жизни, нарушение правил, несоблюдение этикета и т.д., поэтому данному речевому акту соответствуют такие чувства как возмущение неодобрение, недовольство.

3. Концепция адресата. Обычно мы порицаем тех людей, которые находятся ниже по статусу, возможно младше по возрасту, менее осведомлённых, соответственно менее опытных.

4. Событийное содержание. Концепция событий соотносится с такими свойствами событий как: отнесённость / неотнесённость к личной сфере автора и адресата, временная перспектива, оценка события, количество событий (эпизодов, поступков). Для речевого акта «порицание» обязательна отрицательная оценочность событий. Порицают только тогда, когда для этого есть основания. Данный речевой акт необязательно предполагает включённость события в личную сферу автора.

5. Фактор коммуникативного прошлого. По этому параметру «порицание» может быть отнесено как к числу:

- инициативных речевых актов, при которых высказывание осуществляется как бы «вне контекста», т.е. автору не требуется каких-либо предшествующих высказываний, чтобы начать порицать.

- так и реактивных речевых актов, когда порицание как бы обуславливается предшествующим речевым высказыванием — своим или собеседника.

6. Фактор коммуникативного будущего. Реакции на порицания могут быть разными, в нашей работе выделены и проанализированы следующие: 1) признание вины, 2) обещание исправиться, 3) молчание, 4) протест.

7. Параметр языкового воплощения, т.е. то в каком языковом облике выступает акт в речи. В языковой структуре речевого акта «порицание» возможно появление жанровых показателей упрёка, выговора, критики, неодобрения, обвинения. Их использование создаёт дополнительные возможности для получения перлокутивного эффекта (реакция адресата).

Порицание – это речевое действие двунаправленного характера. С одной стороны, порицание имплицитно обуславливает такое поведение в результате провоцирующего поведения со стороны порицаемого (совершил плохое действие, не такое, которое ожидал от него порицающий). С другой стороны, порицание отражает неадекватное поведение говорящего (выражение неодобрения, разочарования, недовольства), не соответствующего правилам как речевого, так и неречевого поведения (по Личу), и это характеризует иллокутивную цель как конфликтную, неприемлемую с точки зрения социального характера взаимоотношений коммуникантов.

Поскольку порицание – потенциально опасное действие для порицающего, он выбирает стратегию косвенного выражения порицания, избегая ответственности за нанесение ущерба своей репутации, т.к. ответственность за правильную интерпретацию иллокутивной силы лежит в данном случае на порицаемом. Порицание как институциональное речевое действие имеет преимущественно косвенную форму выражения, что вызвано желанием порицающего избежать открытого конфликта, смягчение конфликтной иллокуции обеспечивается за счёт лингвистических средств. Если языковое значение формы не соответствует выполняемой ею функции, мы имеем дело с косвенным способом выражения интенции.

Порицание, как показывает проанализированный материал, реализуется в виде констативов, императивов, вопросов и имплицитной критики.

Порицания-констативы представляют собой простые повествовательные предложения, излагающие информацию о случившемся, а, с другой стороны, это оценочные высказывания, цель которых довести до порицаемого суть человеческих ценностей.

Вы в очередной раз не выполнили домашнее задание (КЗУР).

Ситуация в данном примере имеет совершенно определённую оценку на шкале ценностей. Учитель имеет право высказать порицание подобного рода своему ученику, т.к. обязанность ученика – получать новые знания, выполнять домашнюю работу для самосовершенствования.

«Thomas, ... I find it difficult to believe that you, with your education and resources should have brought your sister to a scene like this» (Dickens, 15).

Отец констатирует лишь то, что его сын повёл себя ниже своего достоинства, ведя себя плохо, и подавая тем самым плохой пример своей сестре, но в этом предложении чувствуется скрытое порицание (*I find it difficult to believe*). Плохое поведение всегда имеет отрицательную оценку на шкале ценностей:

Положительная черта порицаний-констативов заключается в том, что возможна корректировка поведения в момент его произведения, т.е. провинившийся может исправиться, признать свою вину. Важно отметить, что порицания-констативы не носят грубый, жесткий характер, однако с их помощью цель порицания достигается достаточно успешно.

Порицания-императивы направлены на формирование у адресата системы ценностей. Их можно сформулировать в виде аксиологических протокольных предложений. Если мы говорим: «Нельзя опаздывать», то это значит, что мы апеллируем к норме

поведения, которая может быть выражена в протокольном предложении «Человек должен быть дисциплинированным». Быть дисциплинированным значит подчиняться общим правилам и самоконтролю; следует соблюдать законы поведения и контролировать себя – в этом ряду протокольных предложений выражены ценности коллективной жизни. Например: *Нельзя шуметь в общественных местах* (КЗУР). В общественном месте следует особенно строго контролировать свое поведение, поскольку удобство других людей приоритетно по сравнению с собственным удобством воспитанного человека. *You must learn what your master tells you to learn* (Dickens, 248). Ученик должен (*must*) слушать своего наставника, т.к. он старше и опытнее его.

Как правило, порицания-императивы представлены модальными конструкциями «нельзя», «нужно», «надо», «you mustn't», «you can't», «don't».

Рассматриваемые нами порицания в форме вопросов выделяются, таким образом, в отдельную группу, но группа эта не однородна. Можно выделить в ней, как минимум, две подгруппы высказываний: 1) высказывания, которые совмещают в себе и вопрос, и порицание, 2) высказывания, лишь по форме напоминающие вопросы, но являющиеся порицаниями.

Ребенок включил музыку слишком громко, это мешает родителям разговаривать: «Ты что, не можешь быть внимательным к другим? Почему ты включил это так громко?»

Вопросы, заданные матерью, с одной стороны, построены по всем грамматическим правилам с оттенками неодобрения, с другой же стороны, они выражают порицание ребенка (ему ставится в вину неуважение к старшим, эгоистичность).

От данной разновидности высказывания отличаются высказывания, которые строятся по образцам невопросительных предложений, но с особой вопросительной интонацией. Но для того, чтобы вопрос приобрел оттенок порицания, необходимо введение интенсификаторов «опять» и «снова».

Сравним: *Ты опоздал? — Ты опять опоздал?*

Добавочный компонент «опять» вводит в высказывание пресуппозицию: уже не раз поступал плохо. Интенсификатор «опять», «снова» придает вопросу оттенок сурового порицания.

Порицание в виде вопроса представлено двумя разновидностями: это вопросы, на которые можно дать ответ, и риторические вопросы:

«What do you mean, boy?» Said Mr. Gradgrind. «What are you doing? How dare you dash against – everybody – in this manner?»

Bitzer picked up his cap, which the concussion had knocked off, and backing, and knocking his forehead, pleaded that it was an accident (Dickens, 27).

Последняя группа высказываний — это ситуативные высказывания порицания. В изолированном виде такие высказывания неузнаваемы как высказывания данных речевых актов, так как в своей семантической и синтаксической структуре они не имеют никаких компонентов, прямо или косвенно соотносящихся с оценкой. Одобрительный или неодобрительный компонент в них вытекает из общих фоновых знаний участников разговора, их личных взаимоотношений, конкретной ситуации общения. Данную группу высказываний можно квалифицировать также как имплицитную критику.

Ситуативная группа порицаний представляется многоплановой и разнообразной: учитель / ученик, родители / дети, старший брат / младший брат, командир / солдат, начальник / подчинённый, контролёр / пассажир в общественном транспорте и т.д. Смысл всех высказываний состоит в том, чтобы обрисовать поступок или действие адресата как нечто «плохое». Осуждая и порицая адресата, субъект порицания стремится уберечь его от совершения подобного в будущем. В данной группе высказываний порицающий не говорит прямо о том, что данный поступок оценивается негативно, порицание выражено имплицитно, но при определённом наборе языковых, синтаксических средств адресат понимает это.

– Тэк-с! – ехидно продолжал Малиновский. – А позвольте вас спросить, за каким же вас чёртом на Нижний Новгород понесло? Где ваша голова и где в одной мои уроки географии? Разве же не ясно, как день, что вы должны были отправиться через Москву, — он ткнул указкой по карте, — через Смоленск, Брест, если вам угодно на германский фронт? А вы поплёрли прямо в противоположную сторону – На восток! Как вас понесло в обратную сторону? Вы учитесь у меня, чтобы уметь на практике применять получаемые знания, а не держать в голове, как в мусорном ящике! Садитесь! Ставлю вам два. И стыдно, молодой человек!

Надо заметить, что следствием этой речи было то, что первокурсники, внезапно уяснив себе пользу наук, с совершенно необычным рвением принялись за изучение географии, даже выдумали новую игру, называвшуюся «беглец» (Гайдар).

Как видно из монолога, учитель географии стремится пристыдить неприлежного ученика. Его порицание изобилует различными средствами: вопросы (*Разве не ясно? Где ваша голова?*), сравнение (*голова, как мусорный ящик*), оценочные средства (*Стыдно! Каким вас чёртом*), слова разговорно-сниженного сти-

ля (*понесло, попёрли*). Порицание имело свой эффект – остальные ученики «с необычным рвением принялись за изучение географии», перлокутивная цель достигнута.

Look at this way, Mr. Florian said. It is of advantage to both pupils and teacher...As for teachers, we soon get a pretty good idea what the children think of us and whether or not we are getting close to them. If you are careless about our clothing, manners or person they will notice it soon, and it would be pointless to be angry with them for pointing such things out. Finally, from the reviews, the sensible teacher will observe the trend of individual and collective interests and plan his work accordingly (Hilton).

Порицание учителя за плохие манеры, неопрятный вид, вынесенное директором школы, представлено повествовательным предложением. Излагая то, как должен вести себя учитель, директор тем самым подчеркивает своё неодобрение. Использование эпитета *sensible teacher* говорит о том, что у порицаемого нет четко обоснованных подходов в работе с детьми.

Порицание – это речевое двухходовое действие, т.к. подразумевает не только действие со стороны адресата, но и адресанта: порицание – реакция на порицание.

Реакции на порицания могут быть вполне различны и многообразны и даже вполне непредсказуемы, все во многом зависит от образования, воспитания, возраста и социального статуса коммуникантов, а также от их индивидуальных особенностей, таких как темперамент, характер, эмоциональность. Анализ текстовых фрагментов художественной литературы позволил выделить наиболее частотные реактивные действия на порицание, к которым мы отнесли: признание вины и признание говорящим ответственности, поиск оправдания, протест и молчание. Если рассматривать данные реакции с точки зрения принадлежности к той или иной культуре, то трудно сказать, какая из них является более типичной для русской и английской лингвокультуры, т.к. эти действия встречаются в главной степени в обеих культурах.

В исследовании был проведён анализ языковых средств, используемых для выражения данного речевого действия, с целью определения места порицания, его значимости для русской и английской лингвокультур.

Для английского языка характерно строгое закрепление порядка слов, увеличения удельного веса фразеологических оборотов и стандартизации высказываний. Порицание в английской лингвокультуре реализуется при использовании таких языковых средств, как параллелизм, повтор, сравнительные конструкции, модальные конструкции, перфектные обороты.

Порицания в русской лингвокультуре отличаются эмоциональностью, разнообразием по форме их реализации. Разнообразие языковых средств представлено эпитетами, интенсификаторами, инвертированными высказываниями, эмотивами, эллиптическими предложениями, повторами, параллельными конструкциями, восклицательными предложениями. Данный набор языковых средств позволяет делать вывод о том, что русское порицание характеризуется большей эмоциональностью по сравнению с порицанием в английской лингвокультуре. В нашей выборке весьма частотны тексты несдержанных и бестактных порицаний. Из этого с некоторыми оговорками можно сделать вывод о том, что для многих носителей русской лингвокультуры порицание – это не строго институциональное речевое действие.

Подведем основные итоги.

1. Порицание представляет собой институциональный лингвокультурный концепт, содержанием которого является официальное выражение отрицательной оценки поведения кого-либо. Будучи институциональным лингвокультурным концептом, «порицание» обнаруживает не этнокультурную, а социокультурную специфику, зависящую от типа социального института в английской и русской лингвокультурах.

2. Понятийные характеристики концепта «порицание» сводятся к комбинации следующих признаков: а) «общение статусно неравных коммуникантов», б) «официальная ситуация общения», в) «неправильный поступок подчиненного», г) «выражение критической отрицательной оценки этого поступка со стороны вышестоящего коммуниканта», д) «ожидание признания своей вины со стороны подчиненного».

3. Образно-перцептивные характеристики концепта «порицание» представляют собой ситуацию официального общения, в ходе которого начальник прямо или косвенно выражает подчиненному отрицательную оценку поступка последнего. При этом подчиненный осознает серьезность ситуации и возможные отрицательные последствия своих проступков. Непременным образно-перцептивным компонентом порицания являются представления о паравербальном поведении обоих коммуникантов.

4. Ценностные характеристики концепта «порицание» определяются следующими нормами институционального общения: а) начальник имеет право делать замечание подчиненному, б) подчиненный обязан принимать замечания к сведению, в) порицание должно иметь объективные основания, г) порицание должно относиться к поступкам, а не личным качествам человека.

5. Концепт «порицание» реализуется в дискурсе как институциональное речевое действие «порицание», структура которого включает следующие компоненты: а) проступок подчиненного, имеющий отношение к определенной институциональной сфере, б) вербальное выражение критической отрицательной оценки со стороны начальника в связи с этим проступком подчиненного в присутствии подчиненного, в) реакция подчиненного на выраженную критическую оценку. Порицание как институциональное речевое действие имеет преимущественно косвенную форму выражения, реализуясь в виде констатива, императива, вопроса и имплицитной критики.

Литература

Евтушенко О.А. Способы выражения речевого акта «порицание» в русской лингвокультуре // Мир и язык: Сб. науч. статей / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2005. – С.201-205.

Евтушенко О.А. Институциональный концепт «порицание»: образно-перцептивные характеристики // Межрегион. науч. чтения, посвященные памяти профессора Р.К. Миньяр-Белоручева, г. Волгоград, 16 января 2006 г.: Сборник статей. — Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. — С.142-148.

Евтушенко О.А. Ценностные характеристики концепта «порицание» // Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретический и методологический аспекты: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. — Самара: Самар. гуманитар. акад., 2006. – С.212-215.

Евтушенко О.А. Этимологические основы концепта "порицание" в русском и английском языках // Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр. / под ред. проф. Н.А. Красавского и проф. В.П. Москвина. – Волгоград: Колледж, 2006. – Вып. 5. – С. 147-153.

Евтушенко О.А. Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. – 22 с.

Ю.Г. Соловьева (Иркутск)

ОБВИНЕНИЕ

Согласно закону номинативной дробности (Попова 2001), презентация обвинения посредством многочисленной глагольной лексики (свыше 30 глаголов обвинения, а также большое количество глагольных сочетаний) свидетельствует о важной роли, которую обвинение как вид когнитивного взаимодействия играет в

англоязычном социуме. Следовательно, представляется возможным отнести глаголы обвинения к разряду «лингвоспецифических слов» (Вежбицкая 2001), представляющих собой «бесценные ключи» к пониманию того, как в англоязычном обществе происходит восприятие и категоризация мира человеческих взаимоотношений. Это предопределило выбор лексических средств, репрезентирующих обвинение, в качестве объекта исследования. В качестве основных лексических средств для анализа мы выбрали глаголы обвинения, но для создания более полной картины объективации феномена обвинения мы сочли целесообразным включить в корпус исследуемых единиц и глагольные сочетания, обозначающие обвинение. Мы отдаем себе отчет в том, что глаголы в этих сочетаниях не являются собственно глаголами обвинения, например, глагол *shift the blame*. Чтобы не перегружать работу сложными формулировками, мы будем часто применять выражение «глаголы обвинения» как к собственно глаголам обвинения, так и к глагольным сочетаниям, репрезентирующим обвинение.

Предметом анализа является семантика глаголов обвинения. Изучение ряда работ по данной проблематике (Fillmore 1971; Wierzbicka 1987; Vanderveken 1994; Карасик 1986; Воркачев 1990; Булыгина 1997, и др.) показало, что до настоящего времени их семантический статус не определен, вследствие чего остается нерешенным вопрос о том, какие именно глаголы и глагольные сочетания можно причислить к лексико-семантическому классу глаголов обвинения.

Цель работы – выявить когнитивную специфику семантики глаголов и глагольных сочетаний, репрезентирующих обвинение, и объяснить, почему феномен обвинения представлен столь обширной лексикой в английском языке.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие задачи.

1. Выявить лексические средства репрезентации обвинения, которые образуют лексико-семантический класс глаголов обвинения на основе выделяемых критериев.

2. Описать незафиксированные в словарях компоненты значения этих средств.

3. На основе данных исследований по психологии, биологии, философии, юриспруденции установить, что представляет собой феномен обвинения и какие механизмы задействует человек в процессе обвинения.

4. Разработать когнитивно-семантическую классификацию глаголов и глагольных сочетаний, репрезентирующих обвинение, с учетом полученных результатов.

Анализ семантики глаголов и глагольных сочетаний, репрезентирующих обвинение в современном английском языке, представляет интерес для лингвистики по ряду причин. Так, в английском языке насчитывается 38 глаголов обвинения (Roget 1999), в то время как в русском языке используются в основном 2 глагола: *винить* и *обвинить/обвинять*. Возникает закономерный вопрос: «Почему количество глаголов обвинения в английском языке во много раз превышает количество соответствующих глаголов в русском языке?» Как в русской культуре, так и в английской, существуют понятия «право» и «мораль», в рамках которых и выдвигается обвинение; видимых причин такому существенному различию нет.

По-видимому, обвинение можно рассматривать как значимое для англоязычного социума явление, а большое число глаголов и глагольных сочетаний, репрезентирующих обвинение, указывает на то, что в их значениях отражаются какие-то особенности, присущие самому процессу обвинения. Предположительно, эти специфические элементы воспринимаются носителями английского языка как жизненно важные для успешного существования в социуме. О важной роли обвинения говорит А. Вежбицкая: фразы типа “X accuses Y of Z”, “X blames Y ...” кажутся более привычными в качестве заголовков газет. Они вплетены в гигантскую сеть речеактовых глаголов, из которых состоит вся общественная жизнь (Wierzbicka 1987: 3).

Исследование лексических средств репрезентации обвинения в современном английском языке проводилось с учетом постулатов когнитивной семантики (Баранов 1997), которая рассматривает язык как составную часть когнитивной системы, коррелирующей с другими когнитивными образованиями. Соответственно, полная семантическая характеристика того или иного языкового явления предполагает учет того, какую когнитивную структуру или их совокупность объективирует определенный корпус лексических единиц, и какую функцию он при этом реализует (Болдырев 2000; Стернин 2004). Языковое значение рассматривается с точки зрения интерпретационного подхода (Демьянков 1994), целью которого является выявление знаний (опыта) об определенном фрагменте окружающей среды или внутреннего мира человека,

вычленение способов его категоризации и представления в языке.

Проанализировав работы зарубежных и отечественных лингвистов, посвященные семантике глаголов обвинения, мы обратили внимание на то, что для анализа исследователи выбирают чаще других лексемы *accuse* и *blame*. Этот факт навел нас на мысль, что, в соответствии с теорией прототипов (Rosch 1973, 1975; Taylor 1989), эти языковые единицы должны являться наиболее типичными представителями лексико-семантического класса глаголов обвинения, поскольку выделяются самими носителями языка, т.е. они должны содержать в своей семантике интегральный семантический признак всего класса. В ходе анализа словарных дефиниций мы пришли к выводу, что в качестве таких прототипов глаголы-семантического класса глаголов обвинения выступают глаголы *accuse*, *blame* и *charge*. Они содержат в своей семантике интегральные компоненты, которые послужили критериями отбора лексических средств в исследуемый класс глаголов: а) вменение вины за совершение преступления, нарушение закона: *to charge with a crime, say that sb. has broken the law* (OED); и б) вменение вины за совершение проступка: *say that sb. has done wrong* (Hornby). Кроме этого, дефиниционный анализ лексических единиц из тезауруса Роже показал, что наряду с глаголами, которые указывают на нарушение правовых и нравственных норм, существуют глаголы и глагольные сочетания, обозначающие безнравственное поведение людей при обвинении. В основе их семантики лежит понятие «лже-обвинение». Ср.: *frame – to vise false (as a criminal charge) against the innocent man* (WNIDEL 1993: 902). Также нами были выделены глаголы, обозначающие самообвинение, такие как *accuse oneself*, *blame oneself*, *incriminate oneself* и другие, указывающие на направленность обвинения на его субъекта.

В связи с этим, для создания более полной картины лексико-семантического класса глаголов обвинения, мы распределили все глаголы и глагольные сочетания по двум группам в соответствии со сферой их употребления, каждая из которых содержит непосредственно глаголы обвинения, глаголы самообвинения и глаголы лже-обвинения. Для названия групп мы воспользовались термином «норма», поскольку обвинение вызвано нарушением установленных норм правового или нравственного характера. Данная узальная классификация имеет следующий вид:

1. Глаголы, соотносимые со сферой «правовые нормы»:
  - а) глаголы обвинения;

б) глаголы лже-обвинения;

в) глаголы самообвинения.

2. Глаголы, соотносимые со сферой «нравственные нормы»:

а) глаголы обвинения;

б) глаголы лже-обвинения;

в) глаголы самообвинения.

Классификация позволила сделать вывод, что глаголы и глагольные сочетания, репрезентирующие обвинение, являются одним из средств объективации концептуальных областей ПРАВО и МОРАЛЬ. Они также «затрагивают» часть концептов ЛОЖЬ и Я.

Однако анализ словарных дефиниций не позволил выявить смысловую и функциональную разницу между лексическими единицами, многие из которых трактуются как абсолютные синонимы. Причиной несостоятельности компонентного анализа при выявлении дифференциальных семантических признаков так называемых синонимов является диффузность языкового значения, которая обусловлена недискретным характером постоянно меняющегося мира. Проблема диффузности в семантике глагола напрямую зависит от того, что «глаголы с точки зрения категоризации мира представляют собой весьма сложные и трудно поддающиеся определению единицы. Тогда как объекты существуют в мире как достаточно четко выделенные самим фактом их физического существования, ... то, что концептуализируется в виде события, таких явных границ не имеет» (Croft 1991; цит. по: Кубрякова 2004а: 264). Учитывая данную особенность категоризации событий, мы предприняли попытку анализа причин диффузности значения глаголов обвинения. Проведенный анализ показал, что глаголы обвинения группы «правовые нормы» проявляют диффузность способностью выражать субъект обвинения посредством: 1) собирательного имени лица; и 2) предметным именем.

In some jurisdictions the police file charges directly with the court (Criminology 1995: 341);

A federal lawsuit accuses a public school district in New Mexico of violating the freedom of speech rights of three Navajos (The Farmington Daily Times, Jan. 9, 2004).

Подобная неконкретность обозначения обвинителя обусловлена тем, что язык права стремится избежать использования конкретных обозначений в случае с обвинителем. Это вызвано стремлением создать атмосферу объективности и непредвзятости при отправлении правосудия (Tiersma 1999). Обозначение субъекта обвинения в первом случае указывает на компонент «авторитетность», во втором предметное имя «обезличивает»

обвинителя, подчеркивая, что разбирательство вершится законом, которому подвластны все (признак «объективность»).

Глаголы группы «нравственные нормы», наоборот, демонстрирует диффузность тем, что в качестве объекта обвинения могут выступать следующие компоненты.

– Отдельный человек/люди. В этом случае активируется семантический компонент «вина», поскольку с виной ассоциируется сам человек со всеми его отрицательными чертами характера, которые приводят к совершению проступков:

(3) *John blamed me for writing the letter (Fillmore 1971: 280).*

– Событие (компонент «причина»). Одним из оснований использования событийной причины в качестве объекта обвинения является нежелание обвинителя взять на себя ответственность за происходящие события. Так, например, когда глобальный кризис охватил банковскую систему кредитования в 2001 году, банки заявили, что причиной являются трагические события 11 сентября. Однако, согласно оценкам журналистов, банки пошли на этот шаг, чтобы избежать скандала и сохранить свою репутацию:

(4) *It (the bank) blames Sept. 11, saying that attack "significantly increased risk aversion and reduced investor appetite for emerging market assets. <...> The actual story, however is different. The worldwide credit crunch is real, and deadly, but it's not new and it's a fraud to blame Arab terrorists. Here, the real terrorists are the Wall Street and London banks, which were closing off credit well before Sept. 11, and now using the attacks as their excuse (Exclusive Intelligence Review, № 16, 2001).*

– Группа людей, работающих в одной системе. Отличными от вышеописанных примеров являются ситуации, когда объектом обвинения выступает не отдельный человек и не событийная причина, а группа лиц, работающих в одной системе и представляющих собой некий собирательный образ. Эта отличительная черта обуславливает тесное переплетение вины и причины, ср.:

(5) *I accuse the BBC of failing to realize that they have just signed their own death warrant (www.J'accuse.com).*

Пример показывает, что компанию BBC нельзя однозначно рассматривать как виновника происшествия, равно как и относить её исключительно к разряду событийных причин. Так как компания включает в себя огромное количество людей, которые работают по строго определенной разработанной системе, эта система, как правило, воспринимается как нечто отдельное от человека, сродни механизму. Данный факт «позволяет» отождествлять подобные объекты обвинения с событийной причиной. С другой стороны, участие людей в событиях неоспоримо, в силу чего компанию правомерно рассматривать в качестве виновника, при этом

не указываются конкретные лица. Нам представляется возможным отнести такие случаи обвинения к числу проявлений смешанного типа диффузности, где переплетение вины и причины настолько тесно, что между ними трудно провести четкую границу

Так, вариативность представления объекта обвинения свидетельствует, в первую очередь, о переплетении двух компонентов – «вина» и «причина», – в семантике глаголов обвинения. Во-вторых, такое проявление диффузности есть отражение внутренней сущности человека. Как показывает языковой материал, человек довольно редко признает себя виновным, он пытается избежать ответственности, а иногда и наказания за свои поступки. Поэтому он ищет событийную причину, которая способна разрядить обстановку, с одной стороны, и помочь избежать наказания, с другой. Следовательно, можно предположить, что обвинение выступает в роли своеобразного регулятора межличностных отношений и защиты своего «я».

Правомерность предположения, что с помощью глаголов обвинения может реализовываться регулятивная функция языка, подкрепляется положениями биокогнитивной концепции языка и познания, в соответствии с которыми функция языка есть функция ориентации, позволяющая человеку адаптироваться к окружающей среде. Именно при помощи языка человек способен регулировать общественные и межличностные отношения. Кроме того, глаголы и глагольные сочетания, репрезентирующие обвинение, функционируют в дискурсивных областях права и морали, которые сами по себе представляют системы регулирования общественных и межличностных отношений. Для доказательства регулятивной функции действий, обозначенных глаголами обвинения, а также для выяснения дифференциальных семантических признаков этих лексических средств, мы обращаемся к опыту смежных наук, изучающих человека во всех его проявлениях.

В соответствии с современным междисциплинарным подходом к изучению языковых явлений, и исходя из того, что язык является конституирующим свойством человека как биологического вида (Кравченко 2003), в ходе нашего исследования мы руководствовались следующими основными положениями биокогнитивной теории языка:

а) «Все сказанное сказано наблюдателем», поэтому понять человека можно, только рассматривая его в совокупности с той частью окружающей среды, с которой он взаимодействует. Область взаимодействия наблюдателя со средой и ее компонентами является когнитивной областью.

б) Язык, являясь когнитивной областью взаимодействий, одновременно осуществляет функцию ориентации в когнитивной области ориентируемого.

в) Суть ориентирующего воздействия сводится к поддержанию баланса между организмом и средой.

Поведение человека в обществе регулируется различными социальными нормами, из которых наиболее важными являются мораль и право. Являясь системами нормативной регуляции, обеспечивающими стабильное существование и развитие социума, они могут проявляться в разных формах. Одной из форм регуляции в сфере морально-правовых норм выступает обвинение, которое мы рассматриваем как когнитивно-коммуникативный феномен.

Обвинение – это не искусственный способ регуляции отношений, оно не что иное, как одна из форм проявления инстинкта самосохранения, направленного на преодоление отрицательных воздействий социальной среды (преступления и проступки). Преступления и проступки воспринимаются человеком как аномальные явления, представляющие угрозу для его мира. Они являются своеобразными стимулами, требующими ответной (защитной) реакции. В качестве защитной реакции, способной восстановить нарушенное равновесие между миром человека и окружающей средой, выступает обвинение.

Следующие примеры показывают, что обвинение может принимать форму спонтанной реакции:

(6) *"She taxed me with offence, at once, and my confusion may be guessed. The purity of her life, the formality of her notions, her ignorance of the world – everything was against me. <...> In short, it ended in a total breach" (Austen 1992: 216);*

(7) *Everything we proposed they approved. Then we started messing up – scheduling snafus, people angry about the training and rebelling, policy questions galore, etc. At first, our reaction was to find someone to blame or to tell us what to do (www.compuseru.com, May 10, 1996).*

В то же время, обвинение нельзя отнести исключительно к классу условных рефлексов и охарактеризовать его как спонтанную реакцию на происходящие события. Рефлекс, являясь автоматической реакцией на стимул, лишен предварительной оценки этого стимула и, следовательно, не предполагает осознанного выбора модели поведения. Обвинение, напротив, может быть прервано или изменено, особенно если оно выдвигается представителями правовых структур:

(8) *"He's the Commander-in-Chief of the Army and Navy, he is the head of all the executive departments and if you are allowed to indict and prosecute*

this president, you can also put him behind the bars and keep him effectively from being able to govern the country" (New York Times, Feb. 1, 1999).

Выбор модели поведения предполагает оценку ситуации. Другими словами, можно говорить о том, что обвинение эволюционировало как аффективно-когнитивная структура.

Анализ феномена обвинения в рамках формулы «стимул – реакция» явно недостаточен для объяснения его сущности. Как отмечает Е.С. Кубрякова, между стимулом и реакцией находится множество факторов, определяющих характер последней. Совокупность этих факторов представляет собой внутренний мир человека, не изучив который, нельзя понять и объяснить эти реакции (Кубрякова 2004б). Анализ примеров показал, что при обвинении происходит противопоставление отдельного человека обществу, одного человека другому, т.е. происходит деление мира на «свое» и «чужое». В ходе исследования нами были выделены две модели обвинения: «Внутренний мир ? Внешний мир1 (свои)» и «Внутренний мир ? Внешний мир2 (чужие)». Сфера «Внутренний мир» представляет собой систему ценностей, норм и правил, по которым живет человек. Именно эта система ценностей определяет, будет ли входить обвиняемый в микросферу «Внешний мир1 (свои)», или он будет причислен к враждебному миру «Внешний мир2 (чужие)».

Исследование языкового материала показало, что против близкого человека обвинение либо не высказывается вслух, либо обвинитель ищет событийную причину в качестве объекта обвинения. Такое поведение обусловлено законами природы, которые требуют защиты «своего». Как результат, часто используются отрицательные конструкции:

(9) *Susan never said anything but secretly she blamed her sister for the child's death (LLA 1993: 137);*

(10) *I don't even blame you. I pity you for opening your heart to your hopeless affection. You are guilty of weakness and want of affection to your own best interests, but of nothing worse...As it is, I blame the misfortune of your years and your position. I don't blame you (Collins 1990: 58 – 59).*

Если обвинение направлено против человека, принадлежащего к «Внешнему миру2 (чужие)», то характер обвинения будет зависеть от социального статуса обвинителя. В зависимости от социального статуса обвинителя нами выделены три типа обвинения. Первый тип характеризуется эмоциональной окрашенностью и часто принимает вид возмездия. В качестве обвинителя выступает отдельный индивид, не обладающий никаким социальным статусом, кроме стремления защитить «свое» от «чужого».

(11) *LIZA. And I should like Professor Higgins to call me Miss Doolittle.*

HIGGINS. *I'll see you damned first.*

PICKERING. *Why don't you slang back at him?*

LIZA. *I can't. I could have done it once; but now I can't go back to it.*

(Doolittle touched her left shoulder. She drops her work, loosing her self-possession). A-a-a-a-ah-ow-oo!

HIGGINS. *Aha! Just so A-a-a-a-ahowoo! A-a-a-a-ahowoo! Victory! Victory!*

DOOLITTLE. *Can you blame the girl? (Shaw 2002: 120).*

Второму типу свойственен более сдержанный характер обвинения, однако он не лишен эмоционального фона. Обвинителем является человек, имеющий определенный социальный статус (директор, начальник, представители средств массовой информации):

(12) *Francis Maude, the shadow national Heritage secretary, accused Labour of "double standards" for being ready to pay big sums to private consultants while targeting "fat cats" over their bonuses (The Times 1997: 3).*

Третий тип – официальное обвинение, выдвигаемое представителями правовых структур. Высокий социальный статус обвинителя обуславливает сдержанный характер обвинения:

(13) *Prosecutors charged Lo with corruption, fraud, breach of trust, usury, forging documents and misappropriation of funds (Taipei Times, Jun. 8, 2002).*

Выделение трех типов обвинения позволяет проследить градацию обвинения по степени эмоциональности, детерминированной социальным статусом обвинителя. Общая картина процесса обвинения представляется следующей: человек (общество) не может не реагировать на преступления / проступки, вызывающие нежелательные изменения в среде обитания. В ответ на раздражитель человек (общество) посылает еще более сильный сигнал (обвинение), который, как он (оно) предполагает, способен восстановить нарушенный баланс между двумя мирами.

То, что обвинение – одно из проявлений инстинкта самосохранения, направленного на защиту своего от чужого, объясняет, по нашему мнению, почему обвинение играет важную роль в англоязычном обществе, для которого разделение мира на «свое» и «чужое» является одним из важных экзистенциальных условий жизни. Однако остается вопрос, почему обвинение репрезентировано в языке посредством столь многочисленной глагольной лексики. В поисках ответа мы обратились к феномену интенциональности, поскольку данная проблема находится в одной связке с проблемой значения; более того, она – «ключ к пониманию генезиса значения» (Кравченко 2001: 231). Под интенциональностью, вслед за А.В. Кравченко, мы понимаем «свойство живой

системы модифицировать состояние взаимной каузации с миром на основе опыта, приобретенного со временем, с целью поддержания экологической системы, обеспечивающей возможность взаимной каузации между организмом и миром» (Кравченко 2001: 235).

Анализ языкового материала позволил сделать вывод о том, что когнитивные взаимодействия имеют два вектора интенциональности: внешненаправленный (или внешний) и внутренне-направленный (или внутренний). Соответственно, в феномене обвинения можно выделить функцию регуляции общественной активности, или внешний вектор, и функцию психической саморегуляции индивида, или внутренний вектор. Обвинение с внешним вектором мы назвали каузальным, оно характеризуется тщательной подготовленностью, четко обозначены каузальные связи. Каузальное обвинение направлено на восстановление равновесия в обществе, которое, с точки зрения наблюдателя, было нарушено совершением противоправного действия:

(14) *Zhen will be arraigned Friday on a single-count indictment of possessing a false Chinese passport (Detroit News, Jan.23, 2003).*

Цель этого сообщения об обвинении – показать, что предприняты попытки восстановить порядок (равновесие) в обществе и напомнить гражданам о необходимости соблюдать существующие законы. Тем самым, предпринимаются меры для дальнейшей защиты общественного порядка. Характерная особенность каузального обвинения состоит в том, что обвинитель – лицо, имеющее официальный статус, позволяющий ему совершать подобные акты.

Регулятивная функция обвинения реализуется не только в случаях совершения преступления, но и любого события, нарушившего привычное течение жизни, какой бы ее области оно ни касалось:

(15) *Who is to blame for American obesity? Is it bad eating habits or poorly executed exercise regimes? Could the government and food industry also be to blame? (ABCNews.com).*

Функция саморегуляции психической активности индивида осуществляется интенциональным обвинением с вектором внутренней направленности. Обвинение происходит под воздействием эмоций. Посредством интенционального обвинения человек освобождается от негативных эмоций, которые переполняют его в этот момент. Нельзя забывать, что человек одновременно выступает как в роли наблюдателя, так и в роли наблюдаемого, т.е. мы не только ориентируем людей, но и сами постоянно испыты-

ваем на себе воздействия со стороны. Человек может оказаться в ситуации, когда он, поддавшись влиянию извне, изменяет своё поведение, и если такая модификация поведения идёт вразрез с принципами, ценностями ориентируемого индивида, то наступает явление, известное как «психическая дисгармония» или «дискомфорт». Другими словами, происходит нарушение гомеостаза, равновесия внутренней среды. Организм естественным образом старается устранить душевный дисбаланс, образовавшийся в результате его взаимодействий с компонентами среды. В таких случаях обвинение характеризуется эмоциональной окрашенностью и нередко происходит в состоянии аффекта, что хорошо иллюстрирует следующий отрывок:

(16) *"I will say the very thought of you makes me sick, and that you treated me with miserable cruelty". "How dare you affirm that, Jane Eyre?" "How dare I, Mrs. Reed? How dare I? Because it is the truth. You think I have no feelings, and that you can do without one bit of love or kindness; but I cannot live so and you have no pity. I shall remember how you thrust me back – roughly and violently thrust me back – into the red-room, and locked me up there, to my dying day, though I was in agony, though I cried out, while suffocating with distress. ... People think you are a good woman, but you are bad, hard-hearted. You are deceitful". A ridge of lighted heath alive, glancing, devouring would have been a great emblem of my mind when I accused and menaced Mrs. Reed; the same ridge, black and blasted after the flames are dead, would have represented as mutely my subsequent condition when half an hour's silence and reflection had shown me the madness of my conduct, and the dreariness of my hated and hating position"* (Bronte 1966: 178–179).

Схожую точку зрения, подтверждающую нашу гипотезу о роли обвинения в саморегуляции психической активности, мы находим в психологической теории М. Десента, который указывает на способность языка реализовывать моральную функцию (инструмент освобождения). Эта функция «также необходима человеку для освобождения от переполняющих его чувств, радостных или горестных» (цит. по: Костюшкина 1996: 152).

Выделение двух видов обвинения (каузального и интенционального) и, соответственно, двух разных функций – общественно-регулятивной функции и функции саморегуляции психической активности индивида, – послужило для нас основой при разработке когнитивно-семантической классификации глаголов обвинения.

Глаголы и глагольные сочетания группы «нравственные нормы» указывают на реализацию первого и второго типов обвинения. Первому типу соответствует интенциональное обвинение (функции саморегуляции психической активности индивида (об-

винителя)). Обвиняя, человек пытается воздействовать на обвиняемого: заставить его либо признать свою вину, либо предпринять какие-либо действия по исправлению содеянного (внешний вектор). Однако отсутствие официального статуса у обвинителя и отсутствие консенсуальной области взаимодействий между ним и обвиняемым, поскольку последний причислен «Внешнему миру² (чужие)», значительно снижает степень эффективности обвинения, сводя её на нет. Интенциональному обвинению всегда сопутствует целый комплекс эмоций, который способствует реализации функции саморегуляции психической активности (внутренний вектор). Таким образом, интенциональный тип обвинения характеризуется двунаправленностью: воздействием на обвиняемого (внешний вектор интенциональности) и воздействием на психическое состояние обвинителя (внутренний вектор интенциональности). При этом если воздействие на обвиняемого осознается обвинителем, то осознания того, что обвинение влияет на его собственный внутренний мир, не происходит. На основании этого были выделены осознанный и неосознанный виды интенциональности. Исследование языкового материала выявило несколько эмоциональных паттернов, сопровождающих обвинение, начиная от сдержанного раздражения и заканчивая гневом, граничащим с состоянием аффекта. Выбор того или иного лексического средства, обозначающего интенциональное обвинение, зависит от причин, вызвавших обвинение, и от типа эмоционального паттерна. Например, глагол *blame* указывает на импульсивное, эмоциональное обвинение, при котором обвинитель способен прибегнуть иногда к физическому действию по отношению к обвиняемому. Мотивом для подобного типа обвинения выступает потеря или угроза потери своего:

(17) *Anger. Pride. Fear. Defensiveness. Denial. Self-justification. Shame scantily clad in fig leaves. The Blame Game. <...> Blame his wife? He did. Blame himself? He refused. And since he would not accept his personal responsibility in their mutual failure, he felt the need to project his own guilt on the one group of people in his life prepared to help him. He didn't dare blame God, so he blamed the church (Lingren 1998).*

Психическое состояние обвинителя характеризуется комплексом эмоций: страхом, гневом, беспомощностью перед случившимся (эмоциональный паттерн «вменение вины + гнев + страх»). Жена ушла от него, оставив ему детей. Боль потери и предательства не позволяет ему взглянуть на проблему под другим углом зрения и выяснить, нет ли здесь его вины. Его обвине-

ния выплескиваются на жену как на непосредственного виновника и на церковь как олицетворение оплота его веры в Бога.

Глагол *accuse* обозначает обвинения с более низкой степенью агрессивности, нежели *blame*. Причиной обвинения выступает чувство несправедливости:

(18) *I accuse the controllers of the mainstream channels of trying to shed their middle class intelligentsia viewers who are pro-licence fee in favour of dumb minority who are not* (www.j'accuse.htm, Russ J Graham).

Употребление глагола обвинения *accuse* в качестве перформатива указывает на то, что испытываемая обвинителем эмоция гнева носит умеренный, контролируемый характер (эмоциональный паттерн «вменение вины + гнев»). Этот пример взят нами с сайта www.j'accuse.htm, созданного специально для тех, кто желает высказать обвинения, но не имеет такой возможности из-за отсутствия полномочий осуществлять подобные акты, поскольку в роли обвиняемых в таких ситуациях выступают чаще всего высокопоставленные чины.

Яркое проявление интенционального обвинения мы находим в примерах с глаголами самообвинения, для которых характерно сочетание интегрального компонента «переживание вины» с разными эмоциональными паттернами. Следующий пример указывает на такой эмоциональный паттерн, как «переживание вины + моральный стыд»:

(19) *'I never saw you wear a ring before, Edward,' she cried. 'Is that Fanny's hair? I remember her promising to give you some. But I should have thought her hair had been darker.'... Edward's embarrassment last some time, and it ended in an absence of mind still more settled. He was particularly grave the whole morning. Marianne severely censured herself for what she had said* (Austen 1992: 65).

Второй тип обвинения также относится к области морали. Он имеет каузальный характер. Обладая определенным социальным статусом, обвинитель данной ему властью воздействует на обвиняемого. Более того, обвинитель может официально наказать обвиняемого за совершение проступка. Эта отличительная особенность способствует регулированию процесса взаимодействия и обуславливает реализацию регулятивно-общественной функции обвинения. Каузальное обвинение в области моральных отношений также может характеризоваться двунаправленностью, вследствие эмоциональной окрашенности. Несмотря на сниженную степень эмоциональности, при реализации данного типа обвинения может осуществляться функция саморегуляции психической активности индивида. Данная функция имеет второстепенное значение при каузальном обвинении. Она может происхо-

дять, если в роли обвинителя выступает отдельный человек, а не группа лиц. Например:

(20) *The next day, assistant principle Charles Bushyhead asked Blackbear point-blank, "Are you a witch?" and, according to Blackbear, accused her of inflicting sickness by way of magic. She was suspended for 15 days and told not wear any Wiccan symbols to school (Ms, Vol. XI, 2001).*

Часто при реализации второго типа обвинение имеет один вектор интенциональности (внешний) из-за отсутствия эмоционального фона:

(21) *German Chancellor Gerhard Schroeder and his government are said to be guilty in euro devaluation. The reason is Schroeder's state financial aid (250 million DM) to the debt-stricken construction giant firm Holzmann. Moreover, the action was not vetted by EU commission, while it should have been, as Mario Monti – the EU's commissioner for competition – warned the German government (AP, May 12, 1999).*

Выбор лексического средства репрезентации обвинения зависит от причин обвинения и социального статуса обвинителя. Этот тип занимает промежуточное положение между первым и третьим.

Третий тип – это обвинение, выдвигаемое в рамках закона. На него указывают глаголы и глагольные сочетания группы «правовые нормы». Это обвинение призвано реализовывать функцию регуляции общественной активности. В роли обвинителей выступают представители правоохранительных органов или власти. Высокий статус обвинителя обуславливает сдержанный характер обвинения. Здесь четко обозначены каузальные связи. Выделенный нами корпус глаголов и глагольных сочетаний указывает на сложную процедуру обвинения в области права. Так, например лексема *indict* указывает на то, что обвинение вынесено судом присяжных заседателей:

(22) *It (New York Times) reported that Starr is weighing the possibility of asking a federal grand jury to indict President Clinton while he is still in office (New York Times, Feb. 1, 1999).*

Свое решение присяжные заседатели выносят, руководствуясь положениями той или иной обвинительной статьи (*indictment*):

(23) *On Indictments 94-GS-44-906 and 94-GS-44-907, both of those being indictments for murder, the jury has returned verdict of guilty (COLORADO SUPREME COURT, CASE 98SC507).*

Однако до начала всех судебных разбирательств обвиняемый доставляется в суд, где ему зачитывают обвинения. Такой тип обвинения обозначается лексемой *arraign*. Данным правом обвинения обладает только судья:

(24) *MONESSEN – Monessen District Justice Joseph Dalfonso will be one of the first Westmoreland County magistrates to conduct night court arraignments via the Internet. The district justices will use laptop computers and Internet cameras to connect with police departments and arraign suspects, a process that typically takes 5 to 10 minutes to complete (www.ValleyIndependent.htm, May10, 2004).*

Глаголы самообвинения. Языковой материал свидетельствует, что в большинстве случаев самообвинение выступает в качестве средства снижения степени тяжести вины. В случаях признания своей вины обвиняемый делает все возможное, чтобы смягчить ее. Так, в следующем примере оба участника преступления стараются привести суду обстоятельства, смягчающие их вину:

(25) *In the instant case, Hammon conceded his guilt from opening statement. He simply argued that he did not do the actual shooting and therefore was less culpable. Jones argued he was less culpable because of his youth and lack of a violent criminal past (Oklahoma Court of Criminal Appeals, Case № F-91-432).*

Однако признание вины может произойти под давлением психологического или физиологического характера. Закон, напротив, призван вершить правосудие, но при этом обычный человек не знаком со всеми тонкостями юридического дела, и может навредить себе сам. В связи с этим, закон запрещает, например, представителям прокуратуры задавать на судебном разбирательстве прямые и неожиданные вопросы. Например:

(26) *Mr. Williams, his counsel, hoped that no question would be put the answer to which might tend to incriminate himself.*

What the witness says here tending to his own crimination, may be used as evidence against him on a prosecution. If he answer at all, he is deprived of the privilege given by the law, not to criminate one's self (www.excerpt.htm).

Глаголы лже-обвинения указывают на стремление обвиняемого избежать наказания посредством ложного обвинения. Обычно в качестве лжесвидетелей выступают соучастники преступления.

(27) *Neill, 827 P.2d at 888. Defenses are mutually antagonistic where each defendant attempts to exculpate himself and inculpate his co-defendant... Hammon and Jones each relied solely on cross-examination of prosecution witnesses to show they were less culpable than the other (Oklahoma Court of Criminal Appeals, Case № F-91-432).*

В то же время ложь в области права может быть вызвана разными факторами. В качестве лже-обвинителей могут выступать люди с нарушенной психикой. Вследствие этого, используется такой метод, как судебная психиатрическая экспертиза. На основании долгих исследований был составлен список причин, «толкающих» людей на ложное обвинение:

(28) *False allegations of abuse occur in a variety of contexts; the most frequent being 1) disputed and ugly divorce cases; 2) in custody disputes involving children; 3) by angry borderline patients; 4) by patients with Münchhausen's syndrome by proxy; 5) by psychopaths against authority figures; 6) by inadequate patients with strong needs for recognition and attention; 7) by patients with personality disorders; 8) by substance abusers, particularly alcoholics; 9) by patients with paranoid psychoses; 10) by patients with paranoid personality; 11) by patient with "multiple personalities"; 12) by passive patients urged to file complaints by their therapists to meet the unspoken needs of the therapist (Hall 2002).*

Приведенный перечень охватывает довольно широкий спектр причин, побуждающих к ложному обвинению. Он позволяет сделать вывод, что в процессе такого обвинения будет реализовываться в первую очередь функция саморегуляции психической активности. Данный факт обусловлен тем, что лже-обвинитель испытывает душевный дискомфорт или душевное расстройство. Посредством обвинения он пытается восстановить нарушенный гомеостаз и вернуть утраченное спокойствие/

Проведенный нами анализ семантики глаголов обвинения показал тот путь, который прошло обвинение в процессе своего эволюционно-биологического развития. Его «зачатки» представлены интенциональным обвинением. Как показывает языковой материал, интенциональному обвинению всегда сопутствует одна из эмоций: угроза, оскорбление, гнев, страх. Большое количество глагольной лексики, образующей группу «нравственные нормы», обусловлено необходимостью дифференцировать различные способы осуществления защиты «своего» от «чужого», детерминированные условиями среды (ниши) обвинителя.

Венец эволюции когнитивно-аффективной структуры представлен каузальным обвинением, особенно глаголами группы «правовые нормы». В качестве обвинителя в области права выступает лицо, наделенное официальным статусом, поэтому обвинение предстает как реальная сила, способная регулировать отношения между разными членами социума и защищать порядок, гарантирующий дальнейшую эволюцию человеческого общества. Выделенный нами корпус глаголов и глагольных сочетаний, входящих в группу «правовые нормы», указывает на то, что обвинение в области права детализировано, вследствие чего каждый глагол или словосочетание репрезентирует определенную часть обвинительного процесса.

Подведем основные итоги.

1. Обвинение – вид коммуникативного (когнитивного) взаимодействия, выполняющего защитную и регулятивную функции.

2. Коммуникативные (когнитивные) взаимодействия имеют два вектора интенциональности: внешний и внутренний. Соответственно, в феномене обвинения можно выделить функцию регуляции общественной активности, или внешний вектор, указывающий на каузальный характер обвинения, и функцию саморегуляции психической активности индивида, или внутренний вектор, указывающий на интенциональный характер обвинения.

3. Интенциональное обвинение есть вид проявления инстинкта самосохранения. Данному типу обвинения свойственен комплекс эмоциональных паттернов, характеризующих эмоциональное состояние обвинителя. Причины, вызывающие эти эмоции, выступают в качестве критерия выбора того или иного лексического средства выражения обвинения.

4. Каузальное обвинение есть вид проявления инстинкта самосохранения. Оно характеризуется отсутствием эмоционального фона и призвано регулировать отношения в обществе.

Литература

Соловьёва Ю.Г. Диффузность значения глагола blame / Ю.Г. Соловьёва // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – Иркутск: ИГЛУ, 2003. – № 4. – С. 111 – 121.

Соловьёва Ю.Г. Классификация глаголов обвинения по принципу интенциональности / Ю.Г. Соловьёва // Когнитивные аспекты языкового значения: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. Вып. 4. – Иркутск: ИГЛУ, 2003. — № 3. – С. 143 – 152.

Соловьёва Ю.Г. Глаголы обвинения в регуляции межличностных отношений (на материале английского языка) / Ю.Г. Соловьёва // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 18 – 19 июня 2004 г. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. – С.386 – 392.

Соловьёва Ю.Г. Когнитивная семантика лексических средств репрезентации обвинения в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. -18 с.

Е.Н. Ермолаева (Иркутск)

КОНФЛИКТ

Целью исследования является комплексное изучение концепта CONFLICT, заключающееся в экспликации семантической

структуры данного ментального образования и выявлении совокупности языковых средств его объективации.

Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

1) рассмотреть понятийную сущность феномена конфликта и разработать лингвистическую модель его концептологического описания;

2) выявить концептуальный фон формирования концепта CONFLICT и раскрыть семантические мотивировки (принципы номинации) наивного понятия конфликта;

3) выявить и проанализировать совокупность лексико-фразеологических средств, объективирующих концептуальную модель CONFLICT в лексико-семантическом пространстве современного английского языка, и дать их системное описание;

4) выявить конвенциональные метафорические схемы концептуализации феномена конфликта англоязычным лингвосознанием и модели их объективации в современном английском языке.

5) определить содержательный объем концепта CONFLICT;

6) выявить и исследовать конститuentы концептуального пространства CONFLICT;

7) представить структуру концепта CONFLICT в виде концептуальной модели.

В исследовании применяется комплексная методика, включающая методы концептуального, контекстуального, этимологического, компонентного, сопоставительного анализа, методы семантической интерпретации, когнитивного моделирования, идеографической параметризации и количественного анализа. Лингвистическое изучение концепта CONFLICT дополнено данными других научных дисциплин — философии, истории, социологии, психологии, политологии, юриспруденции, экономической теории, литературоведения, что позволяет наиболее полно раскрыть его содержание и, в целом, отражает междисциплинарный характер научного познания.

Изучение феномена конфликта имеет многовековую традицию. Ни один крупный конфликт в истории человечества не оставался бесследным: столкновения, споры и войны тщательно описывались и анализировались древнегреческими философами (Гераклит, Аристотель, Эпикур) и гуманистами эпохи Возрождения (Т.Мор, Э. Роттердамский, Ф.Рабле), английскими демократами и французскими просветителями (В.Д.Пристли, Д.Дидро, Ж.Ж.Руссо), философами и историками XIX века (Г.В.Ф.Гегель, Ч.Дарвин, Г.Спенсер), социологами XX века (Э.У.Берджесс,

Г.Зиммель, Р.Э.Парк, Т.Боттомор, К.Боулдинг, А.Гидденс, Р.Дарендорф, Л.Козер) и современными представителями общественных наук (Е.М.Бабосов, А.В.Дмитриев, А.Г.Здравомыслов, И.Е.Фарли, И.С.Хаймс).

Теоретические и практические исследования конфликта настолько многоаспектны и многочисленны, что сегодня есть все основания говорить о самостоятельной комплексной науке конфликтологии, предметом которой является изучение природы конфликтов в человеческом обществе и разработка путей их преодоления и разрешения, а сам конфликт получает единое определение как процесс возникновения, развития и разрешения противоречивости целей, отношений и действий людей, детерминированный объективными и субъективными причинами (Андреев 1992; Бабосов 1995; Вишнякова 2000; Дмитриев 2000; Himes 1980).

Основным постулатом теории конфликта в настоящее время является утверждение о том, что всякий конфликт имеет, прежде всего, психологическую окраску, являясь личностно-центрированным феноменом. Консолидирующая роль человеческого фактора в осмыслении конфликта ставит новые задачи на пути исследования данного явления, а именно — изучить сущность и особенности когнитивного измерения конфликта, формируемого знаниями и представлениями обыденного (наивного) человека об этом фрагменте окружающей действительности.

Структурно-содержательной единицей сознания, аккумулирующей наивные представления о конфликте, служит концепт КОНФЛИКТ. К основным характеристикам концепта относятся многомерность, целостность, универсальность, константность, этнокультурная маркированность и вербализованность. На основании данных признаков концепт КОНФЛИКТ предстает как ментальное национально-специфичное образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о феномене конфликта, а планом языкового выражения — совокупность языковых единиц, номинирующих и описывающих данный объект.

Регистрация содержания концепта, его сущностных свойств и характеристик в языковой форме называется объективацией концепта. В лексико-семантическом пространстве естественного языка объективаторами концепта служат собственно лексические, фразеологические и паремические единицы.

Языковые средства объективации концепта многочисленны и многоплановы, вследствие чего представляется необходимым различать два модуса объективации — вертикальный (парадиг-

матический) и горизонтальный (синтагматический). Сущность выделенных модусов различна. Совокупность всех языковых средств, образующих лексико-семантическую парадигму слова — имени концепта и дающих представление о целостном содержании концепта как дискретной ментальной сущности, формирует вертикальный (парадигматический) модус. Синтагматические отношения лексем -объективаторов концепта формируют горизонтальный (синтагматический) модус объективации и представляют собой эксплицирование конкретных характеристик концепта, приписываемых ему этнокультурным языковым сознанием.

Познание стоящей за языковыми средствами ментальной конструкции осуществляется с помощью методики концептуального анализа, заключающейся в исследовании системных значений языковых средств, объективирующих концепт, их сочетаемости, различных контекстуальных употреблений и логическом осмыслении обозначаемых ими денотатов (Стернин 1999).

Лингвистическая модель исследования концепта КОНФЛИКТ (обозначаемого как концепт CONFLICT в соответствии с именем conflict, наиболее полно отвечающим представлению о конфликте в современном английском языке) включает два последовательных этапа. Первым этапом исследования концепта является распрямление его содержания в сознании англоязычной личности и выявление семантической структуры данного концепта и ее элементов.

Путем дефиниционного, контекстуального и сопоставительного анализов языковых средств, номинирующих исследуемый концепт и его конститuenty, выявляется виртуальная (ментальная) сущность, стоящая за данными лексическими средствами отражающая представление о феномене конфликта в обыденном (наивном) англоязычном сознании и структурирующая знания и опыт носителя англоязычной лингвокультуры по отношению к исследуемому объекту.

Результатом первого этапа исследования является вычленение и реконструкция ментальной модели концепта CONFLICT.

Второй этап исследования представляет собой выявление и систематизацию лексических средств (в их парадигматике и синтагматике), фразеологических структур, а также метафорических моделей объективации концепта CONFLICT в современном английском языке, заполняющих терминалы ментальной модели концепта и актуализирующих разнообразные характеристики феномена конфликта, приписываемые ему носителями англоязычной лингвокультуры. Изложенный подход дает возможность рас-

крыть этнокультурную специфику концептуализации феномена конфликта англоязычным сообществом.

Являясь многомерным ментальным образованием, концепт обнаруживает определенную структуру, включающую множество его объективных и субъективных характеристик, различающихся по степени абстрактности — от предельно конкретных, формирующих ядро концепта, до признаков высокой степени абстрактности, образующих периферию (Болдырев 2000). В совокупности концептуальные признаки формируют определенные слои структуры концепта — актуальный («активный») слой, дополнительный («пассивный») слой, «внутренняя форма» («буквальный смысл», этимологический признак концепта) (Степанов 2001). Для исследования наивно-языковых особенностей концептуализации фрагмента действительности в определенной лингвокультуре наибольшее значение имеет изучение актуального (активного) слоя концепта, поскольку именно в данном слое обобщенно представлены знания и опыт носителей всей лингвокультуры о том явлении, которое репрезентировано в лингвосознании в виде концепта.

Учитывая вышеизложенное, для полноты семантического описания концепта мы, вслед за В.И.Карасиком, считаем оптимальным выделение в его структуре трех составляющих: 1) понятийная сторона концепта — это языковая фиксация концепта; его обозначение, описание, дефиниционная и признаковая структура; сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно; 2) образная сторона концепта — это все образные характеристики предметов, явлений, событий, отраженные в памяти и фиксируемые когнитивными метафорами поддерживающими данный концепт в языковом сознании; 3) ценностная (значимостная) сторона концепта — ценность концепта для отдельной языковой личности и всего коллектива носителей лингвокультуры, определяемая местом, которое занимает имя концепта в системе конкретного языка, куда войдут также его этимологические и ассоциативно-оценочные характеристики (Карасик 2001).

Как явствует из проведенного исследования, концепт CONFLICT обладает сложной семантической структурой, представляющей собой упорядоченную совокупность разнообразных характеристик, каждая из которых содержит определенную информацию о феномене конфликта.

Ядром структуры концепта CONFLICT является его понятийное измерение, поскольку оно по своей сути есть некоторое объективное прототипическое представление о явлении конфликта, являющееся результатом общепринятой коллективной концептуализации и категоризации опыта и включающее совокупность конкретных существенных признаков данного объекта познания, позволяющих всем носителям лингвокультуры идентифицировать какое-либо явление как конфликт.

Для установления понятийной составляющей концепта CONFLICT мы обратились к семантической структуре имени conflict и привлекли к анализу данные 16 авторитетных толковых словарей современного английского языка, в число которых входят как печатные, так и электронные издания последних лет. Учитывая когнитивный аспект лексикографической информации и результаты, полученные в ходе дефиниционного анализа имени conflict, можно сделать вывод о том, что в семантическом содержании данной лексемы отражены следующие аспекты концепта CONFLICT:

а) социальный аспект (конфликт как антагонистическая форма социальных взаимоотношений людей);

б) социально-политический аспект (конфликт как война, вооруженное столкновение);

в) психологический аспект (конфликт как психическое состояние внутреннего кризиса, борьбы);

г) лингвистический аспект (конфликт как конфликтный дискурс, ссора, спор);

д) онтологический аспект (конфликт как форма бытия, включающая такие всеобщие бытийные сущности, как различие, несходство, несовместимость);

е) литературно-художественный аспект (конфликт как принцип организации художественного произведения);

ж) физический аспект (конфликт как физическое столкновение объектов). Информационная значимость этих компонентов различна.

Выявлено, что к актуальному слою концепта CONFLICT относятся первые пять аспектов, поскольку именно они активно фиксируются в значениях имени conflict. Литературно-художественный аспект тяготеет к знанию энциклопедическому, но не наивному, вследствие чего он образует пассивный (дополнительный) слой концепта CONFLICT. Физический аспект современного концепта CONFLICT служит скорее отголоском изначального контекста предназначения лексемы conflict (лат. *conflictus* от глагола *confligere* - «сталкиваться (о физических объектах)»)

Поскольку целью нашего исследования являлось изучение активного слоя концепта CONFLICT, существующего в равной мере для всех носителей англоязычной культуры, то литературно-художественный и физический аспекты CONFLICT исследованию не подвергались.

Выявленные понятийные аспекты концепта CONFLICT позволяют вычлениить его содержательный минимум, включающий набор существенных признаков феномена конфликта:

- 1) две (или более) участвующие стороны (люди, идеи, мотивы, принципы, интересы и т.д.) — субъекты конфликта;
- 2) разногласие, противоречие как предмет конфликта между сторонами и вызванное ими оппозиционирование сторон;
- 3) противоборствующее взаимодействие субъектов конфликта.

Таким образом, наивное прототипическое представление о конфликте в англоязычной лингвокультуре сводится к определению данного феномена как антагонистического взаимодействия двух (или более) сторон, обусловленного неким разногласием или противоречием между ними и проявляющегося в различных формах — от несходства до войны и вооруженных столкновений.

Изучение контекстуального употребления имени концепта позволяет не только конкретизировать и дополнить обнаруженные при дефиниционном исследовании понятийные компоненты концепта, но и выявить характеристики оценочной составляющей его структуры и очертить контуры современного ассоциативного поля концепта, сущность которых обуславливает функционирование тех или иных языковых средств, объективирующих концепт в лексико-семантическом пространстве данного языка.

Эмпирический материал свидетельствует о том, что в современном английском языке наблюдается расщепление концепта CONFLICT на две концептуальные плоскости. В рамках первой конфликт концептуализируется как цельное, дискретное явление, сутью которого является некое столкновение, противоборство двух сторон в самом общем смысле. Подобная концептуализация конфликта объективируется в языке неисчисляемым существительным *conflict*, употребляющимся без артикля и предстающим в такой интерпретации в своем самом абстрактном значении, соответствующем понятию конфликта как определенной категории бытия:

Conflict is a problem that arises out of incompatible expectations, needs or values among two or more actors (DO 2: 7); One hour of thoughtful solitude may nerve the heart for days of *conflict* (CQ, Perci-

val); But why is there always *conflict* between parents and teenagers? (RD 6: 28).

Конкретизация смысла, заключенного в концепте CONFLICT, формирует вторую концептуальную плоскость, объективируемую в английском языке посредством исчисляемого имени conflict, употребляющегося с артиклем, местоимениями each, every, any, this/that, these/those (в ситуации множественного числа имени conflict) и разнообразными прилагательными, номинирующими тип конфликта (armed, civil, ethnic, internal, inward и др.). Исчисляемое имя conflict объективирует частное знание о конфликте в противовес общему знанию, объективируемому именем conflict без артикля:

For all the friction between America and China over issues ranging from human rights to weapons proliferation, the likelihood of *an armed conflict* retains slim (The Economist 3: 15); My own family, who have *their own small conflicts to come*, cannot know this, naturally (Beauman: 105); The political Zeitgeist currently favours consociation as a means of regulating *ethnic conflict*, ... *it is generally a case of this kind of conflict* -been found through consociation (Internews).

Поскольку концепт существует для каждого основного (словарного) значения той или иной лексемы отдельно (Лихачев 1993: 4), то основные словарные значения представляют смежные концепты в рамках одного концептуального пространства.

Из анализа лексикографических толкований лексемы conflict и ее контекстуальных употреблений следует, что конфликт как объект из мира «Действительность» преломляется в мире «Идеальное» исследуемой англоязычной лингвокультуры в виде концепта, состоящего из смежных концептов OPPOSITION (ANTAGONISM), CONFRONTATION, WAR, STRUGGLE, QUARREL (ARGUMENT), DIFFERENCE и INCOMPATIBILITY.

Будучи связанными в единой когнитивной структуре и отражая выявленные понятийные аспекты исследуемого образования, эти концепты образуют упорядоченную систему, формирующую концептуальное пространство CONFLICT. Его лингвокультурной спецификой является тот факт, что ни один из концептов-конституентов по отдельности не способен в полной мере репрезентировать сущность единого глобального концепта CONFLICT. Данный факт обусловлен тем, что планом содержания этих концептов является информация и знания об объектах действительности, понятийное основание которых соответствует моделям «X — тип (форма) конфликта», «X — причина конфликта» и «X — стадия (этап) конфликта».

Семантическим центром концептуальной модели CONFLICT выступает концепт WAR, что свидетельствует об отождествлении в сознании носителей англоязычной культуры представления о конфликте с представлением, в первую очередь, о войне и военных действиях. Вследствие этого основным денотатом лексемы conflict, номинирующей как глобальный феномен конфликта, так и ряд всех возможных конфликтных явлений объективной действительности, становится война, что манифестируется в современном английском языке посредством тенденции к синонимизации лексем conflict и war:

In a message in February, Osama bin Laden had described *the conflict as a war* against Islam (DT: 10); According to one estimate, five million people have died *in war* during the 1990s. The majority of *these conflicts* occur in the developing world (DO 5: 2).

Данный факт объясняется действием культурной памяти имени conflict, аккумулирующей информацию о том концептуальном содержании, которое подводилось под форму этого знака на протяжении его существования. Как явствует из анализа внутренней формы концепта CONFLICT, концептуальное языковое знание о конфликте генетически связано с действиями «бить», «давить», «уничтожать» (этимологически лексема conflict восходит к индоевропейскому единству *bhligh-, вероятно, имевшему значение «бить, давить, подавлять» и легшему в основу других индоевропейских параллелей conflict: греч. phlibein, гот. bliggwan, двн. bliuwan, др.исл. blegdi, др.слав. blizna), в результате чего главным значением conflict на момент вхождения этого слова в состав английского языка являлось значение «война, вооруженное столкновение, борьба». В процессе семантической эволюции указанное значение стало периферийным, уступив главенствующее положение значению «разногласие, противостояние, противоречие». В настоящее время контекст изначального предназначения имени conflict становится по-новому актуальным, выдвигая на первый план значение «armed fighting, war, warfare (война, вооруженная борьба)», что, как представляется, требует коррекции современных словарных толкований данного имени.

Наряду с дефиниционной структурой CONFLICT в понятийное измерение этого конструкта входит и его признаковая структура, организуемая структурными, процессуальными и квалитативными признаками CONFLICT. Структурные признаки (субъекты и объект конфликта) и процессуальные признаки (стадии разворачивания конфликта) являются центральными, необходимыми для понимания сущности конфликта, вследствие чего они формируют ядро

признаковой структуры, вокруг которого группируются качественные признаки CONFLICT. Ядерное положение структурных и процессуальных признаков концепта CONFLICT свидетельствует о том, что при наивном осмыслении конфликт предстает как динамически взаимосвязанная целостная система и процесс, моделируемые в виде фрейма — сценария прототипического характера, терминалы которого заполняются указанными компонентами феномена конфликта.

Контур образной составляющей концептуальной модели CONFLICT формируются представлениями наивного англоязычного сознания о ненависти, злости, агрессии, мести, печали, горе, ущербе, генетически связанными с представлением о конфликте (данные семантические признаки обнаружены в содержании исходной морфемы) и образующими ассоциативное поле CONFLICT.

Оценочная составляющая структуры концепта CONFLICT, предопределяемая этическим аспектом исследуемого феномена, выявленным при анализе глагола *to conflict* и деривационного поля *conflict*, характеризуется парадоксальностью оценочного отношения носителей англоязычной лингвокультуры к конфликту. С одной стороны, конфликт рассматривается как ненормативное явление, каузирующее отрицательную оценку. С другой стороны, конфликт есть положительно оцениваемый феномен, поскольку индуцирует позитивный опыт по разрешению проблемных ситуаций.

Представленная концептуальная модель CONFLICT служит концептуальным каркасом, на который «накладываются» способы номинации многоаспектных и многообразных модусов конфликта, его свойств, признаков и качеств.

Концепт CONFLICT, обладая сложной, многокомпонентной семантической структурой, имеет значительную вербализованную часть, которая представляет собой совокупность лексических, фразеологических, метафорических средств, тем или иным образом отсылающих к ситуации конфликта.

Вследствие концептуального расщепления концепта CONFLICT на целостную (дискретную) и градуируемую сущности тезаурус средств объективации данного концепта подвергается двойному членению — на средства номинации смежных концептов пространства CONFLICT, представляющих градуируемую сущность CONFLICT, и средства объективации концептуальных признаков, характеризующих CONFLICT как глобальную дискретную сущность.

Являясь константным явлением бытия человека, феномен конфликта во всех его многообразных воплощениях номинируется языковым сознанием посредством большого количества лексем-субстантивов (133 единицы) и глаголов (57 единиц), объединенных вокруг опорного имени *conflict* и глагола *to conflict* соответственно. В результате компонентного анализа значений выявленных лексем нами было выделено 7 подгрупп, номинирующих такие фрагменты концептуального пространства CONFLICT, как «оппозиционирование» (*opposition, polarity, bucking, friction, dissent, dissension, to oppose, to antagonize* и др.), «конфронтация» (*confrontation, clash, collision, to clash, to collide* и др.), «война (вооруженное столкновение)» (*war, warfare, guerrilla, to war, to combat* и др.), «ссора (спор)» (*quarrel, argument, dispute, controversy, bickering, to quarrel, to argue, to disagree* и др.), «борьба» (*struggle, fight(ing), contention, to struggle, to fight, to battle* и др.), «различие(несходство)» (*difference, disagreement, disharmony, to differ, to disagree* и др.) и «несовместимость» (*incompatibility, incongruity, polarity* и др.). Данные количественного анализа свидетельствуют о том, что по номинативной активности англоязычного сознания лидирующую позицию занимает концепт QUARREL (77 единиц), что, вероятно, объясняется наибольшей распространенностью ссор и споров по сравнению с другими типами конфликтного взаимодействия.

Фразеологизация концепта CONFLICT, т.е. его объективация посредством ФЕ, охватывает совокупность фразеологизмов (297 ФЕ), тем или иным образом отсылающих к ситуации конфликта. Фразео-семантическая группа обозначений конфликта во всех его воплощениях включает ФЕ субстантивного и глагольного типа, среди которых преобладают ФЕ также со значением «ссора, ссориться» (*a battle of wits, a battle of words, a running fire, merry hell, the cut and thrust, to talk Billingsgate, to give smb. a broadside, to pull caps, to raise the roof, to split hairs* и др.).

Для описания многочисленных характерологических свойств изучаемого концепта в настоящем диссертационном исследовании используется базовая процедура концептуального анализа — идеографическая параметризация, основанная на исследовании материала как части целостной концептуализированной области и позволяющая выделить значимые параметры объекта, нашедшие свое отражение в мировидении лингвокультурной общности (Телия 1996; Малишевская 1999).

Лексические и фразеологические средства объективации глобальной сущности CONFLICT, формируемой структурными, про-

цессуальными и качественными концептуальными признаками, эксплицируют идеографические параметры концепта, которые в совокупности организуют прототипический сценарий CONFLICT. Его слотами служат следующие параметры феномена конфликта:

Структурные параметры

а) *участники конфликта* (субъекты конфликта — antagonists, opponents, combatants, belligerents, fighters, conflicting/ opposing/ fighting parties; Kilkenny cats, cat and dog и др.;

подстрекатели и их действия — cold warrior, hot warrior, to blow coals, to fan the embers, to add oil to the fire, to cast a bone, to drive a wedge, to play one off и др.;

непосредственные инициаторы конфликта и их действия — bad actor, fighting cock, mischief-maker, to trail one's coat, to ruffle smb's feathers, to show teeth и др.;

посредники — mediator, arbitrator, intermediary, the go-between, Mr. Fixit и др.; *наблюдатели* — looker-on, (to stay) above the battle и др.);

б) *причина конфликта* (reason/ cause/ root of conflict, casus belli, an apple of discord, a bone of contention и др.).

Акциональные параметры

а) *подготовка к конфликту* (to be at swords' points, to fly to arms, to rattle one's saber и др.);

б) *завязка конфликта* (a conflict/ war/ quarrel starts/ breaks/ arises; to start/ begin/ commence/ stir/ pick/ generate/ wage/ unleash a conflict; the start/ arousal of conflict; to come to blows, to dig up the hatchet и др.);

в) *противоборство участников конфликта* (to conflict, to clash, to collide, to contest, to disagree, to encounter, to jar, to differ, to bump, to diverge, to struggle, to fight, to combat, to strive, to battle, to campaign, to compete, to tussle, to war; to make war against smb., to give battle, to load the dice against smb., to break a lance with smb. и др.);

г) *разрешение конфликта* (a conflict/ quarrel/ war ends/ stops/ ceases; to end/ stop/ solve/ resolve/ reduce/ remove/ soothe/ terminate/ break off/ patch (up)/ settle/ overcome a conflict);

- *победа одной стороны* (to win a conflict; to carry the day, to be in possession of the field, to carry the garland и др.);

- *поражение другой стороны* (to lose a conflict/ war/ battle; to lay down one's arms, to fling up one's cards и др.);

- *компромисс* (a truce, to declare a truce; the middle ground, to hold out the olive branch, to bury the hatchet и др.).

Как явствует из проведенного анализа, наибольшим языковым представительством обладают акциональные параметры «Противоборство участников конфликта» и «Разрешение конфликта», что говорит о значимости именно этих фаз конфликтного взаимодействия для носителя англоязычной лингвокультуры.

Глагольная сочетаемость наименований конфликта свидетельствует о том, что в сознании англоязычной личности CONFLICT предстает как активный субъект действия: *Tensions mounted on Christmas Day* (DM: 35); ... *the war continued*, England's blood was shed and her wealth lavished (Bronte 1: 169); Then *ensued a little combat of words* (Bronte 2: 212); ... *a fierce antagonism ensued* (Bronte 2: 327) и, одновременно, объект воздействия в акте реификации: No progress has been achieved in the last years *to resolve the Nagorno-Karabakh conflict* (Internews); India and Pakistan might finally *end the feud* (The Economist 3: 59); ... the Allies could *lose this war* (Beauman: 530). При этом в большинстве случаев конфликт концептуализируется как объект, требующий воздействия со стороны человека, что свидетельствует о приписывании основной роли в возникновении, протекании и разрешении конфликтов человеку.

Квалитативные признаки концепта CONFLICT, представленные в глагольной и атрибутивной сочетаемости лексем — объективаторов концепта, образуют гештальты концептуализации феномена конфликта. Гештальты концепта CONFLICT имплицитно крайне негативное оценочное отношение носителей исследуемой лингвокультуры к конфликту, ассоциируемому с разрушением (DESTRUCTION), гибелью (DEATH), пожаром, огнем (FIRE), штормом (STORM), стихийным бедствием (DISASTER), ущербом (DAMAGE), неприятностью (TROUBLE), взрывом (EXPLOSION), горечью (BITTERNESS), ужасом (HORROR), обманом (DECEIT), насилием (VIOLENCE), дракой (PHYSICAL FIGHT):

Almost all today's conflicts ... completely destroy trust between communities, breaking down normal social relations (DO 5: 2); *War-torn nation faces a hidden foe to come: Central American conflicts* (Internews); ...these arguments would *flare up* into loud, prolonged, impassioned fights (Beauman: 709); ... there was no lull in *the tempest of war*; her long *hurricane* still *swept* the Continent. There was not the faintest sign of *serene weather* (Bronte 1: 386).

На фоне многочисленных отрицательно-оценочных гештальтов выделяются лишь три гештальта, имплицитно положительную оценку:

конфликт — образование, опыт (EDUCATION / EXPERIENCE),

позитивная переменная (POSITIVE CHANGE)

и единение (UNITY): *That last quarrel taught lesson which would not soon be forgotten* (Hailey: 32); *If there hadn't been a war, I wouldn't have seen nothing. It was an education* (Pritchett: 98).

Фразео-семантическая группа отчетливо демонстрирует тенденцию англоязычного лингвокультурного сознания концептуализировать конфликтный процесс как ожесточенную схватку, драку, вооруженную стычку, военные действия, огонь (пожар), продуманную тактическую игру. Конфликт предстает в качестве крайне сложного, запутанного явления, которое наделяется такими атрибутами, как *опасность, насилие, причинение вреда, месть, хитрость, обман, неприятность*, реализующими гештальты CONFLICT — PHYSICAL FIGHT, CONFLICT-FIRE, CONFLICT-DANGER, CONFLICT- DESTRUCTION, CONFLICT — DAMAGE, CONFLICT-REVENGE, CONFLICT — DECEIT, CONFLICT-TROUBLE.

Обращение к паремиологическому аспекту объективации CONFLICT включает анализ 81 пословицы, отсылающей к ситуации конфликта. Паремиологизация концепта CONFLICT осуществляется в двух направлениях: 1) констатация общего закона типа «Всегда имеет место X» (57 паремий), 2) выражение и предписание определенных правил поведения в конфликтной ситуации (реальной или потенциальной), имеющее деонтический характер (24 паремии).

Паремические представления о конфликте констатирующего характера манифестируют следующие стереотипы восприятия исследуемого явления англоязычным лингвокультурным сообществом:

1) конфликты неизбежны (Every man is his own enemy; If there were no clouds, we should not enjoy the sun);

2) конфликт всегда имеет причину (There is no smoke without fire; Every why has a wherefore; Two dogs over one bone seldom agree);

3) конфликт возникает при участии двух сторон (It takes two to make a quarrel);

4) потенциально конфликтные личности громко заявляют о своих претензиях, но редко затевают серьезные конфликты (Barking dogs seldom bite; A bully is always a coward; His bark is worse than his bite; Curst cows have curt horns);

5) третья сторона получает преимущества перед непосредственными участниками конфликта (Two dogs fight for a bone, and a third runs away with it);

6) начало конфликта — самая сложная фаза (The first blow is half the battle; Tread on a worm and it will turn);

7) в процессе конфликтной коммуникации необходимо следить за речью, поскольку сказанного не изменить (Words cut more than swords; Least said, soonest mended; A soft answer turneth away wrath; A word spoken is past recalling);

8) для разрешения конфликта применимы любые средства (All is fair in love and war; Desperate diseases call for desperate remedies; Good fences make good neighbours);

9) прекратить конфликт и примириться никогда не поздно, а после любой конфликтной ситуации наступает мир, перемирие (It is never too late to mend; After rain comes fair weather; After a storm comes a calm; Every flow has its ebb);

10) согласие и бесконфликтность имеют неоспоримые преимущества перед конфликтом (United we stand, divided we fall; A house divided against itself cannot stand; A bad peace is better than a good quarrel).

Основные предписания для поведения человека в конфликтной ситуации отражены в поговорках прескриптивного типа:

1) человек должен осознавать последствия некоторых поступков, которые могут привести к конфликту (As you sow, so shall you reap; Wake not a sleeping lion; As you make your bed, so you must lie on it);

2) не следует угрожать впустую, начинать конфликт, если не уверен в своих силах (Never make threats if you cannot carry out);

3) если конфликт возник, необходимо продумывать свои действия (Never tell your enemy that your foot aches; When angry, count a hundred);

4) в ходе конфликтного противоборства не стоит сдаваться (Don't swap horses in the middle of the stream; Grasp a nettle hard, and it will not sting you);

5) не следует вмешиваться в чужие конфликты (Never fish in troubled water; Put not your hand between the bark and the tree);

6) для разрешения конфликтной ситуации необходимо терпение и прощение (Forgive and forget; Let bygones be bygones), а для предотвращения конфликтов и их успешного разрешения в случае возникновения нужно изучать это явление и заранее готовиться к возможности его появления (If you want peace, prepare for war).

Семантический диапазон и образное наполнение паремий обеих групп демонстрируют устойчивость образов, ассоциируемых с этим феноменом. Конфликт предстает как урожай (причем, не просто семян, растений, а сорняков), огонь, неприятность. Его участники ассоциируются с агрессивными, сцепившимися, громко лающими собаками, бодливыми коровами, червями. Причина конфликта предстает в образе кости, брошенной собакам. Преобладание паремий констатирующего характера еще раз подтверждает мысль о том, что в сознании англоязычной личности конфликт концептуализируется как константное явление человеческого бытия, которого нельзя избежать, но можно научиться конструктивно с ним справляться (способами, отраженными в поговорках прескриптивного типа).

Помимо гештальтов, дающих неделимое, общее представление о конфликте, в современном английском языке выявляется ряд метафорических моделей концептуализации данного явления, сопологающих целые мыслительные пространства CONFLICT IS WAR, CONFLICT IS PLAY (GAME), CONFLICT IS DISEASE в совокупности всех их составных элементов. Такое метафорическое картирование базируется на объединяющей идее борьбы, противоборства и отражается в метафорических сценариях концепта CONFLICT.

Доминирующей метафорической моделью является схема CONFLICT IS WAR: она прослеживается на всех уровнях объективации CONFLICT- синтагматическом и парадигматическом, лексическом и фразеологическом (65% контекстов). Такая концептуализация конфликта во многом обусловлена доминированием концепта WAR в едином концептуальном пространстве CONFLICT, вследствие которого другие смежные концепты этого пространства начинают мыслиться в терминах войны и военных действий. В этой связи представляется возможным говорить о взаимопроникновении концептуальной метафоры и концептуальной метонимии, поскольку часть концептуального пространства (концепт WAR) выступает в качестве целого (концепт CONFLICT), создавая при этом яркий метафорический образ, основанный на ассоциации по сходству объектов.

Конвенциональная схема CONFLICT IS WAR является, таким образом, метонимической метафорой, реализующейся в значительном количестве языковых «военных» метафор, большая часть из которых — это «стертые» метафоры, что свидетельствует об ингерентной «встроенности» данной метафорической схе-

мы в концептуальную систему носителей современной англоязычной лингвокультуры.

Как явствует из анализа многочисленных метафорических выражений собственно лексического и фразеологического типа в контекстах объективации концепта CONFLICT, метафорическому картированию подвергаются все структурные элементы, свойства и характеристики сферы-источника (война) на сферу-мишень (конфликт): участники — *adversaries, enemies, foes*; место протекания конфликта — *battlefield, battleground*; средства ведения конфликта — *armour, weapons*; причина — *trigger*; начало конфликта — *attack, to open fire, to let loose dogs of war*; противоборство — *combat, battle, to stand to one's guns, to carry the war into the enemy's camp, to cross fire*; разрешение конфликта — *to win/lose a war, to declare victory, to defeat, to retreat, to declare a truce, to hand out a white flag*:

... the archdeacon never wanted courage; he was quite willing to meet *his enemy* [John Bold] on any *battlefield* with any *weapon*. ... As the indomitable cock preparing for the combat sharpens his spurs, so did the archdeacon arrange his *weapons* for *the coming war* (Trollope: 18); "If that's his attitude, we must *declare war*", said Florentyna. "Like *Napoleon*, you have remembered that the first *rule of war is surprise*" (Archer: 224); She wanted a confrontation, she wanted *to launch a full-scale war* against him (Bianchin: 104).

Концептуальная схема CONFLICT IS PLAY (GAME) реализуется в различных метафорических выражениях, фокусом которых являются объективаторы концепта PLAY (GAME), аккумулирующего информацию об игре и ее воплощениях (спортивной игре, азартной (карточной) игре, сценической игре и т.п.). Данный факт имел место и в древнем англоязычном сознании, сопоставившем игру и борьбу, вооруженную схватку, войну: *heado-lac, beadu-lac* «бой, битва — игра, вооруженная схватка, игра», *asc — plega* «игра копий (= бой, сражение, война)», *plega* «игра, борьба, схватка», *geflit* «противоборство, игра, состязание».

В современном английском языке метафорическая модель CONFLICT IS PLAY (GAME) объективируется посредством значительного количества метафорических выражений: конфликт — *play, game, contest, competition, match, foul*; участники — *players, playmates, actors, contesting groups/ teams*; место протекания конфликта — *the theatre of conflict/ war*; противоборство — *the tug-of-war, to go to the mat, a game at which two can play, to leave the ball at smb's feet* и др.; разрешение конфликта — *the endgame, the stalemate, to win, to be checkmated, to carry the garland* и др.:

... we won't *quarrel* about words; I shall call it an *attack*, you wish to abandon this *game of backgammon you've begun to play* (Trollope: 119); He was a *superb tactician*, waiting for her to plot the next move. There was no doubt he would *win the game*, but for the moment she was still a *player*, even if he *held all the cards* (Bianchin: 81).

Метафорическая модель CONFLICT IS DISEASE имплицитно несет негативное оценочное отношение к данному явлению, поскольку основанием модуса фиктивности, обуславливающего это метафорическое картирование, служит идея неприятности, проблемности, боли, необходимости преодоления, связывающая два пространства — конфликта и болезни: участники — patients, sick people; посредники -doctors; причина конфликта — diagnosis; возникновение конфликта — outbreak of disease; развитие конфликта — fever, spreading of disease, plague, endemic; разрешение конфликта — medical treatment, cure, healing и др.:

Interventions to manage or help solve somebody else's conflict will invariably fail -as will surgery on a patient by a doctor who doesn't know the diagnosis (DO 2: 7); Making "evil" the root cause of conflict is much too imprecise to serve as a diagnosis as it is to say that a disease is caused by demons in the body (DO 2: 7); War has spread and become endemic in Sierra Leone (DO 2: 10); ... the violent conflicts plaguing the world today are mostly civil wars (DO 2: 6).

Стоит отметить, что конвенциональные схемы CONFLICT IS PLAY (GAME) и CONFLICT IS DISEASE базируются на явлении, которое мы называем интерактивной концептуальной аттракцией, представляющей собой функционально-динамический процесс взаимного (интерактивного) «притяжения» концептов, в результате которого сущность одного из них познается сквозь призму сущности другого и наоборот. Анализ практического материала показывает, что в концептуальной системе носителей современного английского языка имеют место не только модели CONFLICT IS PLAY (GAME) и CONFLICT IS DISEASE, но и модели PLAY (GAME) IS CONFLICT и DISEASE IS CONFLICT (STRUGGLE), обусловленные тем фактом, что многие игры изначально базируются на принципе конфликта (например, спортивные игры, виды спорта (бокс и др.)), а болезнь при образном осмыслении предстает как конфликт, борьба между жизнью и смертью, человеческим организмом и недугом. Преобладание метафорического оязыкования при объективации концепта CONFLICT свидетельствует о том, что данный концепт по сути своей метафоричен, представляя собой обширное пространство действия ассоциативно-образного механизма человеческого сознания.

Исследование семантической структуры и языкового представления концепта CONFLICT позволяет сделать выводы о сущности когнитивного измерения феномена конфликта в сознании современной англоязычной личности.

По своей онтологической сущности конфликт есть сложный, многомерный феномен антропогенной природы: человек служит средоточием и определяющим центром конфликта, а многочисленные и многообразные модусы бытия человека каузируют модусы существования и сферы «функционирования» конфликта. В соответствии с этим концепт CONFLICT, аккумулирующий наивно-языковые представления, знания и опыт англоязычного лингвокультурного сообщества по отношению к конфликту, является многокомпонентным образованием со сложной структурой, включающей понятийную, образную и ценностную (включая оценочную) стороны.

Концепт CONFLICT в англоязычном сознании подвергается расщеплению на две взаимодополняющие сущности – целостную (дискретную) и градуируемую. Единое концептуальное пространство CONFLICT состоит из семи смежных концептов: OPPOSITION, CONFRONTATION, WAR, STRUGGLE, QUARREL (ARGUMENT), DIFFERENCE, INCOMPATIBILITY.

Вследствие концептуального расщепления концепта тезаурус лексических и фразеологических средств объективации данного концепта подлежит двойному членению — на средства номинации сегментов концептуального пространства CONFLICT и средства объективации CONFLICT как глобальной дискретной сущности в совокупности выделенных концептуальных признаков. Ведущим типом означивания при этом является метафорическое оязыковление, свидетельствующее о преобладании образной концептуализации конфликта. Доминирующей метафорической моделью объективации концепта CONFLICT является конвенциональная схема CONFLICT IS WAR. Война выступает макрообразом концептуализации конфликта англоязычным сообществом, что прослеживается на всех уровнях объективации CONFLICT и обеспечивает высокочастотную трансмиссию средств — объективаторов WAR в сферу средств объективации CONFLICT.

Исследование понятийной составляющей концепта CONFLICT показывает, что концептуализация конфликта современным носителем английского языка являет собой диалектический процесс движения мысли от общего к частному — от постижения данного феномена как цельной, дискретной сущности к выделению конкретных явлений, категоризируемых как конфликтные и формирую-

щих градуируемую сущность конфликта. Семантическим центром CONFLICT выступает концепт WAR, наиболее адекватно отвечающий сущности конфликта. Данный факт подтверждает мысль о том, что язык является отражением действительности, живо реагируя на изменения последней: в современном мире конфликтов и войн в языке фиксируются не только сущностные признаки этих явлений, но и семантические изменения наивно-языковых представлений о них. По номинативной активности англоязычного лингвосознания доминирующие позиции занимают концепты WAR и QUARREL (ARGUMENT), что обусловлено наибольшей распространенностью таких типов конфликтного взаимодействия, как война и ссора (спор).

Концепт CONFLICT обладает определенной признаковой структурой, ядро которой образуют структурные и процессуальные признаки, отражающие сущность понятийной составляющей CONFLICT, а качественные признаки отражают понятийную, образную, оценочную и значимостную стороны концепта.

В составе тезауруса языковых средств объективации CONFLICT преобладают лексические и фразеологические единицы, являющиеся результатом метафоризации. Данный факт свидетельствует о том, что концептуализация конфликта англоязычным сообществом базируется на образном переосмыслении этого явления и его сравнении с войной, битвой, болезнью, огнем (пожаром), ужасом, разрушением, ущербом, гибелью, штормом, взрывом, игрой и т.п.

Доминирование отрицательно-оценочных гештальтов со всей очевидностью манифестирует негативное отношение носителей англоязычной лингвокультуры к конфликту. В этом прослеживается значительное расхождение наивного и энциклопедического знания о конфликте: если при научном осмыслении первичной выступает позитивная оценка роли конфликта в жизни человека (данный феномен является единственным конструктивным разрешением противоречий, индуцируя положительный опыт по преодолению трудностей), то наивное сознание концептуализирует конфликт крайне отрицательно, отводя позитивной оценке вторичную роль.

Несмотря на ярко выраженную отрицательно — оценочную составляющую, концепт CONFLICT является значимым элементом ценностной картины мира англоязычного сообщества, поскольку только ценностные с точки зрения лингвокультуры явления становятся темой такого множества лексических и фразеологических средств, распредмечивающих их сущность в языке. Со-

вокупность подобных ценностных доминант высокой социокультурной значимости и образует определенный тип культуры, который поддерживается и сохраняется в языке, предопределяя бытие последнего как уникальной идентифицирующей характеристики этноса.

Тема конфликта объемна, интересна и перспективна для лингвистических исследований. Как представляется, ее дальнейшая разработка может осуществляться в следующих направлениях: сопоставительный анализ концептов CONFLICT и КОНФЛИКТ с целью выявления сходств и различий в концептуализации конфликта англо- и русскоязычным лингвосознанием, углубленное изучение смежных концептов пространства CONFLICT (каждый из которых по сути может стать темой самостоятельного исследования), изучение бинарной концептуальной оппозиции CONFLICT-CONCORD в современном английском языке, изучение и сопоставление бинарных оппозиций CONFLICT-CONCORD и КОНФЛИКТ-СОГЛАСИЕ, представленных в современном англо — и русскоязычном лингвокультурном сознании.

Литература

Ермолаева Е.Н. К вопросу о ментальной модели концепта «конфликт» // *Mentalität. Konzept. Gender*; hrsg. von E.A.Pimenov, M.V.Pimenova. — Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. — S. 105 – 107.

Ермолаева Е.Н. Актуализация концепта «конфликт» в современном английском языке // *Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков»*, посвященной 50-летию факультета иностранных языков НГПИ; отв. ред. М.М.Горбушина.- Новокузнецк: НГПИ, 2002. — С.23 — 25.

Ермолаева Е.Н. Концепт «конфликт» как фрагмент американской языковой картины мира // *Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы Международ. науч. конф.*; отв. ред. Т.В.Симашко. — Архангельск: Поморский госуниверситет, 2002. — С. 70 — 71 .

Ермолаева Е.Н. Концептуальный фон порождения конфликтного дискурса (на материале английского языка) // *Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie*; hrsg. von M.V.Pimenova. — Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. — S. 76-78.

Ермолаева Е.Н. «Конфликт»: к проблеме языкового представления концепта в современном английском языке // *Сб. тр. молодых ученых Кемеровского государственного университета, посвященный 60- летию Кемеровской области. В 2 т. Т.1*; редкол.: Ю.А.Захаров, Т.Ю.Белая. — Кемерово: Полиграф, 2002. — С. 192 – 194.

Ермолаева Е.Н. CONFLICT IS WAR: опыт концептуального анализа // Язык. Миф. Этнокультура: сб. науч. тр.; отв. ред. Л.А.Шарикова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2003. — С. 141 — 145.

Ермолаева Е.Н. Метафорические модели концептуализации конфликта (на материале современного английского языка) // Филология. История. Межкультурная коммуникация: тез. докл. регион. конф. молодых ученых (Иркутск, 26 февраля 2003г.); отв. ред. Т.Е.Литвиненко. — Иркутск: ИГЛУ, 2003. — С. 34 — 36.

Ермолаева Е.Н. Метафора как механизм концептуализации действительности // Сб. тр. молодых ученых Кемеровского государственного университета. В 3 т. Т.1; редкол.: Ю.А.Захаров, Т.Ю.Белая. — Кемерово: Полиграф, 2003. — С. 196 — 197.

Ермолаева Е.Н. Об онтологическом статусе концепта в современной лингвистике // Концепт и культура: материалы Междунар. науч. конф.; редкол.: Г.И.Лушникова, Л.П.Прохорова; отв. ред. Л.П.Прохорова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2003. — С. 93 — 98.

Ермолаева Е.Н. Концепт WAR как доминантный сегмент концептуального пространства CONFLICT // Филология и современное лингвистическое образование: материалы регион. конф. молодых ученых (Иркутск, 2-4 марта 2004 г.); отв. ред. Т.Е.Литвиненко. — Иркутск: ИГЛУ, 2004. — С.54-56.

Ермолаева Е.Н. Культурная память слова как фактор его семантической эволюции // Сб. тр. студентов и молодых ученых Кемеровского государственного университета. Вып. 5. Т.1; редкол.: Ю.А.Захаров, Т.Ю.Белая. — Кемерово: Полиграф, 2004. — С. 381 — 383.

Е.Н. Горбачева (Астрахань)

СПОР

Концепты, в основе дискурсивной реализации которых лежит коммуникативное речевое действие и соответствующий этому действию речевой жанр (просьба, жалоба, совет, ссора, оскорбление и т.п.), составляют особый тип ментальных образований — коммуникативных концептов. Согласно В.В.Дементьеву, имена коммуникативных концептов являются именами либо речевых жанров, либо компонентов речевых жанров (стратегий, тактик и т.д.), либо отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры. Таким образом, отнесенность того или иного концепта к разряду коммуникативных концептов возможна, на наш взгляд, при соблюдении двух условий: 1) дискурсивное выражение концепта должно осуществляться в виде речевого действия (речевого жанра) и 2) языковое обозначение концепта должно/ может со-

ответствовать имени данного речевого действия (речевого жанра). С этой точки зрения, спор, безусловно, является коммуникативным концептом.

Цель исследования – изучить дискурсивные и лингвокультурные характеристики коммуникативного действия «спор». В связи с выдвинутой целью выделяются следующие задачи: 1) охарактеризовать речевую составляющую коммуникативного действия «спор»; 2) определить конститутивные признаки речевого жанра «спор»; 3) установить типы споров; 4) выявить коммуникативные стратегии и тактики спора в различных типах дискурса; 5) построить когнитивную модель концепта «спор»; 6) описать понятийную, образную и оценочную стороны концепта «спор» в русской и английской лингвокультурах; 7) раскрыть лингвокультурную специфику спора в различных типах дискурса применительно к русской и английской лингвокультурам.

Дискурсивная сложность спора обусловлена, во-первых, неоднородностью его характера: речевая составляющая спора представлена разными речевыми актами, обязательными из которых, однако, представляются акты утверждения, возражения и аргументации, причем, порождающим спор мы считаем акт возражения. Несмотря на то, что данные речевые действия относятся к одному классу иллокутивных актов по типологиям Д.Остина и Д.Серля, различие между ними устанавливается по нескольким параметрам. Так, в функциональном и структурном отношении самым сложным из них, на наш взгляд, является аргументация, поскольку она выполняет двойную иллокутивную функцию (порождение нового знания и убеждение), а по структуре может быть простой (единичная и множественная аргументация) либо составной (сочинительная и подчинительная аргументация).

Дифференциация трех выделенных иллокуций наблюдается также в плане перлокутивного эффекта, производимого ими: перлокутивный эффект утверждения и возражения заключается в формировании у адресата знания о пропозициональном содержании этих актов, в то время как результатом аргументации является формирование у адресата убеждения в истинности пропозиционального содержания утверждения, сделанного адресантом.

Убеждение – это перлокутивный акт в структуре акта аргументации. Посредством убеждения осуществляется интенциональное речевое воздействие. Средствами, облегчающими достижение перлокутивного эффекта в споре являются уловки, которые в

общем можно разделить на организационно-процедурные, психологические и логические. Причем, каждый вид в свою очередь подразделяется на группы позволительных и непозволительных уловок. Направить аргументационный процесс в то или иное русло позволяют также полемические приемы – ирония, юмор, сарказм.

В зависимости от целей, которые преследуют коммуниканты, наблюдается преобладание того или иного аспекта аргументации: логического, заключающегося в обосновании мнения говорящего либо коммуникативного (когнитивного и риторического), состоящего в способности говорящего убедить оппонента в истинности своего мнения. По цели и характеру используемых приемов споры классифицируются на аподиктические, эклектические, полемические и софистические.

Другая сложность спора заключается в том, что он осуществляется в диалогической форме. Для характеристики спора как динамически развивающегося взаимодействия коммуникантов рассматриваются его жанровые особенности. Спор является преимущественно информативным жанром, что обусловлено иллокутивными целями слагающих его обязательных речевых актов, однако, он не лишен элементов фатики. Обязательными конститутивными признаками жанрового образования «спор» являются семь компонентов, а именно: автор и адресат с обязательным условием чередования этих ролей; тезис как коммуникативное прошлое спора, относительно которого участники характеризуются как носители ролей «пропонент – оппонент»; ситуация отсутствия возражений с обеих сторон как образ коммуникативного будущего спора; глобальная коммуникативная цель – снятие разногласий; обязательное диктумное содержание представлено речевыми актами возражения, утверждения и аргументации; языковое воплощение содержательных компонентов определяется тем, в каком речевом событии жанр спора выступает как ключевой.

Структура коммуникативного действия «спор» как обязательной составляющей диктумного содержания соответствующего речевого жанра обусловлена и представлена структурными элементами дискурса – коммуникативным ходом и репликовым шагом, причем коммуникативный ход является функциональным элементом, а реплика – формальным элементом его структуры. Типовой спор осуществляется в три коммуникативных хода: 1) выражение несогласия с точкой зрения собеседника (т.е. возражение), 2) высказывание собственного мнения (т.е. утверждение),

3) приведение одного или нескольких доводов для обоснования своего мнения (т.е. аргументация). На элементарном уровне семантику всех трех ходов спора можно отобразить, введя элемент p – пропозициональное содержание утверждения, или выраженное мнение: «Я не согласен, что $p1$. Я считаю, что $p2$, потому что $p3$ является доводом в пользу $p2$ ».

Критерием для выделения реплики является мена коммуникативных ролей. В споре встречаются три типа мены ролей: «гладкая» мена, мена после паузы, мена с перебиванием. В минимальную схему аргументативного диалога-спора мы включаем четыре репликовые шага: 1) INIT выраженное мнение Sp1; 2) Sp2 выдвигает возражение и требует аргументации INIT; 3) Sp1 приводит аргументацию INIT; 4) Sp2 опровергает INIT, выражает собственное мнение (INIT – инициальный акт, Sp1 и Sp2 – участники диалога).

Жанр спора рассматривается в работе как форма речи, составляющая неотъемлемую часть простого речевого события «спор», а также сложных речевых событий — дискуссии, диспута, дебатов и полемики. Дискуссия и диспут являются наиболее адекватными речевыми жанрами, а значит, и событиями научного и философского видов дискурса, дебаты и полемика характерны для политического дискурса; спор в качестве простого речевого события рассматривается в диссертации как фатический и осуществляется в рамках бытового дискурса.

Концепт «спор» относится к сложным ментальным образованиям, поскольку концептуализация фрагмента действительности с соответствующим названием происходит посредством сложного коммуникативного действия.

Репрезентацию конститутивных признаков концепта, в основе реализации которого лежит коммуникативное действие, целесообразно провести в форме сценарного фрейма как динамического образа типичной ситуации. Применяв метод интроспективного анализа, мы установили, что фрейм концепта «спор» состоит из восьми вершинных узлов: 1) процесс взаимодействия, выраженный понятием «спорить»; 2) форма этого взаимодействия, выраженная как «сопоставительность»; 3) мотив взаимодействия – «отсутствие согласия»; 4) участники взаимодействия – «спорящие стороны»; 5) предмет взаимодействия – «спорный вопрос»; 6) средство взаимодействия – «аргумент»; 7) функции аргумента – «обоснование» и «убеждение»; 8) результат взаимодействия – «согласие»/ «истина».

Основываясь на данных, полученных при построении сценарного фрейма, мы определяем содержательный минимум концепта «спор» как прототипную ситуацию взаимодействия, в которое вступают спорящие стороны, имея несовпадающие взгляды на поставленный вопрос, и в котором каждая из сторон, в состязательной форме, аргументируя (отстаивая) и опровергая (оппонируя) мнение собеседника, претендует на монопольное установление истины и убеждение в ней своего оппонента, что должно быть выражено актом согласия.

Дефинирование ключевых лексем – «спор/спорить» и «an argument/to argue» позволило выделить основные ситуации спора, характерные для русской и английской лингвокультур. В русской лингвокультуре выделяется большее количество таких ситуаций: спор-пререкание (обмен разными мнениями), судебное разбирательство, спор-пари, спор-битва, спор-соперничество, спор-сопротивление абстрактным сущностям (болезням, смерти, судьбе). Из шести выделенных видов спора языковое выражение получают спор-пререкание (обмен разными мнениями), судебное разбирательство и спор-пари. Первый вид спора объективируется также с помощью лексических единиц «дискуссия», «полемика», «диспут», «дебаты» (книжн.), «прения», словопрения (устар.), различающиеся по признакам «характер аргументации», «тип обсуждаемого вопроса» и «форма и характер обсуждения». В разговорном стиле способы обозначения данного вида спора многообразны: «препирательство», «пререкание», «перепалка», «перекоры», «неладья», «баталия», «словесная дуэль», «грызня», «контроверза», «словесный пинг-понг», «стычка», «столкновение» (в переносном значении), «схватка», «сшибка», «трения» (в переносном значении). Все они объективируют ситуацию эмоционального спора. Различие в данном ряду наблюдается по признаку «враждебный/невраждебный». Судебное разбирательство репрезентируется лексемами «тяжба» и «заклад», спор-пари — идиоматическими выражениями «биться об заклад», «держать/заключать пари».

В английской лингвокультуре выделяются три ситуации спора, обозначенные лексемой «arguing»: *arguing-reasoning* (спор-доказывание/убеждение), *arguing-contending* (спор-состязание), *arguing-quarrelling* (спор-ссора). Для обозначения первого вида спора – «arguing-reasoning» — используются также лексемы «discuss», «debate», «dispute». Обращает на себя внимание относительное сходство понятий «спорить» и «argue», «дискуссия» и «discussion», а также «дебаты/прения» и

«debate» в их основных значениях; между понятиями «диспут» и «dispute» отмечается различие, касающееся сфер их употребления: «диспут» — преимущественно научный спор, «dispute» — спор бытового характера. Ситуация спора «arguing-contending» может обозначаться посредством лексем «contention», «contest», «controversy», «polemic», «polemics», «struggle», «logomachy» с общим признаком «наличие серьезного разногласия по какому-либо вопросу». Ситуация спора-ссоры — «arguing-quarrelling» — репрезентируется посредством синонимов лексемы «quarrel», таких как «altercation», «strife», «row», «wrangle», «feud», «fracas», объединенных общим признаком «эмоционально насыщенный серьезный спор». Кроме того, в английском языке выделяется ряд слов для обозначения ситуации эмоциональных, но несерьезных споров: «quibble», «spat», «bickering», «tiff», «squabbling», «argy-bargy».

Таким образом, для споров в английской лингвокультуре релеванты противопоставления «серьезный эмоциональный / неэмоциональный» и «эмоциональный серьезный/несерьезный». Серьезность английских споров проявляется в наличии кардинально противоположных мнений, а также во враждебности коммуникантов, хотя враждебность — не обязательный атрибут таких споров, а эмоциональность споров понимается как шумливость.

Признак «форма взаимодействия в споре» находит одинаковое отражение в обеих лингвокультурах через понятие «сопоставительность» / «contention». Существенное отличие наблюдается в семантике вызова к состязанию (спору): в русской лингвокультуре вызов является выражением протеста, поэтому ассоциируется с враждой, в английской лингвокультуре вызов к противоборству воспринимается как возможность проявить свои лучшие качества.

Для обозначения участников спора в русском языке служат такие слова, как «спорящая сторона», «спорщик», «оппонент», «polemист», «противник», «соперник», «антагонист», «возражатель», «тяжебник» или «тяжебщик». В английском языке для обозначения участников спора отмечается больше слов, чем в русском языке, причем большинство из них являются производными от глаголов-названий различных видов спора: the opposing side, opposition, opposer, opponent, arguer, debater, discussant, disputant, contender, contestant, controversialist, polemicist, polemist, polemic, logomacher, antagonist, adversary, quarreller.

Признак «отсутствие согласия» представляется ключевым во фрейме. В русском языке инвариантом значений слов, объединенных семой «несогласие», является концепт «противоречие», в

английском языке таким инвариантом представляется концепт «disagreement». Компоненты лексико-семантического пространства слов «несогласие, противоречие»/«disagreement» являются общими для слов «спор»/«argument» (с их синонимами), «ссора»/«quarrel» (с синонимами) и «конфликт»/«conflict». Обозначения речевого акта несогласия (возражения) многочисленны в обоих языках и различаются по признакам «характер возражения», «объект возражения» и «обоснованность возражения».

Способы прямого обозначения предмета взаимодействия в споре, выраженного понятием «спорный вопрос», немногочисленны: в русском языке – «контроверза» («контроверсия»), в английском – «contention». В большинстве случаев данный аспект спора объективируется в обоих языках посредством различных сочетаний с лексемами «вопрос»/«a question», применяемых к ситуации спора в двух значениях: 1) «положение, обстоятельство, требующее решения; проблема»/(of sth) «a matter or an issue which is or needs to be settled»; 2) «то, что вызывает сомнения, еще не выяснено»/«doubt or uncertainty».

Средство организации процесса спора – аргументация – представлено лексикой, условно разделенной на две группы: 1) слова, раскрывающие смысл «отстаивать, защищать» (собственные взгляды) и 2) слова со значением «опровергать» (взгляды оппонента).

Что касается функций аргумента, выраженных понятиями «обоснование» и «убеждение», в русской лингвокультуре обозначение аргументативной функции обоснования превалирует над функцией убеждения. Это может означать, что функция обоснования предполагает осуществление функции убеждения, как в английской лингвокультуре, где некоторые лексемы (например, convince) имеют одновременно два значения – «доказать» и «убедить».

Важное отличие русского концепта «спор» от английского «arguing» можно увидеть в признаке «достижение истины как результата спора»: в спорах среди носителей русской лингвокультуры достижением истины считается воссоздание достоверности, принятие правильных решений или восстановление справедливости, а в английской – только воссоздание достоверности и точности. Согласие как результат спора объективируется в обоих языках посредством лексем, означающих «устное согласие» либо «письменное согласие».

Анализ фразеологического обозначения конститутивных признаков концепта «спор» показывает, что англичане придают осо-

бую важность институционализированным видам спора, в отличие от русских, о чем свидетельствуют преобладающие обозначения именно таких споров («the battle of the books», «wigs on the green», «a full-dress debate»). Кроме того, по признаку «эмоциональное состояние участников спора» можно противопоставить эмоциональность русских рациональности англичан («спорить от души»; «keep one's face»). Концептуализация спора в обеих лингвокультурах происходит посредством метафор, связанных с войной, охотой, спортом, играми и др. («во всеоружии», «за двумя зайцами», «делать ход конем»; «hold the field», «a red herring», «trump smb.'s ace»). Для концептуализации спора в русской лингвокультуре национально-специфическими являются метафоры, связанные с животноводством, ремеслом, церковной деятельностью и стрельбой («брать быка за рога», «рубануть плеча», «будь я анафема», «попасть в яблочко»; в английской лингвокультуре – с мореплаванием, воздухоплаванием, геологией, юриспруденцией, обычаями древних индейцев и цирком («fetch (go) a compass», «the balloon goes up», «come down to bed-rock», «be out of court», «bury the hatchet», «climb aboard the bandwagon»).

Ценностная сторона концепта «спор» раскрывается с помощью оценочных значений фразеологизмов и паремиологических единиц. Положительную оценку в обеих лингвокультурах получают те факторы, которые способствуют правильному ведению спора и его результативности (умение прислушиваться к мнению оппонента, компетентность в обсуждаемом вопросе, проявление инициативы, стремление к компромиссу, к мирному решению проблемы и др.). Соответственно, негативно коннотируется все, что препятствует соблюдению этических норм ведения спора и его результативности (использование уловок, отсутствие твердости в убеждениях, раздраженность, отклонение от главной темы спора, затягивание решения проблемы и т.п.). Национальной особенностью английского поведения в споре является положительное отношение к тем, кто способен сохранять самообладание в случае проигрыша («a good loser»). Русской специфической особенностью представляется рассмотрение спора как важного критерия оценки дружбы: истинный друг, как оказывается, — тот, кто не боится высказаться против («Друг спорит, недруг поддакивает»).

Ассоциативный эксперимент в целом подтвердил результаты анализа лексической, фразеологической и паремиологической систем. Русские и британские респонденты предоставили много

ассоциаций, относящихся преимущественно к интерпретационному полю концепта «спор». В ассоциациях в той или иной степени отражены все конститутивные признаки спора. Важным для данного исследования оказался тот факт, что «an argument» для многих британцев означает преимущественно эмоциональный спор, близкий к русскому понятию «ссора», а «a debate» может обозначать не только политический, но и бытовой спор – понятие, близкое к нейтральному русскому «спор». Ассоциаты британских респондентов выявили возможное свидетельство своей прагматичности: они не дали ни одной ассоциации, связанной с истиной; напротив, было получено много реакций, связанных с принятием решения. Социологический опрос показал, что для большинства носителей русской лингвокультуры (33%) спор – это положительное социальное действие, однако, не всегда являющееся источником положительных эмоций. Напротив, для подавляющего большинства английских респондентов (почти 50%) спор – отрицательное социальное действие, хотя и необходимое в некоторых ситуациях.

Спор представляет определенную ценность для научного, философского, политического и бытового видов дискурса, поскольку, во-первых, является для них одним из ключевых концептов, что в значительной мере обусловлено его ритуализацией, а во-вторых, позволяет осуществить их основные цели, выполняя в данном случае стратегическую роль: дискуссия и диспут способствуют поиску истины в философском и научном видах дискурса, парламентские и телевизионные дебаты и прения являются стратегиями в борьбе за власть в политическом дискурсе, фатический спор позволяет регулировать взаимоотношения в бытовом дискурсе.

Учитывая то, что коммуникативные стратегии реализуются с помощью тактик, а также то, что соотношение понятий «стратегия» и «тактика» зависит от характера интенций говорящих, речевое поведение в фатическом споре можно свести к инвективной, куртуазной и рационально-эвристической стратегиям (тактикам), а в споре информационного характера правомерно говорить об использовании репрезентативной и нарративной стратегий (тактик). Говоря об аргументационных тактиках, следует различать такие виды аргументации, как квазилогическая, презентативная и аргументация по аналогии. На выбор коммуникативных стратегий и тактик влияют национальные, возрастные, социально-психологические, а также гендерные особенности коммуникантов.

Концепт «спор» является одним из ключевых концептов научного, философского, политического и бытового типов дискурса,

поскольку в них происходит, во-первых, частая апелляция к данному концепту посредством обозначения различных концептуальных признаков, а во-вторых, его выражение, или реализация, в виде речевого жанра, диктумное содержание которого составляет речевое действие «спор». Возможность обозначения и выражения концепта «спор» в конкретных видах дискурса обусловлена, по нашему мнению, его способностью активно и пассивно транслироваться в разные виды дискурса, претерпевая при этом определенные изменения в своем содержании, например, при переходе в институциональные виды дискурса происходит его институционализация, т.е. изменение концептуальных признаков в соответствии с конститутивными признаками того вида дискурса, в который он транслируется.

Научные и философские дискуссии, критические по своему характеру, являются ярким примером выражения исследуемого концепта в научном и философском видах дискурса. Основную жанровую особенность критической дискуссии мы определяем как продуцирование аргументативных текстов и обмен аргументами посредством выражения, в первую очередь, несогласия с мнениями предыдущих участников. Выделяются шесть способов выражения несогласия в критической дискуссии: прямое возражение, возражение-опровержение, возражение-замечание, возражение-сомнение, возражение-критика, возражение – согласие с «третьим лицом».

Прямое возражение выражается преимущественно лексически: в русском научном дискурсе с помощью глагола «соглашаться» в отрицательной форме, глаголов «возражать», «спорить», а в английском – с помощью глаголов «argue» и «disagree». Возражение-опровержение, выражается с помощью отрицательных форм слов либо посредством слов с семой отрицания (лексико-синтаксический способ). Возражение-замечание синтаксически оформляется в виде предложения с противительным союзом по формуле «Я согласен, что p_1 , но не согласен, что p_2 » (лексико-синтаксический способ). Возражение-сомнение синтаксически оформляется в виде вопросительного предложения (чаще всего это общий вопрос), причем, вопрос может быть риторическим; кроме того, возражение-сомнение иногда выражается лексически, с помощью слов с семой сомнения (лексико-синтаксический способ). Критика воспринимается как имплицитное возражение, заключенное в аргументации (лексический способ). Согласие с «третьим лицом», уже выразившим свое несогласие с предыду-

щим высказыванием, также расценивается как имплицитное возражение (лексический способ).

Аргументация в научных и философских дискуссиях отличается крайней сложностью, что проявляется в ее многоуровневости и масштабности. Самый распространенный вид аргументации здесь — квазилогическая аргументация, представленная в виде текста-рассуждения или описания. В качестве иллокутивных маркеров квазилогических аргументов, принадлежащих к классу ас-сертивов-утверждений либо констативов, выступают союзы «потому что», «так как», «так», «поскольку», «во-первых», «во-вторых» и т.п., а в английском научном дискурсе — «since», «for», «as», редко «because», «firstly», «secondly» и т.п., придающие аргументации логическую стройность.

Презентирующая аргументация, состоящая из ас-сертивов-нарративов, чаще используется в устных дискуссиях в виде текста-повествования, причем, повествование может быть конкретным, обобщенным или информационным. В письменных дискуссиях презентующая аргументация может быть представлена в виде обобщенного повествования. В качестве аргументов в аргументации по аналогии приводятся статистические данные, происходит апелляция к прецедентным текстам и ситуациям. Аргументация по аналогии носит повествовательный характер, поэтому аргументы в ней представлены ас-сертивами-констативами. В английском научном и философском видах дискурса чаще происходит обращение к прецедентным текстам, нежели к статистическим данным.

Анализ способов апелляции к концепту «спор»/ «arguing» в научном и философском видах дискурса обеих лингвокультур показал примерно одинаковое наполнение концептуальных признаков спора. Заметное преобладание репрезентантов признака «функции аргумента» может свидетельствовать о приоритетном стремлении ученых и философов подвергать информацию, которой они оперируют, тщательному рассмотрению со всех сторон. Отсутствие апелляций к признаку «форма взаимодействия» в русском научно-философском дискурсе и наличие их в английском может быть обосновано тем, что в русской лингвокультуре состязательность ассоциируется с враждебностью, а для рассматриваемого дискурса враждебность не приемлема.

Способы выражения и обозначения концепта «спор»/ «arguing» в политическом дискурсе рассматриваются на примере жанра парламентских дебатов. Сочетание признаков официальной и неофициальной коммуникации проявляется в том, что спо-

события выражения несогласия и характер аргументации в дискурсе парламентских слушаний несколько упрощаются с точки зрения масштабов и логической последовательности по сравнению с научно-философскими дискуссиями. Основные лингвокультурные отличия русского парламентского дискурса от британского заключаются в выражении несогласия (британские политики более осторожно и корректно высказывают возражения, нежели русские), в некоторых аспектах аргументации (в качестве аргументации по аналогии русские парламентарии чаще апеллируют к прецедентным текстам и ситуациям, а британские политики приводят статистические данные), а также в общем эмоциональном фоне (речь русских политиков более эмоциональна).

Концептуализация спора в дискурсе парламентских слушаний чаще всего происходит по признаку «результат взаимодействия», что может свидетельствовать о заинтересованности политиков – членов парламента — в достижении конкретного результата в своей парламентской деятельности.

Выражение и обозначение концепта «спор»/ «arguing» в бытовом дискурсе анализируется на примере фатического спора. Разные нюансы межличностных отношений – недоверие, неодобрение, злость и др. – отражаются в фатических спорах, главным образом, посредством речевого акта возражения. Кроме шести способов выражения несогласия, отмеченных ранее в ходе изучения научно-философского и политического видов дискурса, в бытовом споре выделяются еще два: имплицитное возражение оскорбление (лексический способ) и опущенное возражение, которое можно логически восстановить из аргументации и вербально выразить в виде любого из семи способов выражения несогласия, характерных для бытовых споров.

В работе бытовые споры делятся на три группы на основании пресуппозициональной соотнесенности слагающих их речевых актов с разными временными планами: споры о будущих действиях, споры о совершенных действиях и споры о фактах. В каждой из групп выделяются подгруппы споров, различия между которыми состоят в пунктах разногласия. Так, в первой группе пункты разногласия обнаруживаются по линиям «(аргументированная) просьба – (контраргументированный) отказ» (разновидностью этого спора является спор-торг) и «(аргументированное) мнение-оценка – (контраргументированное) мнение-оценка». В группе споров о совершенных действиях выделяются споры с пунктами разногласия «(аргументированное) обвинение/осуждение/упрек прямого адресата – (контраргументирован-

ное) оправдание прямого адресата в свою пользу», «(аргументированное) обвинение/осуждение/упрек косвенного участника – (контраргументированное) сомнение, оправдание со стороны прямого адресата в пользу косвенного участника»; сюда же мы относим спор – выяснение отношений, построенный на взаимных упреках. Русский спор-пари как культурно-обусловленный сценарий может строиться как спор о будущих действиях и о совершенных действиях. В спорах о фактах выраженное мнение представляет собой дескриптивное утверждение; в таких спорах пункты разногласия усматриваются по линии «(аргументированное) мнение 1 – (контраргументированное) мнение 2».

Отсутствие аргументации в фатических спорах либо ее простая структура обусловлены близкой дистанцией между коммуникантами в бытовом дискурсе и отсутствием большой необходимости придерживаться логики в своих высказываниях. О том, что фатический спор является преимущественно стратегией регулирования межличностных отношений, а не достижения истины либо принятия решения, свидетельствует тот факт, что в бытовом дискурсе апелляция происходит в основном к двум конститутивным признакам спора: «название процесса взаимодействия» и «мотив взаимодействия».

Подведем основные итоги.

1. Спор представляет собой сложное коммуникативное речевое действие, обязательные составляющие которого – речевые акты возражения, утверждения и аргументации – входят в диктумное содержание речевого жанра «спор»; языковое воплощение этого содержания зависит от того, в каком речевом событии используется спор в качестве обязательного жанра, а также от вида дискурса, в рамках которого происходит данное речевое событие.

2. Спор выступает в качестве одной из основных речевых стратегий в достижении глобальных целей научного, философского, политического и бытового видов дискурса; в зависимости от вида дискурса различаются речевые стратегии и тактики самого спора.

3. Концепт речевого действия «спор» имеет следующие конститутивные признаки: 1) процесс взаимодействия, выражающийся понятием «спорить»; 2) форма взаимодействия — «сопоставительность»; 3) мотив взаимодействия – «отсутствие согласия»; 4) участники взаимодействия — спорящие стороны; 5) предмет взаимодействия — «спорный вопрос»; 6) средство взаимодействия — «аргумент»; 7) функции аргумента — «обоснование» и

«убеждение»; 8) результат взаимодействия — «согласие» («истина»).

4. Конститутивные признаки концепта «спор» имеют неодинаковое лексическое, фразеологическое и паремиологическое наполнение в русской и английской лингвокультурах, т.е. существуют определенные отличия в понятийном, образном и оценочном компонентах исследуемого концепта в данных языковых культурах.

5. Концепт «спор» выражается в научном, философском, политическом и бытовом видах дискурса посредством соответствующих жанров дискуссии, диспута, дебатов, прений и фатического спора. В рамках исследуемых видов дискурса происходит апелляция к конститутивным признакам концепта «спор».

Литература

Горбачева Е.Н. Структурные характеристики коммуникативного действия «спор» // Россия и Восток. Обучающееся общество и социально-устойчивое развитие Каспийского региона: Материалы III Междунар. науч. конф. 21-22 апреля 2005 года. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2005. Т. II: Культура как основа межличностного и межэтнического взаимодействия. С.222-225.

Горбачева Е.Н. Национально-специфические характеристики концепта «спор» в русской и английской лингвокультурах (на материале паремиологических единиц) // Язык, перевод и международная коммуникация: Материалы регион. науч. конф. 13-14 октября 2005 г. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2005. С.104-107.

Горбачева Е.Н. Коммуникативное действие «спор» в русской лингвокультуре // Коммуникативное поведение. Вып.23. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. С.29-35.

Горбачева Е.Н. Фразеологическое обозначение концепта «спор» в русской и английской лингвокультурах // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып.3. Междунар. сб. науч. тр. Пятигорск. гос. лингв. ун-та. М. – Пятигорск, 2006. С.300-305.

Горбачева, Е.Н. Лексическое обозначение некоторых составляющих концепта «спор/ arguing» в английской лингвокультуре // Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ч. I: Межкультурная коммуникация и современные лингвистические теории. — Нижний Тагил, 2006. С.35-38.

Горбачева Е.Н. Национальная специфика английского концепта «arguing» («спор») // Этнокультурная концептология: сб. науч. тр./ Калм. гос. ун-та. – Вып.1. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С.52-59.

Горбачева Е.Н. Сценарный фрейм английского концепта «arguing» («спор») // «Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное», международная науч. конф. (2006; Элиста). Междунар. науч.

конф. «Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное», 24-27 апр. 2006 г. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С.40-42.

Горбачева Е.Н. Концепт "спор" в русском и английском научно-философском дискурсе // Известия ВГПУ. Серия "Филол. науки". 2006. № 5 (18). — С. 64-68.

Горбачева Е.Н. Обозначение и выражение лингвокультурного концепта "спор" в русском и британском политическом дискурсе // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. №5 (34). С. 195-200.

Горбачева Е.Н. Спор как лингвокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. – 20 с.

С.С. Катуков (Воронеж)

БРАНЬ

Предметом исследования является содержание и структура концепта БРАНЬ в русском языковом и когнитивном сознании. Исследование выполнено в рамках лингвистической концептологии с использованием семантико-когнитивного метода анализа языка (Попова, Стернин). Методологической основой исследования стали теоретические и методологические идеи, изложенные в работах А.П. Бабушкина 1996, 2001; Н.Н.Болдырева 2001; В.И. Жельвиса 2001; А.А. Залевской 2001; В.И. Карасика 2004, 2005; З.Д.Поповой, И.А. Стернина 2001, 2003, 2006; Ю.С. Степанова 1997.

Изучение концептов осуществляется посредством выявления и анализа языковых средств их объективации и последующего лингвокогнитивного моделирования их структуры и содержания. Под лингвокогнитивным моделированием концепта понимается упорядоченное, структурированное описание содержания концепта в когнитивных терминах. Моделирование концепта осуществляется на базе когнитивной интерпретации результатов описания языковых средств объективации концепта. Моделирование отдельных концептов осуществляется в рамках общего исследования национальных концептосфер. В связи с этим актуальность приобретает работа по описанию и построению моделей коммуникативно релевантных (то есть широко обсуждаемых) концептов русской национальной концептосферы. Одним из таких коммуникативно релевантных концептов является концепт «Брань».

Объектом исследования в статье является языковая объективация концепта «Брань» в русском языке, исследуемая на основе лексикографического и художественного языкового материала.

Предметом исследования является структура и содержание концепта «Брань», описываемые методами лингвокогнитивного анализа.

Целью работы является описание языковых средств объективации и построение когнитивной модели концепта «Брань».

Достижение цели исследования предполагает осуществление следующих задач:

1. Установление языковых средств объективации концепта «Брань» на основе лексикографических данных, паремиологического фонда и русского художественного текста.

2. Моделирование концепта «Брань» в русском когнитивном сознании.

Использованный языковой материал включает:

- 1) лексико-фразеологический языковой материал, полученный методом сплошной выборки из лексикографических источников (толковые, синонимические, этимологические, фразеологические, ассоциативные, паремиологические словари): 107 лексических и фразеологических единиц, 82 паремиологические единицы;

- 2) лексико-фразеологический языковой материал, полученный методом сплошной выборки из художественной литературы (37 художественных текстов 14 русских писателей 1970-90-х гг., объем выборки 2,5 млн. словоупотреблений), 104 текстовых фрагмента объективации концепта «Брань» в русском художественном тексте.

Исследование проводится в опоре на следующую методику.

1. Построение номинативного поля исследуемого концепта.

2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.

3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, отраженных в семантике номинативных средств и формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.

4. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

5. Моделирование концепта как полевой структуры.

Номинативное поле концепта представляет собой совокупность языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества. Номинативное поле неоднородно — оно содержит как номинации самого концепта непосред-

ственно (ядро номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля).

После описания всех единиц номинативного поля концепта осуществляется выявление когнитивных признаков концепта. Завершающей стадией когнитивного исследования является построение модели концепта. Моделирование концепта осуществляется на базе когнитивной интерпретации результатов лингвокогнитивного исследования. Под лингвокогнитивным моделированием концепта понимается упорядоченное, структурированное описание содержания концепта в когнитивных терминах в виде полевой структуры.

Ключевым словом номинативного поля «Брань» является лексема *брань*. На современном этапе развития русского языка для слова *брань* являются релевантными следующие значения:

- 1) взаимный эмоциональный обмен грубыми интенсивными негативными характеристиками, ссора;
- 2) выражение негативных эмоций с помощью бранных слов;
- 3) совокупность грубых неодобрительных эмоциональных слов и выражений.

Лексические и фразеологические средства объективации изучаемого концепта по лексикографическим данным составляют 82 лексические единицы и 25 фразеологических единиц: *ароваться, базариться, бранить, браниться, брань, брехать, вздряниться, всыпать, гавкать, грызться, добранка, забранка, изрыгать, кастить, котоситься, кропотать, кухнать, кричать, крыть, лаять, лаяться, лезжать, мат, материться, материть, матерщина, наброситься, нецензурщина, нырять, обложить, обрывать, окаркивать, окусываться, опсовать, опевать, орать, отглаживать, охальство, песочить, послать, поносить, пушить, разделявать, раздраконивать, ругань, ругательство, ругать, ругаться, руготня, ругня, расплевывать, разносить, распатронивать, распекать, распыживать, репенить, ротить, свариться, сволочить, сволочиться, скилиться, собачиться, сквернословие, сквернословить, сугонять, счувать, тазать, утюжить, хайлить, хазить, хлестать, хаять, хинить, хулить, цапаться, чередить, чертыхаться, чертоположить, честить, чихвостить, щекатить, ягать;*

- *базарная брань, грызть голову, крепкое словцо (слово), крыть матом, мыть голову, начистить пряжку, накрутить хвост (хвоста), намылить холку, нецензурная брань, отрыг-*

нуть слово, поливать грязью, поливать руганью, площадная брань, послать куда следует, послать к чертовой бабушке, послать к чертям собачьим, распусть глотку (губы, горло), растянуть рот, ругательски ругать, продрать с песком, метать икру, мылить шею, черное слово, устраивать баню, устраивать концерт.

Перечисленные единицы составляют основу номинативного поля концепта БРАНЬ.

С точки зрения языковой оценочности единицы номинативного поля делятся на 2 группы: 1) оценочные единицы – 32%, 2) неогночные единицы — 68%.

С точки зрения стилистической принадлежности выделяются следующие группы: 1) стилистически нейтральные межстилевые единицы (2,9%), 2) книжные (5,8%), 3) разговорные единицы (11,5%), 4) грубо-просторечные единицы (79,8%).

С точки зрения синхронии/диахронии выделяются: 1) современные лексические и фразеологические единицы (30,8%), 2) вышедшие или выходящие из употребления лексические и фразеологические единицы (62,2%).

В прямом значении используются 29% лексических и фразеологических единиц, в переносном – 71%.

Общепотребительными являются 76% лексических и фразеологических единиц, областными — 24%.

Отдельно рассматривается паремиологическое номинативное поле концепта БРАНЬ.

Концепт «Брань» объективируется 82 паремиями. В паремиях явление брани номинирует 31 единица: *браниться, брань, побраниться, бранчивый, бранить, журливый, поносить, котоситься, стявкаться, первая брань, последняя брань, набраниться, недобранка, перебранка, отбранка, побранка, браниться бранись, перебраниться, гложиться* (реконструируемая форма от «гложись»), *ругаться, грызться, перекидываться бранью, хаять, лаять, дособачиться, ожуренный, выругаться, обругаться, заглазная брань, брехать, поругаться*. Из них 26 – лексические единицы, 5 словосочетаний.

В паремиях присутствуют единицы, номинирующие явление брани, которые отсутствуют в лексико-фразеологической объективации и объективации в художественном тексте: *бранчивый, журливый, котоситься, стявкаться, набраниться, недобранка, перебранка, отбранка, побранка, перебраниться, гложиться, дособачиться, ожуренный, выругаться, обругаться, первая*

брань, последняя брань, браниться бранись, перекидываться бранью, заглазная брань.

Анализ объективации концепта БРАНЬ в художественном тексте (было проанализировано 37 художественных текстов 14 русских писателей 1970-90-х гг., общая длина текстовой выборки – около 2,5 млн. словоупотреблений, зафиксировано 104 единицы объективации концепта «Брань») позволил выявить 62 когнитивных признака исследуемого концепта. В зоне объективации в художественном тексте встречаются лексические, фразеологические единицы и словосочетания, отсутствующие в лексикографических источниках (лексические единицы – 7, фразеологические единицы – 4, словосочетания – 15, индивидуально-авторские примеры наименований брани – 38).

Таким образом, номинативное поле концепта «Брань» представлено лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, выявленными из лексикографических источников, а также примерами употребления из художественных текстов.

Всего в сумме выявлено 114 когнитивных признаков исследуемого концепта. Наибольшее число когнитивных признаков выявлено в художественной объективации – 62, наименьшее характерно для лексикографической объективации – 18. Паремиологическая объективация представлена 56 когнитивными признаками.

Обнаружено 7 когнитивных признаков, которые встречаются в паремиологической и художественной объективации: *является обиденным средством общения, является средством эмоциональной разрядки, переходит в драку, используется для негативной характеристики высокопоставленных лиц, является средством самокритики, может быть заглазной, выражает веселое настроение*; 9 общих когнитивных признаков присутствуют в лексикографической и художественной объективации: *мелочная, нецензурная, выражает негативные эмоции, интенсивная, используется при оскорблении, грубая, служит для выражения негативной оценки, громкая, немотивированная*; 1 общий когнитивный признак присутствует в зонах паремиологической и лексикографической объективации: *сходна с собачьим поведением*. Таким образом, разные способы (зоны) объективации концепта объективируют преимущественно разные когнитивные признаки.

Макрокомпонентная структура концепта «Брань» имеет следующий вид.

Образный компонент представлен 13 образными признаками и имеет следующую структуру:

1. Визуальный образ – 4 образных признака:

- образ лающей собаки;
- образ ругающихся женщин;
- образ раскрытого рта человека;
- образ огромного степного пространства.

2. Звуковой образ – 2 образных признака:

- образ собачьего лая;
- образ общего шума.

3. Тактильный образ – 2 образных признака:

- образ физического воздействия;
- образ нагревания.

4. Когнитивный метафорический образ – 5 образных призна-

ков:

- образ нечистоты, грязи;
- образ разрушения;
- образ собачьего поведения;
- образ нападения;
- образ худобы, болезни.

В составе образного компонента доминируют когнитивный метафорический образ (5 образных признаков) и визуальный образ (4 образных признака), наименьшую представленность имеет звуковой (2 образных признака) и тактильный образ (2 образных признака). Самым ярким образным признаком оказывается тактильный когнитивный признак *физического воздействия*.

Информационное содержание представлено двумя основными когнитивными признаками: *выражает негативные эмоции и служит для выражения негативной оценки*. Сущностным ядром изучаемого концепта, таким образом, является функциональное назначение брани. При этом брань в когнитивном сознании народа тесно связана с эмоциональной сферой человека.

Интерпретационное поле концепта имеет следующие особенности:

Энциклопедическая зона – 21 когнитивный признак:

существует в разных языках, противоположна мирным отношениям, используется с упоминанием черта, переходит в драку, неторопливая, мелочная, индивидуальная, продолжительная, может быть непонятной окружающим, является умением, может осуществляться заглазно, часто произносится как выражение эмоции после завершения диалога, употребляется в общественном месте, выражает разногласия, может быть интенсивной, громкая, используется в негативной ха-

рактике высокопоставленных лиц, может быть немотивированной, расстраивает отношения между людьми, используется в позитивной критике, присутствует в семейном общении, нарушает общественные приличия, вызывает недовольство окружающих, является показателем грубости субъекта брани, является показателем низкого уровня интеллектуального развития субъекта брани, вызывает восхищение, выражает веселое настроение, является обыденным средством общения, является постоянным средством общения отдельных людей, незлобная, может использоваться в рамках культурного общения, является выражением общей тенденции общения.

Утилитарная зона – 13 когнитивных признаков:

является средством самокритики, выражает состояние высокого эмоционального возбуждения, используется при оскорблении, служит для начала диалога, используется для насмешки, используется для подбадривания, используется в речи взрослых для критики детей, используется для создания ощущения безопасности, используется для выражения заботы, может использоваться для ответа, используется как вид общения с определенным лицом, является средством эмоциональной разрядки, выражает размышления человека,

Социально-культурная зона – 12 когнитивных признаков: *используется в речи мужчин, присутствует в речи рабочих, используется в речи уголовников, несвойственна женскому общению, используется в речи тюремных охранников, присутствует в речи пьяного человека, присутствует в речи спортивных болельщиков, присутствует в речи моряков, присутствует в речи детей, используется в речи автомобилистов, присутствует в речи обиженного человека, воспринимается как лексика сапожников.*

Отдельно рассматривается в работе паремиологическая зона интерпретационного поля, отражающая исторический когнитивный пласт концепта. В ней выделяются те же зоны, что и при описании лексико-фразеологической объективации концепта.

Паремиологическая зона -56 когнитивных признаков:

Энциклопедическая зона — 16 когнитивных признаков:

не является средством доказательства правоты, брань между молодыми супругами может быть незлобной, является обыденным средством общения между родственниками, между

некровными родственниками может иметь серьезные последствия, между близкими родственниками может не иметь серьезных последствий; после брани с родственниками легче мириться, чем с чужими людьми; завершается примирением, то, что подверглось брани, кажется непривлекательным; бранчивый человек бранится безо всякого повода, служит для выражения страха, после непристойной брани может наступить раскаяние, брань между женщинами часто переходит в драку, заглазная брань рано или поздно становится явной, брань в чей-либо адрес не обязательно должна становиться известна, не является приветствием, служит для эмоционального завершения диалога, брани между людьми способствует пьянство. не способствует выполнению дела, вредит физическому состоянию человека, озлобляет человека, вызывает гнев у человека, вредит общественному облику человека, бранчивый человек неприятен в общении, сходна с нечистотой, сходна с собачьим поведением, оценивается в народном сознании как грех, является неизбежным средством общения в быту, не причиняет вреда человеку.

Утилитарная зона- 6 когнитивных признаков:

необходима при выполнении дела, является необходимым средством общения, не способствует долголетию, является неподходящим средством общения, чтобы что-либо попросить; с помощью брани нельзя достигнуть положительного результата, может быть выгодной, является неподходящим средством общения для достижения положительного результата

Регулятивная зона – 14 когнитивных признаков:

не следует переходить от брани к драке, не следует браниться с начальством, необходимо избегать брани, не следует бранить за глаза, необходимо относиться терпимо к брани, не следует браниться с пьяным человеком, в брань между близкими родственниками не должен вмешиваться посторонний человек, должна быть уместной, не может быть постоянным средством общения, не должна быть завершением разговора, брань с бранчивым человеком не приводит к окончательному результату, не следует обращать внимание на бранчивого человека, не следует обращать внимание на брань пьяного человека, после брани необходимо примирение.

Многочисленность когнитивных признаков паремиологической зоны указывает на большой объем исторической составляющей изучаемого концепта. Кроме того, как было уже отмечено, более 62% единиц номинативного поля концепта относятся к устаревшей лексике, что также усиливает исторический слой концепта, так как отдельные когнитивные признаки (но не все), извлекаемые из семантики устаревших единиц номинативного поля, могут быть нехарактерны для современного состояния сознания народа. При этом ряд когнитивных признаков из паремиологического номинативного поля «признается» современным сознанием и не относится к историческому слою концепта.

Всего в современном когнитивном слое концепта выделяется 58 когнитивных признаков, в историческом слое — 56, из них совпадают 8 признаков, что является свидетельством относительной автономии современного и исторического слоев концепта и доказывает, что историческая и современные составляющие концепта далеко не совпадают друг с другом и представляют именно отдельные когнитивные слои концепта.

Под когнитивным слоем концепта мы понимаем совокупность когнитивных признаков, отражающих членение содержания концепта по определенному когнитивному признаку. Можно говорить о современном и историческом когнитивных слоях, а также об оценочном и неоценочном когнитивных слоях.

Исторический концептуальный слой включает когнитивные признаки, которые некогда широко обсуждались и имели поэтому языковые обозначения, которые постепенно вышли из широкого употребления и представляют собой лишь исторический срез концепта, отражают своего рода когнитивную память народа.

Из 56 выявленных паремий о брани актуальны и более или менее используются сегодня не более 7 (и то часто в разных вариантах): муж с женой бранятся, да под одну шубу ложатся; свои собаки гложись, а чужие не вяжись, свои собаки грызутся, а чужая не суйся, брань очей не выест, брань на воротах не виснет, спорить спорь, а браниться грех, молодые бранятся — только тешатся. Таким образом, 49 когнитивных признаков, объективируемых паремиями, сегодня неактуальны.

Сходная ситуация и с лексико-фразеологической объективацией концепта. Из 58 слов и фразеологизмов, объективирующих исследуемый концепт, значительная часть — устаревшие и диалектные слова, незнакомые современному языковому сознанию — *ароваться, вздряниться, добранка, забранка, кастить,*

котоситься, кропотать, кухнать, лезжать, мат, нырять, окаркивать, окусываться, опсовать, опевать, отглаживать, расплевывать, распыживать, репенить, ротить, свариться, скилиться, собачиться, сугонять, счувать, тазать, хайлить, хазить, хинить, чередить, чертыхаться, щекатить, ягать; начистить пряжку, грызть голову, отрыгнуть слово и др.: 62% лексики и фразеологии, объективирующей концепт БРАНЬ, не может быть отнесено к современным языковым единицам. Однако устаревшие лексико-фразеологические единицы, зафиксированные в ходе исследования, не обязательно объективируют устаревшие признаки – они устарели как единицы номинативного поля, составляют периферию номинативного поля концепта, но объективируемые ими признаки не устарели и продолжают присутствовать в современном сознании и признаются современными носителями языка, хотя и не функционируют активно в коммуникативном процессе. Из 58 когнитивных признаков, имеющих лексико-фразеологическую объективацию, 26 названы вышедшими из употребления языковыми единицами. Среди них есть часть, которые объективируют такие когнитивные признаки, которые с точки зрения современного сознания совсем не актуальны, практически не функционируют в актах коммуникации и не осознаются современным сознанием, например:

«брань окончательная, выдержанная до конца; конец перебранки» — добранка; «начало брани» — забранка;

отбраниваться — окусываться; отглаживать – «отгрызться, отделаться от кого бранью»;

«бранить, признавая негодным»; опевать – бранить поочередно, чередить – «вспыхнуть и браниться без толку»;

вздраниться — ссориться, вздорить, настаивая на своем, щекатить;

бранить, что-либо запрещаая — счувать.

Эти признаки принадлежат не современному, а историческому слою сознания.

Таким образом, в целом исторический когнитивный слой исследуемого концепта включает 9 когнитивных признаков лексико-фразеологической объективации и 49 когнитивных признаков паремиологической объективации, следовательно исторический концептуальный слой концепта БРАНЬ оставляет 50,8% содержания концепта.

В связи с выделением когнитивных слоев в содержании концепта могут быть вычислены индексы современности/историчности содержания концепта, индексы оценочно-

сти/неоценочности концепта как отношение количества признаков, характеризующихся определенным параметром, к общему числу когнитивных признаков, образующих содержание концепта.

Оценочных когнитивных признаков из общего количества – 114- выявилось 58; индекс оценочности концепта составляет 0,51. Аналогично индекс историчности содержания концепта «Брань» составил 0,49.

Категориальная структура концепта может быть представлена как перечень когнитивных классифицирующих признаков (классификаторов) по убыванию количества обобщаемых ими когнитивных признаков концепта:

- 1) Функция – 18,3% от общего числа когнитивных признаков.
- 2) Последствия – 18,3%.
- 3) Виды явления — 17,1%
- 4) Правила использования — 12,5%.
- 5) Характеристика субъекта брани — 11,6 %.
- 6) Частота использования — 2,5%.
- 7) Необходимость — 2,5%.
- 8) Сфера употребления — 2,5%.
- 9) Гендерная принадлежность — 2,5%.
- 10) Сходство — 1,6%.
- 11) Распространенность — 0,8 %.
- 12) Степень мотивированности — 0,8%.
- 13) Возрастная принадлежность – 0,8%.
- 14) Причина — 0,8%.
- 15) Умение — 0,8%.

Таким образом, наиболее яркими являются когнитивные классификаторы *функция, последствия, виды явления, правила использования, субъект брани.*

Полевая модель концепта «брань» строилась следующим образом:

1) устанавливался уровень яркости каждого выделенного когнитивного признака, уровень яркости когнитивного признака определялся следующим образом. Общее число объективирующих концепт номинативных единиц – 293 – принималось за 100%. На фоне этой совокупности номинативных единиц процент уровня яркости каждого когнитивного признака подсчитывался, исходя из количества номинативных единиц, объективирующих данный когнитивный признак. Чем большее количество единиц объективирует тот или иной признак, тем выше оказывается уровень его яркости (Попова, Стернин 2006, с.104-105). Например, уровень яркости когнитивного признака *выражает негативные эмоции,*

объективированного 26 номинативными единицами из 293, имеет уровень яркости 8,9%.

2) Все когнитивные признаки ранжировались по показателю уровня яркости.

3) В ядро поля концепта вошли те когнитивные признаки, уровень яркости которых был наиболее высок, в ближнюю и дальнюю периферию вошли когнитивные признаки с меньшим показателем уровня яркости, в крайнюю периферию были отнесены когнитивные признаки с наименьшим уровнем яркости.

Полевая модель концепта БРАНЬ в русской концептосфере по результатам исследования имеет следующий вид:

Ядро – 17,5%:

*выражает негативные эмоции – 26 единиц объективации;
нецензурная – 25 единиц объективации;*

Ближняя периферия – 20,2%:

*интенсивная – 15 единиц объективации;
служит для выражения негативной оценки – 12 единиц объективации;
существует в разных языках, грубая – по 11 единиц объективации;*

громкая – 10 единиц объективации;

Дальняя периферия – 28,1%:

*используется при оскорблении – 7;
является средством самокритики — 6;*

по 5 единиц объективации: является обыденным средством общения, расстраивает отношения между людьми, присутствует в речи рабочих, немотивированная;

по 4 единицы объективации: является постоянным средством общения отдельных людей, после брани необходимо примирение, переходит в драку, не причиняет вреда человеку;

по 3 единицы объективации: мелочная, сходна с собачьим поведением, служит для начала диалога, является необходимым средством общения, необходима при выполнении дела, в брань между близкими родственниками не должен вмешиваться посторонний человек, присутствует в семейном общении, выражает разногласия, сходна с нечистотой, присутствует в речи пьяного человека, производится как эмоциональная реакция после завершения диалога.

Крайняя периферия – 31,5%, 81 когнитивный признак

по 2 единицы объективации: злобная, может использоваться для ответа, не является средством доказательства правоты, является обыденным средством общения между родственниками, между близкими родственниками может не иметь серьезных последствий, используется как вид общения с определенным лицом, является средством эмоциональной разрядки, брань с бранчивым человеком не приводит к окончательному результату, бранчивый человек неприятен в общении;

по 1 единице объективации: служит для завершения диалога, используется с упоминанием черта, противоположна мирным отношениям, является неизбежным средством общения в быту, не способствует выполнению дела, брань между молодыми супругами может быть незлобной, между некровными родственниками может иметь серьезные последствия; после брани с родственниками легче мириться, чем с чужими людьми; рано или поздно завершается примирением, брань с определенным человеком завершается примирением, не может быть постоянным средством общения, неторопливая, выражает размышления человека, индивидуальная, продолжительная, может быть непонятной окружающим, незлобная, используется в речи автомобилистов, является показателем низкого уровня интеллектуального развития субъекта брани, присутствует в речи обиженного человека, воспринимается как лексика сапожников, выражает состояние высокого эмоционального возбуждения, не следует переходить от брани к драке, не следует браниться с начальством, является умением, вредит физическому состоянию человека, не способствует долголетию, является неподходящим средством общения для достижения положительного результата; является неподходящим средством общения, чтобы что-либо попросить; то, что подверглось брани, кажется непривлекательным; бранчивый человек бранится безо всякого повода, озлобляет человека, вызывает гнев у человека, вредит общественному облику человека, служит для выражения страха, используется для насмешки, используется в позитивной критике, используется для подбадривания, необходимо избегать брани, после непристойной брани может наступить раскаяние, оценивается в народном сознании как грех, используется в речи взрослых для критики детей, используется как показатель ощущения безопасности, является выражением общей тенденции общения, используется в речи уголовников, несвойственна женскому общению, является неприличной в общественном употреблении, является неприличной

при детях, не следует бранить за глаза, заглазная брань рано или поздно становится явной, не является приветствием, необходимо относиться терпимо к брани, с помощью брани нельзя достигнуть положительного результата, не следует обращать внимание на брань пьяного человека, не следует браниться с пьяным человеком, пьянство способствует брани, присутствует в речи детей, вызывает восхищение, должна быть уместной, может быть выгодной, не должна быть завершением разговора, воспринимается как лексика тюремных охранников, может использоваться в рамках культурного общения, является показателем грубости собеседника, присутствует в речи спортивных болельщиков, вызывает недовольство окружающих, присутствует в речи моряков, является неприличной при женщинах.

Таким образом, концепт «Брань» является одним из коммуникативно релевантных концептов русской национальной концептосферы, имеющим широкое номинативное поле, репрезентированное лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами и текстовой объективацией.

В содержании концепта, кроме когнитивных признаков и когнитивных классификаторов, выделяются когнитивные слои: современный и исторический, оценочный и неоценочный. Исторический когнитивный слой объективируется преимущественно паремиологией и вышедшей из употребления лексикой.

Выделение и описание когнитивных слоев позволяет вычислить индекс современности/историчности содержания концепта и индекс оценочности/неоценочности содержания концепта. Индекс историчности концепта БРАНЬ составляет 0,49; индекс оценочности концепта – 0,51.

Концепт «Брань» имеет четко выраженное образное содержание. В составе образного компонента доминируют когнитивный метафорический и визуальный образы. Основу образного компонента составляют образы нечистоты, грязи, разрушения, худобы, болезни, образ лающей собаки, образ ссорящихся женщин и тактильный образ физического воздействия.

Информационное содержание концепта невелико по объему. Сущностным ядром изучаемого концепта является функциональное назначение брани и выражаемые при этом негативные эмоции.

Интерпретационное поле концепта «Брань» обширно и детально структурировано; в нем доминируют энциклопедическая и

паремиологическая зоны; последняя принадлежит преимущественно историческому слою концепта.

В категориальной структуре концепта доминируют когнитивные классификаторы *функция, последствия и виды* брани.

Литература

Катуков С.С. Языковая репрезентация концепта «Брань» // Культура общения и её формирование: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2004. – Вып. 13. – С. 34-37.

Катуков С.С. Структура ЛФП «брань» в русском языке // Культура общения и её формирование: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2004. – Вып. 13. – С.101-105.

Катуков С.С. Лексико-фразеологическое поле, объективирующее концепт «брань» // Язык и национальное сознание: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2004. – Вып. 6. – С.22-24.

Катуков С.С. Лексико-фразеологическое поле «брань» в русском языке // Коммуникативные исследования 2004/ Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2004. – 77-80.

Катуков С.С. Когнитивные признаки концепта «брань» в паремиях // Культура общения и её формирование: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005. – Вып. 14. – С. 182-184.

Катуков С.С. Когнитивные признаки концепта «брань» в русских паремиях // Язык и национальное сознание: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005. – Вып. 7. – С.207-209.

Катуков С.С. Репрезентация концепта «брань» в русском языке // Русистика и современность. Материалы VII междунар. науч.-практ. конф. 17-18 сентября 2004 г. Т.1. Лингвокультурная и межкультурная коммуникация. – СПб.: Сударыня, 2005. – С. 183-188.

Катуков С.С. Номинативное поле концепта *брань* и моделирование содержания концепта // Язык и национальное сознание: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – Вып. 8. – С. 159-160.

М.В. Прищепенко (Волгоград)

УСЛУГА

Цель настоящей работы – охарактеризовать концепт «услуга» как метапрофессиональное ментальное образование.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) построить модель лингвокультурного концепта «услуга»,

2) определить содержательный минимум и языковые средства выражения данного концепта;

3) провести сравнительный анализ выражения концепта «услуга» в обиходном и институциональном типах общения.

Наряду с существующими на сегодняшний день классификациями концептов мы предлагаем классификацию концептов по сфере применения. Предлагается выделить три класса концептов:

1. Профессиональные концепты, которые возникают и функционируют в том или ином типе институционального дискурса, например, концепт «инвестиция» в экономическом дискурсе.

2. Обыденные концепты, типичные для обиходного дискурса, например, «застолье».

3. Метапрофессиональные концепты, которые функционируют как в профессиональном, так и в обиходном дискурсе, причем, проявляясь в каждом из этих типов, они обладают отличительным набором признаков внутреннего содержания, которые в совокупности дают наиболее полное представление об этих концептах в рамках одной культуры. В данной работе используется термин «обиходный дискурс», поскольку «бытовой дискурс» может относиться к бытовым услугам, которые противопоставляются специализированным услугам. И бытовые, и специализированные услуги относятся к услугам профессиональным.

Концепт «услуга» является метапрофессиональным концептом, что доказывает рассмотрение понятийной составляющей этого концепта в рамках дефиниционного анализа, например:

1. Services 1.3 a job or type of work that an organization or person can do for you if you want or need them to do it 4.3 The process of being served in a shop, restaurant; used also in saying whether you are served well or badly (Collins COBUILD English Language Dictionary);

Service, n. [OE. servise, OF. servise, service, F. service, from L. servitium] 1. The act of serving; the performance of labor for the benefit of another, or at another's command; attendance of an inferior, hired helper, etc., on a superior, employer, master, or the like (Webster's Revised Unabridged Dictionary);

Service n. 4.a. Work done for others as an occupation or business: has done service for us as a consultant. An act or a variety of work done for others, especially for pay: offers a superior service to that of his competitors; provides full catering services. 8. a. Assistance; help: was of great service to him during his illness. b. An act of assistance

or benefit; a favor: My friend did me a service in fixing the door (American Heritage Dictionary of the English language).

Анализ словарных статей позволил выявить признаки концепта «услуга», характеризующие его как концепт, функционирующий в институциональном дискурсе:

1) наличие участников статусно-ориентированного общения представлено такими лексическими единицами, как inferior, superior, consultant; 2) обозначение институтов как места разворачивания концепта в дискурсе: shop, restaurant; 3) характеристика отношений в диаде «агент-клиент»: work especially for pay, paid job.

Функционирование концепта «услуга» в обиходном дискурсе выявляется в примерах, сопровождающих словарные статьи: My friend did me a service in fixing the door. В этих контекстах наблюдается основной признак обиходного общения — ориентация на личностное общение (friend).

В соответствии с вышеприведенными дефинициями можно выявить следующие релевантные универсальные признаки концепта «услуга»:

1) удовлетворение потребностей (нужд) (work done if you want or need to do it), 2) помощь (help, assistance), 3) возможность вознаграждения (paid work).

Основным значением концепта «услуга» является удовлетворение потребности и получение пользы. Прототипическая модель основного значения концепта: оказать услугу – получить услугу.

Услуга представляет собой форму взаимодействия двух субъектов – поставщика и потребителя услуги.

Для описания концепта «услуга» в исследовании используется фреймовое моделирование. На основании выделения универсальных признаков фрейм концепта «услуга» выглядит следующим образом:

1) Осознание А необходимости удовлетворения своей потребности;

2) Обращение А к В с просьбой об услуге;

3) а) Возможность оказания услуги; б) Невозможность оказания услуги;

4) Результат оказания услуги:

а) для А; б) для В.

Мы полагаем, что данный универсальный фрейм будет модифицироваться в зависимости от особенностей актуализации концепта в каждом дискурсе.

Выделяются признаки классификации лексических единиц, входящих в ассоциативный круг концепта «услуга»:

- 1) характеристика услуги как деятельности (обслуживание),
- 2) характеристика поставщика услуги,
- 3) характеристика потребителя,
- 4) характеристика услуги как а) результата для потребителя, б) результата для поставщика.

В обиходном представлении концепт «услуга» трактуется как действие, деятельность (act, action), которая уточняется как помощь (help), содействие (assistance); результатом этого действия является выгода, польза (benefit, interest, avail), преимущество (advantage), счастье (happiness). Ближайшими синонимами service являются office, favor. Ближайшим антонимом понятия service выступает понятие *disservice* (плохая услуга, ущерб, вред). Идея отрицательной оценки услуги уточняется при помощи признака “ill” (нездоровый, плохой, злой, враждебный): *ill service*, *ill turn*. Характеристики *friendly action*, *friendly assistance* указывают на лицо, с которым находятся в дружеских отношениях, как на персону, получение услуги от которой считается наиболее ожидаемым явлением. Признак “friendly” заставляет предположить, что оказание услуги, прежде всего, ожидают от друга. Понятие «друг» для англоязычной культуры синонимично понятию «сосед» или «коллега» потому, что для этой культуры характерно понимание дружбы в более абстрактном значении, включая как представление о близких взаимоотношениях, так и о простом дружеском расположении (Прохвачева, 2000). Таким образом, наблюдается взаимосвязь концепта «услуга» с понятиями «дружба» и «добрососедство», которые в англоговорящем мире в силу своей специфики объединяются в одном понятии “social capital” (Smith, 2001). В этой связи можно сказать, что синонимами service становятся такие лексические единицы как *social support*, *social exchange*, которые уточняют идею услуги как «социальная помощь, основанная на взаимобмене». Опираясь на «теорию обмена» Ричарда Эмерсона, нам удалось составить следующую смысловую модель концепта «услуга»: во взаимных отношениях власть А над В является функцией зависимости В от услуги, предоставляемой А. Эта зависимость является функцией пользы, которую В соотносит с ресурсами, предоставленными А, и числом альтернативных источников этих ресурсов.

Можно установить следующую специфику идеи услуги в обиходном дискурсе:

1. В обозначении и выражении концепта отсутствует прямое указание на необходимость взаимного обмена. Таким образом, можно сказать, что слот «оплата за услугу» является факультативным.

2. Наличие антонимов предполагает как позитивную, так и негативную оценку услуги вследствие чего признак «польза, выгода» также переходит в разряд факультативных.

3. Оказание услуги наиболее ожидаемо от друга, коллеги по работе или соседей.

Рассматривая понятийные характеристики концепта «услуга» в профессиональном сознании, мы полагаем, что данный концепт является ключевым концептом деловой картины мира, под которой мы понимаем один из профессиональных образов мира, служащий для организации общественных отношений в различных сферах деятельности. Особенности смыслового содержания этого концепта отражают специфику деловой культуры, где данный концепт существует в самостоятельном секторе, обозначенном как сфера услуг, а также специфику социальных отношений между людьми, их этических норм и обычаев.

Понятийная сторона рассматриваемого концепта содержит типичные признаки концепта «услуга» в профессиональном дискурсе: 1) процесс обслуживания представлен работой агента для клиента. В качестве работы может выступать профессиональная помощь, посредничество, консультирование; 2) результат обслуживания очевиден как для клиента, так и для агента. Для клиента результат может выражаться в форме товара (материальная услуга), удовлетворения потребности, блага, консультации. Для агента результат обслуживания предстает в форме оплаты за полученную услугу, которая чаще приобретает денежное выражение.

Представление о концепте «услуга» в профессиональном сознании связано с такими концептами как: goods, labor.

Предлагается классификация услуг по сферам обслуживания. Согласно такому подходу выделяются следующие типы услуг, функционирующие в профессиональном дискурсе:

1) бытовые услуги: услуги в сфере бытового обслуживания населения. Примеры контекстов, описывающих подобные услуги, свидетельствуют о том, что такие услуги имеют частный, персональный характер: Resident in the area, I provide a personal service to discerning clients who seek the best apartments, villas and country properties in and around Cannes (BNC);

2) сфера специализированных услуг представлена деятельностью врачей, учителей, юридических фирм, аудиторских фирм, рекламных агентств, банков. Например: Apart from those whose job is to teach (in schools, further education colleges, polytechnics and universities), there are the administrators, advisers and inspectors; the support staff who assist teachers (e.g. nursery assistants and laboratory assistants); the ancillary workers who maintain premises, provide the meals service and run the offices; and the professionals who offer specialist services, such as the educational psychologists (BNC).

В каждом классе услуг выделяются подтипы услуг:

- основная услуга (major service);
- сопутствующая услуга (accompanying service).

Выделенные типы услуг принадлежат к области профессионального сознания. Для каждого типа ситуация оказания услуги развивается в рамках основного фрейма.

В работе прослеживается взаимосвязь понятий «услуга» и «товар». Можно говорить о схожести или взаимосвязи природы товаров и услуг. Товары обладают двойственной природой, так как они включают в себя внутреннюю структуру товара и внешние свойства, ассоциирующиеся с типом услуги, предлагаемой клиенту как часть этого товара (Gann and Salter, 2000). Таким образом, понятия товар и услуга – это не антиподы, а две области одного и того же континуума с общим признаком «польза, выгода». Другими словами, фрейм «услуга» входит в более широкий фрейм «товар», являясь неосязаемой, но осознаваемой «начинкой» осязаемой оболочки, то есть товара.

Образная составляющая концепта «услуга» в обиходном дискурсе представлена ситуациями оказания соответствующих услуг. Данный раздел работы посвящен решению следующих задач: 1) выделить наиболее типичные виды обиходных услуг, 2) рассмотреть примерные ситуации оказания услуг, 3) составить образную характеристику людей, участвующих в таких ситуациях.

Самобытность концепта «услуга» с позиции обиходного дискурса определяется следующими характеристиками “friendliness”, “helpfulness”, “respect for privacy”, являющихся составляющими понятия «добрососедство».

Обиходные услуги можно разбить на два класса: 1) практическая помощь, 2) эмоциональная помощь. Образ обиходной услуги дополняется выделением таких типов как 1) demanding (требующая больших усилий), 2) difficult to reciprocate (за которую трудно отплатить), 3) intrusive (навязчивая). По-

добное представление об услуге позволяет сделать вывод о том, что представители англоязычной лингвокультуры находят оказание услуг не только полезным, но и иногда обременительным. Образ услуги уточняется посредством описания понятия «neighbourliness»: manifest neighbourliness (ярко выраженное добрососедство), характеризующееся социальными контактами, визитами, приветствиями и незначительными услугами; и latent neighbourliness (скрытое добрососедство), когда чувство добрососедства проявляется в экстренном случае или особой ситуации. Для англичан качество помощи и уважение к частной жизни других намного важнее, чем личностные качества соседа.

Примером типичной ситуации оказания обиходной услуги служит высказывание жительницы города Гарландс-ин-Йорк:

Angela says: I've been living here for years and Vicky's become one of my closest friends offering advice over a cuppa, encouraging me to get fit by taking up running with her and she's always keeping a close eye out for Amy. And when Vicky's not in I can rely on any of the friendly faces up and down the street to lend a hand. It's definitely a good boost to our security knowing everyone looks out for each other and would do anything to help you out (www.mwgb.co.uk).

В данном примере образ человека, готового оказать услугу, представлен следующими лексическими единицами: closest friend, friendly face; его действия по оказанию услуги выражаются такими глагольными конструкциями как: to encourage, to lend a hand, to look out for each other, to help out. Результатом соседской услуги выступает чувство безопасности (security).

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что обиходная услуга трактуется как источник психологического здоровья, социального общения и безопасности.

Для носителей англоязычной культуры основным из условий оказания обиходных услуг является возможность взаимобмена, который понимается как норма, регулирующая отношения соседей друг с другом. Согласно этой норме человек, ищущий помощи, имплицитно чувствует своим долгом отплатить услугой, соизмеримой с оказанной ему услугой (D'Abbs, 1991). В ситуациях обмена услуг между друзьями и соседями носители англоязычной культуры избегают точных единиц измерения оказанных услуг. Деньги неприемлемы в качестве вознаграждения в отношениях между людьми и только в исключительных случаях могут выступать средством оплаты обиходной услуги. Несмотря на табу оценивать соседскую или дружескую помощь, во многих городах западного мира существует Локальная Система Обмена и Торговли (Local Exchange and Trading System – LETS). Популярность таких

систем как LETS, по-видимому, объясняется сильной нелюбовью представителей английской культуры к долгам. Поэтому они предпочитают получать услуги, за которые они могут расплатиться незамедлительно с помощью условной денежной единицы, которая не имеет точного измерения ценности. Отсюда можно сделать вывод о том, что для людей, практикующих подобную систему, осознание своей полезности для других намного важнее экономических преимуществ. Эту идею можно выразить в языковом плане девизом американских бойскаутов: *Do a good turn daily*.

Идея услуги в обиходном дискурсе обладает своеобразной символикой. Образ отправителя услуги представлен в лексической номинации английского языка по преимуществу метафорами, обозначающими части тела: рука, нога, колено, плечо. Символом услуги как помощи становится «рука», что лексически представлено в языке в ряде выражений в соответствии с действием, выполняемым рукой, и переносно с действием вообще: *to lend a helping hand*; *to come in handy*; *not to lift a finger (hand) to help*; *to bite the hand that feeds one*. Еще одним образом услуги – помощи, поддержки является «колено», на которое можно «опереться» в трудную минуту, например: *to give (offer) a knee to somebody*, или «нога»: *to give a leg up*. Плечо выступает символом близких, дружеских отношений, когда друзья готовы прийти на помощь друг другу в любую минуту: *shoulder to shoulder*. Плечо может и оттолкнуть нуждающегося в услуге: *to give the cold shoulder*.

Образ получателя услуги – это человек, оказавшийся в затруднительной ситуации. В англоязычной культуре условия, в которых оказывается человек, нуждающийся в помощи, ассоциируются с: 1) нахождением в сильно ограниченном для действий пространстве (*cul-de sac*, *in a tight corner*); 2) обстоятельствами, сковывающими действия человека (*up a gum tree*, *in the cart*); 3) болезненными ощущениями (*painful situation*).

Прототипом образа концепта «услуги» может стать следующая ситуация: человек попадает в обстоятельства, препятствующие его деятельности; находится другой человек, который протягивает ему руку или подставляет плечо, чтобы выволить из затруднительного положения. Пространственным образом концепта «услуга» является территория парадного входа в дом (*front porch*, *front door*). Именно здесь по большей части происходят интеракции соседей по поводу обиходных услуг. Языковые единицы, репрезентирующие виды оплаты за обиходную услугу целесообразно разделить на: 1) равноценную форму оплаты (*quid pro quo*; *re-*

сiprocation); 2) относительно равноценную форму оплаты, которую в свою очередь можно разграничить на материальную оплату (dicker, putty medal, douceur, gratuity, gratification) и эмоциональную оплату (acknowledgement, gratitude, thankfulness, B&B letter).

Далее в работе рассматривается образная сторона концепта «услуга» в профессиональном дискурсе, которая представлена ситуацией по поводу оказания услуги, где главная роль принадлежит участникам процесса оказания услуги – поставщик услуги, агент – потребитель услуги, клиент. В качестве дискурсообразующей среды, где происходит взаимодействие агента и клиента, нами определяется среда торга, которая проявляется как элемент делового дискурса или «дискурса торга» (термин Т.Д. Венедиктовой).

Рассматривая образ поставщика услуги, его заведомо соотносят с теми отношениями, в которых он оказывается в процессе взаимодействия с потребителем услуги. Отношения между поставщиком и потребителем услуги могут развиваться тремя путями: контроль за ситуацией оказания услуги находится в руках клиента, агент занимает позицию подчинения; взаимодействие развивается в русле паритета; контроль за ситуацией берет на себя агент, применяя тактику «запугивания», тем самым, оказываясь в позиции превосходства над клиентом. Элементы всех трех типов отношений могут присутствовать в сфере обслуживания в любое время и по различным причинам в зависимости от того, каков желаемый результат от встречи агента и клиента. В совокупности взаимоотношения в этой диаде представляют предметно-образную сторону концепта «услуга» в статусно-ориентированном общении. Подобная динамика образов обусловлена стремительными экономическими изменениями в жизни современного общества, использованием принципа театральности, переосмыслением сущности сферы обслуживания в плане эстетики.

В лексической номинации образ концепта «услуга» складывается из образов видов услуг, заведений сферы обслуживания, характеристики представителей профессий сферы обслуживания и потребителей услуг. Лексические единицы, номинирующие виды услуг и заведения, оказывающие услуги, характеризуются принципом выбора. Это означает, что существует несколько видов услуг одного типа или заведений, оказывающих одинаковую по сути услугу, но различие между ними наблюдается по преимуществу в ценовом параметре (happy hour, registered mail и certified mail, bar и style bar). Принцип выбора учитывает также соци-

альный статус клиента (doss house), его гендерную принадлежность (ladies' day), микрогрупповое разделение общества (air shuttle, drive-up phone).

В образе поставщика услуги на лексическом уровне проявляется гендерная специфика (nippy, errand boy), культурная специфика (стояльщик в очереди, кофейная полиция). Образ потребителя услуги характеризуется многоликостью: с одной стороны он независим (legitimate, choosng, enterprising individual; sovereign), с другой стороны находится под постоянным контролем поставщика услуги и наделяется такими характеристиками как potential fraudsters, cheats and aggressors. Образ профессиональной услуги дополняют характеристики признака «оплата услуги». Языковые средства, выражающие этот признак, классифицируются по сферам услуг: оплата специализированных услуг – основная (retaining fee, contingency fee) и дополнительная (honorarium); оплата бытовых услуг – основная (charge) и дополнительная (tip).

В результате рассмотрения ценностного компонента концепта «услуга» через переносные значения слов и фразеологические обороты в обиходном дискурсе мы пришли к следующим выводам: 1) положительную оценку получают следующие действия отправителя услуги: посредничество (to put a word for); передача денег с неограниченным сроком выплаты (to set smb on his legs); передача денег или вещей на ограниченный срок (to lend); перевозка на короткое расстояние (give a lift); непреднамеренная услуга (to subvene); помощь в трудной ситуации (to help out, to bail out, to see through); денежная помощь в трудной ситуации (accommodation); добровольная помощь (to do one a good turn); своевременная помощь (not to let the grass grow under one's feet); приложение усилий (to roll logs for); добросовестный труд (to leave no stone unturned); благородство (to heap coals of fire on one's head); взаимность (car pool, old boy network); 2) отрицательно оцениваются следующие действия отправителя услуги: навязчивые действия, оказание давления на получателя (to press smth on smb); мошенничество, обман (to palm off, to sell a pup); игнорирование просьбы об услуге (to puss by on the other side, to sport one's oak); непрошенная помощь (to kibitz); помощь во вред (to do the dirty on smb, to gum up the works); помощь, не доведенная до конца (to pull the rug out from under); посредничество по принципу «и вашим, и нашим» (to rob Peter to pay Paul); невыполнение данных обещаний (Indian giver, when pigs fly); 3) в переносных значениях актуализируется отрицательная оценка действий получателя услуги: а) до оказания услуги: назойливая просьба (to hammer at);

лесть (sweet talk, to know which side one's bread is buttered on, to lick one's boots, polish the apple); б) после оказания услуги: отказ от уплаты долга (to welsh); стремление к собственной выгоде (to freeload, to cash in on, deadbeat, to mooch, to take advantage of); злоупотребление помощью (to impose on, to trade on smth); 4) положительную оценку получают следующие характеристики отправителя услуги: мастерство (heavy hitter, crackjack, dab, adept, Jack of all trades, mavin, an old hand, handy man, right-hand man); честность и справедливость (square shooter, with an open hand); сострадание и отсутствие корысти (good Samaritan); способность оказаться рядом в нужном месте в нужное время (Johnny-on-the-spot, at call, ace in the hole, sidekick, close at hand); способность оказания взаимной услуги (backscratcher, shoulder to shoulder); люди, имеющие возможность финансовой помощи (benefactor, soft touch); 5) отрицательно оцениваются такие качества отправителя услуги, как: ненадежность (bad actor, flop); самодовольство (do-gooder); неискренность (smooth, yes-man); инициативность (back-seat driver, Dutch uncle). Следует отметить, что из общего числа лексических единиц (200) в большей мере положительную оценку получают действия и характеристики отправителя услуги (110 единиц), отрицательно характеризуется получатель услуги (70 единиц) и незначительным числом единиц (20) представлены отрицательные характеристики отправителя услуги.

Анализ паремиологического фонда английского языка представляет услугу как феномен с двойственной структурой: с одной стороны, услуга выступает добродетелью, с другой стороны, проявляясь в избытке или не вовремя, наносит вред. Рассмотрение этих двух направлений эмоционально-оценочной конкретизации концепта «услуга» позволило выделить специфичное в концептуализации данного фрагмента действительности. Во-первых, услуга получает как положительную (A good deed is never lost), так и отрицательную оценку (Service without reward is punishment). Для пословиц английского языка на эту тему характерны высокая степень категоричности суждений (If you want a thing done, do it yourself), большая эмоционально-экспрессивная оценка услуги (A good service is a great enchantment), приведение концепта услуга к институциональным нормам (As the work, so the pay), прагматичность и реалистичность в отношении к услуге (Claw me and I will claw thee). Своеобразие английских пословиц подтверждает взаимосвязь концепта услуга с такими концептами как дружба (Lend your money and lose your friend), отношения представителей раз-

ного социального статуса (God helps the rich man let the poor man beg).

В рамках обиходного дискурса ценностная составляющая концепта «услуга» рассматривается в афоризмах и сентенциях, которые содержат идею об услуге в ее житейском понимании. Из общего числа афоризмов и сентенций (75 единиц) 47 примеров отражают положительную оценку концепта «услуга», связанную со следующими признаками: 1) положительными личностными качествами человека, оказывающего услугу, например, щедростью, добротой, справедливостью, скромностью, отсутствием гордыни (To serve is beautiful, but only if it is done with joy and a whole heart and a free mind (Pearl S.Buck)); 2) положительными эмоциональными состояниями отправителя и получателя услуги, например, счастье, удовлетворенность, радость (Through our willingness to help others we can learn to be happy rather than depressed (Gerald G. Jampolsky)); 3) способностью к оказанию адекватной услуги (Малая помощь в нужное время лучше, чем большая помощь в ненужное время (Асприн, Роберт Линн)); 4) возможностью духовного развития как личности (To care for anyone else enough to make their problems one's own, is ever the beginning of one's real ethical development (Felix Adler)). Отрицательная оценка концепта «услуга» связана, прежде всего, с проявлением негативных личностных качеств людей, например: эгоизма, корысти (как для получателя, так и для отправителя услуги) (Let not the tie be mercenary, though the service is measured in money. Make yourself necessary to somebody. Do not make life hard to any (Ralph Waldo Emerson)), неблагодарности (для получателя) (We wish to be self-sustained. We do not quite forgive a giver. The hand that feeds us is in some danger of being bitten (Ralph Waldo Emerson)).

Анализ афоризмов и сентенций с точки зрения выражения в них ценностных характеристик концепта «услуга» позволил выявить связь концепта «услуга» с другими концептами. Подтверждается своеобразие взаимосвязи концепта «услуга» с такими концептами, как «добро», «жизнь», «дружба», «эгоизм».

Беря за основу фреймовую структуру концепта «услуга», мы полагаем, что слоты «просьба об услуге» и «благодарность за услугу» являются наиболее показательными элементами ценностной стороны концепта «услуга» при его рассмотрении в прагматингвистическом ключе. Для иллюстрации вышесказанного мы воспользовались данными американского сайта www.wiki.ehow.com, где приводятся советы-инструкции носителей

американской культуры по поводу разнообразных жизненных ситуаций. Следует отметить общую отрицательную оценку идеи склонения человека на свою сторону с целью получения от него услуги. Процедура просьбы об услуге представлена как четко продуманный стратегический план, что может свидетельствовать о неохотном отношении людей к выполнению подобных просьб. Сравнение просьбы об услуге с ситуацией торга подчеркивает близость обиходного общения к статусно-ролевому общению. В поведении просителя об услуге намечаются следующие коммуникативные стратегии: 1) стратегия точного расчета. Необходимо убедиться, что человек, к которому хочешь обратиться за помощью, действительно может тебе помочь; 2) стратегия убеждения. Необходимо уверить собеседника в своем желании и возможности оказать взаимную помощь; 3) стратегия эффективного взаимодействия. Чем быстрее человек получает результат, тем больше ценится услуга. При этом подтверждается сделанный нами вывод о том, что представители английской культуры приветствуют незначительные взаимные услуги и в меньшей мере денежное вознаграждение. Также можно сделать вывод о негативном отношении носителей английской культуры к обращению с просьбой об услуге.

В примерах, описывающих ситуацию предложения помощи, выделяются следующие стратегии: 1) стратегия доброжелательности, которая достигается посредством тактики дружеского общения; 2) стратегия контроля над инициативой, которая коммуникативно выражается в предложении соседям своей помощи и имеет своей целью желание собеседника, предлагающего свою услугу, в будущем получить подобное предложение от своего соседа (или друга). Приглашение соседа в гости имплицитно подразумевает в ходе общения привлечение его внимания к проблемам хозяина дома и, возможно, имеет целью побудить собеседника отреагировать адекватно путем предложения своей помощи.

Также высоко ценится умение правильно и вовремя благодарить человека, оказавшего услугу. В английском языке для этого существует отдельный жанр благодарственного письма (thank-you note), а для выражающего таким образом благодарность существуют определенные стратегии: 1) благодарность за оказанную услугу, которая выражается словесно в письме, с упоминанием сути самой услуги; 2) намеренное преувеличение значимости оказанной услуги для получателя, а также приобщение заслуг отправителя услуги к успехам дальнейшей жизни получателя; 3) уместной считается благодарность за услугу, выраженная в

материальной форме (цветы, шоколад, приглашение в гости); 4) уважение к отправителю услуги выявляется на уровне оформления письма. Признается неуместным использование формальных, обезличенных печатным текстом благодарности бланков.

Полагается, что подобное поведение получателя услуги направлено на мотивацию отправителя услуги к сохранению дружеских (добрососедских) отношений, а также возможности в будущем обратиться за помощью и получить адекватную услугу.

В профессиональном дискурсе полная картина образа концепта «услуга» складывается из характеристики групп, объединяющих элементы ассоциативного поля концепта. Данные сайта Британского национального корпуса позволили нам путем сплошной выборки по ключевому слову отобрать контексты, содержащие ситуации «общения» по поводу рассматриваемого нами концепта. Таким образом, 300 отобранных контекстов можно распределить на следующие классы в зависимости от того, какой ассоциативной группе дается оценочная характеристика: 1) характеристика обслуживания, 2) характеристика агента, 3) характеристика клиента.

Наиболее подробно представлена характеристика обслуживания. Этот класс представлен 100 контекстами, которые подразделяются на два подкласса: 1) положительная оценка обслуживания, 2) отрицательная оценка обслуживания. Положительная оценка обслуживания может уточняться в следующих параметрах: 1) качество: These things should be happening if service organizations were really concerned with consultation, offering choices and quality services; 2) пространство: There is a regular bus service close to hand and also convenient shops; 3) время: To do that we must improve the quality of our service, and this means that all of us; especially those of you in our Service Department; must work to provide the Healthcare services our customers contract for, on time and at regular service intervals; 4) цена: The food and drinks offered by the hosts were, I thought, just about right, and very reasonable in price, which encouraged us to use this service, despite the service station stops. Наиболее детальную лексическую конкретизацию получает качество обслуживания (50 единиц). Нами были выявлены такие контексты, где данные параметры использовались в комплексе для создания образа положительной оценки обслуживания, например: 1) цена + качество (cheap and cheerful service; good value service of a high quality); 2) время + качество (faster deliveries and a better service for customers); 3) цена + время (cheap, short-hop service).

Лексические единицы, отрицательно характеризующие обслуживание, обнаружены в 20 контекстах по сравнению с 80 контекстами положительной оценки, что свидетельствует о позитивном ожидании и опыте носителей англо-американской культуры. Отрицательная оценка обслуживания представлена через: 1) негативное отношение клиента к обслуживанию; 2) указание на отсутствие положительной характеристики; 3) характеристику качества обслуживания; 4) характеристику места обслуживания; 5) указание на невысокий уровень обслуживания.

Лексические единицы, передающие образ агента в ситуации оказания услуги, также как и языковые средства, выражающие процесс оказания услуги, содержат в своем значении оценочный признак. Оценочный признак проявляется в большей степени в наименованиях профессий поставщиков услуг, имеющих отрицательный оттенок значения, достигаемый: 1) сравнением представителей профессий с животными (loan shark); 2) путем переноса образа действия на деятеля (ambulance chaser, hash slinger). Отдельную группу составляют лексические единицы, в значение которых заложен признак «назойливо навязывать что-либо» (tout, door-to-door salesman). Образ агента с отрицательным оценочным признаком вербально может передаваться через глагольные конструкции, характеризующие деятельность поставщика услуги (to scalp, to hustle).

В плане языкового выражения образа потребителя услуги английский язык отчетливо демонстрирует подчеркнутую вежливость, заботливое, чуткое отношение к человеку, что связано с такой языковой тенденцией в мире английского языка как «политическая корректность». Материал исследования показывает, что положительная оценка образа потребителя услуги превалирует над отрицательной, что обусловлено следующими факторами: 1) высоким уровнем социальной культуры и хорошими традициями общественного поведения; 2) идеологией и менталитетом общества, провозгласившего культ отдельной личности; 3) коммерческим интересом к человеку как к потенциальному клиенту.

Критерием для выделения корпуса афоризмов и предложений в рамках рассмотрения концепта «услуга» в профессиональном дискурсе послужило наличие признаков статусно-ориентированного общения в смысловом содержании афоризмов. Из общего числа афоризмов (60 единиц) 40 афоризмов выявляют положительную оценку следующих признаков: 1) результат услуги, например: Quality in a product or service is not

what the supplier puts in. It is what the customer gets out and is willing to pay for...Customers pay only for what is of use to them and gives them value. Nothing else constitutes quality (Peter Drucker); 2) поставщик услуги, например: The great thing is the start — to see an opportunity for service, and to start doing it, even though in the beginning you serve but a single customer — and him for nothing (Robert Collier); 3) потребитель услуги, например: Customer needs have an unsettling way of not staying satisfied for very long (Karl Albrecht, American Management Consultant). Отрицательным оценочным признаком наделяются: 1) процесс обслуживания, например: Twenty-four-hour room service generally refers to the length of time that it takes for the club sandwich to arrive. This is indeed disheartening, particularly when you've ordered scrambled eggs (Fran Lebowitz); 2) характеристики поставщика услуги, например: Always serve too much hot fudge sauce on hot fudge sundaes. It makes people overjoyed, and puts them in your debt (Judith Olney). На основании анализа ценностных характеристик концепта «услуга» в афоризмах и сентенциях мы можем сделать вывод о том, что наличие примеров положительной и отрицательной оценки поставщика услуги и малочисленность примеров оценки потребителя услуги (один пример с положительной оценкой) может свидетельствовать о соблюдении принципа: «Клиент всегда прав», которым руководствуются в англоязычной культуре при проведении сервисных транзакций в рамках статусно-ориентированного общения.

Концепт «услуга» является, по нашему мнению, одним из ключевых концептов рекламного дискурса, уточняясь в рамках этого дискурса как «услуга-выгода». Специфика концепта «услуга» в рекламном дискурсе заключается в представлении этого концепта фреймом, характеризующимся отклонением от универсального фрейма:

1) агент заявляет клиенту о необходимости получения услуги;

2) клиент делает выбор по принципу «наличие/отсутствие потребности»:

а) наличие потребности у клиента: клиент получает услугу путем приобретения рекламируемого,

б) отсутствие потребности у клиента: отсутствие услуги.

Наличие потребности возникает у клиента, если рекламируемое представляет для него определенную ценность. Выделение положительно оцениваемых признаков концепта «услуга» в рамках рекламного дискурса проводится на материале рекламных текстов англоязычной прессы по четырем параметрам аксиологической модели концепта «услуга»: 1) временной параметр,

например: There is a Regus instant office solution available to you now (Business Life, 1996); 2) параметр «качество», например: Beauty meets precision (Eterna watch, The Times Sports Daily, December, 2001); 3) параметр «место приобретения услуги», например: Found only in select salons whose staffs have been expertly trained (Guinot skin and body care system, Allure, 1995); 4) ценовой параметр, например: Join now. Pay February (Sport Club. Time Out London. January 19-26, 2005).

В ходе анализа речеповеденческих тактик выражения отношения к услуге в профессиональном дискурсе удалось установить, что особенности взаимодействия поставщика услуги и клиента зависят от типа среды взаимодействия клиента и агента. Выделяются следующие типы сервисного взаимодействия и соответствующие им типы коммуникативных ситуаций оказания услуги: 1) высококонтактная среда взаимодействия, которая характеризуется вербальным общением, сопровождающимся невербальными средствами общения (выражение лица, жесты); 2) низкоконтактная среда взаимодействия, представленная вербальным общением в чистом виде. Здесь главную роль, несомненно, играет голос, интонация поставщика услуги. 3) Виртуальный контакт. Примером может стать ситуация обслуживания в интернет-магазине.

Были проанализированы три типичные ситуации оказания услуг, которые иллюстрируют речеповеденческую тактику сторон при оказании услуги в англоязычной лингвокультуре: 1) обращение с жалобой на некачественную услугу, 2) обслуживание по высшему разряду, 3) вознаграждение агента за оказанную услугу (чаевые). В первой ситуации поведение клиента характеризуется такими стратегиями как: 1) стратегия привлечения внимания достигается сокращением дистанции в официальном общении; 2) стратегия драматизации достигается смягчением категоричности жалобы путем снятия личной ответственности за произошедшее; 3) стратегия формирования эмоционального настроения (отсутствие в речи негативных эмоций); 4) стратегия сохранения ценности (выражение благодарности). Вторая ситуация представляет собой искусственно созданную ситуацию оказания услуги, заранее соответствующую ожиданиям клиента. Стратегия идеализации клиента со стороны поставщика услуги достигается следующими тактиками: 1) индивидуальная забота о клиенте; 2) обращение к клиенту по имени. Третья ситуация отражает ценностные приоритеты поведения агентов и клиентов сервисных транзакций. Для клиента в системе ценностных координат присутствуют такие элементы,

как: соблюдение порядка, терпеливость, вежливость, щедрость на оценку чужого труда. В поведении агента положительную оценку заслуживают скорость обслуживания, вежливость, проявление особого внимания к клиентам. Отобранные примеры являются свидетельством того, что в коммуникативном аспекте услуга связана с лингвопрагматическими категориями вежливости и такта, а также социолингвистической категорией «лицо» (И.Гоффман).

Подведем основные итоги.

1. Лингвокультурные концепты могут быть противопоставлены друг другу по признаку профессиональной / обиходной сферы бытования. На этом основании можно выделить профессиональные, обиходные и метапрофессиональные (промежуточные) концепты. Концепт «услуга» относится к классу метапрофессиональных концептов, функционирует как в профессиональном, так и в обиходном дискурсе и обладает набором сходных и специфических признаков для этих типов дискурса.

2. Понятийные характеристики концепта «услуга» состоят в следующем: 1) наличие у клиента потребности в профессиональной помощи, 2) наличие у агента специальной подготовки для оказания услуг, 3) профессиональная работа агента для клиента, 4) оплата агенту со стороны клиента за выполненную работу. Эти признаки в полной мере выражены в профессиональной дискурсивной реализации данного концепта. В обиходной дискурсивной реализации факультативными становятся признаки «профессиональная работа» и «оплата за выполненную работу».

3. Образные характеристики концепта «услуга» — это ситуации консультирования, посредничества, оказания помощи, требующей специальной (технической, медицинской и др.) подготовки. В профессиональном дискурсе эти признаки выражены явно. В обиходном дискурсе консультирование переходит в совет, посредничество и оказание помощи не всегда требуют специальной подготовки и обычно сопровождаются выражением эмоциональной поддержки, а оплата носит характер символического капитала.

4. Ценностные характеристики концепта «услуга» сводятся к следующим нормам поведения: 1) агент должен иметь специальную (профессиональную) подготовку, 2) агент не должен отказывать клиенту в помощи, 3) агент должен идти навстречу клиенту, 4) клиент должен оплачивать работу и квалификацию агента. В обиходном дискурсе профессиональная подготовка может заменяться на готовность помочь, а необходимость оплаты помощи — на благодарность со стороны получателя услуги.

5. Концепт «услуга» принадлежит двум сферам сознания, актуализируясь в обиходном и профессиональном типах дискурса. В каждом из этих типов он обладает специфическими характеристиками по каждой из трех составляющих лингвокультурного концепта, а также имеет общие характеристики, универсальные для статусно-ориентированного и личностно-ориентированного общения. Таким образом, концепт «услуга» по праву принадлежит классу метапрофессиональных концептов.

Литература

Прищепенко М.В. Картина мира: роль концепта в ее формировании // IX Межвуз. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов, г. Волжский, 23-25 мая 2003 г.: Тез. докл.: в 3ч. – Ч.2. – Волжский: Изд-во ВолгГТУ, 2004. – С.75-77.

Прищепенко М.В. Абстрактные лингвокультурные концепты: подходы к выделению // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Научная книга, 2004. – Вып.10. – С.96 – 99.

Прищепенко М.В. Образно-оценочная конкретизация концепта «услуга» в паремиологическом фонде английского и русского языков // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Научная книга, 2005. – Вып.11. – С.98 – 102.

Прищепенко М.В. Концепт «услуга»: специфика ценностной стороны (на примере рекламного дискурса) // Человек и общество: на рубеже тысячелетий: Междунар. сб. науч. тр. / Под общей ред. проф. О.И. Кирикова. – Выпуск XXXI. – Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2005. – С. 292-297.

Прищепенко М.В. Речеповеденческие тактики выражения отношения к услуге // Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы прикладной лингвистики»: Сб. статей. 27-28 декабря 2005 г. – Пенза: Приволжский дом знаний, 2005. – С.201-204.

Прищепенко М.В. Метапрофессиональный концепт «услуга» в обиходном и институциональном дискурсе (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. – 24 с.

Н.С. Федотова (Астрахань)

ГАРАНТИЯ

Целью данного исследования является анализ концепта «гарантия» в англоязычном деловом дискурсе.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи: 1) установить конститутивные признаки кон-

цепта «гарантия»; 2) охарактеризовать гарантию как перформативное действие; 3) выявить жанровые характеристики гарантии в деловом дискурсе; 4) построить классификацию текстов, выражающих концепт «гарантия»; 5) описать языковые средства, выражающие концепт «гарантия» в англоязычном деловом дискурсе.

В семантике концепта выделяются понятийный, образный и ценностный компоненты (В.И. Карасик). Понятийный и образный компоненты концепта «гарантия» освещаются в данной работе с опорой на фреймовый анализ рассматриваемого концепта. С этой целью было проделано следующее:

- построен на интроспективной основе фрейм концепта «гарантия» и тем самым определены базовые имманентные составляющие концепта «гарантия» на понятийном уровне, которые составили понятийный типовой каркас концепта;

- на основе анализа дефиниций, лексических единиц английского языка, непосредственно репрезентирующих этот концепт в англоязычной лингвокультуре, дополнительно построен фрейм концепта «гарантия», существующего в английской лингвокультуре;

- сопоставлены результаты логико-понятийного и лексикографического моделирования концепта «гарантия».

Основными вершинными узлами фрейма «гарантия» являются:

- 1) процесс взаимодействия, который выражается через понятие «гарантировать»,

- 2) форма этого процесса, которая может быть выражена понятием «обеспечение условий взаимодействия»,

- 3) мотивированность этого процесса, выражаемая стремлением к получению выгоды,

- 4) цель взаимодействия, выражаемая через понятия «делка», «договор», «соглашение»,

- 5) место взаимодействия, выражаемое через понятие «место заключения договора»,

- 6) первый участник ситуации (гарант) и его функция («давать гарантию, ручаться»),

- 7) второй участник (бенефициар) и его функция («быть лицом, которому дается гарантия»),

- 8) предмет взаимодействия, выражаемый через понятие «благо»,

- 9) характеристика предмета взаимодействия, которая понятийно заключается в «наличии качества» либо «состояние при-

сутствия в наличии», что, в свою очередь, может выражаться через понятийную оппозицию «наличие-потеря качества» либо «присутствие-отсутствие в наличии»,

10) средство взаимодействия, понимаемое как «устно или письменно выраженное согласие гаранта принять на себя обязательства по обеспечению в течение определенного срока сохранности качества блага, ценного для бенефициара»,

11) функция средства в этом взаимодействии, выражаемая как «регулирование отношений гаранта и бенефициара на определенный срок»,

12) результат взаимодействия, понимаемый как «соглашение»,

13) сфера взаимовыгодного взаимодействия, ограниченная областью социальных и деловых отношений.

Следовательно, договорная ситуация, включающая гарантию, обусловлена наличием следующих компонентов:

- участников взаимодействия – гаранта и бенефициара;
- блага, наделенного характеристиками и качеством, ценными для бенефициара;
- опасности утраты благом своих характеристик и качеств;
- обоюдной заинтересованности бенефициара и гаранта в устранении данной опасности;
- возможности гаранта отклонить данную опасность;
- условий, при которых гарант может ее отклонить;
- условий, при которых гарант не может ее отклонить;
- согласия гаранта при указанных условиях взять на себя обязательства перед бенефициаром по отклонению опасности утраты его благом целостности своих характеристик и качеств.

В данной цепочке условий возникновения и протекания ситуации дачи и принятия гарантии наиболее абстрактно представленным звеном является понятие «благо», которое в зависимости от сферы протекания конкретной ситуации взаимодействия обретает, соответственно, более конкретные очертания.

Фреймовый сценарий концепта «гарантия», демонстрирующий развертывание самого процесса действия с позиции третьего лица выглядит таким образом (типичные компоненты ситуации: гарант Gr – *guarantor*, бенефициар B – *beneficiary*, благо Gd – *good*, сделка Tr – *transaction*, условия Ts – *terms*, обязательство O – *obligation*): «1) Gr хочет совершить Tr с B, 2) B опасается, что в ходе Tr что-то плохое может случиться с G, 3) Gr хочет, чтобы B поверил в честность Tr, где что-то плохое для G исключается, 4) Gr

предлагает Ts, по которым Tr может быть отменена после её заключения, 5) Gr предлагает B заключить Tr, и обещает взять на себя письменно оформленное O по выполнению Ts, 6) перечень Ts ограничен, но могло быть так, чтобы Gr не предлагал их B, 7) отсутствие Ts и O по их выполнению не дало бы B уверенности в честности совершаемой Tr, 8) B согласен с Ts, 9) G и B заключают Tr».

Итак, представленный выше фреймовый сценарий концепта «гарантия» в целом фиксирует и отражает его основные узловые моменты. Отсюда видно, что обязательные составные компоненты этого концепта составляют: участники сделки – их отношения – нечто плохое, угрожающее этим отношениям – обещание – обязательство одного участника сделки перед другим как цель – условия, при которых это обязательство вступает в силу – результат сделки.

В соответствии с данными английских толковых словарей фрейм концепта «гарантия» в английской лингвокультуре строится на основе словарных дефиниций лексем «*guarantee*», «*guaranty*», «*warranty*», «*security*», «*surety*», «*pledge*» и др. Это объясняется тем, что семантическая структура выделенных слов представляет лексико-семантические варианты значения, имеющие прямое отношение к гарантии.

На основе проанализированных словарных дефиниций фрейм концепта «гарантия» английской лингвокультуры представлен в виде следующих компонентов: *agreement; transaction; risk of failure; assure; assume responsibility; pay another's debt; product or service; give security; manufacturer; quality, worth or durability; within a given time limit; declaration that one will or will not do a certain thing; debt; obligation; seller; insured, insurance; contract; formal; document; pledge; solemn binding promise; perform in a specified way; reimbursement; render certain.*

Сопоставление фреймовых составляющих концепта «гарантия» для английской лингвокультуры с базовым фреймом дает следующие результаты:

1) процесс взаимодействия, который выражается через понятие «гарантировать»: *assure, provide security;*

2) форма этого процесса может быть выражена понятием «обеспечивать условие взаимодействия»: *assume responsibility*, которое включает в себя: *pay another's debt, obligation, perform in a specified way;*

3) мотивированность этого процесса выражается стремлением к получению выгоды: *reimbursement;*

- 4) цель взаимодействия, выражается через понятия «сделка», «договор», «соглашение»: *agreement, contract, sale*;
- 5) место взаимодействия, выражается через понятие «место заключения договора» (в определениях словарей отсутствует);
- 6) первый участник и его характеристики; выражается через понятие «гарант»: *manufacturer, seller, guarantor*; его характеристика понятийно выражается как «давать гарантию»: *give security, undertake* либо «быть гарантом»: *pay another's debt, render certain*;
- 7) второй участник и его характеристики; выражается через понятие «бенефициар»: *insured, creditor, consumer*, а его характеристика — «быть лицом, которому дается гарантия»: *recourse against, can claim*;
- 8) предмет взаимодействия понятийно выражается через «благо»: *product or service, quality, worth or durability, property*;
- 9) характеристика предмета взаимодействия понятийно заключается в «наличии качества», что, в свою очередь может выражаться через понятийную оппозицию «наличие-потеря качества»: *insurance risk, being free from defective workmanship, default, possession or enjoyment of something, miscarriage, be as represented or will be as promised, loss, damage*;
- 10) средство взаимодействия выражается как «устно или письменно выраженное согласие гаранта принять на себя обязательства по обеспечению сохранности в течение определенного срока качества блага, ценного для бенефициара»: *especially one given in writing, express or declare with conviction, a usually written guarantee, pledge or formal promise, document indicating ownership or creditorship; a stock certificate, formal engagement, solemn binding promise, contract, one's word of honor*;
- 11) функция средства в этом взаимодействии выражена как «регулирование отношений гаранта и бенефициара на определенный срок»: *official authorization, sanction, justification or valid grounds, formal engagement, contract*;
- 12) результат взаимодействия, понятийно можно выразить как «соглашение»: *agreement*;
- 13) сфера взаимовыгодного взаимодействия ограничена областью социальных и деловых отношений: *sale, insurance*.

Таким образом, на основе выше изложенного были сделаны следующие заключения:

- базовыми вершинами фрейма «гарантия» являются: специфическое вербальное взаимодействие в особой форме; минимально два участника действия; мотивированность взаимодей-

ствия; предмет, средство, цель и результат взаимодействия; набор условий данного взаимодействия;

- анализ словарных дефиниций лексем английского языка, репрезентирующих концепт, позволяет дополнительно выстроить фрейм «гарантия» и выявить специфику его понятийного наполнения в английской лингвокультуре;

- приведенный анализ дефиниций показывает, что концепт «гарантия» обладает достаточно высокой семантической плотностью и тем самым занимает важное место в англоязычной ценностной картине мира;

- оценочный потенциал концепта «гарантия» сводится к следующим моментам:

существует некое символическое благо, представляющее большую ценность для его обладателя;

существует нечто отрицательное, представляющее реальную или предполагаемую угрозу для обладания символическим благом;

существует некоторое условие, по которому обладание символическим благом может быть восстановлено или возмещено в случае наступления момента реализации этой угрозы;

существование данного условия наделяет обладателя символического блага чувством уверенности и стабильности.

Таким образом, выделение ценностного потенциала в семантике концепта «гарантия» позволяет судить о положительной оценке по отношению к данному фрагменту действительности в сознании человека. Об ассоциативной взаимосвязи концепта «гарантия» с чувством уверенности свидетельствует одно из возможных именовании данного концепта в английском языке – «surety». Основанием и объяснением для возникновения данной эмоционально-оценочной ассоциации концепта «гарантия» с чувством уверенности может послужить внутренняя форма его понятийного компонента, т.е. этимологическое значение слова *guarantee*. Данное слово является производным от глагола германского происхождения *garir, guarir (to protect, preserve from)*.

Далее в работе был проведен анализ гарантии как перформативного действия, которому присущи характеристики, выделенные Дж. Л. Остином для понимания природы различных перформативных высказываний:

- данное перформативное высказывание эквивалентно действию «гарантировать», что выражается в соотношении времени данного перформативного глагола с моментом речи;

- данное перформативное высказывание истинно в силу самого его произнесения, а действие, им выраженное, успешно при условии, что:

а) говорящий обладает соответствующими полномочиями, т.е. компетентен выполнять данное перформативное действие, б) говорящим на достаточном уровне полно и правильно выполняется общепринятая конвенциональная процедура произнесения данного перформативного высказывания в определенных обстоятельствах, в) говорящий искренен в своем намерении осуществить данное перформативное действие и в дальнейшем отвечать за его последствия, г) данное перформативное высказывание является адекватно воспринятым со стороны слушающего.

Анализ гарантии как перформативного действия показал, что большую роль в формировании и функционировании гарантий играют речевые конвенции, которые предписывают определенные типы речевого поведения, соотносимые с представлениями о релевантном поведении в институциональном общении.

Под жанровыми конвенциями в данном случае понимаются типичные, устоявшиеся представления о содержании и форме.

Тексты гарантий строятся в соответствии с более или менее жесткими, обязательными информативными моделями, включающими смысловые блоки «условия гарантии», «обязательства гаранта», «последствия невыполнения обязательств».

На структурном уровне текст гарантии представляет собой сложную совокупность нескольких речевых актов (по классификации Дж. Серля), объединенных диалогическим единством его жанровой композиции, а именно:

а) репрезентативов, представляющих собеседнику тех или иных событий, предметов или явлений и свидетельствующих о намерении адресанта передать адресату определенную совокупность сведений и взять на себя ответственность за их истинность, например:

Our guarantee is valid until ... and expires in full and automatically, irrespective of whether the present document is returned to us or not, should your written request for payment and your above-mentioned written confirmation or the above-described tested telex, SWIFT or tested cable sent by the bank not be in our possession by that date at our counters in ... ;

б) комиссивов, представляющих собеседнику намерений адресанта принять на себя обязательство, например:

This being stated, we, Swiss Bank Corporation, ... (address), irrespective of the validity and legal effects of the above-mentioned contract and waiving all rights of objection and defense arising from the principal debt, hereby irrevocably undertake to pay immediately to you, upon your first demand, any

amount up to (currency/ maximum amount) (in full letters: ...) upon receipt of your written request for payment and your written confirmation stating that you have accepted, in whole or in part, the □above-mentioned bid and that Messrs. ... (supplier) have failed to sign the contract in due time or in accordance with the tender conditions;

в) директивов, назначение которых состоит в побуждении адресата к совершению или несвершению чего-либо, например:

In the case of the request to us with the claim is recommended at first to be advised with the expert on vehicle electricity, which should test the serviceability of the charging devices and cables in your vehicle.

Таким образом, в жанровой структуре текстов гарантий выделяются такие своеобразные коммуникативные блоки как: информирование, обещание и принятие обязательств, а также предписание дальнейших коммуникативных действий адресата, ожидаемых от него со стороны адресанта.

На основе анализа конститутивных и дискурсивных характеристик изучаемого концепта выделяются основные параметры для построения его типологии: а) социально-ролевые отношения участников коммуникации, б) характер обстоятельств приобретения / предоставления гарантии, в) то, что гарантируется, г) сфера функционирования, д) конечный результат.

Базовыми конститутивными признаками концепта «гарантия» являются условия, обеспечивающие выполнение каких-либо обязательств, и принятие на себя этих обязательств и последствий их невыполнения. Поэтому в работе было рассмотрено вербальное обозначение условий, по которым даются гарантии, т.к. всякий гарантийный текст должен содержать информацию, определяющую и устанавливающую характер условий, по которым данная гарантия выдается.

Анализ текстов гарантийного характера показал, что условиями предоставления гарантий в зависимости от типа документа и сферы его функционирования могут служить: правильное заполнение гарантийного документа; четкое определение срока гарантии и начала ее действия; сфера географического распространения; обозначение гарантийного интереса для гаранта; обязательное сохранение всех сопутствующих документов (возможно также сохранение товарного вида); четкое определение ситуаций, на которые гарантия не распространяется; дополнительные оговорки; не противоречие законам. При этом количество условий, оговоренных в различных гарантиях, определяется и диктуется необходимым набором условий, которые являются достаточными

для четкого определения рамок ситуации наступления гарантийного случая.

В ходе анализа текстов гарантии было выяснено, что наряду с собственно промиссивной функцией перформативы, используемые в текстах гарантии, также нередко несут и признаки декларативности, что и позволяет выделять различные типы гарантии не только на основе признака того, что гарантируется, но также и по признаку конечного результата.

Изучение различных текстов гарантий показало, что не во всех таких текстах присутствует прямое указание на возможные последствия невыполнения обязательств, что говорит о стремлении англоязычных, особенно британских, представителей деловых кругов действовать согласно традиционному деловому этикету, где нет места проявлению давления на делового партнера. Вместо этого в текстах присутствует имплицитная информация подобного рода в виде приведения условия о непротиворечии законам и с помощью этого делается ссылка на потенциальное наказание гаранта за невыполнение своих обязательств.

Для выражения неотвратимости выполнения действия в текстах гарантии широко используется темпоральная форма *the Present Indefinite Tense* вместо будущего времени, даже в главных предложениях, имеющих в подчинении придаточные предложения времени и условия. Также было отмечено наличие большого количества предложений, содержащих пассивную конструкцию, которая, как известно, более типична для произведений научного стиля. Кроме того, было отмечено частое использование слов, выражений и даже простых предложений в качестве однородных членов предложения, объединенных альтернативным сочинительным союзом *or*. Наиболее специфичным для данных текстов является использование модального глагола *shall*. Вышесказанное подтверждает правомерность выделения гарантии как особого документного жанра в деловом англоязычном дискурсе, характеризующегося своей сложной семантико-прагматической и жанрово-стилистической структурой.

Гарантия рождается в контексте подписания контракта и обусловлена регулятивной функцией. Следовательно, типичная обстановка для возникновения данной ситуации общения характеризуется особой коммуникативной направленностью, которую можно обозначить как «регулирование интерактивных отношений ее участников».

Деловое общение является институциональным, а, следовательно, и статусно-маркированным. Количество, статус и распре-

деление ролей его участников во многом зависит от типа совершаемой сделки, однако отношения участников совершаемой сделки в целом могут быть охарактеризованы как официальные, асимметричные социокультурно и по функциям в коммуникации. Их модель может быть представлена отношением «гарант→ бенефициар».

Концепт «гарантия» реализуется в деловом дискурсе в виде письменно фиксированного текста — документа. Текст гарантии обладает формально-содержательными и документообразующими характеристиками, позволяющими отнести данный вид текстов к текстам официально-делового стиля, характеризующимися максимально нейтральной тональностью и высокой степенью трафаретности языковых средств. Кроме того, тексты гарантий могут образовывать самостоятельный тип официально-деловых жанров, выделяемый на основе общего для них конкретного интенционального содержания. Среди жанрообразующих характеристик текстов гарантий можно выделить следующие признаки: сфера функционирования и название, а также структура и композиция данных текстов. Особенностью некоторых текстов гарантии является наличие в них имплицитно выраженной информации рекламного характера, находящей свое воплощение, главным образом, на уровне формально-графических признаков. Текст гарантии рассматривается как перформативное высказывание, обладающее общей иллокутивной силой комиссивов и включающее также вспомогательные иллокутивные силы таких речевых актов, как рекомендация, информирование, выражение благодарности, подтверждение и др. В ходе анализа текстов гарантий было выяснено, что наряду с собственно промиссивной функцией перформативы, используемые в текстах гарантии, также нередко несут и признаки декларативности, что позволяет выделять различные типы гарантии не только на основе признака того, что гарантируется, но также и по признаку конечного результата.

Резюмируем.

1. Концепт «гарантия» моделирует договорную ситуацию и включает следующие конститутивные признаки: а) участники (гарант и бенефициар), б) будущее благо, которое оплачено бенефициаром, в) наличие угрозы будущему благу для бенефициара, г) обязательства гаранта по отношению к бенефициару по обеспечению сохранения блага, д) условия, при которых эти обязательства имеют силу.

2. Гарантия как перформативное действие в структурном отношении распадается на три компонента: условия гарантии, обя-

зательства гаранта и последствия невыполнения обязательств. Совокупность этих компонентов имеет стандартное выражение в англоязычном деловом дискурсе и осмысливается как речевой жанр «гарантия».

3. Для классификации текстов гарантий релевантными являются содержательно-тематические и документообразующие признаки соответствующих текстов: а) качество, наличие, выполнение, возмещение гарантируемого блага, б) сфера функционирования, цель, степень оформленности, обстоятельства приобретения / предоставления гарантии.

Литература

Бабенко Н.С. Лингвокультурологические характеристики концепта «гарантия» в деловом общении // Современные контексты культуры: молодёжь в XXI веке: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов вузов. 14–15 апреля 2004 г. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. – С. 23–26.

Бабенко Н.С. Проблема лингвокультурного концепта «компромисс» в английском языке // Ученые записки. Материалы докл. итоговой науч. конф. АГУ, 26 апреля 2002 года. Часть II: Лингвистика. Литература. Психология. История. Экономика. Физика. Информатика. — Астрахань: Изд-во Астраханского гос. ун-та, 2003. – С. 9–14.

Бабенко Н.С. Семантическая структура концепта «гарантия» в англоязычном деловом дискурсе // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Материалы регион. науч. конф. Поволжья и Северо-Кавказского региона, г. Волгоград, 19–21 апреля 2004 г. / Сост. Л.Г. Фомиченко, Е.А. Пелих. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. – С. 149–152.

Федотова Н.С. Гарантия как перформативное действие // Россия и Восток. Обучающееся общество и социально-устойчивое развитие Каспийского региона: Материалы III Междунар. науч. конф. 21-22 апреля 2005 года / Сост.: Н.В. Подвойская, Л.Я. Подвойский. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2005. Т. II: Культура как основа межличностного и межэтнического взаимодействия. – С. 374–378.

Федотова Н.С. Концепт «гарантия» в англоязычном деловом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 16 с.

М.В. Малинович, Н.И. Свистунова (Иркутск)

ФУТБОЛ

Игра и ее субъект – человек играющий – значимые атрибуты в семиосфере культуры и языка. Данная проблема занимала значительное место и в древних культурах. Она считалась символом борьбы человека против смерти, стихии, враждебных племен и самого себя (против страха, слабости, сомнений (Маковский 1999, с. 284). По замечанию Л. Витгенштейна, знание о данной категории человек получает на основе образцов различных вещей, которые и называются играми (Витгенштейн 1985, с. 109). Игра есть специфический фактор в окружающем человека мире, своего рода универсум многих параметров его жизнедеятельности в различных видах: физических, психологических, ментальных, спортивных состязаниях, соревнованиях, поединках. Она есть «борьба за что-нибудь или представление чего-либо», за то, «кто лучше других что-то представит». Социум выражает свое мнение или «понимание жизни» в играх (Хейзинга 1997, с. 31-60).

Различные сферы игровой деятельности человека начинаются в мифе и культуре. Последняя «возникает и развивается в игре, как игра»: вся мировая деятельность человека есть великая движущая сила культурной жизни, уходящая «корнями в почву игровых действий (там же). Присутствие элементов игры в различных сферах человеческой деятельности отмечается многими лингвистами (см., например: Арутюнова 2003, Розин 1999 и др.) Своими рассуждениями они вносят, на наш взгляд, существенное дополнение в построение онтологии игры, рассматривая ее как объект научного изучения.

В основе искусства и игр, и в частности спортивных, лежит, по мнению Н.Д. Арутюновой, вечная борьба космоса и хаоса, порядка и беспорядка, которые одновременно неразлучны и враждебны друг другу. «Хаос и космос вездесущи. Они распределены по всем сферам Вселенной». Более того, и порядок, и беспорядок одинаково необходимы человеку. Воля к порядку заставляет человека «упорядочивать наиболее опасные формы беспорядка – войны, сражения, битвы, поединки, разрабатывая для них целые системы правил и даже превратив их в искусство и спорт» (Арутюнова 2003, с. 6-7).

Спортивные игры в современном мире являются неотъемлемой частью социальной и культурной деятельности человека. Они репрезентируют и творят социальную действительность, поэтому их часто называют образом мира, усеченной моделью идеологии общества. Сегодня спортивная деятельность весьма значимый фактор в некоторых сферах жизнедеятельности того или иного социума. Это, например, политика: достижения в спор-

те – это мощный фактор сплочения нации, они работают на формирование международного имиджа государства. Это и экономика, поскольку спорт – весьма доходная область бизнеса. Это и культура, в которой спорт – неотъемлемая часть общей мировой культуры. Это и военная игра, сфера права. Перечисление можно продолжить.

Спортивные игры – это такой фрагмент культуры, который репрезентирует и фиксирует «в своих принципах и идеалах фундаментальные ценности либерального мировоззрения и современного гуманизма» (Егоров 2001). Игра в футбол не только важнейший вид спорта, во многом определяющий социальную, культурную и когнитивную ориентацию в мире, но и лингвистическая реальность. Ее значимость для того или иного социума эксплицируется в высказываниях говорящего индивида. Так, англоговорящие сравнивают футбол с искусством, главнее которого ничего на свете нет: *Football is an art more central to our country than anything the Arts Council deigns to recognize* (ODQ 1998, — с. 133); с политикой. В футболе, как и в политике, нужно быть достаточно проницательным, чтобы понимать игру: *Being in politics is like being a football coach you have to be smart enough to understand the game ....* (там же, с. 197). Футбол – дело жизни и смерти и даже более серьезное дело, чем жизнь и смерть: *Some people think football is a matter of life and death ... I can assure them it is much more serious than that* (там же, с. 283). Концепт «футбол», несмотря на его значимость в англоязычной культуре, не был предметом специального лингвистического исследования. Изучение данного смысла на материале не только одного конкретного языка, но и в языках разных культур актуально: он значим в любой культуре, что подчеркивает его универсальность и важность в межкультурном речевом общении. Вопросы языка и культуры особо современны в настоящее время в связи с общей обращенностью исследователей языка к проблемам антропологической лингвистики, концептологии, решение которых может быть успешным и результативным во взаимосвязи со всеми областями лингвистического знания (см., например: Малинович, Малинович, 2002, 2003).

Важно выявить, каким образом знания о футбольной игре, как элементе культуры, хранятся в памяти человека и актуализируются в языке; какое место данный феномен занимает в современной системе знаний о *Homo Ludens*; каким образом этот спортивный компонент включается в общую картину эпистемологии; какова структура смысла-концепта «футбол» в английском языковом сознании.

Нами предпринята попытка осветить эти моменты, системно описать анализируемый концепт и его актуализацию в английском языковом сознании.

В основе знаний об игре, и в частности знаний о различных видах спортивной игры, лежит единица ментальной информации – концепт «игра». В национальном сознании носителей англоязычной культуры данный универсальный смысл вербализован в лексемах *game* и *play*. Анализ сочетаемости лексемы *game* позволил выявить такие концептуальные признаки футбольной игры, как ограниченность во времени: *to start the game*, *to finish the game*, *at the end of an error-strew game*; изменчивость игры, ее развитие: *modern game*, *history of football*; вариативность игры, наличие национальных стилей: *culture of the English game*, *English national game*, *Scottish football*, *European football*; процессуальность, возможность регулировать ее течение: *to control the game*, *to redirect the game*, *to stabilize the game*, *to run the game*, *to win the game*, *to dominate the game*, *to kill the game*, *to get involved in the game*, *to know the rules but not the game*; наличие индивидуальных стилей игры: *game of solid defending*, *knockout football*.

В английском языковом сознании смысл-концепт «футбол» раскрывается через соотношение его трех составляющих: понятийной (фактуальной), перцептивно-образной и оценочно-ценностной. Лингвистическая сущность языковых средств, репрезентирующих данный концепт, и их функционирование в спортивном дискурсе соответствует семиозису языкового знака: в системе языка (виртуальность или первичное семиологическое означивание) и в речи (относительная и абсолютная актуализация — вторичное семиологическое означивание).

Анализ дефиниций лексемы *football* демонстрирует ее основные концептуальные признаки: «игра», «игроки», «мяч», «действия, производимые с мячом», «правила, согласно которым осуществляются действия на футбольном поле», «место» и «время» футбольного матча. Таким образом, игра в футбол включает в себя участников и их действия, осуществляемые по определенным правилам. Наличие мяча создает непредсказуемые ситуации, которые способствуют поддержанию интереса к игре.

Основные концептуальные признаки ключевой лексемы явились основой выделения следующих базовых языковых репрезентаций концепта «футбол»: лексические единицы, обозначающие игроков, подачи и движение.

Все лексемы, вербализующие данный концепт, условно раз-

делены на следующие группы:

1. Лексические единицы с общим наименованием: *footballer, player*. Лексема *player* отличается от *footballer* тем, что обозначает играющих в разные игры и сочетается не только с прилагательными, характеризующими игроков, но и с существительными (*basketball, bridge, chess, rugby, etc.* OCD 2002: 576), указывающими на тип игры.

2. Лексические единицы, называющие игроков по выполняемой функции (функциональные имена): *defender, goalkeeper, striker*.

3. Лексические единицы, номинирующие игроков по выполнению определенного действия, следствием которого является результат (результативные имена): *scorer, goalscorer, finisher, performer, loser, winner, attacker*.

4. Лексические единицы, номинирующие игроков по месту, занимаемому на поле: *forward, mid-field player, centre back, centre half, wing back, left back*. Лексема *forward* обозначает того же игрока, что и лексема *striker*. Однако она фиксирует значение «нападающий» не по выполняемой игроком функции, а по месту, занимаемому на поле. Лексемы *mid-field player, centre back, centre half, wing back, left back* являются альтернативными наименованиями игроков защиты, фиксирующими их местонахождение на поле: *Andy Parr, the midfielf player, had rung the week from Surder's Paradise, the latest leg of his two-month Antipodean adventure (McCarra, The Times, January 20, 2001)*.

5. Лексические единицы, номинирующие игроков по возрасту: *the 21-year-old, the 23-year-old: The 21-year-old had scored five goals in seven matches at international level but, despite making his Premiership debut against Ipswich Town a week ago, he has been told that he can leave Old Trafford (Gibson, The Times, October 23, 2000)*.

6. Лексические единицы, номинирующие игроков по определенному качеству. В ситуации футбольного матча данные номинации категоризируют футболистов как гениев (*genius*), специалистов в определенной области (*specialist*), старых испытанных воинов (*warrior*), архитекторов (*architect*), гигантов (*giant*): *Whether they can now march onwards and upwards towards the top three is another question, but Gustavo Poyet, arguably the architect of the victory, thinks they can (Kempson, The Times, October 23, 2000)*.

Понятийную составляющую концепта «футбол» репрезентируют лексемы, обозначающие «подачи»: *shot, cross, volley, equalizer, pass, rebound, free kick, save, header, penalty, lob, clearance, flick, tap, corner* и др.

Результаты анализа данных лексем свидетельствует о том,

что они номинируют «подачу» по различным параметрам.

1) По силе удара: *flick, chip, shot*. Например: *Then Zola played the ball to Poyet on the edge of the area six minutes from time, Poyet touched it back to him with the faintest of flicks and Zola chipped the ball deftly over Schmeichel (Holt, The Times, December 19, 1998b).*

2) По источнику удара (инструментальные имена): *header, back-heel*.

Palace needed more Miller heroics to preserve their point — a reflex reaction to thwart Steiner's header (Goodbody, The Times, January 20, 2001).

3) По характеру удара: *volley, half-volley, rebound, swivel, save*.

It did not look such a miserable fate at Anfield when the Croat, in a phase of fitness at the moment, was fresh, quick and adroit, as he illustrated with a swivel and chip that took the ball narrowly wide (Edgar, The Times, January 22, 2001).

4) По результату: *equalizer, decider, goal, save*. Особенностью данной группы лексических единиц является актуализация концептуального признака «результат подачи». *Miller made a flying save from Sheron (Whitehead, The Times, December 19, 1998).*

5) По направлению: *lob, cross, cut-back, back-pass, through-ball, cross-shot, throw-in*.

First, Mooney headed against the crossbar after Darren Ward had flicked on a long throw-in from Allan Nielsen, and then Fulham broke away to take the lead (Pike, The Times, January 2, 2001).

6) По месту на поле: *corner, clearance*. Лексема *corner* фиксирует значение «подача» по концептуальному признаку «подача, сделанная с угла поля». Подача, обозначенная лексемой *clearance*, осуществляется из зоны ворот, что свидетельствует об актуализации в данной лексеме признака деятеля — вратаря: *Beat-tie flicked on a clearance from his goalkeeper and Egil Ostentad beat Sullivan to the ball on the edge of the area before sliding his shot into an empty net (Webb, The Times, January 29, 2001).*

Свое мироведение человек наиболее прозрачно воплощает через фразеологический состав языка, паремиологический фонд, устойчивые сравнения, запечатлевшие образы – эталоны, характерные для данного языкового коллектива (Телия 1996, с. 96). Концепт «футбол» «рассеян» в системе данных языковых единиц, объективирующих игроков и подачи. Критерием их выделения является значимость обозначаемых ими понятий в концептуальном пространстве «футбол»: без игроков невозможна сама игра, а подачи – важная часть игр в футбол: они демонстрируют искусство владения мячом.

Понятийную составляющую репрезентируют не только существительные, но и глаголы. Они актуализируют аспект «движение» в концептуальном пространстве «футбол». Особое восприятие времени и пространства в едином хронотопе интерпретируется глаголом (Кубрякова 1997, с. 286), который может отображать широкий спектр значений, характеризующих конституирующие компоненты определенных положений дел, событий, ситуаций объективного мира. В концептуальном пространстве «футбол» глаголы номинируют различные характеристики движения мяча. Так, глаголы *flick, flip, flap, tap, tip, sweep, brush, stroke*, имплицитно содержат информацию об объектах, имеющих небольшой вес, которые можно переместить в пространстве легким щелчком или ударом *flick away some dust, flip a coin* (OWD 1997: 243):

Earlier, Barthez blocked a drive by Cole before flipping the ball away from Kanoute, but it was United who mounted a sustained threat (Szczepanik, *The Times*, January 29, 2001c). Глаголы *lash, whip, force, bump*, имплицитно воздействуют на объект с силой.

Глаголы механической обработки *prod, stab, cut, scythe, hack, slice, hook* и некоторые другие содержат в своей семантике указание на использование режущих и колющих инструментов (нож, кинжал, топор и т.д.). В контексте спортивного дискурса данные глаголы обозначают различные нюансы движения мяча: *stab, prod* — моментальность и направленность движения, *cut* — вращение мяча вокруг своей оси в процессе полета, *scythe* — движение мяча под определенным углом, *slice* — удар по нижней части мяча и падение мяча без высокого подскока, *hook* — овладение мячом. Например: *He set off for goal, and finally squared the ball for Forssell to stab in his second* (Pike, *Times*, January 15, 2001).

Глаголы *head, palm, chest, side-foot, backheel, toe-poke*, указывают на часть тела, которой подается мяч: *First, Quinn chested down a left-wing cross delivered by Mickael Gray and appeared certain to punish slipshod marking in the 63^d minute* (Rudd, *The Times*, October 23, 2000).

Анализ языковой фактологии позволил выявить глаголы, обозначающие навыки работы с мячом, то есть такие действия, как прием мяча: *win the ball, to pick up the ball, hoist the ball*; отбор мяча: *snaffle the ball, hog the ball*; ведение мяча: *steer the ball, carry the ball, drive the ball*; обводку соперника: *turn the ball, square the ball, curve the ball*; передачу мяча: *pass the ball, slot the ball* и потерю мяча: *lose the ball, spill the ball*.

Одной из характеристик движения является его локализованность в пространстве. В концептуальном пространстве «футбол» моделируется когнитивная ситуация, в которой могут быть репре-

зентированы следующие виды пространственной локализованности движения: начало, продолжение и конец пространственных отношений.

Формы выражения локализованности движения демонстрируют двух и трехфазовые последовательности локализации движения в пространстве, в том числе и с нарушением хронологии движения в пространстве:

*начало — конец пространственных отношений: Nonetheless, they managed only one goal, when Robert Pires, in the third minute, cut in from the left to beat Dennis Wise and Sam Dalla Bona before slanting the ball into the far corner of the net with his right foot (Kempson, *The Times*, January 15, 2001);*

*продолжение — начало пространственных отношений: In the second half, Stevenage enjoyed an irresistible purple patch, taking the lead in the 59th minute when Darran Hay volleyed in the rebound from a shot by Neil Illman (Szczepanik, *The Times* January 15, 2001c);*

*начало — продолжение — конец пространственных отношений: Boa-Morte seized on to it and burst through to lob the ball beyond Marshall (Pike, *The Times*, January 15, 2001); *продолжение — начало — конец пространственных отношений: Given had already palmed a header from Bartlett onto a post and it was not long before he was again picking the ball out of the net (Powell, *The Times*, February 12, 2001).**

Главное в спорте — достижение результата, что на уровне языка отражается в выборе глагольной лексики, репрезентирующей не сам процесс игры, а результат отдельных действий и их локализованность во времени. Вербализованные представления о временных отношениях носят определенный и неопределенный характер. Определенность/неопределенность вербализованных представлений о временных отношениях и параметрах ситуации зависит от многих факторов: объема и качества знаний о мире, его объекте, характере отношений между ними, прагматических факторов. В спортивном дискурсе решающим фактором является ограниченность футбольного матча во времени, поэтому каждое действие фиксируется с точностью до минуты. Действие и время его совершения являются значимой информацией для адресата. В результате анализа фактического материала выявлено, что в концептуальном пространстве «футбол» время вербализуется словосочетаниями, обозначающими 1) минимальный интервал: *in the 57th minute, in the last minute, an 84th minute drive, 34th-minute goal, 49th-minute dismissal, 52nd-minute penalty, 52-minute header, 17th-minute chip; 8 minutes before half-time, 7 minutes after the break, 17 minutes from time, with 9 minutes left, with 10 minutes remaining;*

2) неминимальный интервал: *in the second half, in the first half, in the first 24 minute, etc.*

Понятийную составляющую концепта «футбол» репрезентируют номинативные единицы с событийной семантикой. Событие, как отмечает Н.Д. Арутюнова обладает тройкой локализацией: оно локализуется в некоторой человеческой сфере, оно происходит в некоторое время и имеет место в некотором реальном пространстве (Арутюнова 1988, с. 172). С этой точки зрения, футбольный матч — это событие, которое локализуется в сфере игровой деятельности человека и имеет определенные временные и пространственные характеристики. Футбольный матч в спортивном дискурсе концептуализируется как событие, состоящее из нескольких взаимосвязанных компонентов: компонент «угроза», «шанс», «техническое мастерство», «эмоциональная реакция», «победа» и «поражение». Проанализируем некоторые из них.

Компонент «угроза». Суть игры в футбол, как известно, заключается в том, чтобы забить как можно больше голов в ворота соперника. Действия соперников каузируют опасные ситуации для ворот соревнующихся команд. Этот фрагмент футбольного матча концептуализируется глагольными сочетаниями с общим значением «создавать угрозу для соперника, нести опасность, разрушение».

Угроза в футболе вербализуется как конкретные деструктивные действия, направленные на то, чтобы ослабить защиту противника, нанеся ей удар: *to lash a shambolic defence, to blast away at the defence*; отвлечь игроков защиты команды соперника: *to distract the defence*; напугать игроков защиты какими-либо действиями, что также несет в себе замешательство, разрушение, и, следовательно, угрозу: *to spook the defence*; предпринять серию опасных прорывов: *to launch a number of dangerous breakaways*. Например: *Yet within half an hour on Saturday they had lashed three pasta shambolic defence and might have had five (McVay, The Times, January 22, 2001).*

Компонент «шанс». Своими действиями на поле игроки создают условия (шансы), при удачном использовании которых команда может заработать очко, забив гол, что в конечном итоге, приведет к желаемой победе. Случай играет важную роль в жизни любого человека. В спорте, как и в жизни, удача, случай является одной из составляющих победы. Однако в спорте, в отличие от обыденной жизни, события спрессованы в очень краткий период времени, а эмоции более концентрированы. Каждая доля секунды может оказаться решающей. Поэтому умение игрока вос-

пользоваться создавшейся ситуацией, использовать шанс, не упустить возможность играет решающую роль в судьбе матча и дальнейшей судьбе команды. Следует заметить, что шанс в футболе — это не просто случай, который ожидается игроками. Действия всей команды направлены на его создание и использование. По статистике больше половины голов в современном футболе забивается из стандартных положений, в том числе из наигранных комбинаций, которые отрабатываются на тренировках. Поэтому есть все основания говорить о шансе в футболе как об одном из его компонентов. Многообразие глаголов, сочетающихся с лексемой *chance*, позволяет выделить несколько ситуаций:

ситуация «создание шанса» репрезентируется глаголами со значением «создать шанс»: *to create, to engineer, to make*. Шанс концептуализируется не как случайность, непредвиденное событие, а как нечто, что можно создать, смоделировать. Например,

Jens Jeremies engineered a shooting chance for Mehmet Scholl, but his underhit effort was easily saved by David Seaman with the unmarked Ulf Kirsten unseen at the far post (Wilson. The Observer, June 18, 2000);

ситуация «предоставление шанса» актуализируется при помощи глаголов, со значением «предоставить шанс»: *to set up, to present, to give*. Например: *Poyet, in particular, presented him with a number of chances (Szczepanik, The Times, October 23, 2000c);*

ситуация «использование шанса» актуализируется при помощи глаголов со значением «воспользоваться шансом»: *to strike, to take, to snatch, to waft*. Например: *Joao Pinto wafted the chance over (Connolly, The Times, December 20, 1998);*

ситуацию «преобразование шанса» актуализируют глаголы со значением «преобразовать шанс»: *to convert, to turn into*. Например: *It could have been so different had Ade Akinbiyi, the former Norwich Forward, converted the two chances he had in the closing minutes to add to his first-half goal (Otway, The Times, December 20, 1998);*

ситуация «отказ от шанса» актуализируется словосочетаниями, в которых отказ от шанса концептуализируется как упущенная возможность: *to miss early chances, to miss the target*; как выстрел, не попавший в цель: *to fire wide when in with a good chance*. Восприятие шанса как нечто важного для игроков позволяет говорить о нем, как о живом существе, жизнедеятельность которого трудно поддерживать: *to bury the chance, to smother his chance*. Например: *It was stiletto of a pass from a player who normally wields a saber, and Owen only just failed to reach it before the intimidating figure of Rustu Recber smothered his chance (Rudd, The Times, January 22, 2001).*

Шанс концептуализируется как ценность, деньги или ресурс,

который игроки растрчивают, не задумываясь о его «ценности»: *to waste a clear-cut chance, to squander a handful of excellent chances*. Кроме умения использовать возможность забить гол необходима удача, везение, фортуна, без чего невозможно победить. В случае поражения сильной команды говорят о том, что удача покинула команду или команде не повезло: *luck had deserted Charlton, to endure slices of bad luck, to be unlucky, to be unfortunate, to lack the fortune*.

Компонент «эмоциональная реакция». Эмоции игроков — одна из составляющих игры. Упущенная возможность влечет за собой соответствующую реакцию: потерю уверенности в своих силах, сознания своих возможностей, страсти, азарта. И, наоборот, использованный шанс вселяет надежду, возвращает уверенность воспользоваться поражением команды соперника. Однако если это не удается, то это расценивается как поражение: *to fail to take advantage of the defeat*. Поражение не всегда концептуализируется в спорте как неизбежность, всегда есть надежда, что победа лишь отложена на неопределенный срок: *to delay Chesterfield's fifth successive home victory*. Если победа концептуализируется как тяжелый путь, сопровождаемый преодолением трудностей и ведущий, в конечном итоге, к вершине, то поражение — легкое скольжение на дно: *to slip to the bottom* или падение на третье место: *to drop down to third place*. Поражение — это всегда или потеря чего-либо, например, титула: *to lose their title* или расплата за неудачу: *to pay a heavy price to defend at set-pieces*. Например:

Then in the second period, they paid a heavy price for a failure to defend at set-pieces (Kempson, The Times, February 12, 2001).

Образно-перцептивная составляющая концепта «футбол» складывается из целого комплекса ассоциаций, актуализированных концептуальными метафорами.

В когнитивных структурах со всей глубиной раскрывается природная сущность метафоры. Как универсальный когнитивный механизм, метафора — путь к пониманию универсального и национального специфического в языках разных культур.

Отличительной чертой концепта «футбол» является его семиотическая плотность-наличие множества знаковых средств его метафоризации в англоязычном сознании. Игра в футбол в английском языковом сознании концептуализируется метафорами: «футбол- война» (базовая метафора), «футбол-дуэль», «футбол-гонка», «футбол-бизнес», «футбол-стихия», «футбол-музыка», «футбол-театр», «футбол-живой организм», «футбол-пицца», «футбол-религия» и некоторые другие.

Когнитивные метафоры свидетельствуют о сильной проницаемости концепта «футбол», вобравшего в свое ассоциативное поле образы из разных областей человеческой деятельности, а также о сложности его восприятия носителем языка. Следует заметить, что анализируемые метафоры отражают состояние современного общества и его восприятие игры в футбол на данный исторический момент. Рассмотрим некоторые из них.

Концептуальная метафора «футбол — война» в спортивных сообщениях — один из наиболее распространенных фреймов интерпретации событий, происходящих на футбольном поле. Игра в футбол, как никакая другая, по структуре своей напоминает военные действия на поле сражения. На футбольном поле игроки сражаются: *do the battle, be in a battle, keep on battling, face a relegation battle*; побеждают: *win the rotation battle*; бросаются в самое пекло сражения: *push into the thick of the battle*; провоцируют соперников принять тактику ведения ближнего боя: *bring the visitors into closer combat*; принимают боевое крещение: *be a baptism of fire*; атакуют фланги: *attack on the flanks*; оказывают сопротивление атакующей силе противника: *resist the opposition* и требуют подкрепления, когда ситуация становится опасной для их ворот: *require reinforcement*. Например: *The forays of Karembeu and others carried menace on the wing but also prevented Liverpool from attacking on the flanks. It was only when the Frenchman began allowing Houllier's side to build on the right that he was replaced and Middlesbrough started to use more orthodox means to resist the opposition* (Rudd, *The Times*, January 22, 2001).

Как и на войне, в футболе приходится отступать, что является тактическим маневром: *take two steps back*. Игра сближает людей настолько, что появляется ощущение того, что они делают одно общее дело и успех команды зависит от каждого отдельного игрока. Игроки готовы пожертвовать своими жизнями друг за друга во имя победы: *lay down their lives for each other*; продолжать сражаться: *we'll keep on battling*, в чем проявляется сходство с ведением благородной войны. Отдельные игроки заслуживают того, чтобы о них говорили как о «смертельном оружии» в арсенале команды: *be a lethal weapon in any championship armoury*. Например: *The little Italian is close to the form that won him so many admire when he first arrived from Parma and he is a lethal weapon to have in any championship armoury* (Caulkin, *The Times*, December 18, 1998).

Мяч на футбольном поле выполняет функцию авиационного снаряда или бомбы, нацеленной на форварда: *aerial balls*; игрок может «выстрелить» мячом по цели: *fire the ball, fire a free kick, rifle a shot*; многочисленные подачи мяча с территории соперника ассоциируются с бомбардировками: *aerial bombardment, bomb up*

and down the pitch. Игрок, исполняющий свою роль на высоком профессиональном уровне, сравнивается с боевым генералом: *become the midfield general*. Сопровождаемое игрой напряжение, а также желание победить часто толкает спортсменов на то, что они начинают вести себя агрессивно, как на войне. В связи с этим, при оценке профессиональных игровых качеств футболистов важными являются «воинственность», «жестокость» и «агрессивность», являющиеся атрибутами войны: *be ruthless enough in attack, lack nothing in terms of bellicosity and determination*.

Начало нового сезона может быть представлено в образе дуэли. Никто не знает о соотношении сил, о победителе и о том, кто бросит вызов: *hurl down the gauntlet*. Отдельные взаимодействия между игроками-соперниками концептуализируются как дуэль: *the duel between Beattie and Rufus*. *Например: Now, in fact, is the time for the rest of the Premiership to hold its breath. It seems to have been waiting since the start of a season to explode into life, to hurl down the gauntlet* (Caulkin, *The Times*, December 18, 1998).

Если футбольный матч осмысливается и переживается в терминах войны, то серия футбольных матчей уподобляется гонке. Любое спортивное состязание есть состязание в скорости, даже если участники не принимают участие в гонках в буквальном смысле слова, как в легкой атлетике или скачках. В футболе команды соревнуются за выход в четверть финал, в полуфинал, в финал. Серия футбольных матчей предстает в нашем осмыслении как своеобразная дистанция, которую необходимо пройти, чтобы стать победителем. Осмысление футбольных матчей в образе гонки находит свое выражение в следующих языковых средствах: *to eke out a 13-match unbeaten run, to end a run of five league defeats in a row, to be on a run of four successive defeats, to end their 15-match unbeaten run*. *Например: They must have left with mixed feelings about Sheffield, for it was a defeat by Wednesday that ended their 15-match unbeaten run and precipitated a streak of seven defeats in eight games* (McCarra, *The Times*, January 15, 2001).

Глагольные сочетания *to shift into a high gear, to accelerate away from the chasing pack, to steady the ship, to take it on board, to seize up*, а также именные выражения *a storm-tossed ship, Chelsea and any other of the juggernauts* позволяют говорить об игре в футбол, как о гигантском механизме, машине или корабле. *Например: Mircea Lupescu, the new coach, appears to have steadied the Milanese ship* after the dismissal of Luigi Simoni three weeks ago and there are signs, too, that Ronaldo, the Brazil striker, is returning to full health (Dickinson, *The Times*, December 17, 1998).

Напряжение – неотъемлемая часть футбольной игры, передать которое можно, используя концептуальную метафору «футбол — стихия». Образ надвигающейся лавины — один из эффективных способов представить накал игры, ее напряжение. Игра как отдельных игроков, так и целой команды, способна заставить трепетать команду противника. Получив мяч, игрок устремляется к воротам противника, находит эффективные части поля и бьет настолько мощно, сильно и точно, что создается впечатление надвигающейся лавины. Многочисленные и настойчивые попытки команды предстают в образе лавины: *avalanche of attempts*; несколько голов подряд как шквал голов или прилив: *another flurry of goals, tide of goals*; многочисленные отбитые подачи как шквал: *a flurry of intuitive saves*. Концептуализация отдельных событий футбольного матча в образе природных явлений позволяет сделать вывод о невозможности управлять событиями на футбольном поле, так как они подобны стихии, природным катаклизмам. Примером может служить следующий фрагмент спортивного дискурса: *Having stemmed, to a certain degree, the tide of goals being conceded at the back, Derby County need to turn attention to the sharp end of their game (Baker, The Times, January 20, 2001a).*

Футбол сближается с другими видами зрелищ, такими, как театр. Играющие в новом составе футболисты дебютируют: *to make one's debut, to impress on one's debut, to come on for a torrid debut*; «фирменные» приемы отдельных футболистов являются частью их репертуара: *to be part of one's repertoire*; появление игроков на футбольном поле концептуализируется как появление на сцене: *to throw smb on the big stage, to be an attentive observer of the English scene*, а хорошая игра футболиста как хорошее представление: *to put on a good performance*. Например: *Manchester city have not yet completed the £1.5 million transfer of Laurent Charvet from Newcastle united but Richard Dunne, their £3 million signing from Everton, will make his debut (Edgar, The Times, October 23, 2000a).*

Концептуализация футбольной игры в терминах музыки позволяет выявить еще один ее классификационный признак, а именно согласованность действий между членами команды, без которой невозможно исполнение музыкального произведения и проведение футбольного матча. Хорошо подобранная четверка защитников является прекрасным квинтетом, если между ними налажено взаимодействие: *to be one's own wonderful quartet*. Например: *Aime Jacquet, coach to the World Cup-winners of 1998, reckoned he had his own wonderful quartet in the primarily defensive talents of Desailly, Emmanuel Petit, Didier Descchamps and Blanc (McCarra, The Times, July 1, 2000).*

Футбол – это больше, чем игра. Необыкновенная популярность игры позволяет сравнить ее с чем-то действительно важным для общества, например, с религией: *Humility is never rewarded in soccer, which is why the Bible does not contain a single reference to the Beautiful Game. That is odd because football is, we are frequently told, a religion. In 2000 years football evangelists will be knocking to our doors asking us to let soccer into our lives. Who will be their saviour? Pele? Beckham? Hayles? (Caulkin, The Times, December 19, 1998).*

Оценка является неотъемлемой частью игровой деятельности человека. Объектом оценки в концептуальном пространстве «футбол» являются наименования игроков и событий, особенностью которых является оценка не события как такового, а деятельности его актантов. В концептуальном пространстве «футбол» выделены следующие виды оценок: технические, которые оценивают различные действия игроков по параметрам скорости: *swift cross, swooping crosses, fizzing half-volley, breakneck speed*; высоты: *low drive, dipping drive, dipping shot, low cross, low save, high ball*; силы: *forcing header, powerful shot, fierce cross, whipped cross*; по манере исполнения: *flying save, flying header, curling shot, looping header, diving header, glancing header*; четкости исполнения: *crisp cross-shot, crisp volley, precise pass*; направленную подачу: *indirect free kick, diagonal pass* и по дальности подачи: *long ball, long throw-in, long throw, short throw*; а также эстетические: *brilliant saves, wonderful back-heel, impressive saves, perfect pass, fine cross, enormously impressive crosses and corners, attractive goals, perfect goals, splendid header, fine save, exquisite low shot*; интеллектуальные: *component saves, clever flick, clever runs, intelligent running, smart saves, audacious chip, ambitions shot, astute chip*; эмоциональные оценки: *swirling match, terrific save, terrific header, woeful pass*. Преобладание технической (47%) и эстетической оценок (28%) в концептуальном пространстве «футбол» свидетельствует о приоритете достижения результата в спорте и о красоте игры. Основная цель спортивных соревнований заключается в достижении рекордов, а эстетический фактор, хотя и отходит на второй план, но все же остается определяющим, так как именно он привлекает болельщиков на стадионы, которые хотят насладиться красивой игрой.

Концепт «футбол» как трехмерное образование раскрывает свое содержание при функционировании его в спортивном дискурсе. При актуализации концепта «футбол» в данном дискурсе осуществляется синтез его понятийного и актуального знания через систему средств современного английского языка. Языковая

сущность концепта «футбол» отражает ступеньки человеческого познания от его понятийной к образно-оценочной составляющей.

Любая объективация знания, в том числе и знания о футбольной игре, семиотична и осуществляется через знаковую систему. Понятийная (фактуальная), образно-перцептивная и оценочно-ценностная составляющие концепта «футбол» объективируются в спортивном дискурсе через систему средств современного английского языка – языковые знаки: слово, словосочетание, предложение высказывание. Они рефлексиируют в англоязычном сознании все знания человека о мире футбола – объекта его познавательной деятельности наряду с другими жизненно важными феноменами Вселенной.

Точкой отсчета при анализе составляющих концепта «футбол» является человек и его языковое сознание. Проведенное нами исследование носит открытый характер. Дальнейшие перспективы изучения лексикона спортивных игр видятся нам в исследовании других концептов спортивного дискурса, что, возможно, позволит прийти к разработке единой методики их анализа, а также приведет к выводам и обобщениям, касающимся изучения и анализа места спорта в современной системе знания о человеке и обществе.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт.– М.: Наука, 1988. – 241 с.

Арутюнова Н.Д. О движении, заблуждении и восхождении (Вступление) // Логический анализ языка. Космос и Хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – С. 3-10.

Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. : Кол. монография под ред. и общ. науч. рук. доктора филологических наук, профессора Ю.М. Малиновича. – Москва – Иркутск, 2003. – 251 с.

Витгенштейн, Л. Философские исследования // Новые в зарубежной лингвистике. – М.: прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 79-128.

Егоров, А.Г. Философское значение современного олимпизма / А.Г. Егоров // Теория и практика физической культуры // Научно теоретический журнал. – 2001. — № 7. – <http://tpfk.infosport.ru>

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 326 с.

Малинович Ю.М., Малинович М.В. Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. – Москва – Иркутск: ИЯ РАН; ИГЛУ, 2003. – С. 7-28.

Малинович Ю.М., Малинович М.В. Семиосфера культуры в антропологической лингвистике // Номинация. Предикация. Коммуникация. / Отв. ред. А.В. Кравченко. – Иркутск: ИГЭА, 2002. – С. 227-253.

Маковский, М.М. Историко-этимологический словарь английского языка. – М.: Диалог, 1999. – 416 с.

Розин, В.М. Природа и генезис игры (опыт методологического изучения) // Вопросы философии. – 1999. — № 6. – С. 26-236.

Свистунова Н.И. Актуализация аспекта движения (перемещения в пространстве) у предикатов физического действия // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: Материалы всерос. науч. конф. (Абакан 25-27 ноября 2002 г.). — Абакан: ХГУ, 2002. — С. 54-57.

Свистунова Н.И. Виды оценок в спортивных репортажах (на материале футбольных репортажей) // Филология. История. Межкультурная коммуникация: Тез. докл. регион. конф. молодых ученых (Иркутск, 26 февраля 2003 г.). — Иркутск: ИГЛУ, 2003. — С. 98-100.

Свистунова Н.И. Соотношение понятий «спорт», «футбол», «игра», «война» // Проблемы подготовки инженерных кадров для военно-воздушных сил в условиях реформирования высшего образования РФ: Науч.-метод. сб. Ч. II. — Иркутск: ИВАИИ, 2003. — С. 62-68.

Свистунова Н.И. Функционально-семантический потенциал глагольной лексики // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика / Отв. ред. М.В. Малинович. — Иркутск: ИГЛУ, 2004 — №5. — С. 89-96.

Свистунова Н.И. Концептуальные метафоры концепта FOOTBALL // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика / Отв. ред. М.В. Малинович. — Иркутск: ИГЛУ, 2004 — №5. — С. 96-111.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивнооценочная функция // Метафоры в языке и текста. – М.: Наука, 1988 – С. 26-52.

Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс: Традиция, 1997. – 416 с.

Хромова Т.А. Актуализация концепта Truth в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2002.

Т.И. Бадмаева (Элиста)

ВОДА

Целью данной работы является комплексная характеристика концепта «вода» в английском языковом сознании. В соответствии с поставленной целью и выдвинутой гипотезой в работе решаются следующие задачи:

- 1) выявить понятийные, образные, ценностные характеристики концепта «вода» в английском языковом сознании;
- 2) определить и охарактеризовать ключевое средство объективации концепта «вода» в английском языке;
- 3) изучить представленность концепта «вода» во фразеологическом фонде английского языка;
- 4) описать национально-культурную специфику исследуемого концепта.

Концепт «вода» является «константой» английской культуры, т.е. «концептом, существующим постоянно или, по крайней мере, очень долгое время как некий постоянный принцип культуры» (Степанов 1997: 76). Данный концепт представляет собой результат многовекового познания и практического использования английским этносом существующего в природе вещества «вода». Содержанием исследуемого концепта являются исторически сложившиеся и культурно обусловленные в английском сознании понятия, представления, ассоциации, оценки относительно денотата «вода» и его характеристик.

Этимологический анализ ключевой лексики концепта «вода» является необходимым звеном воссоздания древнейших представлений народа-носителя языка об устройстве мира и о месте воды в ценностной картине мира англичан. Согласно данным этимологических словарей, лексема «water» входит в состав исконной лексики. В фонде исконной лексики она относится к самой древней генетической группе слов – индоевропейской. В этимологических словарях указывается общий индоевропейский корень, служивший базой для образования более поздних языковых знаков со значением «вода». От индоевропейской базы **[a]ued-* (**ud-*, **uet'-/ut'-*) образованы следующие слова индоевропейских языков: др.-англ. *wæter*, гот. *watō*, др.-в.-нем. *waZZar*, ст.-сл. вода, др.-сакс. *watar*, др.-сканд. *vatn*, др.-инд. *uda* (мн.ч. «воды», «волны»), греч. *hýdōr*, др.-прусс. *unds*, sans. *udan* и т.д. (ODEEtym 1982: 994; CEtymD 1964: 722; EtymDEL 1976: 703). По свидетельству Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, данный корень должен был означать неактивное начало денотата «вода» в противовес индоевропейскому корню **Нар^[h]-* со значением «быстротекущая река, поток воды» (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 274, 670–671).

Вода как неактивное начало, как «вещь», представлена корнем и.-е. **uot'ort^[h]* – 'вода': хет. *uatar* 'вода', греч. *ύδωρ*, генит. *ύδατος* тж., др.-инд. *udakám*, *udnáh*, др.-англ. *wxter* и т.д.; вода как активная сущность и как божество представлена корнем и.-

е.*Нар^[h] – ‘вода, река’: др.-инд. arāh мн. ч. ‘воды (часто священные)’; *Нек^u: лат. aqua ‘вода’, гот. aluwa и связанные с этим корнем германские производные, в частности имя бога моря; но вода как активная сущность обозначалась также и производными от первого, исконно неактивного корня: лат. unda ‘волна’, лит. vanduo m. ‘вода’, русск. вода и т.д. (Степанов 1997).

Этимолого-культурологический анализ лексемы «water» показывает, что существует ключевое противопоставление в понимании воды: «живая вода» – «мертвая вода». Для формирования и становления исследуемого концепта большое значение имела его связь с концептом «пространство»: вода в древности отождествлялась с путем, с дорогой, связывающей все три мира – верхний, средний и нижний. Живая вода – вода на пути из высшего мира вниз, на землю, в земной мир; мертвая вода – вода на пути из земного мира вниз, в мир иной. Мертвая вода – та же живая вода, но уже отслужившая, отдавшая свою живительную силу земле. Прослеживается ассоциация воды с некой живой активной субстанцией, способной влиять на окружающие ее субъекты и объекты: на пути из высшего мира в земной вода способна творить и созидать; на пути из земного мира вон она творить уже не способна, но активна и действует отрицательно. Живая вода – источник исцеления и символ плодородия, мертвая вода – олицетворение болезней и смерти.

Ключевое средство объективации концепта «вода» в английском языке – номинативная лексема «water» – принадлежит к исконной лексике английского языка; входит в состав ядра английского языкового сознания; обладает широкой семантической структурой, состоящей из 30 номинативных значений, обширными синтагматическими и парадигматическими связями на уровне семантики, словообразования и фразеологии.

Анализ словарных дефиниций лексемы «water» показал, что исследуемый знак отличается полисемичностью – обозначает реалии мира, имеющие гипонимическое, метонимическое, функциональное, метафорическое отношение к денотату «вода». В семантическую структуру лексемы «water» в настоящий период включается 30 номинативных значений: 1) прозрачная бесцветная жидкость без вкуса и запаха; 2) водные массы; 3) водоем; 4) водное пространство; 5) водная поверхность; 6) уровень воды; 7) течение воды; 8) волны; 9) водное пространство, находящееся во владении определенного государства; 10) запас воды; 11) водопроводная вода; 12) дождевая вода; 13) минеральная вода; 14) курорт с минеральными водами; 15) водный путь;

16) лекарственные растворы, содержащие или похожие на воду; 17) парфюмерная или косметическая продукция жидкой консистенции; 18) алкогольные напитки; 19) жидкость, образующаяся или циркулирующая в теле живых организмов: слезы, пот, моча, слюни, околоплодная жидкость, болезненная жидкость в организме, сок или другая жидкость, выделяемая растениями; 20) чистота, прозрачность драгоценного камня; 21) отличное, исключительное качество; 22) сложная, трудная ситуация; 23) рифленая аппретура на ткани или поверхности металла; 24) акварельные краски, акварель; 25) капитал компании, обесцененный выпуском фиктивных акций; 26) жидкая, безвкусная пища; 27) символ жизни; 28) течение времени; 29) нечто опасное; 30) нечто легкодоступное. При этом каждое производное значение прямо или опосредованно соотносится с основным номинативным значением данной леммы «прозрачная бесцветная жидкость без вкуса и запаха», являясь результатом его переосмысления. Само основное значение леммы «water» является прямым, непроизводным. Разветвленная семантическая структура анализируемого слова показательна и значима для концепта «вода»: все выделенные 30 значений являются важными в изучении концепта, поскольку передают его основные понятийные характеристики.

Помимо базового средства объективации концепта «вода», в английском языке существует более 1000 лемм, образующих лексико-семантическое поле данного концепта. К нему относятся леммы: *brook, burn, canal, cataclysm, creek, current, deep, ditch, deluge, flood, flow, jet, lake, loch, lock, moor, ocean, pond, pool, pour, puddle, rill, river, run, sea, stream, sweep, torrent* и др.

Анализ сочетаемости леммы «water» показал, что лексические единицы, связанные с ключевой леммой синтагматически, номинируют различные концептуальные признаки исследуемого понятия: вода описывается с точки зрения физических, химических, качественных, динамических, практических, локативных, оценочных характеристик, причем выделяются и такие признаки воды, которые не находят выражение в словарных дефинициях леммы «water», например, наличие цвета (*brown, green, silver*), наличие вкуса (*salt, sweet*), наличие/отсутствие звука (*noisy, silent*) и т.п.

Словообразовательная зона леммы «water» включает 214 вторичных образований: *breakwater, dishwater, firewater, freshwater, groundwater, headwaters, polywater, underwater, wastewater, waterage, waterbath, waterbrain, waterborne, waterbuck, watercress, watered, waterer, waterfall, waterfowl, waterfront, watering,*

wateriness, waterish, waterless, watermelon, waterproof, waterscape, watershed, waterside, watertight, waterweed, watery и т.п. Активное участие анализируемой лексемы в словообразовании свидетельствует об актуальности концепта «вода» для носителей английского языка.

Анализ семантической парадигмы показал, что номинативная лексема «water» не имеет синонима и антонима, покрывающих все ее содержание. Члены парадигмы соотносятся только с одним или несколькими значениями или оттенками значений семантической структуры ключевой лексемы. Само соотношение становится возможным благодаря наличию общих значений в структуре лексемы «water» и членов парадигмы. В качестве антонимов лексемы «water» в некоторых словарях выделяются слова «earth», «air», «fire». Их антонимичность основана на наличии общего общего архаичного значения «стихия». Однако в лингвистической литературе существует мнение, опровергающее наличие логического основания для этих антонимов.

Наличие большого количества слов, объективирующих концепт «вода» в английском языке, свидетельствует о его значимости, актуальности для английского этноса, является доказательством его культурной ценности и важности для народа-носителя языка. Вода является не только жизненно важным для каждого человека веществом, но в силу природно-географических и исторических условий жизни английского этноса играет важнейшую роль в формировании этнокультуры англичан.

В результате анализа содержательных характеристик концепта «вода» можно заключить, что понятийные характеристики исследуемого концепта в энциклопедических источниках представлены более объемно, чем в лингвистических словарях. Понятийный признак концепта «вода» в научной литературе оказывается более «проработанным» теоретическим сознанием человека, о чём свидетельствуют его энциклопедические дефиниции и речевые употребления в специальных научных текстах. Данный концепт представлен в виде совокупности научных знаний и гипотез о веществе «вода», возникших в результате соответствующих научных наблюдений, экспериментов, логических рассуждений и других способов научного познания свойств данного вещества. Концепт «вода» в художественных текстах обнаруживает национальную специфику осмысления целостного концептуального образа воды. В образной системе английской прозы вода предстает в облике живого активного существа, наделенного способностью совершать движения и действия, свойственные человеку или жи-

вотным: передвигаться, дышать, говорить, предавать, летать, рожать и т.п., обладает чувственными и умственными способностями (*The face of the water was covered with wild bees buzzing angrily and stinging all they found (Kipling); ...as if the waters had shuddered, giving birth to the globe of light (Conrad); "The water cannot live long", said Baloo, coming up to them (Kipling); ...listened to the talking water (Stevenson); ... the water was hissing angrily (Kipling); The foolish water is going all away, and I do not wish to break my head," said Mowgli (Kipling).*

Анализ выделенных 783 ФЕ, объективирующих концепт «вода», показал, что в образовании исследуемых ФЕ активно участвуют компоненты всех тематических групп ЛСП данного концепта. Наибольшей продуктивностью отмечаются члены тематических групп «водоемы и их части» – 28,73% (*Cross the stream where it is shallowest – переходи ручей там, где мельче*) и «характерные действия, производимые в воде» – 13,15% (*It is easy to swim if another holds up your chin – легко плыть, когда тебя поддерживают*). Это связано с особенностями географической среды проживания англичан и значимостью мореплавания в их практической деятельности. При актуализации определенных свойств и характеристик воды четко прослеживается антропоцентрический фактор: наиболее часто представлены те признаки воды, которые важны для человека и его жизнедеятельности (символ жизни, источник утоления жажды, опасная для человека среда и т.п.).

В составе исследуемых фразеологических единиц присутствуют 82 лексемы ЛСП концепта «вода», например, «current» (*Stem the current – сдерживать, противодействовать*), «rain» (*Come in when it rains – избежать неприятности*), «dive» (*He who would search for pearls must dive below – без труда нет плода*), «river» (*All rivers run into the sea – конечная точка движения, закономерность развития и завершения какого-либо процесса*), «sea» (*Between the devil and the blue sea – в безвыходном положении*), «sink» (*A small leak will sink a great ship – малая течь большой корабль ко дну пустит*), «swim» (*It is easy to swim if another holds up your chin – легко плыть, когда тебя поддерживают*), «water» (*Much water has flowed under the bridge since – много воды утекло с тех пор, как*), «wet» (*Be all wet – запутаться в собственных рассуждениях, нести вздор*) и т.п.

Самой многочисленной является группа ФЕ, в составе которых присутствует лексема «water» (*Believe that water can flow uphill – настаивать на чем-то невероятном, верить в невероят-*

ное). Общее количество фразеологизмов в данной группе – 187 ФЕ, что составляет 23,88% из общего числа исследуемых фразеологических единиц.

В 73 ФЕ (39,04% от всех выделенных нами фразеологических единиц с лексемой «water») ключевая лексема реализует свое основное номинативное значение «чистая прозрачная бесцветная жидкость без вкуса и запаха, образующая дожди, реки, озера, океаны и т.п.» (*As weak as water* – *слабенький, хилый, слабовольный, безвольный, слабохарактерный, малодушный*).

Среди вторичных значений данной лексики при формировании фразеологических единиц наиболее частотным является значение «водоем». Данное значение актуализируется в 53 ФЕ – 28,34% от всех выделенных нами фразеологических единиц с лексемой «water» (*A big ship asks deep waters* – *большому кораблю большое плавание*). В 23 ФЕ эксплицитно или имплицитно выражается тип водоема (*A waste of waters* – *водный простор, морская гладь*; *Blue water* – *открытый океан, открытое море*). Например, водяные мельницы могут быть построены только у водоема с проточной водой (*All water runs to his mill* – *ему все удается, ему исключительно везет*), мосты строятся над широкими пресными водоемами (*A lot of water has flown under the bridge since* – *много воды утекло с тех пор, как*), соленая вода также указывает на определенный тип водоема (*Salt water and absence wash away love* – *соленая вода и долгая разлука смывают любовь*). В 30 ФЕ тип водоема не дифференцируется (*Don't go near the water until you learn how to swim* – *не подходи к воде, пока не научишься плавать*).

В своем производном значении «водная поверхность» лексема «water» зафиксирована в 19 ФЕ – 10,16% (*Keep one's head above water* – *бороться с трудностями, с трудом сводить концы с концами*; *Under water* – *потерпеть крах, потерпевший неудачу в жизни, в долгах*).

В 15 фразеологических единицах (8,02%) эксплицируется производное значение ключевой лексики «течение воды» (*Draw water to one's mill* – *отстаивать свои интересы, влиять, оказывать влияние, способствовать развитию событий в определенном направлении*; *Water under the bridge* – *события, давно прошедшие и забытые*).

Употребление ключевой лексики с актуализацией значения «уровень воды» отмечено в 9 фразеологизмах – 4,81% от всех ФЕ с лексемой «water» (*Be in low water* – *быть без денег, находиться в критическом финансовом положении, в стесненных*

обстоятельствах, сидеть на мели; *High water* – высшая точка прилива, кульминационный пункт).

В рассматриваемой группе фразеологизмов также отмечаются случаи употребления ключевой лексики с актуализацией производных значений «запас воды» – 3,21% (*He who has water and peat on his own farm has the world his own way* – у кого на ферме вода и торф, тот сам себе хозяин); «алкогольные напитки» – 2,14% (*Bubbly water* – игристое вино, «шипучка», шампанское; *Strong water* – крепкие напитки); «слюни» – 1,6% (*Bring the water to somebody's mouth* – разжигать аппетит); «слезы» – 1,07% (*Turn on the waterworks* – проливать слезы, распустить нюни); «чистота, прозрачность драгоценного камня» – 0,53% (*Diamond of the first water* – бриллиант чистой воды); «парфюмерные или косметические растворы жидкой консистенции» – 0,53% (*Revolutions are not made with rosewater* – революции в перчатках не делаются).

Во фразеологических единицах, содержащих в своем составе лексику «water», основой для образного переноса служат такие свойства и характеристики воды, как: витальные признаки (*In dead water* – на мели); вкус (*Stolen waters are sweet* – запретный плод сладок; *Salt water and absence wash away love* – любовь умирает во время долгого плавания); внешнее состояние (*Be in smooth water* – преодолеть трудности, затруднения, препятствия, достичь «тихой гавани»; *Pour oil on the troubled waters* – постараться уладить сложную ситуацию); высота (*Come hell or high water* – чтобы ни случилось); глубина (*A great ship asks deep waters* – большому кораблю большое плавание); вызывающая дискомфорт (*As welcome as water in one's shoes* – как собаке пятая нога); количество (*Too much water drowned the miller* – хорошенького понемножку); легкодоступное и малоценное вещество (*Spend money like water* – тратить деньги как воду, сорить деньгами; *Shed blood like water* – лить кровь как воду); месторасположение (*Far water does not put out near fire* – далекая вода не погасит огня); наличие пены, пузырей (*Bubbly water* – игристое вино, шампанское); наличие примесей (*Revolutions are not made with rosewater* – революции в перчатках не делаются); необходимая для живых организмов среда (*Be like a fish out of water* – чувствовать себя, как рыба, вынутая из воды, быть не в своей стихии); необходимое для жизни вещество (*Bread and water* – средства к существованию, источник существования); неспособность к деформации (*Write on water* – быть преходящим, мимолетным, кратковременным); опасная стихия (*Go through fire*

and water – пройти через испытания, трудности, подвергнуться суровым испытаниям, пройти огонь и воду); плотность (*Blood is thicker than water – кровь гуще воды, кровь не вода*); происхождение (*Get water from a flint – творить чудеса*); свежесть (*Don't throw out your dirty water before you get in fresh – не выливай грязную воду, прежде чем не принесешь свежей*); связь со сверхъестественным (*Love something as the devil loves holy water – любить, как черт любит святую воду*; *Water bewitched – водичка*); сила/слабость (*As weak as water – слабенький, хилый, слабо-вольный, безвольный, слабохарактерный, малодушный*; *Strong water – крепкие напитки*); текучесть (*A lot of water has flown under the bridges since – много воды утекло с тех пор, как*); температура (*Get into hot water – попасть в беду, «влипнуть», иметь неприятности*; *Pour cold water on something – обескуражить, отбить охоту делать что-либо, охлаждать, умерять пыл, подействовать отрезвляюще на кого-либо*); физическое состояние (*Ordeal of boiling water – суровое испытание, суд божий*); функциональность (*Throw the baby out with the bath water – выплеснуть ребенка вместе с водой из ванночки*); цвет (*Blue water – открытый океан, открытое море*); ценность (*We never know the value of water till the well is dry – мы никогда не знаем цену воде, пока не высохнет колодец, что имеем – не храним, потерявши – плачем*); чистота (*Cast not the foul water till you bring in clean – не выливай грязной воды, прежде чем принесешь свежей*).

Таким образом, во фразеологических единицах с лексемой «water» актуализируются те характеристики и свойства воды, которые так или иначе связаны с человеком и его хозяйственной деятельностью. Данные ФЕ актуализируют все концептуальные признаки воды, реализующиеся в ФЕ с другими членами ЛСП концепта «вода». Народ-носитель языка эксплицирует свое восприятие воды как живой субстанции, активно взаимодействующей с окружающими ее субъектами и оказывающей воздействие на находящиеся вокруг объекты (*Fire and water are good servants, but bad masters – огонь и вода – хорошие слуги человека, но им нельзя давать воли*).

В сознании наивных носителей языка вода представлена как сложное амбивалентное понятие – вода-вещество и вода-стихия. Во фразеологизмах имеет место полярная оценка как воды-вещества, так и воды-стихии. Вода-вещество, с одной стороны, воспринимается как важная, ценная жидкость, источник жизни (*He who has water and peat on his own farm has the world his own way – у кого на ферме вода и торф, тот сам себе хозяин*); с другой

стороны, вследствие ее большого количества на британских островах, представляется как нечто легкодоступное, малоценное (*Spend money like water – тратить деньги как воду, сорить деньгами*). Вода-стихия, с одной стороны, воспринимается как непосредственный участник практической деятельности народа-носителя языка и оценивается положительно (*A big ship asks deep waters – большому кораблю большое плавание*); с другой стороны, являясь опасной стихией, имеет отрицательную оценку (*Get into deep waters – быть в горе, находиться в состоянии тревоги, находиться в тяжелом, затруднительном или опасном положении*).

Фразеологические единицы концепта «вода» отражают морально-нравственные нормы и поведенческие ориентиры английского этноса и играют важную роль в выявлении национально-культурной специфики языкового выражения этого фрагмента картины мира. В основу метафоризации положены народные представления о воде как символе духовного и нравственного очищения (*A clean hand wants no washing – честному человеку оправдываться излишне*) и ассоциации различных жизненных ситуаций с поведением народа-мореплавателя в водном пространстве (*Sail close to the wind – быть на грани между законом и беззаконием*). Народ-носитель языка использует свои знания о свойствах воды, опыт проживания в водном пространстве для характеристики и оценки поведения человека, его поступков, деятельности, психического состояния и отношения к другим людям. Во фразеологическом фонде концепта «вода» англичане зафиксировали свои этнические представления о положительных и отрицательных чертах личности человека. Посредством фразеологических единиц данного концепта создается обобщенный образ идеального англичанина – честного (*A clean hand wants no washing – честному человеку оправдываться излишне*), порядочного (*A quiet conscience sleeps in thunder – с чистой совестью и в грозу спит*), благонадежного (*Eat no fish – не соблюдать постов, не быть католиком, быть благонадежным*), самостоятельного (*Paddle one's own canoe – полагаться только на себя, на свои силы, действовать самостоятельно*), активного, патриотически настроенного (*Fight up to the last ditch – умереть, но не сдаться*), не распространяющего приватную информацию о себе и других (*Don't wash one's linen in public – не выносить сор из избы*) человека, который может помочь своим близким и способен прийти на помощь другим (*Draw dun out of the mire – помочь кому-либо в трудную минуту*). Фразеологизмы, содержащие отрицательную

оценку отдельных черт характера человека, например, жадности (*Too much water drowned the miller – жадность фараера сгубила*), малодушия (*As weak as water – слабовольный, безвольный, слабохарактерный, малодушный, не имеющий характера*), двуличия (*Make fish of one and flesh of another – относиться к людям пристрастно, неровно*), вмешательства в чужие дела (*Put one's oar into somebody's boat – вмешиваться в чужие дела*) дополняют этот образ. Будучи ключевым компонентом национальной культуры, концепт «вода» является мерилем ценностей данного этноса, отражает важнейшие категории и установки жизненной философии народа-носителя языка.

Подведем основные итоги.

1. Лингвокультурный концепт «вода» представляет собой сложное ментальное образование, в составе которого в английском языковом сознании выделяются следующие компоненты: понятийный – основной элемент концепта – жидкость, обладающая определенными качественными, функциональными, физическими и химическими характеристиками, а также совокупность производных элементов, связанных гипер-гипонимически, метонимически или метафорически с основным концептуальным элементом; образный – способность воды передавать характеристики живых существ; ценностный – положительная оценка воды как важного, жизненно необходимого вещества, источника жизни, неотъемлемой части географической среды проживания английского этноса; отрицательная оценка воды как опасной для жизни человека стихии, вещества, большое количество которого губительно для человека.

2. Ключевым (базовым) средством объективации концепта «вода» в английском языке является номинативная лексема «water». Показателями базовости данной лексемы являются принадлежность к исконной лексике английского языка, включенность в состав ядра английского языкового сознания, широкая семантическая структура, обширные синтагматические и парадигматические связи.

3. Концепт «вода» принадлежит к числу базовых в концептосфере английского языка и имеет сложную структуру, в которой выделяются ядро и периферия. Ядерный элемент задается основным значением номинативной лексемы «water» и является базой для всего концептуального содержания. Все периферийные элементы концепта задаются производными значениями ключевой лексемы и содержат прототипическое значение, которое связывает их с центром радиально или цепочечно.

4. Основными ценностными характеристиками концепта «вода», выражаемыми в английской фразеологии, являются положительная оценка воды-вещества и отрицательная оценка воды-стихии.

5. Концепт «вода» передает специфику национально-культурного мировидения английского этноса, фиксирует национальное самосознание и отражает характерологические черты данного народа как целостного этнического сообщества.

Литература

Esenova T., Badmaeva T. The concept «happiness» in Kalmyk mentality / T. Esenova, T. Badmaeva // The 5 Seoul International Altaistic conference. – Seoul: National University Press, 2002. – P. 295–299.

Бадмаева Т.И. Концепт «природа» в английской и калмыцкой лингвокультурах (к постановке вопроса) // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Материалы регион. науч. конф. Поволжья и Северо-Кавказского региона, г. Волгоград, 19–21 апреля 2004г. / Сост. Л.Г. Фомиченко, Е.А. Пелих. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2004. – С. 55–57.

Бадмаева Т.И. Концепт «природа» в калмыцкой лингвокультуре // XXXVII Международный конгресс востоковедов: тез. докл. В 3-х частях. – М., 2004. – Ч. I. – С. 19–21.

Бадмаева Т.И. Концепт «природа» в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // «Джангар» в евразийском пространстве»: Материалы междунар. науч. конференции. – Элиста, 2004. – С. 328–329.

Бадмаева Т.И. Национально-культурная специфика концепта «water» во фразеологическом аспекте // Проблемы языка и речи в современном лингвистическом пространстве: межвуз. сб. науч. ст. / Сост. Л.Г. Фомиченко, Л.А. Кочетова, С.В. Баталин. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 109–114.

Бадмаева Т.И. Лингвокультурологический аспект анализа концепта «water» // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: Материалы научной сессии факультета лингвистики и межкультурной коммуникации ВолГУ, г. Волгоград, апрель 2005 г. Вып. 3 / Сост. Н.Л. Шамне, Е.А. Пелих. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2005. – С. 71–78.

Бадмаева Т.И. К проблеме взаимосвязи языка и культуры в аспекте лингвокультурологии // «Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций». Научная конференция «Язык, культура, этнос в глобализованном мире: на стыке цивилизации и времен»: Материалы междунар. конгресса. В 2-х частях. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2005. – Ч. I. – С. 9–13.

Бадмаева Т.И. Базовые средства репрезентации концепта «вода» в английском и русском языках // Русская речь в инациональном окружении: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 3. – Элиста, 2006. – С. 18–24.

Бадмаева Т.И. Существительное «water» как базовое средство объективации концепта «вода» в английской лингвокультуре // Гегерлт (Просвещение). – 2006. – № 1–2. – С. 144–147.

Бадмаева Т.И. Национально-культурная специфика восприятия времени во фразеологическом поле концепта «вода» (на материале английского языка) // «Язык. Культура. Коммуникация»: Материалы междунар. науч. конф. В 3-х частях. – Волгоград, 2006. – Ч. II. – С. 195–200.

Бадмаева Т.И. Концепт «вода» в лексикографическом аспекте // Этнокультурная концептология: сб. науч. тр. – Вып. 1. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. – С. 38–41.

Бадмаева Т.И. Концепт «вода» в английской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 16 с.

Ван Е, Бадмаева, Т.И. Концепт «вода» во фразеологическом фонде китайского и английского языков // «Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное»: Материалы междунар. науч. конф. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. – С. 38–40.

А.И. Молоткова (Екатеринбург)

ЦВЕТOK

Лексическую единицу *цветок* можно рассматривать как концепт, так как в русском языке это слово имеет в содержании достаточно богатый культурный фон, в том числе ценностную составляющую. Описываемый нами концепт *цветок* является лексическим с точки зрения языковой реализации, вербализованным, актуальным, относится к конкретным концептам, так как обозначает конкретную предметную реалию, но при этом, обладая обобщенной семантикой, является гиперонимом, охватывающим всю совокупность конкретных видов цветов. Несомненное наличие ценностного компонента позволяет отнести исследуемый концепт к лингвокультурным концептам. Вероятно, *цветок* можно рассматривать и как художественный концепт, поскольку этот образ является одним из ключевых в поэзии.

Поэзия представляет собой особую среду, способствующую развитию смысловых приращений в семантике слов, и является своего рода концентратом символических смыслов, связываемых с концептом, поэтому мы обратились к анализу текстового содержания концепта *цветок* в поэтическом произведении. Так, нами был осуществлен, во-первых, анализ языковых и культурных при-

знаков концепта *цветок* и, во-вторых, анализ признаков, присутствующих в индивидуально-художественном сознании.

Для выделения признаков концепта *цветок* был использован предложенный З.Д. Поповой и И.А. Стерниным (Попова, Стернин 2005) метод семантико-когнитивного анализа, предполагающий переход от содержания значения слова к содержанию концепта, осуществляющийся при помощи когнитивной интерпретации. В основе этого метода лежит семантически ориентированный концептуальный анализ. Структура лексического значения представляет собой иерархическую организацию отдельных компонентов значения — сем (Апресян 1995; Стернин 1985). Сема — «семантический микрокомпонент, отражающий конкретные признаки обозначаемого словом явления» (Стернин 1985), — коррелирует с признаком концепта — единицей его структуры. Так, мы обратились к семному составу лексемы *цветок*.

Слово *цветок* в современном русском языке является многозначным, оно имеет два лексико-семантических варианта: 'растение' и 'часть растения'. Эти семемы обозначают одну и ту же реалию, однако по-разному фокусируют внимание: первое значение обозначает венчик цветка, головку и включает цветок в парадигму единиц, называющих части растения, такие как *стебель*, *листья*, *корень* и т.д., а второй лексико-семантический вариант обозначает растение целиком и вписывает его в научный, ботанический контекст, включая при этом и типичные для наивного сознания признаки. Как показал анализ, дефиниции обеих семем манифестируют семантические признаки, составляющие ядро лексического значения: 'растение', 'травянистое', 'имеющее орган размножения', 'имеющий венчик из лепестков', 'имеющий тычинки и пестик', 'обладающий ароматом', 'имеющий яркую окраску'.

Словарные толкования цветка представляют основные семантические признаки, характеризующие цветок с предметно-понятийной стороны, однако эти признаки не представляют полного набора сем в психологически реальном значении (Стернин 2005). Многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены и, наоборот, некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание (например, признак 'травянистое'), оказываются незначимыми для сознания носителей языка. Выявлению значимых для носителя языка признаков концепта способствует прототипная модель значения (Вежбицкая 1996, Михайлова 1998), включающая признаки наивного понятия и признаки, связанные с представлением о стандартном образце. Для выявления прототипических призна-

ков привлекалась информация из других источников, в частности использовались дефиниции, содержащие сему 'цветок' или другое указание на связь с ключевым словом *цветок*, а также иллюстративный материал толковых словарей, актуализирующий разнообразные семантические признаки, потенциально существующие в лексическом значении и формирующие содержание концепта *цветок*. Кроме того, использовались данные аспектных и словообразовательных словарей, а также словарей сочетаемости и эпитетов. Так была выделена вторая группа – группа прототипических признаков, наиболее значимых для сознания носителя языка и представляющих наивную картину мира: 'аромат', 'цвет', 'форма', 'красота', 'нежность'.

Однако наивная картина мира отражается не только в прототипических признаках, связываемых с представлением об идеальном образце, эталонном цветке, в ней присутствуют также и другие признаки, включенные нами в третью группу – группу признаков обыденного сознания: 'испытывает потребность в уходе', 'объект разведения', 'объект утилитарного использования', 'объект эстетического использования'.

Были также выявлены понятийные признаки, характеризующие цветок как составляющую научной картины мира, – четвертая группа признаков: 'принадлежит роду', 'принадлежит семейству', 'является органом размножения', 'имеет соцветие', 'имеет цикл развития'.

Наличие в структуре концепта *цветок* признаков разного типа свидетельствует о многосоставности исследуемого концепта, о сложности и многоаспектности его содержания. Признаки лексического значения, образующие понятийное ядро концепта, равно как и признаки, характеризующие цветок как объект научной картины мира, не обладают реальной значимостью для сознания носителей языка, представляющего наивную картину мира. Ценностная составляющая, национальная специфика, присутствующая в содержании концепта, перекликается, главным образом, с прототипическими признаками.

Помимо собственно когнитивной понятийной информации, концепт предполагает наличие ценностной, лингвокультурологической составляющей, анализу посвящена часть нашей работы. Ценностная составляющая концепта соотносится с *лексическим фоном* (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.А. Купина, О.А. Михайлова, Г.Д. Томахин и др.), то есть теми взятыми вместе непонятийными семантическими долями, «которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей

деятельности человека (Верещагин, Костомаров 2000). Лексический фон включает также ассоциации, которые «не входят непосредственно в семантику слова: они соотносимы с тем фоновым знанием, которое остается за текстом или образует экспрессивный подтекст» (Телия 1986), и стереотипные национально-культурные оценки, «обусловленные социально, сформированные на базе принятых в том или ином обществе норм, связанные с жизнедеятельностью человека» (Купина 1992).

Для выявления общекультурных смыслов, связанных с концептом *цветок*, были использованы энциклопедии эмблем, символов, знаков – литература, содержащая культурологическую информацию. Цветок предстает в качестве семиотического объекта, выступая, например, в качестве единицы языка цветов. Эта способность цветка связана с многообразием конкретных видов цветов, различающихся формой, размером, цветом, ароматом.

Говоря о культурном фоне как о своеобразной «базе данных», содержащей признаки концепта *цветок*, мы ограничиваемся материалами, эксплицирующими параметры именно русской культуры (и в некоторой степени культуры европейской, во многом обусловившей развитие отечественного историко-культурного процесса). Для русского сознания значимым оказывается скромный полевой цветок – именно реакция *полевой* приводится в Русском ассоциативном словаре в качестве первой, наиболее частотной для стимула *цветок*. Можно сказать, что для русского концепта *цветок* значимыми оказываются культурные признаки 'скромность', 'наивность'.

Также для русского национального сознания важным оказывается время цветения, соотносимое с земледельческим календарем: благоприятное время для посева определенных растений связывается с временем цветения других. Периодичность, присущая жизни цветка, находит отражение и в культурном фоне, оформляясь в виде признака 'фазисность'.

Красотой и приятным ароматом цветка объясняется, очевидно, и то, что цветок часто является атрибутом праздника. Можно сказать, что концепт *цветок* вписывается в качестве детали в некоторые *сценарные концепты* (Бабушкин 1996). Так, цветы связаны с разными торжественными событиями (рождение, свидание, свадьба, именины, концерт, встреча, похороны и др.), в которых используются в качестве подарка, приятного знака внимания.

Существенными для культуры оказываются некоторые языковые признаки концепта: 'красота', 'аромат', 'форма', 'цвет', – обогащающиеся новыми смыслами в культурном осмыслении.

В ряду культурных признаков выделяются также и другие: 'связанный с любовной сферой', 'являющийся частью природы', 'связанный с небесным миром', 'весна, начало' 'богатство, изобилие', 'пассивность', 'недолговечность', 'цветок – символ', 'цветок – звезда', 'хрупкость', 'женственность', 'обладает внутренней энергией', 'душа, внутренний мир', 'антропоморфность', 'полезный'.

Все признаки концепта *цветок* образуют своего рода сеть: каждый признак оказывается связанным с другим и подкрепляется им в своих конкретных реализациях. Через ядерный признак 'красота' цветок последовательно связывается с красноречием (красивой речью), а также с женственностью, характеризующейся помимо признака 'красота' пассивностью, хрупкостью, нежностью, слабостью и т.д., – все эти признаки также входят в концепт *цветок*. Через ассоциацию с женственностью, а также в связи с красотой растения, происходит включение цветка в любовную сферу. Вообще, любовная сфера оказывается наиболее тесно связанной с символикой цветка. Во многом это обусловлено наличием языка цветов, использовавшегося людьми преимущественно для завуалированного выражения чувств: многообразие конкретных видов цветов, их цвет, форма, количество, стадия развития (бутон или распустившийся цветок) – все это наделялось определенными смыслами, накладывающимися друг на друга и образующими сообщение. Включенность цветка в контекст ситуации праздника, возможность цветка быть знаком внимания также связаны с языком цветов, хотя в первую очередь обусловлены красотой и приятным ароматом цветка.

Удовольствие, доставляемое человеку цветком, выражается в признаке 'богатство, изобилие', биологическая недолговечность цветка, фиксируемая в признаке 'существует ограниченное время', отражающем цикличность жизни растения (расцвет – цветение – увядание), переносится на свойства человеческой жизни и наделяется трагическим содержанием (значения хрупкости, мимолетности жизни).

Текстовое воплощение концепта изучается когнитивно-стилистическим направлением анализа художественного текста (Н.С. Болотнова, И.А. Пушкарева, С.М. Карпенко, Н.Г. Петрова и др.). Это направление не является однородным и включает в себя работы, выполненные на стыке когнитивной лингвистики, лингвопрагматики и разных направлений стилистики: функциональ-

ной, структурной, коммуникативной. Общим для них является «интерес к концептуальной картине мира личности, «стоящей» за текстом, в соотносительности со смысловой структурой текста; внимание к отдельным концептам и формам их репрезентации в текстах разных стилей» (Болотнова 2004).

Оригинальность и своеобразие использования концепта, в том числе и концепта *цветок*, в произведениях художников слова во многом определяются индивидуально-личностными параметрами их творчества, своеобразием таланта, особенностями реального жизненного опыта и другими факторами.

Лексема *цветок* появляется у И.Бунина в собственно пейзажных стихотворениях, изображающих реальные картины природы, окружающую действительность. Так реализуется признак концепта *цветок* – ‘растение’, обозначающий родовую принадлежность цветка к миру растений. Образ цветка у И.Бунина часто близок к цветку реальному, биологическому, в нем проявляются натуральные, природные свойства растения: ограниченность временем цветения, особенности цветения, место цветения, способность открывать и закрывать бутон в определенное время суток и т.д.

Смысловые наращивания в содержании концепта *цветок* прослеживаются большей частью в стихах философского содержания. В таких контекстах лексема *цветок* манифестирует прежде всего образную параллель земное/небесное, имеющую также пространственные оппозиционные характеристики: разделение на верх и низ. Включение цветка в эту оппозицию во многом перекликается с культурным видением его образа, соотносимого то с вечным и небесным, то с хрупким, преходящим и земным. Небесный мир связывается с невидимой, но реальной духовностью, с вечной жизнью, а мир земной – с материей, смертью. Концепт *цветок* включает признаки небесного и земного. Таким признаком, в частности, является один из важнейших для русского сознания признаков концепта *цветок* ‘красота’, понимаемая и как свойство земной материи, и как таинственная принадлежность мира небесного, его знак. (*Как будто все, что было и прошло, / Уже познало радость воскресения / И в лоне всепрощения, забвенья / Небесными цветами поросло*). И если в последнем случае она идеальна и абсолютна, то в первом – трагична, так как всему земному неизбежно положен предел, конец, знаменующийся распадом и исчезновением (*Погляди, возлюбленное чадо, / Как земля цвела и красовалась. / Да недолог век земным утехам: / В мире смерть, она и жизнь правит.*). Таинственным, мистическим, небесным смыслом наполняются и некоторые земные

проявления цветка, например, его вырастание из недр земли, что свидетельствует об обожествлении земного (*Цветут цветы. Мы не поймем их роста / Из заповедных недр, из сонной глубины*).

Действительно, мир земной и мир небесный не существуют изолированно ни в реальности, ни в культурном пространстве, ни в творчестве Бунина-поэта; часто именно цветок знаменует собой связь этих миров, что отражается, например, в использовании цветка в качестве элемента храмовой и погребальной символики. Надгробные цветы в поэзии И. Бунина ассоциируются с памятью об усопшем и выражением почтения ему.

Закрепленное в культуре свойство концепта *цветок* участвовать в некоторых сценариях проявляется и в творчестве поэта: так, цветы являются принадлежностью венчального убора и символизируют память о дне соединения супругов, являются свидетельством любви и ее ценности в жизни человека.

Цветок является также выразителем невинности, косвенно связанной с оппозицией земное/небесное через идею редукции материального в пользу духовного, и, напротив, со страстью и сладостью любви. Эти смыслы являются традиционными для русской культуры в целом, такая культурная преемственность во многом связана с общей эстетической установкой И. Бунина, ориентированностью на культурную «прапамять» (И. Мальцев). Подобная традиционность проявляется в образе весеннего цветка, метафорически связываемого с началом, расцветом, юностью.

Признак 'аромат' получает многостороннее развитие в творческом мире поэта, связываясь с разнообразными ситуациями и выражая как позитивные, так и негативные смыслы.

Особая роль, отводимая русской культурой простому, скромному полевому цветку, отражается и в произведениях И. Бунина. Красота скромности и кротости – душевных качеств, оцениваемых позитивно в христианской культуре, – ассоциируется в поэзии И. Бунина с невзрачным цветком. Вообще, связь образа цветка и внутреннего мира человека, его души, характерна для многих бунинских произведений.

'Пассивность', 'хрупкость', 'потребность в уходе' – важные признаки концепта *цветок* – имеют разнообразные модификации в текстах И. Бунина. Цветок, благодаря наличию этих признаков, связывается с образами хрупких начал и беззащитных существ: возлюбленной, ребенка, сердечного чувства влюбленной девушки (*Усни, усни, дитя любимое, / Цветок, свернувший лепестки; Но молчишь ты, слаба, как цветок; "Любит – не любит..." Но просит / Сердце любви, как цветок*).

Эстетическое пространство символизма, сменившее ориентированный на гармоничное восприятие мира реализм, открыло целый ряд модернистских течений, каждое из которых по-своему выражало ощущение хаоса, надвигающегося кризиса. Доминирующая формула реальной жизни у Ф. Сологуба – «ложь и зло» – повторяется в его стихах как главная, основная тема, присутствует как второстепенный мотив, а также проявляется в отдельных словах, словосочетаниях, эпитетах, образах. Символистское сознание, в том числе и художественное сознание Ф. Сологуба, принципиально дуалистично, центральную оппозицию сологубовского двоемирия образует онтологическое противопоставление двух начал: идеального Иного и материального земного. За сферой земного и небесного у Сологуба закреплены специфические художественные смыслы. Мир земной для Сологуба – зло, тюрьма, место, где страдают плененные души; небесный мир прекращен, именно к небесному устремлены все стремления несчастного человека.

Как и в творчестве И. Бунина, в поэзии Ф. Сологуба цветок связывается со смыслами образной параллели земное/небесное, но трактуется при этом несколько иначе: если у Бунина небесное – христианская духовность, то у Сологуба – мистическое Иное, земное у Бунина – природа, у Сологуба – серость обыденности, жестокость мира действительности. Концепт *цветок* маркирует оба члена названной параллели и у Сологуба, и у Бунина.

В образе цветка, являющегося принадлежностью небесного мира, актуализируются разнообразные признаки концепта *цветок*. Так, признаки 'красота', 'аромат', 'цвет', 'хрупкость, недолговечность' обуславливают возможность цветка быть частью небесного мира, иметь таинственный, мистический смысл. Символизм в большей степени, нежели другие течения «серебряного века», уделяет внимание красоте и аромату как особым иррациональным способам генерализации свойств объекта. Признак 'форма' также становится основой для осмысления цветка в качестве принадлежности небесного мира: бутон-чаша ассоциируется с кадильцем – предметом богослужения, аромат цветка подобно фимиаму источается из этой чаши. Раскрытие бутона цветка связывается в лирике Сологуба с проявлением скрытых, потаенных возможностей человека, осуществляющихся, как правило, в «полуночный час». Ночь как особое время для проявления иррациональных свойств души и, соответственно, особого познания мира поддерживается образом ночных цветов, распускающих лепестки не днем, при солнечном свете, как большинство растений,

а ночью, в темноте. Центральная категория мечты, символизирующая порыв и особую возможность выхода души к небесному миру, также связывается с образом цветка, однако в образной параллели цветок/душа доминирующими становятся признаки 'нежность, хрупкость', 'недолговечность'. Эта параллель приводит к появлению принципиально непохожего на традиционный образа видения цветка – цветка хилого, чахлого, слабого, бледного, унылого.

В стихах Сологуба часто изображается разного рода деструкция цветка:

- деструкция формы (*помятый цветок, сломанный цветок, измятый цветок, потоптанный толпой цветок, растоптанный цветок, поникший цветок*)
- деструкция цвета (*поблекший цветок, бледный цветок*)
- деструкция свежести (*поникший цветок, увядший цветок, зноем сгубленный цветок*).

Такие определения связаны с особенным пониманием человеческой души в символизме, со своеобразным видением ее места и предназначения в мироздании: душа страдает, томится в клетки мира, а цветок разделяет участь человека и символизирует ее. Ф. Сологуб рисует трагическую невозможность гармоничного существования земного и небесного: красоте, воплощенной в образе цветка, противопоставляется гибель, страдание, насилие.

В содержании концепта *цветок* как маркере земного мира также проявляются индивидуально-авторские смысловые наращивания. Идентифицирующий признак 'растение' вписывает цветок в растительный земной мир, в целом мыслимый Сологубом в негативном смысле. Однако красота земного цветка порождает образную параллель 'цветок – благо, ценность': именно цветок является для сологубовского лирического героя земной отрадой (*Хоть на минуты малые / Пойми, что есть цветы, / Просторы, зори алые / И радость красоты*). Связывается цветок и с идеей начала, весны (*На свете много благоуханной и озаренной земной красы. / Забава детям, отрада женам – весенне-белые цветы*).

Признак 'красота' обуславливает связь концепта с любовной сферой: красота цветка ассоциируется с женской красотой и со всей приятной обстановкой, сопровождающей ситуацию любовного свидания. Сладкий аромат бутона также напоминает о сладости любовных утех. Образная параллель *цветок/любовь* по сути амбивалентна: образ цветка развивает оппозиционные смыслы невинности/греховности, связывающиеся с ним. И если значе-

ние чистоты и невинности традиционно присуще цветку, то значение порочности является специфической символистской находкой.

Цветок у Ф. Сологуба является также носителем некоего высшего знания, своеобразным медиумом между мирами: верхним и нижним, – носящим знаки прекрасного, приметы Иного на земле, передающим знание о мистическом мире и воздействующим на человека своим таинственным ароматом.

Акмеизм часто называют неореализмом или неоклассицизмом, что верно отражает его ориентированность на гармонизацию художественных форм, характерную для классических стилей, противопоставленных стилям модернистским. Однако при этом акмеизм наряду с символизмом принадлежит к модернистскому типу культуры. Акмеисты также ощущали одиночество человека в мире, богооставленность (отсюда дух индивидуализма), близость катастрофы и хаоса. Отказавшись от основных положений эстетики символизма (поиска смысла в Ином мире, ориентированности на бессознательное познание через особое знаковое творчество), акмеисты сохранили интеллектуальную установку на культурологическое обобщение.

Существенная часть смыслов, связанных с лексемой *цветок* у О. Мандельштама, также может быть представлена в рамках образной параллели земного и небесного миров: акмеизм не существовал изолированно от других течений поэзии Серебряного века, но примирял тезис реализма и антитезис символизма, синтезируя их достижения.

Совмещение в одном слове нескольких значений одновременно характерно для любого поэтического текста, а для поэтики Мандельштама многозначность – это особое, отличительное свойство.

Лексема *цветок* встречается всего в трех стихотворениях О. Мандельштама, употребляются преимущественно дериваты с корнем *-цвет-*, в частности, глагол *цвети*.

Концепт *цветок* в творчестве О. Мандельштама также связывается с оппозиций земное/небесное: вопросы жизни и смерти, подлинного и мнимого, материального и духовного, включенные в рамки этой оппозиции, не могут остаться вне поля зрения художника. Так, в одном из стихотворений О. Мандельштама появляется образ *бессмертных цветов*, символизирующих вечные ценности (любовь, красоту, творчество): *Цветы бессмертны, небо целокупно. / И то, что будет – только обещание.*

В поэзии О. Мандельштама получают смысловые наращения концептуальные признаки 'фазисность', 'красота', 'потребность в уходе', 'хрупкость, нежность', 'пассивность' и развиваются образные параллели: цветок – весна, цветок – расцвет человеческой жизни, цветок – недолговечность, цветок – человеческое тело.

Признак концепта *цветок* 'изобилие' проявляется в образе цветущих городов, а признак 'ценность' – в образе идеального дома благополучия.

Неожиданное переосмысление в творчестве О. Мандельштама получает признак 'аромат': он представлен как нечто агрессивное, сильное, что противоречит принятому традиционному образу цветка как слабого, пассивного существа.

С футуризмом в первую очередь принято связывать эстетический бунт как против всех известных типов культур, современных ему (реализм, символизм, акмеизм), так и против предшествовавшего ему культурного опыта.

Образ в поэтической системе В. Хлебникова строится на основе противоречий, противопоставлений, на сочетании несочетаемых слов, изменяющих в корне традиционный принцип лексической и грамматической согласованности, стилистической однородности в языке. Для В. Хлебникова характерно небывалое сочетание архаичной и общеславянской лексики с народной речью, вульгаризмов с поэтизмами, жаргонизмов со словами высокого стиля.

Центральная, хотя и по-разному воспринимаемая поэтами, оппозиция земного и небесного миров не представляется значимой для творчества В. Хлебникова. Ослабленность этой смысловой линии связана и со спецификой понимания мироустройства В. Хлебниковым: если художественное пространство творчества И. Бунина и О. Мандельштама согласуется с законами христианского миропонимания, а эстетика Ф. Сологуба вписана в специфически символистский дуалистический мир (Иное/Земное), то В. Хлебников мыслит прежде всего категориями зримого, материального мира, не отводя особо значимого места для сферы небесного. Духовность у Хлебникова трактуется в философском, но не в мистическом и не в религиозном ключе.

В целом, у В.Хлебникова заметна тенденция к нестандартному видению цветка, наблюдается значительная трансформация концептуальных признаков: цветы непривычным способом олицетворяются (*Цветы вели бои, воздушные бои пылью / Сражались пальбою пушечных запахов. / Битвами запаха бились цветы, / Летали душистые пули*). Так, в образе цветка появляются

черты активности и агрессивности, противоположные традиционным хрупкости и пассивности.

В стихотворениях В. Хлебникова получают смысловые приращения следующие признаки: 'красота', 'хрупкость', 'аромат', биологическое 'строения'. Образ *красного цветка* становится доминирующим в творчестве В. Хлебникова. Красный цвет бутона ассоциируется и с кровью, и с огнем, и с мудростью.

Концепт *цветок* в творчестве В. Хлебникова встраивается в образные параллели с *жизнью, мудростью, огнем, душой, молитвой, любимым человеком, объектом любви, творчеством*.

Нестандартность, нетрадиционность, нарочитая алогичность построения образа *цветка* не дает возможности вычленивть в стихотворения Хлебникова центральный смысл, собирающий вокруг себя периферийные смыслы, однако сама полиморфность мышления, проявляющаяся и в построении образа *цветка*, может быть осознана как своего рода смысловое ядро текстового концепта *цветок*.

Итак, многослойность структуры концепта обуславливает многоплановость его содержания, все слои содержат важную для содержания всего концепта информацию, каждый слой представлен признаками, значимыми для определенного аспекта рассмотрения концепта.

Структура концепта включает ядро, представленное языковой семантикой слов, репрезентирующих концепт. Это ядро составляет понятийный слой концепта, в котором хранятся важные знания об объекте. Базовую информацию о цветке содержит идентифицирующий признак 'растение', определяющий родовую принадлежность цветка к растительному миру. Существенным для сознания носителей языка оказывается наличие венчика, именно этот признак образует второе значение лексемы *цветок*. Однако, как показало наше исследование, существенная часть признаков, составляющих понятийное ядро, оказывается не значимой с позиций культурного осмысления концепта: например, признаки 'травянистое' и 'имеющее пестик и тычинки' не получают смысловых приращений ни в русской культуре, ни в поэтической речи представителей Серебряного века.

Важными для концепта становятся прототипические признаки 'цвет', 'форма', 'венчик', 'отличается нежностью', 'обладает красотой', 'обладает ароматом' – именно они становятся той основой, на которой происходит расширение набора признаков в ассоциативном слое концепта. Культурный фон, стоящий за словом *цветок*, включает признаки, имеющие ценностную составляющую –

то, что представляет нравственную и эстетическую ценность для человека (красота, приятный запах, нежность, весна, молодость, хрупкость и т.д.).

В интерпретационном поле концепта *цветок* не появляются новые признаки, а наблюдается трансформация, модификация общеизвестных системно-языковых и ассоциативно-культурных смыслов, неизбежная при вхождении концепта в художественный мир поэтической индивидуальности. Так, например, языковой признак 'аромат' проявляется и в культурном фоне, и в интерпретационном поле концепта. Однако его содержание по-разному осмысливается в названных зонах: если для языкового сознания важно само наличие приятного запаха, то в культурном фоне актуализируется его приятность для человека, а интерпретационное поле демонстрирует разнообразие содержательного наполнения данного признака. Для Бунина-реалиста важно воздействие аромата на человек, вызывающее ряд определенных ассоциаций (с любовной сферой, молодостью, весной); символист Ф.Сологуб осмысливает запах цветка как некую иррациональную сущность, помогающую проникнуть в сферу Иного; акмеистская ориентация О.Мандельштама обуславливает импрессионистический подход к аромату; футурист Ф.Хлебников создает на основе названного признака образ цветочного боя, гипертрофируя способность цветка источать аромат и разлагая запах на видимые единицы – «пули обоняния».

Наиболее плодотворными в плане приращения смысла в творчестве поэтов Серебряного века становятся такие языковые и культурные признаки концепта *цветок*: 'красота', 'аромат', 'цвет', 'форма', 'фазисность', 'пассивность', 'хрупкость', 'нежность' – на их основе появляются авторские художественные интерпретации концепта. Культурно-фоновые признаки оппозитивны: приятный аромат и, в целом, ценности цветка для человека – с одной стороны и нежность, хрупкость, недолговечность растения, выражающие идею трагичности земного существования – с другой. Эта оппозиция проявляется интерпретационном слое, она становится центральной для творчества поэтов всех четырех направлений Серебряного века, выражаясь в образных параллелях земного / небесного, включающих мотивы красоты / тленности, смертности / бессмертности, духовности / материальности, истинности / ложности и т.д., осмысляемые поэтами с позиции индивидуально-творческих и направленческих установок.

В сфере взаимоотношения индивидуально-творческого и культурного следует отметить следующее: творческий акт принципи-

ально двунаправлен, так как, с одной стороны, поэты разных направлений при создании поэтических образов опираются на языковые и культурные значения, с другой, поскольку лирические произведения также являются частью культуры, – привносят свое творческое понимание концепта *цветок*, обогащая пространство русской культуры

Ментальное образование, представленное в русском языке лексемой *цветок* является концептом, так как его содержание определенно содержит важную ценностную составляющую, имеет богатый культурный фон. В русской национальной картине мира концепт *цветок* связывается с основополагающими для человека категориями жизни, смерти, любви, красоты.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т 1. Лексическая семантика. М., 1995
Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.

Болотнова Н.С. Когнитивное направление в лингвистическом исследовании художественного текста // Поэтическая картина мира. Слово и концепт в лирике серебряного века. Томск, 2004.

Васильева А.И. Цветы в поэзии серебряного века: инвенции и рецепции направлений // Дергачевские чтения-2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 2004. – С. 233-235.

Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логозписемы. Дом бытия языка. М., 2000.

Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике. Екатеринбург, 1998.

Михайлова О.А., Молоткова А. И. Цветы в поэзии символистов // Проблемы интерпретационной лингвистики: Интерпретаторы и типы интерпретации. Межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск: Изд-во Новосибирск. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 241-250.

Молоткова А.И. Авторская интерпретация концепта *роза* в творчестве поэтов “серебряного века” как проявление направленных ориентаций // Проблема автора. — Курган: Изд-во Курганск. гос. ун-та, 2003. – С. 124-131.

Молоткова А.И. Метафорические субституты «цветка» в поэзии И.Бунина // Уральские лингвистические чтения – 2005. №8. Актуальные проблемы лингвистики. Материалы ежегодной науч. конф. 1-3 февраля 2005 года. — Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2005. – С. 77.

Молоткова А.И. Общекультурные и индивидуально-поэтические смысловые планы в концепте «цветы» у Велимира Хлебникова // *Linguistica Juvenis*. Вып.5. Дискурс и текст. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. пед. ун-та, 2005. – С. 185-193.

Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // *Антология концептов*. Т.1. Волгоград, 2005.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Антология концептов
Том 4
Научное издание

Подписано к печати 07.11.06. Формат 60x84x16.
Печать офс. Бум. офс. Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд.л. 21,3.
Тираж 200 экз. Заказ 321.

Издательство «Парадигма»
400006, Волгоград, ул. Дегтярева, 24.
Типография «Светокопия»
400001, Волгоград, ул. Академическая, 22